

XBO
+Lery
S

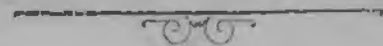
UNIVERSITY
OF OTAGO
LIBRARY

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

СОЧИНЕНІЯ
М. Ю. Лермонтова

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
ВЪ ОДНОМЪ ТОМЪ.

Подъ редакціей П. В. Смирновскаго
и составленнымъ имъ же біографическимъ очеркомъ Лермонтова, съ
его портретомъ и съ оригинальными иллюстраціями.

Изданіе пятое

Цѣна 1 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 60 к.

Изданіе книгоиздательницы А. С. ПАНАФИДИНОЙ Москва, Покровка, Лядный пер.,
собственный домъ.
1912 г.

Первый мой знакомый
"Солнечный" по его рецензии
на палатки о криво-криво
набуженее муче

ОГЛАВЛЕНИЕ 30-го декабря
1912.

Биография М. Ю. Лермонтова.

Михаил Юрьевич Лермонтов П. Смирновского.	Стр.
I. Предки Лермонтова	I
II. Детство и первая юность	III
III. Лермонтов в Московском университете	XIV
IV. Два года в школе гвардейских кавалеристов	XX
V. Время до первой ссылки	XXV
VI. От первой ссылки до второй	XXXI
VII. Последнее время жизни Лермонтова	XXXVII

Мелкие сочинения.

Осень (1828)	I
Заключение Рундмана (1828)	—
Письма (1828)	—
Переводы из Шиллера (1829)	2
Эпиграм (1829)	3
Къ *** (1829)	6
Къ . . . (1829)	—
Молодость (1829)	—
Мелетех (1829)	—
Посвящение NN (1829)	7
Пирь (1829)	—
Къ друзьям (1829)	—
Къ П. . . (1829)	8
Къ Дурову (1829)	—
Эпиграмма (1829)	—
Мадригалы (1829)	—
Къ сестре рожденной NN (1829)	—
Романсы (1829)	—
Портреты (1829)	9
Къ Геню (1829)	10
Посвящение (1829)	11
Письма (1829)	12
Война (1829)	13
Русская мелодия (1829)	—
Песня (1829)	14
Къ А. С. (1829)	—
Романсы (1829)	—
Къ Сабурову (1829)	—
Эпиграммы (1829)	15
Къ юн. Петр. Грушникову (1829)	—
Пись (1829)	—
Жалобы турка (1829)	16
Къ NN (1829)	—
Черешенка (1829)	—
Отвѣтъ (1829)	17
Два сокола (1829)	—
Грузинские письма (1829)	—
Мой демонъ (1829)	18
Жена слуга (1829)	—
Къ другу (1829)	19
Портреты (1830)	—
К. Д. (1830)	20
Письма (1830)	—

Къ Петру (1830)	Стр.
Силуэты (1830)	21
Портреты Московскихъ знакомыхъ (1830)	22
Сказки (1830)	23
Промансы (1830)	24
Къ . . . (1830)	25
Романсы (1830)	26
Предсказания (1830)	—
Had we never loved no more (1830)	27
Эпитафия (1830)	—
Кавказъ (1830)	28
Къ . . . (1830)	—
Опасение (1830)	—
Стансы (1830)	29
Н. Ф. Н.	—
Пись I (1830)	30
Письма (1830)	—
Пись II (1830)	—
Пись III (1830)	31
Пись IV (1830)	32
Пись V (1830)	33
Пись VI (1830)	34
Пись VII (1830)	35
Пись VIII (1830)	36
Пись IX (1830)	37
Пись X (1830)	38
Пись XI (1830)	39
Пись XII (1830)	40
Пись XIII (1830)	41
Пись XIV (1830)	42
Пись XV (1830)	43
Пись XVI (1830)	44
Пись XVII (1830)	45
Пись XVIII (1830)	46
Пись XIX (1830)	47
Пись XX (1830)	48
Пись XXI (1830)	49
Пись XXII (1830)	50
Пись XXIII (1830)	51
Пись XXIV (1830)	52
Пись XXV (1830)	53
Пись XXVI (1830)	54
Пись XXVII (1830)	55
Пись XXVIII (1830)	56
Пись XXIX (1830)	57
Пись XXX (1830)	58
Пись XXXI (1830)	59
Пись XXXII (1830)	60
Пись XXXIII (1830)	61
Пись XXXIV (1830)	62
Пись XXXV (1830)	63
Пись XXXVI (1830)	64
Пись XXXVII (1830)	65
Пись XXXVIII (1830)	66
Пись XXXIX (1830)	67
Пись XL (1830)	68
Пись XLI (1830)	69
Пись XLII (1830)	70
Пись XLIII (1830)	71
Пись XLIV (1830)	72
Пись XLV (1830)	73
Пись XLVI (1830)	74
Пись XLVII (1830)	75
Пись XLVIII (1830)	76
Пись XLIX (1830)	77
Пись L (1830)	78
Пись LI (1830)	79
Пись LII (1830)	80
Пись LIII (1830)	81
Пись LIV (1830)	82
Пись LV (1830)	83
Пись LVI (1830)	84
Пись LVII (1830)	85
Пись LVIII (1830)	86
Пись LIX (1830)	87
Пись LX (1830)	88
Пись LXI (1830)	89
Пись LXII (1830)	90
Пись LXIII (1830)	91
Пись LXIV (1830)	92
Пись LXV (1830)	93
Пись LXVI (1830)	94
Пись LXVII (1830)	95
Пись LXVIII (1830)	96
Пись LXIX (1830)	97
Пись LXX (1830)	98
Пись LXXI (1830)	99
Пись LXXII (1830)	100

UNIVERSITY
OF OTAGO
LIBRARY

UNIVERSITY OF OTAGO LIBRARY
3 0020 09925454 4

Стр.	Стр.
57	Къ *** (1831) . . . . .
59	Сосѣдъ (1831) . . . . .
—	Стансы (1831) . . . . .
—	Мой Демонъ (1831) . . . . .
—	Ромашъ (1831) . . . . .
60	Сопетъ (1831) . . . . .
—	Къ * (1831) . . . . .
—	Къ * (1831) . . . . .
61	Морякъ (1832) . . . . .
—	Малена (1832) . . . . .
62	Вой (1832) . . . . .
—	Тростиникъ (1832) . . . . .
63	Толпѣ (1832) . . . . .
64	Къ * (1832) . . . . .
65	Къ * (1832) . . . . .
—	Къ * (1832) . . . . .
—	Выллада (1832) . . . . .
66	Гусаръ (1832) . . . . .
67	На прощаніе (1832) . . . . .
68	(Новгородъ) (1832) . . . . .
—	Два великая (1832) . . . . .
69	Парусъ (1832) . . . . .
—	Юнкерская молитва (1832—1834) . . . . .
—	А. А. Н. . . . .
70	Русалка (1836) . . . . .
—	Взрѣвая молодія (1836) . . . . .
—	Въ альбомъ (1836) . . . . .
71	Умирующій глadiatorъ (1836) . . . . .
—	Къ портрету стараго гусара (1836) . . . . .
—	Къ Ник. Ив. Вухарову (1836) . . . . .
—	(Эпиграмма на Кукольника) (1836) . . . . .
—	Вѣтка Палестины (1836) . . . . .
—	На смерть поэта (1837) . . . . .
74	Узникъ (1837) . . . . .
75	Желаніе (1837) . . . . .
76	Сосѣдъ (1837) . . . . .
77	Бородино (1837) . . . . .
—	Молитва странника (1837) . . . . .
78	Гусару-поэту (1837) . . . . .
—	Ребенку (1837) . . . . .
—	Казбеку (1837) . . . . .
79	Князь (1837) . . . . .
—	Поэтъ (1838) . . . . .
—	Дума (1838) . . . . .
80	Къ М. Н. Щейлеру (1838) . . . . .
81	На вѣрѣ себя (1839) . . . . .
—	Три пальца (1839) . . . . .
—	Молитва (1839) . . . . .
82	Дары Терека (1839) . . . . .
—	Памяти (1839) . . . . .
83	(Казать) (1839) . . . . .
—	Къ Гр. Эм. Кар. Мусиной-Пушкиной (1839) . . . . .
84	(На рожденіе сына у А. А. Пушкина) (1839) . . . . .
85	Первое января (1840) . . . . .
86	Казачья колыбельная пѣсня (1840) . . . . .
87	Журналистъ, читатель и писатель (1840) . . . . .
88	Воздушный корабль (1840) . . . . .
89	И скучно, и грустно (1840) . . . . .
90	Ребенку (1840) . . . . .
—	Отчего (1840) . . . . .
91	Благодарность (1840) . . . . .
—	Изъ Гѣты (1840) . . . . .
92	Къ Марѣ Алексѣев. Щербачевой (1840) . . . . .
93	Марѣ Павловнѣ Соколицкой (1840) . . . . .
—	Портретъ свѣтской женщины (1840) . . . . .
94	Графинѣ Растопчиной (1840) . . . . .
—	Александръ Осиповичъ Смирновъ (1840) . . . . .
—	Изъ альбома (1840) . . . . .
—	Въ альбомъ автору „Курдюковой“ (1840) . . . . .
96	Тучи (1840) . . . . .

Стр.	Стр.
143	Сосна (1840) . . . . .
—	Любовь мертвеца (1840) . . . . .
144	Справданіе (1841) . . . . .
—	Послѣднее поселеніе (1841) . . . . .
140	Сосѣдъ (1841) . . . . .
—	Плѣнный рыцарь (1841) . . . . .
147	Договоръ (1841) . . . . .
—	Волшебные звуки (1841) . . . . .
149	Забытіе (1841) . . . . .
—	Видъ горъ изъ степей Козлова (1841) . . . . .
140	(Анг. Григорьевичъ Хомутовъ) (1841) . . . . .
—	Отъизва (1841) . . . . .
152	(Осипу Ив. Сенковскому) (1841) . . . . .
—	Смерть (1841) . . . . .
154	Сонъ (1841) . . . . .
—	Утѣсь (1841) . . . . .
155	(Изъ Гейне) (1841) . . . . .
—	Тамара (1841) . . . . .
150	Свиданіе (1841) . . . . .
159	Морская царевна (1841) . . . . .
169	Пророкъ (1841) . . . . .
—	Н. П. Верзилиной (1841) . . . . .

Поэмы.

Стр.	Стр.
161	Камышовый цыганскій (1828) . . . . .
171	Керсаръ (1828) . . . . .
179	Черкесы (1828) . . . . .
185	Два брата (1829) . . . . .
—	Азраиль (1829) . . . . .
190	Проступившій (1829) . . . . .
195	Олоотъ (1829) . . . . .
197	Исповѣдь (1829—1830) . . . . .
200	Лагуло (1830) . . . . .
211	Литвинка (1830—1831) . . . . .
210	Ангель Смерти (1831) . . . . .
220	Аула Бастунджи (1831—1832) . . . . .
243	Исмаиль Ней (1832) . . . . .

Проза.

Стр.	Стр.
250	Горбунъ-Вадимъ (1831—1832) . . . . .
255	Кантинъ Лигонский (1830) . . . . .
261	Герой нашего времени (1839—1841) . . . . .
269	Амилъ-Беринъ (1838—1841) . . . . .
277	Два неосуществленныя повѣсти (1841) . . . . .

Драматическія произведенія.

Стр.	Стр.
280	Maneschen und Leidenschaft (1841) . . . . .
243	Страшный чепчикъ (1831) . . . . .
1901	Два брата (1830) . . . . .
1031	Пѣсня М. В. Термостова . . . . .

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

М. Лермонтовъ

I. Предки Лермонтова.

Лермонтовъ велъ свой родъ отъ старинной шотландской фамилии Лермонтъ, которая, по преданію, восходитъ къ XI вѣку. „Въ это время“ — пишетъ Висковатый въ своей біографіи Лермонтова — „Лермонты или уже находились въ Шотландіи, или, вѣрнѣе, пришли туда изъ Англіи вмѣстѣ съ Королемъ Малькольмомъ. Малькольмъ, какъ гласятъ древнія хроникѣ, бывалъ въ Англію, когда отецъ его Дунканъ былъ умерщвленъ Макбетомъ. Тамъ онъ собралъ вокругъ себя бѣгавшихъ изъ Шотландіи таовъ и, получивъ помощь отъ англійскаго короля Эдварда, двинулся противъ узурпатора. Побѣдивъ Макбета, павшаго въ сраженіи отъ руки Макдуффа, Малькольмъ въ 1061 г. короновался въ Сканъ, а затѣмъ созвать парламентъ въ Форферъ... Здѣсь-то Малькольмъ возвратилъ приверженцамъ своимъ земли, отнятыя отъ нихъ Макбетомъ, а приплецовъ изъ Франціи, Англіи и другихъ странъ, присоединившихся къ нему; одарилъ владѣніями. Онъ возводилъ ихъ въ графское, баронское или рыцарское достоинство, и многіе стали затѣмъ именовать по имени полученныхъ помѣстій. Такимъ образомъ тогда появилось много новыхъ шотландскихъ фамилій. Между одаренными приверженцами Малькольма упоминается и Лермонтъ. Лермонтъ получилъ помѣстье Рарси (Rairsie), и нынѣ входящее въ графствѣ Файфъ въ Шотландіи, но уже не въ рукахъ фамиліи Лермонтовъ. Шекспиръ въ извѣстной своей трагедіи воспользовался, почти дословно, рассказомъ хроникѣ, и предокъ нашего поэта легко бы могъ попасть въ число называемыхъ драматургомъ шотландскихъ фамилій, вѣрови Шекспиръ еще двухъ-трехъ ти-

новъ“ ¹⁾. Зато другой предокъ Михаила Юрьевича — шотландскій бардъ Лермонтъ, жившій въ XIII столѣтіи, является у Вальтеръ-Скотта, въ балладѣ „Пѣвецъ Ома“ („Thomas the Rhymer“), которая и написана была съ цѣлю прославить этого знаменитаго барда.

Лермонтовъ, конечно, апаль о своемъ шотландскомъ происхожденіи. На это указываютъ его стихотворенія: „Гробъ Оссіана“ и „Келаниэ“. Въ первомъ изъ нихъ поэтъ скавалъ:

„Сквозь горы Оссіана
Въ горахъ Шотландіи жей.

Во второмъ находимъ выраженіе того же желанія:

На западъ, на западъ поплылъ бы я,
Гдѣ пѣтутъ жюла проклята жюла,
Гдѣ въ аямахъ пустошь, въ туманныхъ горахъ,
Изъ забытый повонетъ прахъ.

Но, сказано далѣе:

Метъ мой и холмами стѣпными жей
Развѣваются вѣтры морей.

Къ преданію о шотландскомъ происхожденіи Лермонтова было еще дополнительное преданіе объ испанскомъ происхожденіи его предковъ, а именно отъ испанскаго владѣтельнаго герцога Лермы, который въ время борьбы съ маврами долженъ былъ бѣжать изъ Испаніи въ Шотландію. Это преданіе тоже имѣло вліяніе на нашего поэта и занимало его воображеніе. Онъ долгое время любилъ подписываться подъ письмами и стихотвореніями именемъ: „Лерма“, а фамилію свою только впоследствии сталъ писать черезъ о (Лермонтовъ); сперва же онъ писалъ ее черезъ а (Лермантовъ). Въ 1830 или 31 году Лермонтовъ въ домѣ Попухинныхъ, на углу Поварской и Молчановки (въ Москвѣ), начерталъ на стѣнѣ углемъ головку (поясной портретъ), вѣроятно — воображаемаго предка. Онъ былъ изображенъ въ средневѣковомъ испанскомъ костюмѣ, съ испанскомъ

¹⁾ См. Висковатого, VI, 76—78.

бородкой, широкимъ бровевымъ, золотникомъ и съ пѣшью ордена Золотого Руна вокругъ шеи. Въ глазахъ и, пожалуй, во всей верхней части лица не трудно замѣтить фамильное сходство съ самымъ нашимъ поэтомъ". (Висков., VI, 57). Наконецъ влечение къ Испаніи выразилось и въ томъ, что мѣстомъ дѣйствія для „Демона“ въ очеркѣ 1830 года выбрана Испанія.

Извѣстія о ближайшихъ предкахъ поэта восходятъ къ XVII вѣку, когда изъ Шотландіи, во время смуты, выѣхалъ въ Польшу Юрій Лермонтовъ. Изъ Польши онъ былъ приглашенъ царемъ Михаиломъ Федоровичемъ въ русскую военную службу, съ цѣлю поручить ему формировать полки конныхъ рейтаровъ. Ему были пожалованы чинъ поручика, а за службу даны были помѣстья въ пинѣйской Костромской губерніи. Этого-то Юрія Лермонтова и были родоначальникомъ русской отрасли Лермонтовыхъ, и потомки его стали уже вполне обрусѣвшими костромичами.

По прямой линіи отъ шотландца Юрія Лермонтова происходитъ отецъ нашего поэта—Юрій Петровичъ Лермонтовъ. Лермонтовы сперва занимали бо-льшіе или менѣе видныя должности: бывали военными, бывали столыпинскими; но съ начала XVIII столѣтія родъ ихъ началъ „худать“—и Юрій Петровичъ былъ уже человѣкомъ незнатнымъ и небогатымъ. Служилъ онъ въ военной службѣ, при Первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1811 г. былъ уволенъ „по болѣзни“, съ чиномъ капитана, 24 лѣтъ отъ роду. Извѣстно о немъ очень мало. Говорятъ, онъ былъ необыкновенно красивъ собою. Онъ женился на Марьѣ Михайловнѣ Арсеньевой, происходившей изъ очень богатой и имѣвшей связи дворянской семьи Пензенской губерніи. Марья Михайловна вышла за него замужъ по любви, но противъ воли своей матери и къ неудовольствію своихъ знатныхъ и богатыхъ родственниковъ. Отъ этого брака и родился нашъ поэтъ.

II. Дѣтство и первая юность.

Лермонтовъ родился въ Москвѣ, такъ какъ Марья Михайловна, которая была жепщиной очень слабого здоровья, некорѣ послѣ замужества не надобилось пользоваться совѣтами врачей, и потому она не могла оставаться

въ своей пензенской деревнѣ—и должна была переѣхать въ Москву. Тамъ она, вмѣстѣ съ мужемъ и своею матерью—Елизаветой Алексѣевной Арсеньевой, поселилась противъ самыя Красныхъ воротъ, въ домѣ, принадлежавшемъ нѣмѣ Голлицу (*). Здѣсь-то родился нашъ поэтъ въ ночь со 2-го на 3-е октября 1814 года. Но ребенку не долго пришлось пользоваться ласками своей матери: алая чахотка съморила ее, и трехлѣтній Лермонтовъ былъ уже сиротой. Биографы его говорятъ, что Марья Михайловна была тихого и кроткаго нрава и была одарена душою музыкальною. „Посадивъ ребенка своего себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортепiano, а онъ прильнуть къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно, звуки какъ бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику. Мать переладала ему необычайную нервность свою“ (Висков., VI, 15). Эти проводимыя на колѣняхъ матери минуты остались въ памяти у Лермонтова: въ одной изъ его тетрадокъ 1830 года имъ написано: „Когда я былъ трехъ лѣтъ, то бывалъ, отъ которой я плакалъ; я не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бѣ услышать ее, она произвела бы прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала моя покойная мать“.

По смерти Марьи Михайловны, бабушка Лермонтова не захотѣла оставить ребенка на рукахъ отца—и увезла его въ свое пензенское помѣстье, въ село Тарханы, Чембарскаго уѣзда. Причиной тому были слѣдующія обстоятельства.

Елизавета Алексѣевна Арсеньева, урожденная Столыпина, была дочкою очень богатаго помѣщика, имѣвшаго связи въ высшемъ обществѣ. Своимъ принадлежностью къ этому обществу Арсеньева очень гордилась. Она получила прекрасное для своего времени образованіе, была красива, хотя имѣла строгія и рѣшительныя черты лица. Люди, знавшіе ее въ преклонныхъ уже лѣтахъ, говорятъ, что она отличалась тогда важной осанкой, спокойной, умной и неторопливой рѣчью и умѣла подчинять себѣ общество и людей, которымъ приходилось съ нею статься. Она держалась прямо и ходила, слегка опираясь на трость, всѣмъ

говорила „ты“ и никогда никому не стѣснялась высказывать, что считала справедливымъ. Не будучи счастливо въ бракѣ съ гвардейскимъ офицеромъ Арсеньевымъ, она всю страсть любви перенесла на свою единственную дочь. Она оводѣла, когда Марья Михайловна было 15 лѣтъ. Эта послѣдняя тоже не была счастливо со своимъ мужемъ—и отсюда у Арсеньевой явилось враждебное чувство къ отцу нашего поэта. Внука своего она также сильно любила, какъ любила и дочь—и, когда онъ стѣлался сиротой, Арсеньева пожелала замѣнить ему мать, заботиться о немъ и дать ему хорошее воспитаніе. Но такъ какъ съ одной стороны—она не хотѣла разстаться съ внукомъ, а съ другой—не хотѣла жить съ человѣкомъ, который былъ ей непріятенъ, то она и рѣшилась разлучить сына съ отцомъ—и увезла малютку въ Тарханы. Отецъ очень любилъ сына, но, понимая, что, будучи небогатымъ, онъ не можетъ воспитать его такъ, какъ могла сдѣлать это его бабушка, рѣшился покориться волѣ Арсеньевой и уступилъ ей сына, но лишь на тотъ срокъ, пока будетъ длиться его воспитаніе, а именно до 16-лѣтняго его возраста. Отецъ и сынъ разстались.

Арсеньева выполнила данное отцу Лермонтова обѣщаніе заботиться о внуцѣ. Она старалась съ нимъ не разставаться; онъ спалъ въ ея комнатѣ, она наблюдала за каждымъ его шагомъ, и пугалась при малѣйшемъ нездоровьи ребенка. Если случалось ему занемогать, то дворовыя дѣвушки освобождались отъ работъ, и имъ отдавался приказъ молиться Богу объ исцѣленіи молодого барина. Когда настала пора ученья, Арсеньева не щадя средствъ для любимого внука. Она не только окружила его гувернерами и учителями, но даже создала для него полную школьную обстановку: она рѣшила обучать его вмѣстѣ съ сверстниками—съ дѣтьми родственниковъ и знакомыхъ—и одно время въ Тарханахъ жило десять мальчиковъ. Ученье и воспитаніе маленькаго „Мишеля“ обходилось бабушкѣ до десяти тысячъ ассигнаціями. Кромѣ обыкновеннаго курса наукъ, его обучали не только новымъ языкамъ, но и латинскому и греческому. Одному англичанину, Виндсону, платили 3000 рублей въ годъ. Его учили также рисованію и музыкѣ—и Лермонтовъ впоследствии отлично рисо-

валъ и хорошо игралъ на скрипкѣ и фортепiano. Правда, у Лермонтова не было такой лавы, какъ у Арата Родюнова, и онъ, вспоминая о своемъ дѣтствѣ, сказалъ съ досадою: „Какъ жаль, что у меня была мамушка нѣмка, а не русская! Я не слыхалъ сказокъ пародныхъ“; но зато у него былъ хорошій учитель русскаго языка, знакомившій своего воспитанника съ произведеніями отечественной словесности, и потому Лермонтовъ въ дѣтствѣ читалъ не только иностранныхъ писателей, но и русскихъ. Изъ послѣднихъ самымъ любимымъ его поэтомъ былъ Пушкинъ.

Свободное отъ уроковъ время Лермонтова и его сверстники проводили въ играхъ, изъ которыхъ будущему поэту особенно нравились игры, имѣвшія военный характеръ: въ саду было устроено нѣчто изъ рода батреи, на которую мальчики бросались съ жаромъ и крикомъ, воображая, будто они нападаютъ на непріятеля. Прогрули съ игрушечнымъ ружьемъ, перховала фигура мальчишки, бѣжавшаго въ атаку съ бѣломъ и гимнастикой были также любимыми развлеченіями Лермонтова. Любилъ онъ и разнаго рода воспитые разсказы. Особенно увлекался онъ разсказами одного изъ своихъ гувернеровъ—Капо—о Наполеонѣ, его войнахъ, сраженіяхъ, между прочимъ и о сраженіи Бородинскомъ. Капо былъ офицеромъ наполеоновской арміи, и попалъ къ намъ въ плѣнъ въ 1812 году.

Мальчишескіи бойки и шаловливый, Лермонтовъ уже въ дѣтствѣ проявлялъ большую настойчивость воли и твердость характера. Разсказываютъ, что Капо, любитель жареныхъ галчатъ, никакими угрозами не могъ принудить Мишеля отвѣдать этого блюда. Въ другой разъ разсорясь въ какой-то игрѣ со своимъ товарищемъ, Лермонтовъ принуждалъ его что-то сдѣлать, и крикнувъ ему: „Хоть умри, но ты долженъ это сдѣлать!“—поставилъ на своемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мальчику не чужда была и мечтательность, развивавшаяся въ немъ, вѣроятно, подъ влияніемъ нѣмецкихъ сказокъ, которыя разсказывала ему его „мамушка-нѣмка“. Въ записной своей тетради 1830 г. Лермонтовъ говоритъ: „Когда я былъ мальчикъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разпо-вѣтныя облака, которыя, въ видѣ рыцарей съ шлемами, тѣснились будто вокругъ насъ; будто рыцари, сопровож-

*) По крайней мѣрѣ въ 1891 г. онъ принадлежалъ ему.

дающие Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства".

Равно открылась душа Лермонтова и другимъ впечатлѣніямъ. Когда ему было десять лѣтъ, Арсеньева, отправляясь подлѣниться кавказскими водами, взяла съ собою внука ¹⁾. Кавказъ съ своей поэтической и тогда еще страшной обстановкой жилъ въ воображеніи Лермонтова уже равнѣе: онъ до нѣкоторой степени былъ знакомъ съ нимъ и по художественнымъ описаніямъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" Пушкина и по разсказамъ бабушкиныхъ родственниковъ, жившихъ въ Пятигорскѣ и прѣбывавшихъ почти каждое лѣто въ Тарханы. Теперь онъ увидалъ этотъ Кавказъ воочию — и пораженный его красотой. Въ тетради шестнадцатилѣтняго поэта записано: „Снѣга горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы владѣли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одиальныхъ крестяхъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня приучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ".

Съ Кавказомъ же связана и первая любовь Лермонтова. Тутъ встрѣтился онъ съ ребенкомъ-дѣвучкою, вызвавшей первую весеннюю грозу души и глубоко и надолго запавшей въ памяти мальчика. Она была немногимъ моложе Лермонтова, лѣтъ девяти. Вѣлорурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденныя движенія, а надъ нею синев южное небо, упирающееся въ сѣдые вершины кавказскихъ педикловъ; ниже — хребты горъ, одѣтые причудливыми облаками, а вблизи шумъ воды, бѣгущей межъ скалъ по каменьямъ; по кругу пышная зелень въ блескѣ теплыхъ лучей или облитая румянымъ закатомъ. Долго потомъ вспоминалъ мальчикъ-поэтъ этотъ Кавказъ и время первой съ нимъ встрѣчи, время первого пробужденія души" (Висков. VI, 25). Черезъ нѣсколько страннаго восторженнаго нами обращенія къ Кавказу поэтъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Хоть и сумбой плъ зарѣ коньхъ днѣй,
О жмилъ горы, отторгнутъ отъ насъ —
Чтобъ плвно въ поплнть, тамъ надо быть рать,
Какъ сладкую плвно отцнлы мѣей,
Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ и жить потерялъ;
Но мнѣлось, что въ розовый вечера часъ,

¹⁾ По другимъ повѣстямъ, Арсеньева поехала на Кавказъ по званію, и чтобы укрѣпить здоровье внука.

Та степь повторила мнѣ памятный гласъ,
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

Я счастлива, былъ съ вами, ущелія горы!
Нѣтъ лѣтъ пронеслось — все тоскою по вамъ.
Тамъ видѣлъ я шаръ божественныхъ галей —
И сердце заснежитъ, вспомяну то время.
Люблю я Кавказъ.

Этой силой дѣтскихъ впечатлѣній и объясняется главнымъ образомъ, почему Кавказъ играетъ видную роль во многихъ изъ тѣхъ произведеній, которыми написаны Лермонтовымъ еще до 1837 года, т.-е. до вторичной его пѣздки въ эту мѣстность. „Хаджи-Абрекъ", „Наманлъ-Бей", отрывокъ изъ поэмы „Черкесы" и нѣкоторыя небольшія стихотворенія показываютъ, что фантазія Лермонтова часто и съ любовью устремлялась къ картинамъ природы Кавказа и его быта. Впоследствии, какъ извѣстно, Кавказъ явился мѣстомъ дѣйствія и въ поэмѣ: „Демонъ".

Первая любовь Лермонтова также оставила глубокіе слѣды. Онъ долго лелѣлъ образъ этой дѣвочки, и еще за полтора года до смерти, уходя душой отъ окружавшей его толпы столѣтняго общества, искать успокоенія въ воспоминаніи о своей первой любви. Тѣхъ, въ стихотвореніи: „Первое января" читаемъ:

Я думаю о ней, и плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданіе,
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодой для
За роцѣй перное синее...

Съ Кавказа Арсеньева снова вернулась въ Тарханы и прожила тамъ съ своимъ внукомъ еще около двухъ лѣтъ. Затѣмъ бабушка, заботясь о дальнѣйшемъ образованіи „Митень", переселилась съ нимъ въ Москву и отдала его подопяаионеромъ въ „Благородный университетскій пансіонъ". Лермонтову тогда пошелъ 14-ый годъ. Онъ поступилъ прямо въ пятый классъ. Преподавателями въ пансіонѣ были профессоръ московскаго университета, и преподавали въ немъ почти всѣ науки, входившія въ кругъ университетскихъ факультетовъ, за исключеніемъ, конечно, медицинскаго, — и Лермонтовъ увѣдалъ въ этихъ наукахъ такъ хорошо, что получилъ даже награду на публичномъ годовомъ экзаменѣ.

Для освѣщенія пребыванія Лермонтова въ этомъ пансіонѣ, приводимъ слѣдующія строки изъ биографіи поэта, написанной Висковатымъ.

„Когда въ 1828 году Лермонтовъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, старая его традиція еще не совершенно исчезла. Между учащимися и учащими отношенія были добрыя. Хотя формализмъ не раздѣлялъ ихъ. Интересъ къ литературнымъ занятіямъ не ослабъ. Воспитанники собирались на общее чтеніе, и издавался рукописный журналъ, въ которомъ многіе изъ нихъ принимали посильное участіе. Преподаваніе было живое, плѣлось въ нуду изученіе славянскихъ писателей древнихъ и новыхъ народовъ, а не грамматическаго балласта. Лермонтовъ принималъ живое участіе въ литературныхъ трудахъ товарищей и являлся въ качествѣ сотрудника нѣкоторыхъ рукописнаго журнала: „Утренняя Заря". Инспекторъ пансіона, Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, профессоръ филологическаго факультета, отличавшійся ясностью преподаванія и инстинктивн въ область естествознанія философію Шеллинга, поощрялъ литературные вкусы молодежи, и задушевно даже собралъ лучшихъ изъ оныхъ въ особое изданіе. Этотъ проектъ остался невыполненнымъ, но Лермонтовъ, въ письмѣ къ теткѣ своей, Маріѣ Акимовнѣ Шая-Гирей (см. письмо 2-ое 1828 г.), съ истинно-дѣтскою восторженностью упоминаетъ объ этомъ фактѣ. Этотъ же инспекторъ интересовался успѣхами Лермонтова въ рисованіи и хранилъ у себя удачныя рисунки его".

Облагодѣнное воспитаніе поэта можно назвать любовью ко всему искусству равнивалась въ немъ, и всѣ искусства были близки душѣ его. А. З. Зиповъ, учившій старшихъ воспитанниковъ декламации, особенно обращалъ вниманіе на дикцію любимого изъ ученика. „Какъ теперь смотрю на мнѣго моего питомца, — разсказываетъ этотъ пастырь, — сличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется 1829 года. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковского: *Изъ моря* и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пѣсню и вообще въ этомъ замѣтнѣе обратилъ на себя вниманіе, получилъ первый призъ, въ особенности за сочиненіе на русское языкъ".

Въ старшемъ классѣ русскому языку и словесности преподавалъ профессоръ университета А. Алексѣй Пашковъ.

Мерзляковъ. — Мерзляковъ имѣлъ большое вліяніе на воспитаніе. Онъ отличался живымъ бесѣдой при критическихъ разборахъ русскихъ писателей и поэтовъ, съ увлеченіемъ читалъ стихи и прозу. Мерзляковъ тѣмъ болѣе долженъ быть повѣнчанъ на Лермонтова, что давалъ ему частныя уроки и бѣлъ входемъ въ домъ Арсеньевой. Конечно, мы не можемъ съ достовѣрностью судить, насколько сильно было вліяніе. Самъ Лермонтовъ не высказывался объ этомъ, но извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ писалъ въ вѣдущимъ, когда посылалъ намъ рукопись, онъ страдалъ бѣда по поводу стихотворенія его на смерть Пушкина. И вѣдѣтъ это и на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобы учить Манду литературѣ. Вотъ до чего онъ довѣлъ его".

Теперь намъ нужно указать положеніе, въ какомъ находился юноша между отцомъ и бабушкой.

Лермонтовъ росъ хотя и окруженный заботливостью любившей его бабушки, но безъ родителей. Арсеньева, не имѣя зятя, нѣрѣдко высказывала свои чувства при внукахъ — и Лермонтовъ чувствовалъ въ домѣ-матери: съ одной стороны, онъ понималъ, что всѣмъ обязана своей бабушкѣ, а съ другой — онъ не могъ не нѣтъ въ ней врага своего отца, котораго любилъ. Это должно пониманіе должно было очень трудно жить на мальчика, заставляя его казаться по тѣмъ, что онъ есть, нѣтъ въ немъ маску и скрывать свои настоящіе чувства. Будучи впечатлительнымъ, онъ переносилъ все что не легко, и переживаемое имъ тяжелое состояніе отражалось какъ въ дѣтской его поэзіи, такъ и наружными образами: ребенокъ вообще несамый и плачливый, онъ часто стоналъ, алчущимъ, необщительнымъ, и по вѣрѣ спасъ на губахъ его скользнула лютительная улыбка.

А драма прѣла все болѣе и болѣе. Дѣло, въ томъ, что отецъ не вовсе отказался отъ сына, а уступилъ его бабушкѣ лишь на время, сохранивъ за собою право вѣнчать на его воспитаніемъ. И Юрій Петровичъ дѣйствительно прѣбывалъ иногда въ Тарханахъ изъ Тульской губерніи, гдѣ жилъ онъ. Но Арсеньева и вся богатая родня ея относились къ нему крайне недоброжелательно и показывали пренебреженіе къ

его незначности и бѣдности. Когда Лермонтовъ перевезенъ былъ въ Москву, отецъ сталъ чаще навѣщать сына: онъ занимать себя тамъ особою квартирою—и Лермонтовъ ходилъ къ нему погостить.

Между тѣмъ „Миссиселло“ пошелъ 16-й годъ, роковой для бабушки: подходилъ срокъ условію—и отецъ могъ потребовать сына. Къ этому же времени относится и приказъ императора Николая Павловича о преобразованіи „Благороднаго университетскаго пансіона“ въ гимназію. Лермонтовъ не захотѣлъ перечисляться въ гимназію—и рѣшилъ о томъ, гдѣ продолжать его образованіе: бабушка мечтала о Франціи, отецъ—о Германіи.

Чѣмъ болѣе приближалось время окончательной перемѣны судьбы Михаила Юрьевича, тѣмъ болѣе обострялось взаимное нерасположеніе теици и аяти. Въ Юріи Петровичѣ прорывалась накопившаяся годами злоба и желаніе вознаграждать себя за долгую разлуку съ сыномъ; въ Елизаветѣ Алексѣевнѣ проснулся весь страхъ за потерю самаго дорогаго въ жизни. Вся борьба между ними сосредоточилась теперь на 16-тилѣтнемъ мальчикѣ. Къ кому онъ прильнетъ? Кто одеряжитъ верхъ? Юрѣшко ухватились обѣ стороны за ревниво любимаго юношу. Добромъ это не могло кончиться. Кажется, каждый готовился выпустить его только съ жизнью; но трагизмъ положенія всею тяжестью давилъ молодого поэта. Конечно, онъ давно, какъ только сталъ мыслить,—а мысли зашевелились въ немъ рано,—понялъ, что между его отцомъ и бабушкой что-то неладно. Онъ давно это чувствовалъ, давно страдалъ подъ этимъ сознаніемъ. Положеніе высокоодареннаго мальчика между аристократическою бабушкой и какимъ-то рѣдко выдаваемымъ, бѣдно-обставленнымъ отцомъ было тяжелое. Тамъ гдѣ-то есть отецъ, котораго появленіе въ домѣ неприятно бабушкѣ, но который ему милъ и дорогъ, а здѣсь вокругъ сына его—богатая обстановка, и любовь, и уходъ... Но почему же не любить того, кто ему такъ дорогъ? Почему онъ исключенъ изъ круга родныхъ, почему онъ не можетъ пользоваться тѣмъ же, чѣмъ пользуется сынъ? Эта мысль, можетъ быть, еще болѣе привлекала мальчика къ отцу. Онъ его жалѣлъ; а кто жалѣетъ любя, тотъ двоящій любитъ.

„Все это давно чувствовали мальчикъ, но всѣхъ подробностей передражки и ссоръ онъ не зналъ, или не знаетъ ихъ во всей ясности. Весь ужасъ полноты жизни ему не представлялся еще. Вероятно, и бабушка и отецъ, оба любя его, берегли его. И вдругъ все это отъ него скрываемое открылось, страсти разнуздались, пошли взаимныя обвиненія, уличенія—и вѣчная апелляция къ его чувству, къ любви его, къ долгу, къ благодарности. Мальчикъ извѣдалъ страшную пытку, тѣмъ болѣе страшную, что все его воспитаніе, любовь и баловство увеличили и безъ того въ высшей степени сильную впечатлительность“...

„Накопецъ вопросъ для Михаила Юрьевича былъ поставленъ ребромъ. Бабушка и отецъ поссорились окончательно. Сынъ хотѣлъ было уѣхать съ отцомъ, но тутъ-то и началась самая тонкая интрига приближенныхъ—съ одной стороны—бабушки, съ другой—отца. Бабушка упрекала внука въ неблагодарности, угрожала лишить наследства, описывала отца самыми черными красками, и наконецъ сама, подъ бременемъ горя, сломалась. Ея слезы и скорбь сдѣлали то, чего не могли сдѣлать упреки и угрозы: онъ вызвали глубокое состраданіе внука. Его стали терзать мысли, что, рѣшившись ѣхать съ отцомъ, покидая старуху, онъ отнимаетъ у нея опору послѣднихъ дней ея. Она дала ему воспитаніе, ей онъ обязанъ уходомъ въ дѣтствѣ, воспитаніемъ, богатствомъ—вѣдь, кромѣ жизни, правда, но жизнь-то на что же? Ему казалось, что въ нѣсколько дней онъ приблизилъ бабушку къ могилѣ, что онъ неблагодаренъ къ ней... Свои сомнѣнія онъ высказываетъ отцу. Отецъ же, ослѣпленный негодованіемъ на тещу за ея непониманіе его, за нанесенныя оскорбленія, да, можетъ быть, и подъ вліяніемъ интриги, подозрѣваетъ въ сынѣ желаніе покинуть его, остаться у бабушки. Семейная драма дошла до высшаго своего развитія. Что тутъ произошло опять, мы знать не можемъ, но только отецъ уѣхалъ, а сынъ по-прежнему остался у бабушки. Они больше не видѣлись“... (Висков. VI).

Вскорѣ послѣ этого Юріи Петровичъ скончался. Лермонтовъ и по смерти отца первое время относился къ нему съ большимъ сочувствіемъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ стихотвореніе: „Ужасная судьба отца и сына“ гдѣ Absent-

ева названа причиной всѣхъ мукъ Юріи Петровича. Раньше этого стихотворенія была написана драма: „Menschen und Leidenschaften“. Герой ея Юріи Волинъ—самъ Лермонтовъ. Поэтъ обрисовалъ тутъ свое душевное состояніе, которое онъ переживалъ во время разгара борьбы между его отцомъ и бабушкой. На враговъ своего отца онъ наложилъ очень темныя краски. Но немного позднѣе онъ измѣнилъ свой взглядъ. „Прошло нѣкоторое время, и острая боль улеглась, привязанность къ бабушкѣ снова воскресла. По всей вѣроятности, и бабушка, съ своей стороны, употребляла всѣ усилія, чтобы снова привлечь къ себѣ сердце внука, а къ отцу охладить“... (Скобичевскій). И вотъ Лермонтовъ пишетъ другую драму: „Странный человѣкъ“, гдѣ отецъ его выставленъ уже не столь симпатично. Предполагаютъ, что сыну стали извѣстны отношенія Юріи Петровича къ своей женѣ, матери поэта, которая представлена въ этой драмѣ доброю, любящею и заглавною.

Тѣмъ не менѣе вся эта пережитая Лермонтовымъ драма оставила глубокій слѣдъ въ его характерѣ. Онъ ушелъ въ себя, сосредоточился: въ немъ явилось обыкновеніе скрывать отъ людей все, что было ему особенно близко и свято, выставляя себя безпечнымъ весельчакомъ, шутникомъ и шалуномъ даже въ такіе минуты, когда на душѣ его были самыя серьезныя или мрачныя мысли“... (Скобичевскій).

Лермонтовъ оставилъ пансіонъ въ 1830 году. Къ этому году уже многое было имъ написано. Началъ онъ главнымъ образомъ подражать Пушкину („Черкесы“, „Кавказскій плѣнникъ“); затѣмъ подъ вліяніемъ „Братьевъ-разбойниковъ“ Пушкина и „Шильонскаго узника“ Жуковского, Лермонтовъ пишетъ своего „Корсара“. Увлекался онъ и Шиллеромъ—и одѣлалъ изъ него нѣсколько переводовъ. Благодаря Шиллеру же, поэтъ-юноша полюбилъ драматическую форму, и въ 1830 году онъ уже написалъ двѣ драмы: „Испанцы“ и упомянутую выше драму: „Menschen und Leidenschaften“, за которую слѣдовала третья драма: „Странный человѣкъ“ (1831 г.).

Рано Лермонтовъ полюбилъ и Байрона. Рассказываютъ, что когда онъ, во время своей пансіонской жизни,

проводилъ лѣто съ бабушкой въ подмосковномъ селѣ Серединовѣ, онъ не расставался съ Байрономъ. „Съ огромнымъ тономъ байроновскихъ твореній бродилъ молодой поэтъ по уединеннымъ мѣстамъ большого сада... Мрачная байроновская муза нашла отголосокъ въ душѣ молодого поэта. Онъ невольно подпалъ подъ вліяніе этой музы, какъ и подъ вліяніе другихъ; но, подражая британскому поэту, онъ оставался все-таки и тогда уже самимъ собою, своеобразнымъ, какъ даже и въ первыхъ дѣтскихъ опытахъ подражанія Пушкину. Все, что онъ писалъ, выливалось изъ души, пережившей то, что старался передать въ стройныхъ приемахъ своей поэзіи. Онъ занималъ у поэтовъ форму, бралъ даже цѣлыя стихи, но только если они отвѣчали его душѣ. Онъ не былъ смѣлымъ подражателемъ; не чужды приема и образы руководили имъ, какъ это бываетъ въ отвлеченныхъ молодыхъ душахъ въ юные годы, воображающихъ себя поэтами: нѣтъ, онъ бралъ только то, что по духу считалъ своимъ“... (Насков. VI, 86). Вотъ почему Лермонтовъ уже въ 1831 году имѣлъ право сказать о себѣ:

Иль я, я не Байронъ, а другой,
Еще невѣдомый избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ страдальцъ,
Но только съ рвениемъ душой...

Замѣчательно при этомъ, что рядомъ съ Байрономъ Лермонтовъ увлекается и русскими народными пѣснями. Въ Серединовѣ онъ познакомился съ учителемъ русской словесности его родственника Аркадія Столыпина, семинаристомъ Орловымъ—и, благодаря ему, познакомился съ народными пѣснями.

III. Лермонтовъ въ Московскомъ университетѣ.

Оставивъ благородный пансіонъ, Лермонтовъ продолжалъ свое образованіе не за границей, какъ о томъ зашла, было рѣчь у бабушки съ его отцомъ, а въ Московскомъ университетѣ, куда онъ былъ зачисленъ въ сентябрѣ 1830 г. по факультету нравственно-политическихъ наукъ. Но вскорѣ онъ перешелъ на факультетъ словесный, какъ болѣе соответствующій вкусамъ и склонностямъ поэта.

Въ университетѣ характеръ Лермонтова сталъ уже болѣе или менѣе установленъ и обнаружился какъ

И вотъ Лермонтовъ рѣшается, во что бы то ни стало, добиться того, чтобы объ немъ заговорили въ великосвѣтскихъ салонахъ. Планъ у него созрѣлъ, какъ это видно изъ письма его (въ 1835 г.) къ своей кузинѣ Ан. Мих. Верещагиной, въ которомъ онъ писалъ: „Вступая въ свѣтъ, я увидалъ, что у каждаго былъ какой-нибудь предесталь: хорошее состоянiе, имя, титулъ, покровительство... Я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, — другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества“ Къ жертвою онъ избралъ свою кузину — Катерину Александровну Сушкову.

Съ Сусиковой оя встрѣтился впер-
вые еще 15-лѣтнимъ юпоной Она за-
няла его сердце и даже влохопляла,
но, будучи старше его годами, подмы-
валась надъ восторженными мальчи-
комъ. Теперь оя снова увидѣлъ ее
въ Петербургѣ, возобновилъ ухажи-
ванье—и покорила ея сердце. Послѣ
этого оя сталъ въ обществѣ обра-
щаться съ нею, какъ съ личностію ему
близкою, а потомъ и другъ полюбилъ ее,
сталъ хлопотѣть, насмѣшивать и даже
жестокъ и дерзокъ Самъ Термоп-
товъ объяснял свой поступокъ еще тѣмъ,
что оя желалъ отомстить Су... о оя
за прежнее. Къ той же Персидской
оя писалъ: «Я мщу за слѣдъ, который
пяти лѣтъ тому назадъ заставилъ про-
длинать меня кокетство m-elle (Суси-
ковой) Но какъ бы то ни было, Термоп-
товъ во всякомъ случаѣ достигъ своей
цѣли: о немъ заговорилъ Самъ Суси-
кова (внѣ дѣйствию мнѣхъ Христова,
рассказываетъ въ своихъ запискахъ,
какъ послѣ эпизода съ персидскою
своимъ поэтомъ цѣлымъ радъ лишь, и
Самъ Ж. и Лиза Б.

Впрочемъ, продѣляя въ этомъ роѣ была во единичивалъ Графиня Ростопчина рассказывать „Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ жертвъ Термонта, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо, при видѣ слезъ мнѣ погрузъ не могла не смѣяться надъ оригинальностями и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, доджанскимъ подвигамъ. Помню, одинъ разъ отъ забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Термонта готовымъ занять его мѣсто, родные невесты вдругъ получили анонимное письмо,

въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы Это письмо написали онъ самъ и затѣмъ онъ болѣе въ этотъ домъ не являлся".

По поводу всего этого Висковатыи замѣчаетъ: „Къ такого рода продѣлкамъ общество относилось тогда очень снисходительно. Принимая во вниманіе нравы времени, приходится быть болѣе снисходительнымъ къ молодому корнету, платившему ему дань — Надѣ удивляться, какъ еще въ вихрь свѣтскихъ похощеній и товарищеской жизни Лермонтовъ сохранилъ столько серьезныхъ интересовъ и внутренней чистоты, что не только не погибъ въ этихъ своихъ увлеченіяхъ, но ставитъ имъ вѣрную опору и не давалъ безъ верху падъ собой. Идя съ данью и съ бытомъ своего времени, онъ относился къ нимъ, какъ наблюдатель и критикъ, и собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ сочиненій тамъ, гдѣ ему приходилось сталкиваться съ разнородными на балахъ, диссипацияхъ, губернаторъ Петербурга графа Ясони, адмирала А. С. Шишкова и другихъ, пылающая маскарадныхъ и стилизованныхъ театрахъ въ разную пору, а и между ней была и добрая, и даже и прекрасная, своей душой, и въ низшихъ водахъ — вѣселие, естественн. и т. д. „И Надѣла заготовленныя матеріалы для множества своихъ сочиненій. Лермонтовъ, m. effect. — Я. С. Шишкова, и т. д. —

При этом та хвороба, которая не имеет
никакой врожденной выработки, а возникает
впоследствии, может быть вызвана многими
причинами: инфекцией, травмой, интоксикацией,
аллергией, нарушением обмена веществ и т. д.
На крайнем этапе развития болезни, когда
нарастают все симптомы, человек становится
каким-то онемевшим, теряет интерес к жизни,
нуждается в постоянном уходе. В этот период
лечение и уход за больным должны быть
весьма скрупулезными, с соблюдением
минимальных санитарно-гигиенических
препаратов. В этот период особенно
важно поддерживать чистоту и уют
в комнате больного, чтобы он мог
спокойно спать и отдыхать. При этом
необходимо следить за тем, чтобы
прожигать кожу, чтобы избежать
дальнейшего развития своего образования и
над развитием своего таланта. Кроме
посещения святских гостиных и ку-
тежа в товарищеских кружках и
салонах полусвета, поэты не должны об-

щества людей съ серьезными интересами или примыкавшихъ къ литературному кругу". (VI, 212, 214).

И действительно, через универсального своего товарища, Святослава Афанасьевича Раевского, Лермонтов познакомился с Андреем Александровичем Краевским, который тогда был редактором „Литературных прибавлений“ к „Русскому Ипполиду“. Еще раньше того Лермонтов уже бывал и у Сенковского и у Ал. Н. Муравьева, автора „Путешествия в святымъ мѣстамъ“. Но что важнѣе всего, такъ это то, что онъ, не смотря на всѣ помѣхи, находилъ время заниматься въ своемъ кабинетѣ.

[illegible][illegible][illegible]

них 16-ти заключительных строк. Но когда Армстронг читал, возникновѣло мѣшканье, и Армстронгъ обратился къ тому, а объяснилъ во всемъ Пушкина и... Армстронгъ, поинявъ посылъ, началъ читать 16 строкъ — и съ такою же суетою распростирались Ты и дѣло, поинявъ для поэта иподъ оборотъ

[illegible]

квартиру даже не топленной, потому что Лермонтовъ уже много дней какъ проживалъ въ Петербургѣ у бабушки, хотя и безъ отпуска. Это только усугубляло его вину. Веймартъ, не снимая шубы, произвелъ обыскъ и опечатавъ всѣ бумаги, какія нашлись въ квартирѣ. Между тѣмъ дали объ этомъ знать въ Петербургъ Лермонтову. Онъ поскакалъ въ Царское село и съ полной откровенностью повезъ съ собой свой портфель съ бумагами... Бабушка была въ отчаяніи: она полагала, что ея Мишеля всепремѣнно засадятъ въ крѣпость... Но Лермонтова посадили только на гауптвахту; но зато 25 февраля послѣдовало Высочайшее повелѣніе, а 27-го вышелъ «приказъ», по которому лейб-гвардіи гусарскаго полка корнетъ Лермонтовъ переводился тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ (на Кавказъ).

VI. Отъ первой ссылки до второй.

Лермонтовъ ѣхалъ на Кавказъ, какъ онъ выражался, «за лаврами». Онъ ѣхалъ на восточный берегъ Чернаго моря, гдѣ должны были открыться усиленные военныя дѣйствія противъ горцевъ, подъ начальствомъ генерала Вельяминова.

Путь лежалъ черезъ Тамань. Здѣсь Лермонтовъ остановился, чтобы дожидаться почтового судна, которое перевозило бы его въ Геленджикъ. «Тутъ» — рассказываетъ Висковатый — «поэтъ испыталъ страннаго рода столкновение съ казакою Царицой, принявшею его за тайнаго соглядатая, желавшаго вскрыть контрабандистовъ, съ которыми она имѣла сношенія. Эпизодъ этотъ послужилъ поэту темою для повѣсти: «Тамань».

Въ концѣ апрѣля Лермонтовъ прибылъ на мѣсто своего назначенія. Но тутъ слѣдствія о немъ начинаютъ дѣлаться сбивчивыми: въ послужномъ спискѣ его говорится, что поэтъ былъ въ постоянныхъ стычкахъ и дѣлахъ съ неприятелемъ отъ 26 мая и до 29 августа. Между тѣмъ, судя по письму Лермонтова къ Раевскому, онъ почти все время первой своей ссылки на Кавказъ провелъ «въ безпрерывномъ странствованіи». Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи, повѣривъ ли, я находился до сихъ поръ въ безпрерывномъ странствованіи, то на переклад-

ной, то верхомъ; извѣдиль линію всю вдоль, отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шущѣ, въ Кубѣ, въ Камакѣ, въ Кахетин, одѣтый по черкесски, съ ружьемъ за плечами, ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское... Простудившись до рога, я прѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесали люди изъ повозки; я не могъ ходить; въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили»... Далѣе Лермонтовъ говоритъ, что для него лично всѣ военныя дѣйствія ограничивались лишь тѣмъ, что онъ слышалъ только «два-три выстрѣла».

Въ сентябрѣ (22-го) того же 1837 года въ Геленджикъ прибылъ государь со свитой. Въ свитѣ былъ и Бенкендорфъ. Государь остался доволенъ войсками и милостиво размѣчалъ награды. Бенкендорфъ, помня просьбы Арсеньевой и желая одѣлать ей угодное, воспользовался случаемъ и сталъ ходатайствовать за Лермонтова. Слѣдствіемъ этого ходатайства явился приказъ отъ 11 октября 1837 года, которымъ Лермонтовъ переводился въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій въ Новгородѣ.

Лермонтовъ не тотчасъ отправился въ Новгородъ: онъ простраивалъ еще 4 мѣсяца — и къ новому полку своему прибылъ лишь 25 февраля 1838 года. Очень можетъ быть, что тѣ странствованія, о которыхъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Раевскому, и должны быть отнесены, именно, къ этимъ четыремъ мѣсяцамъ. Но какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ это пребываніе на Кавказѣ и эти странствованія имѣли для поэта большое значеніе. Михаилъ Юрьевичъ побывалъ въ мѣстахъ, которыя видѣлъ въ дѣтствѣ такъ онъ погостилъ въ Шенкурскѣ имѣвшемъ Акиму Акимовичу Хостатову, сыну родной сестры бабушки Арсеньевой. Хостатовъ этотъ былъ извѣстный всему Кавказу храбрецъ; похваленія его переходили изъ устъ въ уста... Случай изъ жизни Акима Акимовича послужилъ Лермонтову матеріаломъ, коимъ онъ воспользовался немного поэдыже. Въ основаніи рассказа «Бала» лежитъ происшествіе бывшее съ Хостатовымъ у котораго дѣйствіе... Точно такъ... сашъ съ... саванъ...

Хостатовымъ въ станицѣ Червеле-ной».

«Старая Военногрузинская дорога, стѣды коей выплыли и поныш, своими красотою и вереницей легендъ особенно поразила поэта. Легенды эти были ему извѣстны уже съ дѣтства; теперь онъ возобновились въ его памяти, вставали въ фантазіи его, укрѣпляясь въ памяти вмѣстѣ съ то могучими, то роскошными картинами кавказской природы. Вотъ тутъ-то зародилась въ Михаилѣ Юрьевичѣ мысль перенести мѣсто дѣйствія любимой его поэмы: «Демонъ» на Кавказъ. До сей поры оно было въ Испаніи».

Въ Ставрополѣ Лермонтовъ познакомился съ кружкомъ декабристовъ, находившихся въ отличныхъ отношеніяхъ съ докторомъ Н. В. Майеромъ. Во всякомъ обществѣ его нельзя было не замѣтить. Умъ и огромная нати-пачность вмѣстѣ съ какимъ-то аристократизмомъ образа мыслей и манеръ несколько привлекали къ нему. Онъ прекрасно владѣлъ русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками и, когда былъ въ духѣ, говорить остроумно, съ живостью и душевною теплотою. Майеръ имѣлъ много успѣховъ у женщинъ — и этимъ, конечно, быть обязанъ не физическимъ своимъ достоинствамъ. Небольшого роста, съ огромной угловатой головой, на которой волосы стригъ подъ гребенку, съ чертами лица неправильными, худощавымъ и хромой — (у него одна нога была короче другой). — Майеръ нѣсколько не былъ похожъ на типъ гостиннаго ловеласа; но въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ было столько симпатичнаго, въ его разговорѣ было столько ума и души, что становится понятнымъ сильное и глубокое чувство, которое онъ внушалъ къ себѣ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ женщинъ. Характеръ его былъ неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какъ-то саркастическій отбѣнокъ его разговора навлекали ему иногда неприятели, но не лишали его ни одного изъ близкихъ друзей, которые больше всего цѣнили его искренность и честное пря-модушество».

Съ тѣхъ поръ Михаилъ Лермонтовъ списалъ въ Петербургъ въ «Меридианъ» до... рымъ Печоринъ С. т. е. Ставрополъ 2051

Григорій Пав. Филипповъ, бывшій впоследствии попечителемъ С.-Петербургскаго округа, разсказываетъ, что когда онъ, будучи офицеромъ на Кавказѣ, познакомился съ Майеромъ, то послѣ бесѣды съ нимъ истощилъ человѣчества представилъ ему съ вѣбъ въ другомъ видѣ, и великія событія и характеры англ. и фр. и особенно французской революціи привели его въ восторженное состояніе

«Можно себѣ представить, какъ такой человѣкъ и окружающие его люди должны были повлечь на 22-лѣтняго юнота-поэта Висковатый изъ Петербурга гдѣ онъ старался проникнуть въ общество людей развитыхъ. Лермонтовъ имѣлъ отборный кругъ ихъ въ то время. Среди друзей, про-роды, среди болѣе свободныхъ людей, среди этой аристократическаго состояніе должно было отличаться. Условия должны были слагать творчо появлять на внешнюю душу, на большой и образованный, хоть и молодой еще умъ Михаилъ Юрьевича. Его кругозоръ расширился, убѣжденія окрепли, смутное недовольство пошлостью общества, среди котораго онъ находился въ Петербургѣ, и коимъ все-таки увлекался, стало для него теперь сознательнымъ. Онъ сталъ шире понимать назначеніе писателя и, не затронуть типъ людей — продуктъ слабости и недостатковъ своего времени. Задумавшись прежде произведенія были имъ брошены, или стали видоизмѣняться и вырабатываться въ болѣе глубокия и сознательныя творенія. Вотъ почему онъ пишетъ другу и сотруднику своему Раевскому, что не можетъ продолжать романа, который они сообща начали въ Петербургѣ. Обстоятельства измѣнились. Это былъ неоконченный романъ «Княгиня Лиговская», въ которомъ впервые смутно еще вырисовывается типъ Печорина. Эта переишла въ развитіи Лермонтова и обуславливаетъ то недовольство, которое онъ испытываетъ въ Петербургскомъ обществѣ по возвращеніи въ него съ Кавказа, и то желаніе, которое онъ руководитъ его стремленіями вернуться туда обратно. Встрѣча съ такими людьми, какъ Майеръ и дру-его декабристы, должна была вызвать сравненіе прежняго покаянія съ тѣмъ, что окружало его теперь, при-

това, кн. Васильчиковъ замѣчаетъ, что въ немъ было какъ бы два человека: „одинъ добродушный для небольшого кружка близкихъ и хорошихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе; другой—заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ“ — „Кромѣ того“ — прибавляетъ кн. Васильчиковъ, — „въ Лермонтовѣ была черта, которая трудно согласуется съ почитаніемъ о гигантѣ поэзіи, какъ его называютъ восторженцы его поклонники, о глубокомысленномъ и гениальномъ поэтѣ, какимъ онъ дѣйствительно проявился въ краткой и бурной своей жизни. Онъ былъ шалуномъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлился на двѣ половины между серьезными занятіями и чтеніями и такими шалостями, какія могутъ придти въ голову развѣ только пятнадцатилѣтнему школьному мальчику“.

Между молодежью, среди которой
бродил Лермонтовъ, былъ, какъ уже
указано, и Мартыновъ. „Это былъ“ —
характеризуетъ его одинъ изъ совре-
менниковъ — „очень красивый молодой
гвардейскій офицеръ; блондинъ, со
задернутымъ нежною вѣсою и высо-
каго роста. Онъ былъ всегда очень
любазенъ, порядочно пилъ подъ фор-
маномъ романсомъ и полонемъ надеждъ на
свою будущность: онъ все мечталъ о
пикнате и ордепахъ, и думалъ нежнате,
какъ дослужиться на Кавказъ до ге-
неральскаго чина. Послѣ онъ уѣхалъ
въ Гребенскую казачій полкъ, куда
онъ былъ прикомандированъ, и въ 1841
г. въ какомъ положеніи! Выходъ ге-
неральскаго чина онъ былъ уже въ
оставкѣ всего матформъ, не имѣлъ ни-
какого ордена, и изъ веселаго и свѣ-
таго изначнаго молодого человѣка
дѣлался какимъ-то дикаремъ: отра-
нить огромныя бакенбарды, въ про-
мѣ черкесскомъ костюмѣ, съ огром-
нымъ кинжаломъ, въ нахлобученной
шляпѣ папахѣ, мрачней и молчаливей“. —
Въ этой характеристикѣ Висковатый
добавляетъ слѣдующее: „Мартыновъ
въ общемъ носилъ форму Гр. бекетъ, и
защитного подка, по кимъ нахо мившийся
оставкѣ, дѣлалъ разныя вольныя
попѣ добывленія, мняая цѣль и при-
нималъ ихъ согласно погодѣ, случаю
и своему вкусу. По большей части
онъ носилъ бѣлую черкеску и черныя
шкатыли или шелковый бешметъ, или

наоборотъ: черную черкеску и бѣлыя бешметы. Въ постыдномъ случаѣ—эт. бывало въ дождливую погоду—онъ надѣвалъ черную панаху вместо бѣлой, въ которой являлся на гулянья. Рубашка черкески онъ обыкновенно застѣвывалъ, что придавало всей его фигурѣ омѣлтый и вызывающій видъ. Онъ былъ фатоватъ и, сознавая свою красоту, высочайшій ростъ и прекрасное сложеніе, любилъ щеголять передъ вѣжливымъ полкомъ и производить эффектъ своимъ появленіемъ. Охотно напускать онъ также на себя мрачный видъ, щеголя моднымъ байроппомъ. Не удивительно, что Лермонтовъ, не выносившій фальши и заисчивости, при всемъ дружелюбною расположеніи къ Мартынову, не смѣло преслѣдовать его своими насмѣлками" (VI, 402).

Въ душѣ Лермонтовъ не было злы-
онъ любилъ сказать острое слово, лю-
бить пошлать; но если замѣчать, что
предметъ его нападокъ оскорблялся,
онъ первый спѣшилъ изгладить дур-
ное впечатлѣніе и успокоить обняв-
шаго. Его псалѣшки надъ Мартыно-
вымъ заключались въ такого рода шу-
ткахъ. Онъ, напримѣръ, нарисовалъ сце-
ну, изображавшую въѣздъ Мартынова
въ Пятиорскъ. Мартыновъ въ конѣ,
съ нимъ два коня, а въ горахъ
дамы, восхищенныя его красотой. Внизу
подписъ: „Monsieur le poignard faisant
son entrѣe à Piatigorskъ.“ Другая картина:
Мартыновъ, огромнаго роста, съ гро-
моздкимъ книжалоуъ отъ пояса до
земли, объясняется съ мидіантурной
тамою, на поясѣ которой крошечный
книжальчикъ. Въ дамѣ всѣ могли уз-
нать интересовавшую Мартынова осо-
бу.—Плохая верховая баба Мартынова,
который однако воображать себя ли-
хитъ всадникомъ, также по нелов-
ности къ карикатурѣ Лермонтова.
Одна изъ нихъ была такая: Марты-
новъ, въ стѣлкѣ съ горцами, что-то
кричитъ, а въ
документѣ,
написанъ
мартыновъ по
показанію въ
хотѣ, въ окрѣ-
стѣ Пятиор-
ска не вѣнчалъ
- „Poirard au grand poignardъ“ или „le sau-
vage au grand poignardъ“ были обыкно-
венныя названія, которыми звали
Лермонтовъ Мартыно
Самолюбивый Мартыновъ не люби

стихъ шутокъ, особенно, если онѣ были при дамахъ. Между тѣмъ Лермонтовъ не воздерживается—и однажды подшутить надъ нѣмъ нынѣ при дамахъ

— Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень долго выносите ваши шутки, продолжающіяся, не смотря на неоднократное мое требованіе, чтобы вы пухъ прекратили,—обратился къ поэту Мартыновъ.

— Что же, ты обидѣлся?—спросила
Дермоштова.

— Не хочешь ли требовать удовольствия?

- Почему жъ нѣтъ?

Тутъ Черномонъ вършитъ его сло-
вомъ: „Меня изумляютъ и твоя вы-
ходъ и твоитонъ. Впрочемъ, ты не по
вызовомъ меня испугать нельзя... Хо-
чешь драться—будемъ драться“.

— Да что вы, хучу, — отвечает Мат-
теинович — и потому разговоръ этотъ мо-
жетъ считаться вызовомъ.

Дуэль состоялась — и вот как описывает этот печальный эпизод секундантъ Дормонтова кн. Васильчиковъ: «Секундантомъ Мартынова былъ Гитъ».

...Мы считали эту ссору столь ничтожною, что до послѣднихъ минутъ утра мы думали, что она кончится примиреніемъ. Тѣмъ не менѣе всѣ мы, и въ особенности Глѣбовъ, который соединялъ съ отважкою храбрость самое любовное и сердечное добродушіе и пользовался равнымъ

кончится пустыми выстрѣлами, и что, обвинявшись для себя по части чести двумя пулями, противник не осудитъ себя руки и побѣду уклонять".

Из другого источника мы узнаем, что Лермонтов заранье заявил, что онъ выстрѣлитъ на воздухъ; Мартыновъ же все время сохранялъ злобное настроеніе.

«Мы» — продолжаясь, приводить слова кв. Васильчикова — «открыты съ Губачемъ 30 шаговъ; постыный Сарыеръ послѣдний на 10-ть п. развѣта притягивающъ на кришл дистанци, положитъ имъ сходиться какому зарю 10 шаговъ, по командѣ, марши! Заря, дали пистолеты Губачъ издалъ одинъ Мартынову, я — другой Лермонтову искомандовали: сходи! Лермонтовъ остался неподвиженъ и, завѣда курокъ поднятъ пистолетъ дуломъ въ воздухъ, заслоняясь рукой и локтемъ, по всемъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ этотъ мигъ, и въ послѣдній разъ, я взглянулъ на него — и никогда не забуду тогда спокойнаго, почти веселаго вѣзора, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ»

Но есть опять-таки другое извѣстіе считающееся болѣе достовернымъ. Термонтовъ къ барьеру тоже пошелъ, но не стрѣлялъ. Мартыновъ такъ долго цѣлился въ Термонтова, что секунданты закричали ему: „Стрѣляйте же, или мы васъ разведемъ!“ Мартыновъ выстрѣлилъ—я, какъ говоритъ Васильчиковъ, „Термонтовъ упалъ, какъ будто его скинули на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни назадъ ни впередъ, но успѣвъ даже захватить болѣе мѣсто, какъ то обыкновенно дѣлаютъ люди раненные или ушибленные. Мы подбѣжали. Въ правую боковую часть рана, въ лѣвую—сочинило крови; пуля пробила сердце и легкія

Сперва Мэрмонтавъ были похоронен
въ Пятигорскѣ. Черезъ нѣсколько мѣ-
сяцевъ, въ 1942 году, Арсеньева пере-
вели гробъ его въ Тарханы.

П Смирновскій.

* — это третий очерк Лермонтова, по-
скольку он с ним связан

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1628.

Index

Листья въ полѣ пожелтѣли,
И кружатся и летятъ,
Лавръ въ бору понемногу снѣ-
госолью мѣлкую хлѣбаль.
Бѣды не было, но сіяла,
Ужъ въ Ливоніи, мѣсяцъ крѣпокъ,
Лѣхъ въ снѣгахъ и покое
Она, не въ вѣдѣхъ трудовъ,
Слѣди ослѣпленны по снѣжкѣ
Съ вѣтра въ лѣхъ вихрь сіи вѣтъ,
Ночью въ лѣхъ вѣтъ вѣтъ и вѣтъ,
Снѣгъ въ лѣхъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ

Зблужденіє Бувалоу.

[illegible]

И т е м б е ж и т е .

И конь горь, бавя вель, прохаживъ,
Зрѣлъ ли ты
Горюху такую, гдѣ гручаны мечны
Свѣтъ хмѣли? Надъ нимъ свѣдѣкаши,
Гдѣ и сѣмьдесятъ лѣтъ и мука, вѣтра;
И кушитъ цвѣтныя розы, разлѣивъ ихъ
Всено,
Тамъ въ лѣтѣ кругомъ черемухи мѣшны
Струнныя свои зрѣмъ; шумя съ цвѣтѣхъ,
Нѣтъ ли ю,
Шумѣтъ подчасъ эфиръ прѣзвѣтъ широкъ;
Тамъ въ лѣтѣ мѣлѣхъ, лѣтѣхъ аконъ
Лѣтѣхъ сѣрныхъ мѣлѣхъ вѣтѣхъ, лѣтѣхъ
Скрылась все теперь: тамъ въ лѣтѣхъ шумѣтъ
Сѣтъ солнышныя зѣлѣхъ, лѣтѣхъ
Почва, все теперь: тамъ въ лѣтѣхъ шумѣтъ
Зѣлѣхъ сѣрныхъ мѣлѣхъ, лѣтѣхъ

[illegible]

200

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

И Р У Н Ы Д Е М Ы.

1. 6. 1944 11. 11. 1944

И прелепая славянка
 встала, и сказала
 и пошла к своему отцу
 Вдаль, в даль, в даль
 и встала, и сказала
 и пошла к своему отцу
 Вдаль, в даль, в даль
 и встала, и сказала
 и пошла к своему отцу
 Вдаль, в даль, в даль

Д. 15. 17. 26. 27.

On the left side of the road
the road is very narrow and the
road is very narrow and the road is very narrow

12 13 14

[illegible]

BY THE COURT:

Не звать глумиться над тем, кто шепчет
Что быльм довел в ады родуры!

DEFEAT

II блдноть скоро воль блзаеть,
Дрзди и чол дождвы,

Сей приобщать, чтобъ скрыть свой
[стыдъ,
Къ врагу людей, безбожный!
И на дорогѣ ужъ большой
Творилъ убійство я разбой..
И вынѣ близъ рѣки иду
С вободною мнѣньютой—
Тамъ онъ сидѣлъ на берегу,
Терзаясь мукой лютой.
Онъ говорилъ: «мнѣ жизни пуста!
Вы, отпращеній полны,
Блаженство, злато!.. вы мечта!..
И забывали волны...

II.

Встрѣча.

Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла;
Еще я вижу ее передъ собой:
Какъ солнце вѣщее она блистала
И радостной, и гордой красотой.
Душа моя невольно замедляла;
И издали смотрѣлъ на милый рой..
Но вдругъ, какъ бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.
Что я почувствовалъ въ сей мигъ чудес-
И что я пѣлъ—напрасно впови пою [ный
И звукъ нашолъ дотола незнакомый,
И мыслей чистую налили струю:
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало тѣсно
И вмигъ она расторгла цѣпь свою:
Въ ней вспыхнули забытыя видѣнья,
И страсти юныя, и вдохновенья.

III.

Къ Никитѣ.

Ахъ! сокрылась въ мракъ невастный
Счастія промѣлаго жетя!
Но одной звѣздѣй прекрасной
Млѣю, блѣднѣй снѣгов..
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ дней.
Пусть навѣтъ—съ златыхъ мечтаньяхъ—
Пусть тебѣ, глаза закрыты..
Сохраню тебя страдающимъ:
Ты для сердца будешь жити..
Но увы! ты любишь свѣтъ—
И любви моей какъ вѣтъ!
Можетъ ли любви страданье,
Нива, вѣночка прейти?
Бури свѣта, волнованья
Чувствъ горючихъ унести?
Иль умереть небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?..

IV.

Перчатка.

Вельможи толпою стояли
И молча зрѣвшаща ждали.

Межъ нихъ сидѣлъ
Король величаво на тропѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Лоръ дамъ прекрасный блестялъ.
Вотъ царскому знаку вниманью,
Скрипучую дверь отворяютъ—
И левъ выходитъ степенно
Тяжелой стопой,
И молча вдругъ
Гладитъ вокругъ;
Звѣзды лѣнливо,
Трицать желтой гривой,
И, всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.

И царь махнулъ спова—
И тигръ оуруный
Съ дикими прыжкомъ
Взлетѣлъ опасный.
И, встрѣтивъ со львомъ,
Завылъ ужасно;
Оль бьетъ хвостомъ,
Потомъ
Тяко владыку обходитъ,
Глазъ прованыхъ не сводитъ..
Но, рабъ предъ владыкой своимъ,
Тщетно ворчитъ и алится,
И невольно ложится
Оль рядомъ съ нимъ.
Сверху тогда упали
Перчатки съ прекрасной руки,
Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четвою.
И къ рыцарю вдругъ своему обратился,
Кунигунда сказала, лукаво сѣясь:
«Рыцарь, пытать я сердце люблю!
Если сильна твоя любовь у васъ,
Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
То поднимите перчатку мою!»
И рыцарь съ балкона въ минуту бѣжѣть
И дерзко въ кругъ оный вступаетъ,
На перчатку межъ дикихъ звѣрей оный глѣ-
И снѣгой рукой поднимаетъ. [дитъ.
И зрители въ робкомъ вокругъ ожданьяхъ,
Трепеща, на юнцу смотрятъ въ молчаньи,
Но вотъ оный перчатку приноситъ назадъ,
Отсюду хвала вылетѣтъ;
И вѣнчикъ, пылающій взглядъ—
Педаляго счастья заглазъ—
Съ рукой дѣвическою встрѣчается.
Но, досады жестокой пылалъ въ огни
Перчатку въ лицо оный ей кинулъ:
«Благодарности вашей не надобно мнѣ!»
И тогдаю тотчасъ покинулъ.

Дитя въ люлькѣ.

Счастливыя ребенка.. и въ люлькѣ про-
сторно ентъ: но дитя въ
Сдѣлаться мужемъ— и дитя въ люлькѣ
покинулъ.

VI.

Къ....

Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь,
И благодаренъ буду я;
Но ты мнѣ душу предлагаешь—
На кой мнѣ чортъ душа твоя!

VII.

Взллада.

Надъ моремъ красавица-дѣва сидѣтъ
И къ другу ласкаясь, такъ говоритъ:
«Достань ожерелье, спустился на дно:
Сегодня въ пучину упало оно.
Ты этихъ докажешь свою мнѣ любовь!»
Вскрикнула млада у юности крови
И умъ его облялъ невольный недугъ..
Онъ въ тѣнью бездну нидается вдругъ.
Изъ бездны перловые брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И слова приходить и о берегъ бьются.
Вотъ милаго друга оный принесутъ.
О счастье! оный живъ, оный скажу ухватилъ,
Въ рукъ ожерелье, во мраморъ какъ былъ..
Оный вѣрить бонсе усталымъ очамъ,
«Талантъ! кудри бѣгутъ по плечамъ..
«Скажи, не люблю ли люблю я тебѣ?»
Для перловъ прекрасной и жизни не щадя,
Но слову, спустился на черное дно..
Въ коралловомъ гротѣ лежало оно.
Возьми!» И печальный оный взоръ устремилъ
На то, что дороже оный жизни любилъ.
Ответъ былъ: «о милабъ! о юности мой!»
Достань, если любишь, кораллы дорогой»
Съ душой безнадежной млада удалецъ
И.. чтобъ пайти изъ кораллъ иль ко-
ны перловые брызги летятъ, [нецъ.
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И слова приходить и о берегъ бьются,
Но милаго друга оный не несутъ.

Злегин.

О, еслибъ дни мои тѣли
На лопъ сладостномъ покоемъ и забвѣнъ,
Свободно отъ суетъ земли
И далеко отъ свѣтскаго волненія!
Когда-бы, усиля мое воображеніе,
Мой игры младости любимы быть могли!
Тогда-бъ я былъ съ весельемъ неразлученъ,
Тогда-бъ я вѣрно не искалъ
Ни наслажденія, ни славы, ни похвалы.
Но дай мнѣ весь міръ и пусть, и скучень.
Любовь твою не лѣстятъ душѣ моей:
Ищу измѣнъ и новыхъ чувствованій,
Которыя живить хоть полостью своей
Мнѣ кровь, угасную отъ грусти, отъ страда-
Отъ преждевременныхъ страстей! [ни,

Къ....

Глядися чаще въ зеркало,
Любуясь милыми очами—
И свѣта шумная хвала
Съ мнѣ сплывшими стихами
Тебѣ покажутся ясны
Когда же взоухъ самодовольный
Изъ груди вырается невольна,
Когда въ млади души своей
Самолубныя волненья
Не будешь въ силѣхъ утѣять, —
Мою любовь, мой мученичъ
Ты оправдаешь, можетъ-быть.

Къ....

Мы слова всѣ, вѣнчикъ съ тобой,
Во какъ мы оны измѣнились!
И да умилою чарамъ
Оны вѣтъ невольно сокрылись:
Ищу въ гласѣхъ твоихъ огно,
Ищу въ дѣлѣхъ твоихъ волненья!
Ахъ! какъ тебѣ, какъ и мнѣ
Заблажани тяготѣнья!..

Молодость.

Повѣрь, ничтожество есть благо въ зѣнъ
и мѣтъ свѣтъ!..

Къ чему глубоки познания, жажда славы,
Талантъ и пылка любовь свободны,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти свѣра, какъ зѣлншія растенія,
Питѣмъ недоло, быстро увядаемъ..
Какъ солнце змннее на сѣромъ небосклонѣ,
Гашъ посмурна жизнь наша, такъ недоло
Ея однеобразное теченье..
И душно кажется на роднѣй,
И сердцу тѣсно, и душа тоскуетъ.
Не зналъ ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь буръ пустыхъ томится кнѣсть наша
И быстро злѣбъ лѣтъ съ мраморъ,
И намъ горька осызлой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

Молитва.

Не обаяй мѣня, Всесильный,
И не карай мѣня, мѣню,
За то, что мракъ семьи могильный
Съ ея страстими я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей Твоихъ струя;
За то, что въ заблужденіи бродитъ
Мой умъ далеко отъ Тебя;
За то, что лава вдохновенія
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣснѣтъ,
Къ Тебѣ жъ проникнуть я боюсь
И что..

Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей парилы,
Прочиталъ звукъ моей задумчивой цѣпицы.
Мило тебя, мило, хранилище мой святой,
Падъ любовей мой твѣрь и съ лирой золотой
Повѣсть и начертанъ здѣсь жила вдохновенная!
Плыветъ спавшая любви тѣлеса упоенная...

И я правду сюда, и не узнаю вась,
О, струны звонящая! . . . . .

По ты забыла, другъ, когда перой почной
Мы на бабковъ тѣхъ сидѣли. Какъ вѣномъ,
Смотрѣлъ я въ тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тогдѣ мигъ, какъ я, подъ
длинной шалию

Собрывши, готову на груди твоею склонялся—
И былъ охватъ въдохъ, тѣмъ я рубу жалъ—
И былъ стѣнать вѣздъ и счастливый и
стыдливый!

И мѣсто быть, иди свидѣте в мѣстѣи—
Послѣднихъ новинныхъ радостей моихъ! Вы
Ихъ помнишь изъ груди моей давно злѣнны!
Но, милая, зачѣмъ, какъ тогдѣ промель раз-
Какъ я почти забывалъ и радости, и муны, [духи,
Невзвѣшь ты опять признать меня въ себѣ
Забудь любовь мою! покорна будь судитъ!
Милая мой вѣрѣ, кланя моихъ восторговъ
сладости!

Забудь!.. Пускай другой твою утѣшеть
младость!
Ты жъ, чистый житель тѣхъ пейзажныхъ
сценъ,

Гдѣ стелется зорить, какъ вѣчный океанъ,
И совѣсть чистая съ безопасностью драгою,
Хранилище души, оставишь вѣтъ со мною!
И будетъ мнѣ душа любезна томясь свѣтъ,
Какъ смущенный лампадки прощанья ви-
нныя тѣлѣ!

Повѣсти.

Дѣла

— Я пришла, святой отецъ,
Исповѣдъ грѣхъ сердечный,
Горести, роковой конецъ
Счастия жизни скоротечной!

Поль

— Если духъ твой взнемогъ,
И въ сердечномъ покаяньи
Изиешь свои страданья:
Грѣхъ простить Великій Богъ!

Дѣла

— Нѣтъ, не въ той яздѣ надеждъ
Чтобы сбросить тѣготу бѣды:
Все прошло, что было прежде,
Гдѣ жъ являть унывающихъ зѣлъ?
Не хочу я предъ Небеснымъ
О спасеніи слезы лить,
Иль спокойствіемъ чудеснымъ
Душу грѣшную омыть;
Я сиѣшу передъ тобою
Исповѣданъ жизнь мою,

Чтобы не умергнуть съ собою
Все, что въ жизни я люблю!
Слушай, твоѣ же буди—скрипѣи,
Знай, что есть ударъ судьбы;
Но надъ мною не молни:
Не достоинъ я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юныхъ, ижыныхъ дней.

И не знала о довоѣ,
О невѣности дѣтей:
Пылкой страсти пожелѣнью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предана меня она!

Но любовь тайна сладость
Укрывалась отъ глазъ;
Всѣмъ за ней бѣжала младость,
Какъ бѣжитъ за часомъ часъ.

Вскорѣ бѣдствие узнала
И нѣтожество свое:
И любовью торговала
И не вѣдала ея
Исповѣданъ грѣхъ сердечный
Я приняла, святой отецъ!
Счастия жизни скоротечной
Ижыный роковой конецъ.

Поль

Если твѣшь ты въ страданьяхъ,
Если духъ твой взнемогъ,
Но не молни въ покаяньи
Не простить Великій Богъ!

Пѣсни.

Свѣла горятъ! дрожащею рукою
Я окончалъ вѣтвѣнныя черты;
Полѣзъ и паря мчались надо мною,
И много въ грудь тѣснилось. И ты
Напрасно чашу мнѣ несла здоровья
[Какъ чудилось], съ веселіемъ въ глазахъ,
Напрасно стала идѣть у изголовья,
И подѣлуй любви горѣтъ въ утѣхъ..
Прости навѣтъ! Но вѣтъ одно желанье:
Приди ко мнѣ, приди въ послѣдній р..
Чтобы усадить предметное страданье,
Чтобы потушить огонь сомкнувшихъ глазъ,
Чтобы стать мою хладѣющую руку
Далеко ты! не слышишь голоса мой!
Не при тебѣ узнаю смерти мучъ
Не при тебѣ оставляю мѣръ з..
Когда жъ письмо въ о..
Отпрости.. прочтешь..
Быть можетъ, я вѣ..
Сойду въ мой вѣ..
И тѣмъ плачу, чѣ..
Мои духъ вѣсело г..
Или въ чашѣ безмечного востанъ
Сокрываетъ прелести твои
Наставишь ночь, прѣдешь изъ собранья
И въ ложу тайному прѣдешь одна;
Посмотришь въ зеркало, и жаръ дышанья

Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пылаетъ огонь на дѣтственныхъ ладоняхъ,
И гуды молодой припадеи безвѣстный духъ,
И надъ главою мелькаетъ привракъ забытый,
И звукъ встѣтъ въ твою уныленную слухъ.
Узнавъ въ тогдѣ мигъ, что это я изъ гроба
На мразнѣ свиданье прѣзрѣлъ:
Какъ! душная земля вѣмой утроба
Не встѣтъ тѣней презрительный удѣлъ!
Когда жъ въ саяхъ, въ блистательномъ
Прѣдѣшь ты на парѣ вороныхъ: [катанья,
И за тобой въ любви живомъ страданьяхъ
Стоять гусаръ безмолвенъ, мраченъ, тихъ;
И по груди обонхъ вѣсть промѣтается
Невольный хладъ, и сердце закипитъ,
И ты вѣдохнешь, гусара вѣрѣ затмѣитъ,
Отъ черной усь рукою закрутитъ;
Услышишь звукъ военного металла,
Увидишь блѣдный цвѣтъ его чеза:
То тѣнь моя безумная предстала
И мертвый вѣрѣ на лугъ вѣтъ навѣла!..
Ахъ! много, много я сказала желанью,
Но медленно слабѣетъ жизни духъ.
Я чувствую, что въ смерти подѣтнуся,
И падастъ перо изъ слабыхъ рукъ..
Прости!.. Я бѣжалъ за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любилъ,
Все измѣняло мнѣ, всѣмъ отравы
Лопы лры звукъ мнѣ неизбѣженъ былъ!

Пойна.

Зажглась, друзья мои, война
И развалился знамена чести;
Друбой зазвѣтну ова
Мавишь въ поля кровавой мести!
Простите шумные пиры,
Хвалы достойные напѣвы,
И Валка мнѣ дары,
Святая Русь, и красны дѣлы!
Забуду я тебѣ, дѣловъ,
Суетъ и юности отравы.
И полечу, свободный, вполю
Ловить вѣнокъ вѣрѣнной славы!

Русская мелодія.

И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—

Гдѣ ужъ стою и сяду мѣръ вполю
И образъ вѣтъ съ существами;
Я цѣплю ихъ связать между собой,
Я даю имъ видъ, но не даю имъ названья;
Вдругъ вѣтвѣхъ бурь раздался грозный вой,
И рухнулъ невольный созданный..
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—

Овъ громкий звукъ вѣтвѣхъ [звѣтъ].
Въ честь дѣвы милой сѣнъ и рѣзъ [звѣтъ].
И звукъ вѣтвѣхъ сѣнъ и рѣзъ [звѣтъ].
И слышится вѣтъ вѣтъ вѣтъ [звѣтъ].
Никто конца ея не дѣтъ [звѣтъ].

Пѣсня.

Слѣдъ призракъ дней милоушнѣтъ,
Длѣ что ты
Прѣдѣтъ страстей уснувшихъ
И забытыхъ?

Ты ищешь славоушнѣтъ
[звѣтъ].
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—

И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—

И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—
И тѣмъ стѣнать въ свою Рязань Дурновъ—

Къ А. Г.

Не прилежалъ меня красой!
Мнѣ духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ! много дѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умъ моемъ впечатлѣлся!
И днѣ него забывалъ весь мѣръ,
Длѣ сѣя минуты неизбежной..
Но я теперь, какъ вѣтъ, сирѣтъ,
Крожу одинъ, какъ отчужденный!
Тѣмъ цѣпникъ въ темнотѣ почной,
Когда узрѣтъ огонь блудливый,
Бѣжитъ за вѣтъ.. схватитъ рукою.
И пропасть подъ ногой скользящей!

Романсъ.

Дѣла

Нѣвинный вѣтъноу душою,
Не знавши въ юности страстей прилѣтъ.
Ты можешь, другъ, сказать, съ какой то
И былъ счастливъ!.. [постепенно:
Кто, елишкомъ равно дисладивный,
Живеть, въ днѣхъ негодованья скривъ,
Тогдѣ можешь, другъ, еще сказать вѣтъноушнѣтъ:
И былъ счастливъ!..

Но я въ сѣй жизни скоротечной
Такъ испытать отчужденный ширѣтъ,
Что не могу сказать чистосердечно:
И былъ счастливъ!..

Къ «Возрожденію».

Ты не хотѣлъ! но скоро возноу [гоза]
Узнаешь ты и въ бездну упавши
Проклетъ грудь раскалѣтъ пожатъ
Предстану я безъ горькаго утѣснѣтъ
И ты тогда совѣтъ мой вѣрѣ поймѣтъ;
Не ситъ тебѣ какъ мечъ, какъ идѣ опасѣтъ.

Кто зрѣлъ ее, тотъ умираетъ
И слухъ въ урюкой полуночи
Бродитъ, что, будто какъ металлъ,
Лавили голубылъ очи,
И только свадьбы лишь могли
Смотрѣть на дѣву патріи
Они платили пѣснопѣяньемъ
За пламенный восторга часть,
И, проведя въ нѣмнѣ видѣньемъ,
Быть сгрозенъ ихъ невѣстный гласъ.

Къ другу.

Блестящій на лонѣ вдохновенъ,
Съ дѣятели и пылкой душой,
Я не плавленъ пересной крикою;
Но я пишу земного упоенья.
Любовь и, оидетъ, какъ тѣнь пустаго сна.
Не буду и счастливымъ близъ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, другъ, узнать не долженъ кто она.
Навѣкъ мы съ ней разлучены судьбою.
Я побѣдить жестокость не умѣю,
Но я пишу отъзвѣтъ и мессѣ съ соборъ;
Но я въ любви мого засеренъ
Какъ воръ сѣдой элгохония дѣлѣи
Не являю еще въ своихъ грѣхахъ,
И еще, пушинокъ, съсѣдѣ съ
И мнѣ, ему товарищѣ, ножъ въ
Стремится медлѣнно толкаю
До гроба самого отъ самой колыбели
Игралище и рока, и страстей,
Къ одной святой, нечистой, иной цѣлѣ.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣть во дни былые,
Но мнѣ мяткій страданія земныя —
И къ нимъ привыкъ и не оставляю ихъ..

1830.

Портреты.

Взгляни на этотъ ликъ искусствомъ
Небрежно на холстѣ изображенъ,
Какъ отголосокъ мыслей не земной,
Не вовсе мертвыи, но совѣтъ живого
Холодный взоръ не видѣть, но глядѣть
И всякого, не правясь, удивить;
Въ устахъ нѣтъ словъ, но быть они должны:
Для словъ уста такіа рождены;
Смотри: лицо какъ будто отолзло
Отъ холста, и блѣдное чело
Лань, потому не страшно для очей,
Что намъ извѣстно: не проза страстей
Ему дала болѣзненный тогъ цвѣтъ,
И что въ груди сей чувству и сердца вѣтъ.
О Боже, сколько я видѣлъ людей,
Ничтожныхъ—презъ картиною моею,
Душа которыхъ мнѣ жила,
Чѣмъ общаешь видъ сего чела.

Наставитъ день—и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На жетѣ казни—гордый, холь презрѣнный,
И кончу жизнь мою;
Високии предъ людьми, не предъ тобою,
И твердо жду тогъ часъ
Что смерть? Ишь ты не извинишь душою—
Смерть не разорвѣтъ пача.
Иная есть страна, гдѣ предразудѣи
Любови не охладѣтъ;
Идѣ не отниметъ счастья изъ души,
Какъ здѣсь, у брата брата
Когда же вѣсть брошенъ причиненъ
О габѣи мѣи.
И, какъ поведѣ, стѣнѣтъ вселенныи
Тонна дружнаго люда.
Тогда, мого, единого стѣно
И ти холодила прѣхъ
Того, кто часто, съ сиротѣю тоскою
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобою открытъ
Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если нѣтъ мнѣ позоромъ
Сѣбѣ стѣнѣ ты
И возмущенъ неправеднымъ укоромъ
И рѣчью клеветы
Облеченную тѣнь.. не жди пощадъ:
Какъ чернѣ къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и въ едѣи мнѣ отдалъ
Несносенъ будетъ ей,
И будешь познать прѣжнюю безнечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь твоѣ долга, какъ вѣчностъ,
А все не будешь жить.

Къ Д.

Будь со мною, какъ прѣжде бывалъ,
О, скажи мнѣ хоть слово одно.
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыгласъ,
Что хотѣлось ей слышать давно!
Если всеру надежды хранился
Въ моемъ сердцѣ—оно оживетъ,
Если можетъ слеза появиться
На глазахъ—то она упадетъ
Вѣтъ слова, объяснить не могу я,
Отчего у нихъ влѣсть надо мною;
Ихъ услышавъ, очнѣтъ оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.
О, повѣрь мнѣ, холодное слово
Уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодого
Ядовитое жало змеи!

Пѣсни

Желтый листъ о стебель бьетъ
Передъ бурей;

Сердце бѣдное трепещетъ
Предъ несчастнымъ.
Что зѣ важность, если вѣтеръ
Мой листокъ одиноки
Унесетъ далеко далеко..
Пожалѣть ли объ немъ
Вѣтка спраш!
Зачѣмъ грустить молодцу,
Если рокъ судилъ ему
Угаснуть въ краю чужомъ?
Пожалѣть ли объ немъ
Красна дѣвица!

Къ Персу.

Скажи, для чего передъ нами
Ты въ кудри вплеталъ цвѣты?
Собя ли украсишь ты рожи
Прелестной, минутной, какъ ты?
Зачѣмъ приводишь намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увидѣть, что взоръ твой забудетъ
Восторги надеждъ и любви?
Давно же я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты сморишь впереди;
Смѣешься надъ временемъ, будто
Персу оно обойдетъ..
Ужель ты безумнымъ веселѣмъ
Прогнать только хочешь порой
Грѣдшаго тѣни? Ужели
Чужда ты веселѣю душой?
Нѣтъ лѣтъ протекуть: ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою гласъ,
Къ себѣ на душистое ложе
Филтъ не зманишь ты насъ.
О, лучше умри поскорѣ,
Чтобъ юный красавецъ сказалъ
«Кто былъ этой дѣвы милѣ?»
Кто раньше ея умираетъ!..»

Силузѣ

Госъ у меня твой силузѣ;
Мнѣ мнѣ его печальный цвѣтъ,
Виспитъ онъ на груди моеи
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.
Къ глазамъ вѣтъ жизни и огня,
.. то онъ вѣчно близъ меня,
.. гдѣ ты, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

И не люблю тебя: страстей
И мнѣ умчался прѣжній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моеи
Все живъ, хотя безсилѣн онъ.
Другимъ предавшись мечтамъ,
Я все забыть его не жотъ;
Такъ храмъ оставленный—госъ христі,
Кумиръ поверженный—госъ Боги!

ПОРТРЕТЫ МОСКОВСКИХЪ ЗНАКОМЫХЪ

I

В. Л.

Какъ духъ отчалилъ я
Мою ты душу обидѣ
О, для чего тебѣ не вѣтъ
Ее съестъ вѣтъ у мѣнѣ?
Моя душа—той вѣчный храмъ.
Какъ божество, твой образъ тамъ;
Не съгъ небесъ, лишь отъ него
И жѣ спасенья своего.

II

Н. Ф. И.

Ты Богу, чторъ вѣтъ вы не знали,
Госъ вѣтъ, тогъ вѣтъ, тогъ вѣтъ,
И чторъ вѣтъ не знали и чторъ
Фигъ вѣтъ, мнѣ вѣтъ и чторъ
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали

III

Бухарина.

.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали

IV.

Н. Нарышкин.

Вѣтъ жалко насъ: вы такъ устали!
Бы не хотѣли танцовать—
И цѣлый вечеръ танцовали!
Какъ наконецъ не перестали?
Но, если бѣ вѣтъ цѣлѣть умѣли
Вашъ умъ, любезность вашихъ словъ,
Клянусь безсмертѣмъ богамъ,
Тогда бѣ мазурки опустѣли.

V.

Мартыновой.

Когда поспоритъ намъ придется,
Не спорте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ
Тому, кто въ этомъ признается;
Кто съ нами разъ поговорилъ,
Тогъ съ нами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ
И что другое все забылъ.

VI

Телотой.

Не даромъ она, не даромъ
Съ оставшимъ гусаромъ.

.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали
.. вѣтъ, чторъ вѣтъ не знали

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских дружб почей;
Нить у меня подарком: я бѣдна,
Но мнѣ душа Создателемъ дана
Подобная твоей.
Въ несчастный день захватъ ты сюда:
Подъ мольбой буркой съ горестнымъ лицомъ...
Ахъ! для меня сей день, когда

Такъ ясно солнце, хочешь навсегда
Ты мрачнымъ сдѣлать днемъ
Взгляни! вокругъ сплѣются цѣли горы,
Какъ великаны, грозною толпой:
Лучи зари съ крестами—ихъ уборъ:
Мы вольны и добры;—зачѣмъ твой взоръ
Летитъ къ странѣ другой?..
Повѣрь, отчизна тамъ, гдѣ любятъ насъ;
Тебя не встрѣтятъ средь родныхъ долинъ,
Ты самъ сказалъ, улыбка милыхъ глазъ;
Побудь еще со мной хоть день, хоть часъ,
Послушай! часъ одинъ!..

онъ.

Нѣтъ у меня отчизны и друзей,
Кромѣ булатной шапки и воя;
И счастливъ былъ любовію твоей,
Но все таки слезамъ твоихъ очей
Не удержать меня.

Брововой кляпкой душу я свою
Огняговить, бауждаю много лѣтъ:
Полуда яровъ врага я не пролью,
Уста не скажутъ никому: люблю.
Прости: вотъ мой отвѣтъ.

Десятый часъ; ужъ темно, близъ заставы
Червѣютъ рядомъ старыхъ пять доновъ,
Заборъ другомъ. Высокій, худощавый
Приравнявъ на вавилонъ готовъ
Уснуть;—дожда не будешь, небо ясно,—
Весь городъ спать. Овъ долго ждалъ на-
прасъ,

Темпы всѣ она;—блещутъ только два—
И тамъ... чѣмъ не богата ты Москва?
Но, чу!—Къ воротамъ кто-то подъѣзжаетъ.
Лихи дрожки, кучеръ съ бородой
Широкой,—кони черные.—Слѣзаетъ,
Одѣтъ плащомъ, проказникъ молодой:
Скрипитъ за нимъ калитка; подъ ногами
Стучатъ, колеблется, доски. (Между нами
Скучу я, отъ ни чей не прервалъ сонъ)
Дверь отворилась,—свѣчка. Кто тутъ?—Онъ!

Его узнала дѣва молодая,
Снимаетъ плащъ и въ комнату ведетъ;
Въ шандаль мѣдномъ, тускло догорая,
Свѣча на нихъ свой лучъ послѣдній льетъ,
И на кровати съ высокою периной
И на стѣну съ лубочною картиной;
А въ зеркалѣ съ противоположной стороны
Два юныя лица отражены.

Она была прекрасна, какъ мечтание
Росница подъ свѣтиломъ южныхъ странъ.
Что красота? Ужель одно названье?
Иль груди высокая и гибкій станъ,
Или большіе очи? Но порою
Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ—любить никто не могъ,
Взоръ безъ огня—безъ запаха цвѣтень!
Она была свѣжа, какъ розы Деля,
Она была похожа на портретъ

Мадонны—и Мадонны Рафаэля,
И врядъ ли было ей осьмнадцать лѣтъ.
Лишь святости черты не выражали:
Глаза огнемъ неистовымъ пылали,
И грудь, волнуясь, поцѣлуй звала..
Овъ былъ не папа—а она была
Пу что же? просто дѣва молодая,
Которой все богатство—красота!..
И впрочемъ, замужъ выйти не желая,
Что было ей таня свои лѣта?
Она притворства хитрости не знала
И въ этомъ лишь другимъ не подражала;
Не все ль равно? Любить не ставить въ грѣхъ!
Та—одного, та—многихъ, эта—всѣхъ!

Время сердцу быть въ покоѣ
Отъ волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужъ не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
То безумной страсти слѣдъ;
Такъ все бурно море плещетъ,
Хоть надъ нимъ ужъ бури нѣтъ!..
Мой проступокъ передъ миромъ,
Предъ людьми моя вина,
Для которыхъ ты кумиромъ,
Но не другомъ быть должна,
И поклонниковъ ты встрѣтишь
И, блестая предъ толпой,
Межъ работъ ты не заметишь
Для себя души родной.
Неужли ты не видала,
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала,
Чтобъ унасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.
Но сердечнаго недуга
Не могла ты утѣять:
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть..
Такъ разсѣлисъ подъ громами,
Видѣлъ я, въ единый мигъ,
Пощаженные вѣками
Два утеса брговыхъ!
Но примѣтно сохранила
Знаки каждая скала
Что природа съеди...
А судьба ихъ раз...!

Какъ въ ночь звѣзды падучей пѣмны.
Не нуженъ въ міръ я
Хоть сердце тяжело, какъ камень.
Но все подъ нимъ змѣя.

Меня спасало вдохновеніе
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самокъ счастья нѣтъ.
Молю о счастьѣ, бывало...
Дождался наконецъ—
И тигостно мнѣ счастье стало,
Какъ для цари вѣнецъ
И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одианъ,
Какъ зѣвка мрачнаго, пустого,
Ничтожный властелинъ.

Склоняю ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! Ужель въ первый разъ
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
Въ моихъ объятіяхъ вотъ ужъ цѣлый часъ
Лежишь—а страха все не превозмогъ..
Не лучше ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою..
Что влзаетъ?—Я тебя люблю! люблю!..

Ты такъ хорошъ! Бывало жду, когда
Пастырь вечеръ; сяду о окна..
И мимо ты идешь бывало... Да,
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ среди отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ,
И я гордился тѣмъ, что наконецъ
Соперника мой—небесъ жалецъ.
Печать презрѣнія на моемъ челѣ...
Но справедливъ ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ не безчестье—но позоръ?
Но вѣрь, невивныхъ женщинъ повсе нѣтъ;
Лишь по желанію случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставить въ грѣхъ
Та—одного, та—многихъ, эта—всѣхъ!

Родителей не знала я своихъ;
Воспитана старухой чужой,
Не звала я веселья дней мздыхъ
И даже не гордилась красотой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
Я продана злодѣю... Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
Съ тѣхъ поръ я гибну, гибну—день отъ дня!
Мнѣ миль мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя любить, тебя на мигъ одианъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ!
О, наслаждайся! Ты мой господиъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ быть,
Меня въ своихъ объятіяхъ задушить—
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя..
Мой другъ! чего не вынесешь, любя!..

Какъ лучъ зари, какъ розы Деля
Прекрасенъ цѣлтъ оя занять;
Какъ у Мадонны Рафаэля,
Ея молчаніе говоритъ
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,

Не откровенна, не притворна,
Парочна, мавлося, ова
Была для счастья создана.
Но свѣтъ зего не уничтожить,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбие не унижитъ,
И тѣхъ не обольститъ очей
Парадной маскою своей?

Ея * * *.

Я не унижусь предъ тобой:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моею душою
Знаю, мы чужие съ этихъ поръ.
Ты позабыла и свободы
И блужденія не сдѣла;
И такъ пожертвовала я годы
Твоей улыбкѣ и глазамъ,
И такъ я слышномъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ,
Чтобы тебѣ любить слытъ!
Какъ знати? Быть можетъ, тѣ мгновенья,
Что протекли у ногъ твоихъ,
И отнималъ у вдохновенія!
И чѣмъ ты заманила ихъ!..
Быть можетъ, мысляю небесной
И силой духа убѣжденъ,
И далъ бы міру даръ чудесный,
А мнѣ за то—безсмертіе оны..
Зачѣмъ этотъ цѣлый вѣкъ
Ты забываешь его вѣнецъ,
Зачѣмъ ты не была сначала,
Какою стала наконецъ!..
И гордъ!.. Прости! люби другого,
Мечтай любовь найти въ другомъ.
Чего-бъ то ни было земного
Я не сойзвѣюсь рабомъ.
Къ чужимъ горамъ подъ небо юга
Я удалюся, можетъ быть,
Но слишкомъ взлѣмъ мы другъ друга,
Чтобы другъ друга позабыть.
Отнынѣ стану наслаждаться,
И въ страсти стану плакаться всѣмъ;
Со всѣми буду я сѣяться,
А плакать не хочу ни съ кѣмъ,
Начну обманывать безбожно,
Чтобъ не любить, никакъ я люблю;
Никъ женщинъ уложить возможно,
Когда мнѣ ангелъ вѣнчалъ?
Я былъ готовъ на смерть и муку,
И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку—
Безумецъ!—лишній разъ позвать.
Не зная коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ;
Такой души ты знала ль цѣну?
Ты звала—я тебя не зналъ.

Любилъ съ пачала жизни я
Угрюмое единенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя.
Бояся, грусть не утѣя,
Будить людское сожалѣнье.
Счастливица, мнилъ я, не поймуть
Того, что самъ не разберу я;
И черныхъ думъ не улесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поджуга.
Мол неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сія лсты,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и съ буйными страстями:
Но взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперлся, изумленный
Ты покачала головой,
Сказавъ, что бозень разумъ мой.
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.
Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однако же пашеть я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему-то таинному стремился:
Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толикою звездъ ночные своды:
Къ тому, что обшачать намъ Богъ,
И что бѣ уразумѣть я могъ
Черотъ мышления и годы.

В старинны годы люди были
Совсем не то, что из насны днш;
[Поль въ мрть есть любовь] любили
Чистосердечнѣе мы.
(Древннй вѣкъ. п. 1. в. 14.)
Слышали насъ вѣбду и въ,
Но лгать сказанія моли
Все дѣло перепортятъ вѣрно,
То я вамъ точный образецъ
Хочу представить наконецъ
У вложъ ручейкъ холодной
В. 14. Изъ теплыхъ вѣтрей,
Не опасаясь змать оцел,

В переплывавшихся водах и в темноте,
В тумане, в облаках над водой, —
Взгляды и чувства твои, вдали твои таковы,
Как раздалась устье ода неслыханная,
А тыма утратить — ты твоя, что в море, там,
На берегу, склонивши взор к небу,
Стояшь вблизи небесного креста,
Она не живой, но также не мёртвой
Сей острый взгляд съезжался на твои
И два руки, сложенные крестом. (Ломь)
Предъём лежачу в волнах, и бегут,
И вновь приходять, и о склы быт;
Как легла вглубь, облака
Над морем носится издалека.
И вог глядит невидимый твой
На тог восток, где новый брезжит день
Где восток там вран и родной
И славы сдвиг, быть может открыт жгёт;
Там среди войн, ел неслыхан дил..
О, для чего так кончались они?
Прости, о слава, обманувший друг!
Опасный ты, но чудный, мощный звук,
И скинтер — нас разбил Паломов;
Хотя давно усерний, любить ои
Сей милай остров, брошенный в морях,
Где сгинул его и чернел съдвиг пражь,
Где он страдал, покинут от друзей,
Превратил судьбу с гордыней прежних дней,
Где ставил ои на берегу морях,
Как вил грустен, руки сложил крестом.
О! как в лице его еще видны
Сдвиг забот и внутренней вони,
И быстрый взор, дивный слабый ут,
Хоть чужд страстей, все полон притихи
думь

Когда гроза бунтуетъ и шумитъ,
И блещетъ молнія, и громъ гремитъ,
Мгновенный лучъ нередко озаритъ
Печальную тѣлю, стоящую межъ свѣтъ.
Сидитъ въ вѣхъ, какъ ни была страшна вѣзнь,
Могъ различитъ подвѣшенный смуглый ликъ
Подъ ильпюю съ нахмуреннымъ челомъ
И двѣ руки, сложенные крестомъ.

Эпиграфия Наполеона.

Да, твой, твою никто не переменяет,
Муж, рок! Ты съ людьми—что надъ тобою
Кто звалъ тебя возвестъ, лишь толь ни-
Великое жь ничто не измѣняетъ.

Къ групой красавицъ.

Тобой иткаться падала
Мое все зренье голово,
Но слышать, Боже сохрани,
Милъ отъ тебя одно хоть слово.
Иль смѣхъ, или страхъ въ душѣ моей
Замѣнить сладкое мечтанье,
И глухой смыслъ твоихъ рѣчь
Одеднать очарованье..
Такъ смерть красна издавека,
Кусая она дотѣхъ сглаголю,
За ней я слѣдую, пока;
Лвишь только-бъ не она за мною..
За ней я всюду полечу,
И наслажусь въ созрѣваньи
Не самъ привлеченъ, а въшмѣнее
И за волн.ра не хочу.

On N. N.

Путь смерти здець и сердце вперити.
 Для смерти сплывкомъ, веселье здець свѣтъ.
 И не тьомъ, илзнымъ, Творецъ судиць
 Горѣтъ, игратъ для тѣньи и мориць
 Хоть все возметъ могильная доска,
 Путь пожизельть смерти злоя рука,
 Путь лучъ-сь небесъ и, какъ въ роднѣхъ,
 Они блеснутъ зыбдѣмъ въ небесахъ.

И. Д. В. К. и др.

Вывази! далекая страна!
Вывази: вечною про н...!
И ты несчастная поля!
И окровавлена войной!
Ужель пещеры и скалы
Подъ дикой неведомо мги
Усыплют также враты страстей,
Зволят славы, злата и цндей?..
Ихти! прошлых лт не ожидан,
Чарств, въ оточерги, свое:

Свободѣ цркви и мнѣ край
Примѣтно любить за нее

Утро на Кавказе.

Свѣтасть. Выесть дикой дельной
Вопругъ лѣсныхъ горъ туманъ почной;
Еще у ногъ дѣвана тишина;
Молчать табуны, рѣка журчить одна.
Вотъ изъ свѣтъ новорожденный лучъ.
Зарѣею взругъ, проразивши мѣсяцъ тутъ,
И розовый по рѣкѣ и на камѣ
Разлился блескъ, и свѣтитъ тамъ и тамъ.
Такъ дѣвушка, вупаея въ тѣни,
Когда увидишь юношу они,
Краею бѣтъ вѣкъ въ землѣ сдѣланный востъ.
Ю какъ блѣжать, коль близокъ явленъ годъ.

STAND

Я не верну я о былом,
 Оно мне не утешит
 Мне нет, до злосчастия в нем,
 Что бы до сих пор было.
 Как в нас яде, стел
 Сурьяны чудными обжато
 И слогом зла занесено,
 И в ситовом престо, в стены забыто!
 Ответа на любовь мою

Напрасно ждать я думаю.

Дѣла бѣда моя мучю
 Я въ снѣгъ чисту пролѣту
 Я по ушамъ хвоща съ шумомъ
 Съ свѣтлымъ припудренымъ мнѣ
 Печаль тотъ ранимъ и сумракъ
 Моему вѣрному спутнику

Нася и нэу лэ ушере ре,
Ура на нэу змачеу лэ рэ,
Какэ жи и лэ змачеу мачеу
На свёлым змачеу ушере,
Видэ моу рэ лэ моу лэ рэ,
Ии ст лэ лэ лэ лэ лэ лэ
Нэко о мэ лэ лэ лэ лэ

Быть может, боюсь, что
Тогда вздохну и пойду,
Заплачу, милая, тебе
За долгое мое...

Прости, мой друг, прости, прости,
 Въ далеком кишлаке, в далеком кишлаке
 Хочу грустнѣть, хочу грустнѣть,
 Ты можешь жить, ты можешь жить,
 Или вѣдь бытъ, или вѣдь бытъ,
 Осталось мнѣ, осталось мнѣ,
 Тотъ взоръ, что въ твои глаза,
 Все кончено, все кончено,
 На песчаныхъ дѣлахъ твоихъ,
 Ничтъ, ничтъ, ничтъ, ничтъ,
 Меня забыть прѣрветъ, меня забыть прѣрветъ,
 И я тебя забуду, и я тебя забуду,
 И мучусь, если мысль ко мнѣ придетъ,
 Что и тебя несчастіе убоетъ,

Что вькогда съ ланичь и съ усть мечта,
Какъ дыжь, слетить, заянеть красота,
Забьется сердце медленнѣй—связанъ
Госки на вѣсть—и что всему конецъ!..
Одинокъ-жъ я желалъ бы увидать
Движъ хладный трупъ, чтобы себя сказать:
«Чего еще! Желанья отнаты,
Виднѣть, теперь совѣсь оставленъ ты!»

Ч е л н о в ъ.

Восток встать и свистать предъ дальними
По морю на темный востокъ, (Грозн,
Озарочный маятник, кидаемъ волной,
Лесется невѣрный челнокъ.
Два грѣба въ пень сидятъ съ безпокойнымъ

И что то у ногъ ихъ подъ бѣлыми

И вихорь сильный по волнать начал
И сорвать летучий покровъ.
Подъ нимъ человекъ неподвижно лежъ —
И блѣдный, какъ жертва гробовъ
Взоръ мрачепъ и дытъ, какъ сраженія дытъ,
Какъ тучи на вѣбъ, пль волны подъ
нимъ.

[illegible]

REFERENCES

Печаль моя глубже стужаши,
 Как в кувшины жемчужиней,
 И дождь и град и туман
 Все в них вливаеть глупости мои.
 И в кувшины сердца чужих муку
 Разбрызгиваю зной любовных,
 Уж не предвещаеть камешек звонъ
 И жемчужина в середине них?
 А что ж в пламени возмемой
 Сгораю, и до чистота го мнѣ,
 Но веди по моему судьбою,
 Какъ жить, полюбивъ ея тишину.
 И передъ судьбою плыть,
 Съ собой бесцельно любви,
 Умолчать, зовуя сердечныхъ словъ,
 Оставь, оставь, оставь я.

И ПУТЬ ЛЮБВИ Я СЛЫШАЮ
В-С, ЧЕМЪ ДОТЪ МОЮ СЕРДЦЕ М
И ПУТЬ ЛЮБВИ Я СЛЫШАЮ

Изданный среди существ, помню,
Останусь я им в кругу жизни,
На вѣкъ лилась долина стѣна,
И добродѣтели спосод

Дни жизни въ пашь до нѣсти,
Есть признанн душі, онъ чуждъ мнѣ,
Любовь, надежда, вѣрба, и мѣст,
Все, все похорошѣло ему
Онъ о помятъ жалкѣе томъ,
Гдѣ можеть памѣтъ обрѣсти
И предѣлѣе въ вѣснѣ вѣст,
Коль вѣстъ похорошѣло ему.

[illegible][illegible][illegible]

Вь нѣмъ стѣнухъ {каждъ вѣстѣ вѣстѣ}
 Слѣдѣхъ онъ сѣмъ. А мѣ
 Умѣхъ, вѣстѣ сѣмъ землѣ
 Обѣхъ на нѣхъ вѣстѣхъ тѣмъ.
 У вѣстѣхъ землѣхъ тѣмъ
 У вѣстѣхъ сѣмъ нѣмъ стѣнухъ
 У вѣстѣхъ сѣмъ нѣмъ стѣнухъ
 У вѣстѣхъ сѣмъ нѣмъ стѣнухъ
 У вѣстѣхъ сѣмъ нѣмъ стѣнухъ

1

II.

1574

«Евгений»

Впервые далам мой грустный трудъ,
И, слезы вымывъ, плачь подышавъ
И много плакавъ. Не придуть
Къ вамъ эти слезы—вѣчно имъ
Не освѣжать моихъ очей.
Когда катились они,
И думалъ, думалъ все о ней,
Ждалъ, и ждалъ другіе дни!
Ужъ пить ей, и слезъ ужъ пить,
И вѣтъ надеждъ. Передо мной
Блеститъ надменный, глумящій свѣтъ
Съ своей красивой пустошью!
Ужель и для него писалъ?
Ужель важному шуту
Я вдохновенны посвящалъ,
Лилъ сердца полную,
Цѣнить онъ только злато могъ,
И гордыя думы не постигать.
Мой гений силелъ себя вѣнчать
Въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ
Однимъ высокимъ увлеченъ,
Онъ только жертвуетъ юбкой;
Принести тебѣ лишь можетъ она
Любимые труды свои.

И я любил! Опыт к своим страстям
Брось, брось, свои безумные мечты!
Пора сложить, привыкшие к далям,
На этих кандидаток красоты,
Их как парад — как описать все вам?
Их парад, их путь, их вилы простоты!

Все такъ высоко, такъ громадно,
Възбужденно на нихъ нанесено.

Примѣня съѣсъ въ ихъ пошлой болтовнѣ,
Уста всегда оказали готовы. *мысли*
И холодно ошѣ, какъ при луиъ
Намъ кажется при бубни портретъ;
Когда танцъ, то право жалко мнѣ,
Что въскъ такой вѣдетъ модный свѣтъ
Види думать гонимъ дѣлѣ, кисей.
Какъ зачичковъ, поимать моихъ друзей.

Сидѣть я жазъ, случайно, подъ огномъ,
И гдѣ-то гонима влила изъ окна,
Незавита, и въ теплѣ простомъ—
Но какъ божественна была она
Уста и вѣрь—стыжусь! Въ уаі моемъ
Головка та ничѣмъ не изгнана.
Какъ пѣнь сонъ младачехихъ ночей
Пли какъ пѣсня жатри вѣси.

И ево эка дѣлѣ уже прошло съ тѣхъ
О! вѣрьте мнѣ, красавица Москвы. [порт.]
Благотѣливыи ваншъ головной уборъ
Вокружить не въ силахъ ланшекъ головы.
Вѣтъ, ланша, шилинъ, буланъ ланшъ—вадѣръ,
Такой же вадѣръ, какой по-равне вы,
Когда вѣте адѣлѣ толпой вѣмечѣ.
А маминъ блугѣтъ на мамъ вѣдѣ.

Но для чего комѣтами я вѣсъ
Низвалъ, глумецъ, тупѣшнѣ то вѣмечѣ.
И самъ Баншунъ обѣщавшѣ то вѣмечѣ.
Комѣти за собою хвостъ вѣмечѣ
И это вѣмѣи признаю у насѣ,
Хоти что въ немъ нѣтъ не ра. чѣтѣ.
За мамъ-жѣ, хѣтѣтѣ ставленнѣхъ мѣмѣи
Въ рѣмѣи и бѣднѣхъ тѣмѣи.

О! женихъ! о сыны Масаловъ!
Какъ не надохнуть, когда тебя найдѣ,
Недантика, нѣтъ рода шѣтунковъ,
Средѣ юныхъ дѣвъ, какъ будто бы въ сидѣ;
Хотѣи и державшѣ разѣрѣ словѣ,
Но ты согласенъ на свою бѣду,
Что лучше все не думавъ говорить,
Чѣмъ глупо думать и глупѣй судить.

Ошѣ чванится, что точно русскіи онѣ;
Но еслибы таковъ былъ весь народѣ,
То я бы нѣтъ Руси пустился вѣнѣ.
И то сказать, чудеснѣи патриотъ
Лишь своему языку обученъ;
Ошѣ этимъ край родной не выдастъ;
А то-бѣ узнали всѣхъ земли концы.
Что есть у насѣ подобные глупцы.

Продолженіе впереди.

Пѣснь Барда.

Я долго былъ въ чужой странѣ,
Дружить Дѣшѣра съдой пѣвецѣ,
И вдругъ пришло на мысли мнѣ
Кѣ нимъ возвратится наконецъ.
Пришелъ—съ гуслими за спиною—
Былую пѣсню заигралъ.

Направо!—Клязь земли родной
Ирпѣзу ханскому внималъ
Въ пустыни, гдѣ явился врагъ,
Понесъ я старую главу,
И повиралъ мой каждый шагъ
Окровавленную граву
Сходилъ въ бронзовѣхъ костяхъ
Толпы зѣрей и пѣньи эфѣишѣхъ
Затѣмъ, что больше было тамъ
Число убитыхъ, чѣмъ живыхъ
Кто могъ бы снѣтъ хотѣи нѣтъ одну
Отчаяннымъ движеньемъ рукъ
Задѣвъ дрожащую струну.

Случалось, восторгалъ я звукъ,
Но умиралъ такъ скоро онъ!
И если бѣ снѣмалъ сонъ нѣтъ,
То гвѣнѣи свобода стѣнѣ
Не трѣмалъ бы ево ушѣи
Вдругъ кѣ то у мѣмѣи стѣнѣ.
Зачѣмъ я часто снѣмалъ нѣтъ,
Гдѣ чѣмѣи такъ вѣмѣи жѣмѣи.

О комъ брѣмѣи, о комъ нѣтъ?
Пронзила эта рѣчь меня—
Пѣснѣи пропѣлъ по-равне вы,
На землю гусли бросаю я
И, молча, раздавилъ ногой

Черноокоя.

Тѣмѣи дѣлѣ, чернѣи вѣмѣи.
Исѣмѣи дѣлѣ, чернѣи вѣмѣи.

лѣ ступковой катеринѣи александрѣи
При вѣдѣи нѣтъ Среднѣи кѣ Miss Blacke;
шутка—предположилъ отъ M. Kord.

Вѣмѣи тебя до звѣмѣи порѣ
Я не слышалъ въ груди огня.
Встрѣчалъ ли твой прелестный взоръ,
Но билось сердце у меня.
Езъ лѣмѣи, по узенькимъ тропамъ
Нѣтъ-бѣи и брѣмѣи съ тобой;
Нѣтъ шумомъ любовался тамъ,
Моя не трогалъ голосъ твой.
И что-жѣ? разлуки первый звукъ
Меня заставлялъ трепетать,
Нѣтъ, вѣтъ! онъ не предвѣстникъ нѣтъ;
И не люблю—зачѣмъ скрывать!
Однако же, хотѣи дѣвѣ, хотѣи часѣ.
Еще желалъ бы здѣсь пробить,
Чтобъ блѣскомъ энихъ чудныхъ глазъ
Души тревоги умирить.

Благодарю.

Благодарю!.. вчера мое приванье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла.
Хотѣи ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманіе

Благодарю!

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣнѣи;
Твой чудный взоръ и ослѣпѣи рѣченъ
Остаются пѣнѣи нѣтъ нѣтъ мѣи,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала
Благодарю!

И бѣ не желалъ умножѣи въ цѣтѣ
Печальную толпу твоихъ рабовъ. [жизни]
И отъ тебя услимать вѣмѣи словъ
Являтели, жестокой укоризны:

Благодарю!

О, пусть холодность мнѣ твои зѣрѣ по-
Пускай убьютъ надежды и мечты [кажется,
И все, что въ сердцѣ возродила ты;
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ.

Благодарю!

Пища.

А вѣтъ сбитѣи святой
Стоить—пропѣи поданѣи,
Бѣмѣи, блѣднѣи в хуѣи
Отъ зѣмѣи, алѣи и страдѣи
Какая лишь хѣмѣи онѣи вѣмѣи
И лѣмѣи вѣмѣи живѣи мѣи,
И кто-то камѣи положѣи
Въ его протлѣи рѣмѣи.

Тѣмѣи я молилъ твоей прѣмѣи,
Съ снѣмѣи и рѣмѣи, съ тѣмѣи,
Тѣмѣи чувства лучшіи мои
Нѣмѣи обмануты тобою

Весна.

Когда весною разбитый ледъ
Рѣкой изволнованной идетъ,
Когда срѣчи полей, мѣмѣи,
Чернѣи голѣи земѣи,
Нѣмѣи, нѣмѣи, нѣмѣи
На полуночныхъ поляхъ:
Мечтѣи алѣи грусть лѣмѣи
Въ души неопытной моей;
Глижу, природа молодѣи,
Не холодѣи лишь только ей:
Записъ спокойныхъ пламенъ алыи
Съ собою время увѣдѣи,
И тотѣи, кто такъ страдалъ бывало,
Любѣи кѣ мѣи въ сердцѣ не набѣдѣи.

Моя желба.

Да охранился я отъ кушѣи,
Отъ дѣмѣи вѣмѣи любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣмѣи, и—
Отъ романтическихъ старушѣи.

Экспромтъ

Три граціи считались въ древнѣи мѣи;
Родились вы... все три, а не четыре!

Стансы.

Взглянувъ, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотѣи звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
И съ нею думы свѣтлыхъ дней
Слеза, которая не разѣ

Рвалась блеснуть перѣи тѣмѣи,
Ужѣи не придетъ, какъ тѣмѣи
На смѣи подосланный вѣмѣи
Смѣи, нѣтъ мѣи ты
И я прѣмѣи отѣмѣи
Съ тѣмѣи порѣи сердечной нѣмѣи
И ужѣи ничѣи не замѣи
Ничѣи не сблизитъ больше насъ,
Ничѣи мнѣи не отдастъ покои,
Али въ сердцѣи нѣмѣи чудными глазъ
«И не могу любить другихъ»

И лѣмѣи дѣмѣи страстѣи;
Но если порѣи земѣи
Снѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи,
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи

Кѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Мѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи

Передо мною лежатъ листокъ,
Совѣмѣи нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Но въ немъ евова случѣи рѣмѣи
Юмѣи надеждѣи и думѣи моихъ.
И нѣмѣи нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
И я вчера ево укрѣи,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать, какъ ужѣи страдалъ.

Сырѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Послѣдѣи нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Разлуки часть я часѣи страдѣи
Придѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи
Ахъ! и не знаѣи, когда глядѣи
На чудные глаза прекрасной,
Что часть прощанья, часть ужасный,
Ко мнѣ вѣмѣи подлетѣи
(Съ рѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи)
Мнѣи больше сердца не шѣи
Запрѣи въ углу уединѣи
Нѣмѣи, нѣтъ мѣи, нѣтъ мѣи

Почь IV

1830 года, почь. Августа 28

Однѣя въ тишинѣ почью,
Свѣча сгорѣвшая трещитъ.
Перо въ тетрадь записной
Головку женскую чертитъ.
Воспоминанье о быломъ,
Какъ тѣнь въ кровавой пеленѣ,
Спишитъ указывать перстомъ
На то, что было мило мнѣ.

Слова, который могли
Меня тревожить въ тѣ года,
Пылають предо мной вдали.
Хоть мной забыты ввѣща.
И тамъ скелеты промѣняхъ лѣтъ.
Слѣды увядшю толпой:
Межъ ними есть одинъ скелетъ—
Онъ обладалъ моею душой.

Какъ могъ я не любить тотъ взоръ?
Презрѣнья женскаго кинжалъ
Меня пронзалъ... но вѣтъ—съ тѣхъ поръ
Я все любилъ—я все страдалъ.
Сей взоръ невыносимый, снѣ
Вѣжитъ за мною, какъ призракъ,
И я до гроба осужденъ
Другого не любить никакъ
О! я завидую другимъ.

Въ кругу семейственнымъ, въ толпѣ,
Смѣяться просто можно мнѣ.
И поселиться отъ души.
Мой смѣхъ тяжелъ мнѣ, какъ свинецъ:
Онъ плодъ сердечномъ пустынь.
О Боже! вѣдь что, наконецъ,
Я илжу, мнѣ готовилъ ты.

Возможно ль черную любовь
Такою горечью облить?
Пригворствомъ взволновать мнѣ кровь,
Хотѣть насильникомъ остудить?
Желать и на другой предметъ
Излить огонь страстей своихъ
Но память, слезы перышекъ лѣтъ
Кто устоитъ противу нихъ?

Глазной красавицѣ.

I.

Амуръ спросилъ меня однажды,
Хочу ль испить его вина?
Я не пилъ въ то время жажды,
Но выпилъ кубокъ весь до дна.

II.

Теперь желалъ бы я напрасно
Смочить горящія уста,
Затѣвъ, что чина влаги страстной,
Какъ голова твою, пуста.

Могила бойца.

Тамъ.

Онъ, снѣгъ послѣднихъ дней дѣло,
О тѣхъ, кто въ снѣгъ пошелъ,
О тѣхъ, кто въ снѣгъ пошелъ,

Надъ нимъ бугоръ насыпанъ былъ,
Зеленой дернъ пругомъ.

Сѣдые кудри старика
Смѣшались съ землей:

Они взвѣвались по плечамъ
За чашей пировой.

Они бѣлы, какъ бѣлая волна,
Бьющихся у скалъ,

Уста, любимцы бесѣды,
Впервые хладъ скопалъ.

И бѣдышки мертваго,
Какъ ликъ его драгого.

Бѣднѣлъ, когда явился онъ.
Одинъ среди нихъ рыдалъ

Сырой землей покрита груда,
Но ей не таяло;

И черны, двѣяныя не боясь,
Молзеть черезъ чело.

На то ль овъ жилъ и мечъ носилъ,
Чтобъ въ часъ вечерней мглы

Слетались на холмъ его
Пустынные орлы?

Хоти пѣвецъ родной страны
Не разъ ужъ пѣлъ объ немъ,

По пѣснь—все пѣснь, а жизнь—все жизнь!
Онъ спитъ послѣднимъ своимъ

Къ...

Не говори: я трусь, гаупецъ!
О! если такъ меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же долженъ быть конецъ?

Чума въ Саратовѣ.

Cholera-morbus. 1830 года августа 16 днѣ!

Чума явилась въ нашъ предѣлъ;
Хоть страхомъ сердце стѣснено,
Изъ миллиона мертвыхъ тѣлъ
Мнѣ будетъ дорого одно
Его землѣ не отдадутъ.
И крестъ его не осыпятъ,
И пламень, гдѣ его сожгутъ,
Навѣкъ мнѣ сердце охладитъ

II.

Никто не припасется къ весу
Чтобъ одѣтъ, и не одѣтъ
Уста молшебины—очень
Не принимаютъ въ ротъ другихъ;
Лобзая ихъ, я бы былъ счастливъ,
Когда бъ въ себя ядъ смерти влилъ,
Затѣвъ, что сладость ихъ испилъ,
Я дѣла въбѣгъ забылъ.

80 июля (Наружъ) 1830 года.

Ты могъ быть лучшимъ королежъ
Ты не хотѣлъ. Ты полагалъ
Народъ унижить подъ арканъ,
Но ты французомъ не узналъ!

Есть судъ земной и для царей—
Провозгласить онъ твой конецъ;
Съ дрожашей головою твоею
Ты въ бѣгствѣ уронишь вѣнецъ.

И загорѣлся страшный бой,
И званья вольности, бѣлы духъ,
Идетъ предъ гордою толпой—
И зовутъ одинъ наполнилъ сзухъ;
И брызнула въ Парлакъ кровь.
О, чѣмъ заплатишь ты, тиранъ,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь гражданъ?

Когда послѣдняя труба
Разрѣжетъ звукомъ снѣгой сводъ;
Когда откроется гроба,
И прахъ свой прежний видъ возьметъ,
Когда появятся вѣсы,
И ихъ подыметъ Судия...
Не встанутъ у тебя вѣсы?
Не задрожитъ рука твоя?..

Гаупецъ! что будешь ты въ тотъ день,
Коль нынѣ сплѣдъ ужъ надъ тобой?
Предметъ насильника ада, тѣнь,
Призракъ, обманутый судьбой!
Безсмертной рапою убить,
Ты обернешь молящихъ взгляды,
И строй кровавый закричитъ:
Онъ виноватъ! онъ виноватъ!

Нерѣдко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто имъ прощалъ я то,
Чего бъ они мнѣ не простили.

И началъ рокъ меня томить:
Кара въ безвинно я за дѣло—
Отъ сердца чувство оглетѣло,
И я не могъ ему простить.

Я своя мѣсть людей являлся
Съ холоднымъ, сумрачнымъ челою,
Но взглядъ, куда бъ ни обратился,
Встрѣчался съ радостнымъ лицомъ.

Романъ.

Въ тѣ дни, когда ужъ вѣтъ надеждъ,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо нашихъ вѣждъ,
И легче на груди страданье.

Бабада.

изъ вѣрныя.

Берегись! берегись! Надъ Бургосскимъ путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ:
Онъ бормочетъ молитву во мракѣ ночномъ,
Напихду о прошлыхъ годахъ
Когда чаръ пришелъ въ нашъ родимый домъ,
Оскверняячи церкви порогъ, [асцовъ;
Онъ безъ дальнихъ словъ выпалъ вѣтъ черъ—
Одного только выгнать не могъ.

Для добра или зла? [Я слышалъ не одиъ,
И не мнѣ бы о томъ говорить].
Когда возвратился тѣхъ чѣтъ поподишъ,
Отъ викарь не хотѣлъ ихъ идти.
Хоть никто не выдавъ, какъ онъ мнѣ блу-
Монахъ, но затѣвъ вѣтъ жонъ, жонъ
Ибо слышалъ не разъ я египетскій рассказъ,
Который страшусь повторить.
Рождался ли снѣгъ, онъ рыдалъ въ тишинѣ,
Когда жъ прекратился снѣгъ, рдъ,
Онъ по звукамъ полагъ при бѣдной лунѣ
Бродить и вѣтъ и вѣрѣдъ.

Продолженіе вѣрѣдъ.

Итакъ, цѣпши! вѣрныя зтогъ звукъ
Твердитъ тѣхъ жестоко трудъ мой
Лрицаи!— тѣхъ бѣтъ вѣрныя стонъ
Эголь все, что я и въ вѣтъ [вѣтъ,
И вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ
И вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ

Смерть

Завать горитъ огненной полосой;
Любуюсь ямъ безжизненно подъ окномъ. [иномъ,
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надъ
Изжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,
То мысль объ пей. О! далеко оно,
И надъ моимъ недвижимымъ, бѣднымъ тѣ-
Не увидетъ слеза одна! [закъ
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуетъ здѣсь моихъ завитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утопѣтъ въ безднѣ безконечной.
Но ты... О! помянѣй о мнѣ, яраса моя!
Никто не могъ тебѣ любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

Вверху одна	Что я любилъ
Горитъ звѣзда;	Судьбѣ въ укоръ
Мой взоръ она	Мнѣ никогда
Маянѣтъ всегда;	Онъ зрѣтъ не могъ
Мои мечты	Какъ та звѣзда,
Она влечетъ,	Онъ былъ далеко.
И съ высоты	Усталихъ вѣждъ
Мнѣ радость зѣтъ.	И не смыкалъ,
Таковъ же былъ	И безъ надеждъ.
Тотъ вѣрный взоръ,	Къ нему взиралъ

Рассказъ.

Къ чему мнѣжное роптанье,
Закрѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ
[она была добра въ тебѣ—
Ты создавалъ самъ свое страданье.
Ты создавалъ самъ свое страданье.
Ты создавалъ самъ свое страданье.
Ты создавалъ самъ свое страданье.

Иль опь узнал — и умирает
Кровавой смертию бойца
Жизнь ребенка поднимает
Надъ блѣдной голодной отца
«Иль опь узнал — и умирает
И жизнь учить у женовой груди»

[illegible]

[illegible]

Я не достоин тебе и быт.
 И один прощай, а мык мучить,
 Но ты обманом и неправдой
 Над надежды и мечты,
 И я всегда скажу, что ты
 И прощай, и не прощай.
 Ты не коварна как змея,
 Лишь часто зовешь впечатлительных
 Душа вырвется твоя.
 Она увлечена мгновеньем:
 Ей милое много, вися
 Еще никто, но это миф
 Служить не может утешеньем
 В тьме, когда, любя тебя,
 И много довелось быть судьбой,
 Прощальный поцелуй однажды
 Я сорвал с твоих уст твоих,
 Но в зной, среди стен сухих
 Не утолить каприз жажды
 (Ой Бог, чтобы ты занесла опыт,
 Что не болдася потерять;

Но... женщина забыть не можетъ
Того, кто такъ любилъ, какъ я;
И въ часть блаженнѣйшій тебѣ
Воспоминавше востревожить!
Тебя раскаявше жалеть,
Когда съ насѣднкой проклянетъ
Нячужный міръ мое названье,
И побойлся защитить,
Чтобы въ преступномъ состраданьи
Вновь обвиняемой не быть!

В о л л.

Моя мать—злая кручина,
Откоя же была мнѣ судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться;
Гмъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротомъ,
Обманулъ.

Но мнѣ Богомъ дава
Молодал жена—
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная
Съ ней нашлись другіе у меня—
Мать, отецъ и семья,
А моя мать—степь широка,
А мой отецъ—небо далеко,
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали:
Мои братья въ абакахъ—
Березы да сосны.
Несусь ли я на конѣ,
Степь отбѣгаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порою—
Небо свѣтитъ мнѣ луною:
Мои братья въ лѣтній дѣви,
Призывалъ подъ тѣнь,
Маниуть падали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
И вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ—необъятно!

Сентября 28.

(ПѢСНЬ О ЛОПУХИНОЙ)

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милой!
И говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, вѣтное могилей,
Напоминалъ голосъ твой
Къ чему? Другой любилъ эти очи
И руку жметъ твою;
Другому голосъ твой во мракѣ ночи
Твердить: люблю, люблю!
Открылся мнѣ; ужасъ нецѣлостный
Можанія твои!
Она правды супружества не знаетъ,
Но не правды любви.

Опъ для тебя не созданъ; ты родилась
Для пламенныхъ страстей;
Отдай ему себя, ты не спросилась
У совѣсти своей!
Опъ чувствовалъ ли трепетъ потаенный
Въ присутствіи твоемъ?
Умѣлъ ли презирать онъ міръ презрѣнный,
Чтобы мыслить объ одномъ?
Встрѣчалъ ли онъ съ молчаньемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой?
И ласками ль онъ жерновалъ годами—
Мгновеньемъ съ тобой?

Нѣтъ! я увѣренъ: твоего блаженства
Не можешь сдѣлать тотъ,
Кто красоты паружной совершенства
Однѣ въ тебѣ найдетъ.
Такъ!.. ты его не любишь!.. Тайной властью
Приволок ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но вѣжливой, какъ любовь.

Бъ (В. Лопухиной).

Не вѣрь хваламъ и увѣреніямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сповѣдникомъ,
Но вѣрь, о вѣрь моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего;
Ты неспособна лицемерить;
Ты слишкомъ ангелъ для того

Метель шумитъ и снѣгъ валитъ,
Но слышу шумъ вѣтра дальній звонъ,
Порой, прорывшись, гудитъ—
То отголосокъ похоронъ,
То звуки могилы подъ землей.
Угнетаетъ и давитъ
Цветокъ поблѣнный, гробовой
Который не поддается взору.
Пугаетъ сердце этотъ звукъ
И возмущаетъ онъ для насъ
Конецъ земныхъ вселенствъ
Но чаще—новыхъ первый ч

Небо и облады.

Чисто вечернее небо,
Ясны далеки звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка,
О, для чего мнѣ не вѣдалъ и подумать:
Звѣзды, вы ясны, какъ счастье мое!
Чѣмъ ты несчастливъ?
Скажутъ мнѣ люди.
Ты же несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды я небо—
Звѣзды и небо!—а я человѣкъ!
Люди другъ къ другу
Зависли
И же напротивъ
Только зарплату...
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ

1

Когда бл. въ покорности не знала
Нашъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Опъ въ нашу душу бл. не вложилъ;
Опъ не позволялъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Опъ не позволялъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда бл. намъ познаго блаженства
Не должно вѣчно было знать.

2.

Но чувство есть у насъ святое—
Надежда, богъ грядущихъ дней.
Она въ душѣ, гдѣ все азмное,
Живетъ наперекоръ страстей,
Она залогъ, что есть помыслъ
На небѣ, въ другой пустынь,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ вѣжливый,
И гдѣ тоска ея мятельной
Душа узавать не можетъ вновь.

Бъ Къ. Л. Г.—ой.

Когда ты холодно вынимаешь
Разсказавъ горести чужой,
И недоуменно качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящія нарды
Безумно радуютъ тебѣ,
Изъ отъ ребяческой досады
Душа возмущается твоя;
Когда я вижу, вижу ясно.
Что для тебя въ семнадцать лѣтъ
Все привлекательно, прекрасно.
Все—даже люди, жизнь и свѣтъ.
Тогда, измученъ испомыаньемъ,
Я говорю душѣ своей:
Составь, кто могъ земныхъ желаньямъ
Отдать себя во плоть дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этимъ—какъ она,
Своихъ надеждъ ты не забудешь,
Но для дружна—не рождена
Такъ! мнѣ великая хранилась
Въ тебѣ донынѣ, какъ зерно;
Съ тобою въ міръ она родилась.
Погибнуть ей не суждено!

Кто видѣлъ Кремль въ часъ утра золотой,
Когда лежитъ ватъ городомъ туманъ,
Когда мѣтъ храмовъ съ гордой простотой,
Какъ царь, бл. бл. бѣтъ бѣлая великанъ?

Я видѣлъ тѣнь блаженства, въ
Свѣтъ...
Не суждено имъ поладить...

Быть можетъ, манягъ только издали
Оно надежду, получаетъ—какъ знать?—
Быть можетъ, а бл. его стѣлъ презирать;
И увидать бы, что на стѣлѣ, въ мнѣ
Не стоитъ счастье, должно какъ звѣзды.

Кто снимаетъ мнѣ, что звѣзды ея рѣчей
Не отголосокъ рай? что душа
Не смолитъ изъ жаркихъ огней,
Когда въ нихъ смолитъ а. чуть дыша?
Что для мученика моего она,
Какъ ангелъ ласки, Богомъ создана?
Или! чистота ангела не вышнее въ томъ,
Что онъ смолитъ ея въ уахъ мнѣ.

И съ каждымъ годомъ шире то пятно;
И скр. не дойти, и тогда
Умѣю я смолитъ, смолитъ,
Партисо, мнѣ приоткрытъ прѣтъ
Мнѣ мечтаетъ и вѣтъ не чинитъ убѣтъ,
Мнѣ не смолитъ, мнѣ не смолитъ, мнѣ не смолитъ,
Мнѣ не смолитъ, мнѣ не смолитъ, мнѣ не смолитъ,
Мнѣ не смолитъ, мнѣ не смолитъ, мнѣ не смолитъ

И...
То чуждо мнѣ, и родную люблю
И болѣе многихъ, среди ея полей
Есть мѣсто, гдѣ я буду отдыхать,
Когда моя прахъ, свѣтившійся съ землей,
Плыветъ прѣкшій видъ отбавлять собой.
О, мой отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ вѣйти
Твоемъ гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ вѣдутъ столь разные пути,
Что избирать мнѣ мѣтъ тайный страхъ.
Есть равъ небесный—звѣзды, говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопрощу—и въ вѣтъ-то ядъ;
...то, что въ женскомъ сердцѣ и
...

Ты слишкомъ для вѣжливости мила.
И слишкомъ ты любезна, чтобы любить!
Полмѣру дѣтъ ты счастье бл. могла,
Но счастливой самой тебѣ не быть.
Блаженство намъ не посылаетъ рока
Вдвойнѣ.—Видѣла ль быстрый ты потокъ?
Брега его ильзуть, тогда какъ дуо
Всегда глубоко, холодно и темно.

Къ.

1) не скрывай ты плакала объ немъ—
И не его любишь; ояъ заслужилъ
Твою слезу, и если бл. былъ прагомъ
Мнѣ, то и бл. ст. тѣтъ него любилъ
И я бы могъ быть счастливъ, но зачѣмъ?
Искать условій счастья въ быломъ!
Искать и доислѣдъ доислѣдъ бытъ и тѣтъ,
Что зѣтъ, какъ ты жалѣла о другомъ

Оставь напраслины заботы
Не обижай милуешься дней
Всё нить не отк
За что бы меня люби
Ты любишь вечно,
Бого? ты вьдаться не долж
Тебя открыты мне б
Как же живая мол ду

Я чувствую споманье не забывал

Любовь, сохранившись в сердце дикомъ,
Къ однихъ лишь крайностяхъ горитъ
И въяло (тихо рои свертный
Возсталъ) меня не охлаждать,
И тень живущаго бить
Искать всюду за Мазепой.

Вос.

Сыны небес однажды надо мною
Стегались: воздвигались два бойца,
Одинъ — серебряной обвивая бахромою,
Другой — въ одеждѣ черной.
И явля злость противника второго,
Я показывалъ о воинѣ младомъ.
Вдругъ подыалъ онъ концы сребристаго по-
И я подъ нимъ застылъ — грохотъ. (Крове,
И кони ихъ ударились крылами,
И ярко брызнула изъ пазухи огонь;
Во пыхотъ отступалъ передъ громами,
И шло на землю чернымъ лопомъ.

Тростинка.

Сидѣлъ рыбакъ веселый
На берегу рѣки,
И передъ нимъ по вѣтру
Бачались тростинки.
Сухой тростиникъ онъ срезалъ,
И скважины проткнулъ,
Одинъ кончикъ зажалъ онъ,
Въ другой кончикъ подулъ.
И будто оживавший,
Тростиникъ заговорилъ —
То голосъ молодой
И голосъ вѣтры былъ.
И шѣлъ тростиникъ печально:
«Оставь, оставь меня
Рыбакъ, рыбакъ прекраснѣй,
Терзаешь ты меня!
И я была дѣвичествомъ,
Красавица была,
У мачехи въ темницѣ
Я вѣсегда пѣла,
И много слезъ горючихъ
Невинно я лила,
И равнью могилу
Безбожно я звала.
И былъ сыночекъ любимецъ
У мачехи моей.
Обмывала красавицу,
Пугала честныхъ людей.
И разъ пошла подъ вечеръ
Мы на берегъ крутой —
Смотрѣть на сини волны,
На закатъ золотой
Моей любви просилъ онъ —
Любить я не могла.

И деньги мнѣ дарилъ онъ —
И деньги не брала,
Несчастную сгубилъ онъ
Ударомъ въ грудь ножомъ,
И здѣсь мой трупъ зрѣлъ онъ.
На берегу крутомъ.
И пада мой могилу
Возмелъ тростиникъ большой,
И въ немъ живутъ печали
Души моей младой.
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Оставь же свои тростинки.
Ты мнѣ помочь не въ силахъ.
А плакать не привыкъ!»

Толп.

Безумецъ и! вы правы, правы:
Смѣшно безсмертье на землѣ!
Какъ смѣло желать я громкой славы,
Когда вы счастливы въ пылу?
Какъ могъ я цѣль предубѣждений
Умомъ свободнымъ погрязнуть.
И пламень тайныхъ угрызений
За жаръ поэзии принять!
Нѣтъ, не похожъ я на поэта!
Я обманулся, вижу самъ,
Пускай, какъ онъ, и чуждъ для свѣта,
По чуждъ за то и небесамъ!
Мои слова печальны, знаю,
Но смысла ихъ вы не поняли.
Я ихъ отъ сердца отрываю.
[Тобѣ, мучи съ ними оторвать!
Нѣтъ, не могу, не могу, не могу,
Вся моя душа въ нихъ,
Нѣтъ, и возмилусь я надъ вами,
Но не слышу ли отъ себя,
И слабую ль самозащиту
Мою погнѣшую любовь,
Все то, чему и вѣрять сраженно,
Чему не смѣю вѣрить вновь?»

Къ.

М. — Красное старанье!
Сыны мои, вы же
Обидели.
Вотъ все, чего не значить ты
Пусть въ этомъ имени хранитъ
Быть можетъ,
Но мнѣ ль нѣтъ
Надежды... О! онъ мой.
Мой — онъ святое царство
Души задумчивой моей
Ни страхъ, ни ласки, ни коварство,
Ни горькій смѣхъ —
Дай мнѣ сокровища вселенной —
Ужъ никогда не достать
Въ тотъ уголокъ сердца отдаленный,
Куда запряталъ и мой мечъ
Какъ помню, счастье пре...

И слезы крылись въ мѣстѣ томъ,
Но счастье скоро забывало,
А слезы вытекли потокомъ.
Бережь сокровища святыхъ
Теперь я выученъ судьбой:
Не встрѣтять ихъ глаза чужие,
Они умрутъ во мнѣ, со мной!..

Къ.

Печали въ моихъ писаньяхъ, но что за нужда?
Тебѣ не впадать мнѣ, мой другъ, никогда.
Онъ не прогонять улыбку святую
Съ твоихъ устъ, для которыхъ живу и тоскую.
Къ тебѣ не домыслится ни слово, ни звукъ —
Отънять безпокойный неизданный мучъ.
Пѣвца твоего ласка утѣшилъ не можетъ:
Зачѣмъ же онъ сердце твое потревожить?
О вѣдь! одна мысль, что слеза оиратитъ.
Тотъ взоръ несравненный, гдѣ счастье го-
рило,
Безумные бѣ звуки въ груди подавили,
Хоть прежде за нихъ лишь пѣвцы ты любилъ.

Къ.

Прости! Мы не встрѣтимся болѣ.
Другъ другу руки не пожмемъ;
Прости! твое сердце на волѣ...
Но счастья не сыщешь въ другомъ.
Я знаю: съ порывомъ страданья
Опалъ затрѣнешь его,
Когда ты услышишь названное
Того, кто погибъ, гдѣ давно!
Есть звуки — значенье ничтожно,
И презрѣно гордой толпой.
Но ихъ позабыть невозможно:
Какъ жизнь, она слита съ душой;
Какъ въ грибѣ, варено было
На днѣ аггъ звуковъ святыхъ;
И въ мирѣ поймуть ихъ лишь двое,
И двое лишь вздрогнуть отъ нихъ!

Мгновение вѣстей мы были,
Но вѣщало ничто передъ нами,
Въ чувства мы вдругъ истощили,
Сомгли похлѣдемъ однимъ,
Прости! не жалѣй безразсудно,
О краткой любви не жалѣй;
Разстаться казалось намъ трудно,
Но встрѣтиться было бѣ труднѣ!

Слова речки повторяя,
Позна надѣла душа твоя;
Ты говоришь: есть душа твоя,
И слеза вѣрши ея —
Оставь страданья! Будь покоенъ:
Гдѣ бы ни былъ этотъ миръ святой,

Душъ жившихъ сроднитъ ты достоянью,
А мнѣ до вѣка и до вѣка
Тому-то пущай и до вѣка
Кого помучалъ я въ вѣкѣ
Меня раздвинуть эта вѣка
И страшно здѣсь мнѣ...
А сходящая на вѣка
И кѣтъ о будущемъ...
Земля вала свои вѣка,
Она падать не должна!

И на вѣкѣ вѣкѣ
Прельщаетъ мнѣ...
Она не водитъ...
Толпу вѣдѣ...
И стала ея — не стала...
И груди волнѣ...
И въ вѣкѣ...
Царствѣ...
Улыбни, рѣки и черты
Твоей души...
Гдѣ волны твоей...
Гдѣ волны твоей...
И голосъ души проливаетъ.
Какъ воспоминае...
И сердце любить и сражаться,
Почти стыдится любви своей.

Слѣло вѣры тому, что вѣчно,
Что прошло и что встанетъ,
Если сердце мое
Встрѣтитъ вѣрное другое,
При разлуки, при свиданьи
Зажжетъ ему мое сердце.
Все на свѣтѣ рѣкло отало:
Есть надежда — счастья мало;
Незабвеніе, разлука,
То близнецы — это муча
Два счастья — дорожка ты,
То зачѣмъ его дѣлать ты?
Дли чего не жить въ пустыни?
Нѣтъ объ этомъ вспоминай мнѣ

Благая.

Куда такъ провалило, жидовка и аданъ
Часть утра, ты знаешь, далека
И...
И скоро спадетъ бѣлоснежка
Котъ мочитъ, вотъ чужбинный вѣкъ перлам
Взлетѣть отъ огни фонарей;
И жидовка...
Вотъ домъ — и звономъ у дверей...
Безмолвно жидовка у дверей стонъ
Какъ маршальный вѣтъ, бѣдѣ;
Потомъ, за суржонъ потинувъ, погучила,
И кто-то взглянуть изъ окна.

Въ Альбомъ.

изъ альбома.

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.
И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

Умирающій гладиаторъ.

J ave before me the gladiator No ..
Byron.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гре-
Руволеснящими широкая арена, [мигъ
А онъ, провозвѣщенный въ грудь, безмолвно онъ
лестно,
Во прахъ и крови скользятъ его колѣна,
И молотъ жалости напрасно мутный взоръ...
Надменный временщикъ и лстецъ его, сена-
Внѣшаютъ похвалой побѣду и позоръ... [торъ,
Что вѣнчаннымъ и толпѣ сраженнымъ гладиаторъ?
Онъ презрѣлъ и забытъ освѣщенными перлами!
И кровь его течетъ—последній мгновенны
Мелькаютъ—близость часъ... Вотъ лучъ воо-

Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шу-
мишь Дунай...
И родина цвѣтетъ—свободной жаясь край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для
Опца, простершаго въ жѣтущий длань, [брани,
Зовущаго изъ себя опору дряхлыхъ дней.
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ плачетъ, какъ въѣрь
Безчувственной толпы минутой забавой...
«Прости, развратный Римъ!—прости, о край
родной!»

Не такъ ли ты, о, европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Еще могилъ извоишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надежды—игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!
И предъ кончиною ты взоры обратишь
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно далъ лавы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безопасно ты забылъ.
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и цѣпи старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья,
Блещущихъ лаврами роскошныхъ сны.

Къ портрету стараго гусара.

[ник. ив. бухарову].

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая,
Покои обмачивая бываетъ сидина:
Такъ ихонъ покрытая бутылка въкова
Хранить струю ликутаго вина.

Къ Ник. Ив. Бухарову.

Мы ждемъ тебя, сѣвши, Бухаровъ,
Брось парикосельскихъ соломоуевъ!
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ.
Для насъ въ бѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ притѣнитъ соловья.
Нашъ милья въ утѣ твой серебряный,
И грубый пюсюан твой.
Памъ дороги твоя отъага,
Огнемъ думъ твоя полна,
Какъ вновь раскупренныи влага
Въ бутылкѣ стараго вина
Столыла проиллага обломокъ,
Межъ насъ остался ты одианъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ.
Цирокъ и бѣгны гражданинъ.

Эпиграмма на Кубольника.

Въ Большомъ...
Давали Сюппинъ И слушать и смотреть.
Ке...
Тогда...
Что...
Ну, что...
не родался

Игтаа Палестины

Сважи мнѣ, ...
Гдѣ ты рѣ, гдѣ ты нѣтъ
Какихъ...
Ты украшеніе...
У воды...
Востока...
Ночной...
Тебя сердито...
Молитву...
Нѣтъ...
Когда...
Солима...
И па...
Все тако...
Она...
Широкое...
Или...
Она увяла, какъ...
И долгий прахъ...
На...
Повѣдай: набожно...
Кто въ...
прай тебѣ...

Когда, росой обрызганный дуновеньем,
Гружывым вечером, или утра в часе знойной,
Из-под куста мнѣ лавдыль серебрыстый
Привѣтливо являешь голову;

Когда студеный ключь ирасть по оврагу
И, погружал мысль въ лавой-то смутный
Лепечет мнѣ таинственную сагу (совѣ,
Про мирный край, откуда злитесь онъ—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на члѣхъ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Гусарю-поэту.

А. А. П.—П.

Росписку проешь ты, гусарь,—
Я получила твое посланье;

Редилось въ сердцѣ упованье,
И легче стала судьбы удары;
Тыслъ платитъ намъ картина
И дерзкой еписавы рукою:
Изъ твоихъ стиховъ есть запахъ вишневый.
А яфима ямбическа

Тягавшая свобода
Тебя въ провансѣ избрала;
Давно для гласъ твоихъ природа
Покровъ обманчивый сняла;

Чуть тронешь ты жезломъ волшебныи
Хоть откровеннымъ преданьемъ,
Стихи звучать влечутъ къ безбывымъ
И люди шепчутъ съ похвалъ!

Такъ ильже въ стѣни безводной
Премудрый ксепаръ Ацонъ.

Услышалъ плачь и вопль народныхъ,
И ждалъ сваянныи поднимать онъ,
И на члѣхъ его удерживать
Надежды лучъ блестящъ жизни,
И тронуть камень оныи пѣмой,
И брызнуть ключъ съ привѣтнымъ шумомъ
Ново-рожденною струей

Ребенку.

въ алыомъ арѣ какъ вѣтромъ

Ну что скажу тебѣ я сиротѣ?
Мнѣ не съ-руки хвала и лѣсть:
Дай Богъ тебѣ побольше росту—
Други въ члѣхъ а въ лѣсть.

Кабабеку.

Снѣга на сѣверъ надвѣка,
Вѣхъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Телѣ, Кабабекъ, о страхъ Востока,
Близость а—страху—свой полкъ въ
Члѣкою блѣдомъ отъ вѣны
Твой лобъ наморщенный увять,
И гордый рожегъ человека
Твоей горныи мѣрѣ вѣнчавъ.
Послѣднѣи мѣрѣ вѣнчавъ.

Да отнесутъ твои скалы
Въ надвѣданный край, въ твою владѣльню—
Къ престолу вѣчному Азлы.

Молю, да снѣдѣтъ день прохладнымъ
На знойный долъ и пыльный цуть,
Чтобъ мнѣ въ пустынь безотрыкой
На камнѣ въ поидень отдохнуть;

Молю, чтобъ буря не застала,
Треми въ нарядѣ божовѣхъ,
Въ ущельѣ мрачнаго дарылаа
Меня съ намученнымъ кончѣмъ.

Но есть еще одно желанье.
Боясь сказать, душа дрожитъ.
Что, если и со дня изнаныи
Совѣмъ на роднѣ забытъ!

Панду ли твои прожвни обманъ?
Стариннымъ вѣтрѣмъ ли прихвѣтъ?
Азвонѣтъ ли чужии и брѣтѣи
Съ дѣлѣмъ постѣи мѣнѣхъ и вѣтъ?

Нѣтъ, снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Я пасулю на шлѣхъ рѣчѣи
Пѣхъ доухъ, шлѣхъ, бѣтѣрѣи
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.
О снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ, члѣхъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ.

Кинжалъ.

Довольно рѣхъ и вѣтъ,
Толѣхъ снѣмъ и вѣтъ,
Задумавъ и вѣтъ,
Пѣхъ снѣмъ и вѣтъ,
Пѣхъ снѣмъ и вѣтъ,
Вѣхъ снѣмъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ.

Но снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ.

Да, я не намѣнюсь я бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзныи.

Она постѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Какъ постѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Глѣдѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Вѣхъ снѣмъ и вѣтъ,
Идегъ ли—вѣхъ снѣмъ и вѣтъ,
Пѣхъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Тѣхъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Тѣхъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

Такъ, полныи дѣнѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Какъ, полныи дѣнѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Тѣхъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ.

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ
Змѣлюю голубой;
Какъ подѣлуй, звучитъ и таетъ
Твой голосъ мозговой.

За звукъ одинъ волшебной рѣчи,
За твои единныи взгляды

И радъ отдать красавицъ снѣи—
Грузинскіяи мой бузатъ..

И онъ порою сзвѣдъ блещетъ,
Заманчиво звучитъ;

Нря звукъ томъ душа грепещетъ,
И въ сердцѣи кровъ кинитъ.

Но жизнью бранной и илгежѣи
Не тѣнѣхъ я съ тѣхъ поръ,

Какъ услышалъ твой голосъ пѣжвыи
И вѣтрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ!

Глѣдѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ.

1858.

Поэтъ

Снѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,

Блѣдѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И долго онъ лежалъ, заброшенный потоми,
Въ походной лавѣи члѣхъи
Теперь родныхъ похвѣтъ, и вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Лѣнѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
Бѣтѣрѣи мѣнѣхъ и вѣтъ,
Къ снѣмъ мѣнѣхъ и вѣтъ,
И вѣнчавъ мѣнѣхъ и вѣтъ.

Памяти

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ОДОЕНСКОГО

1

Я знаю его: мы страстновали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнания
Дѣлили дружно; но къ полнмъ роднымъ
Вернулся я и время испытанья
Промчалось зловонной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Ночь, сдвину походомъ палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ увелъ летучий рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обмануныхъ надеждъ и горькихъ сомнѣній!

2

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ
надеждъ,

Поэзия и счастье... Но, безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одѣждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной,
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца, среди волнений трудныхъ,
Въ толпѣ людской и среди пустынь без-
людныхъ

Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь ную

3

Но онъ погибъ далеко отъ друзей..
Миръ, сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ лѣномъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ;
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушающихъ тебя не появлять ни единый..

4

И было ль то—привѣтъ странѣ родной,
Позванье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣднего недуга.
Кто скажетъ намъ?.. Твоихъ послѣднихъ
Глубокое и горькое значенье [словъ
Потеряно. Дѣла твои, и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ.
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснуть, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зайти? откуда?—кто ихъ спро-
ситъ..

5

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не вѣрялъ заботамъ дружбы вѣжной..
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ

Стоитъ чудное ему существованье:
И чѣмъ тебѣ вѣщны его вышаны
И тернѣя пусныхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергалъ нѣши:
Любилъ ты моря шумъ, мотанье сирей
свечи—

6

И мрачныхъ тѣхъ извѣстныхъ хребтовъ
И, вкругъ твоей могилой неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно!
Изъясъ стѣны свѣтлыя, и вѣщныя,
Серебряныя Кавказъ се обвѣстятъ;
Надъ моремъ онъ вахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, ежъ нѣмнѣе надъ нимъ сѣдъ,
Разсказамъ волнъ колыбельныхъ вымолъ,
А море Черное тамъ и тамъ шумитъ..

Кавказъ

На буйномъ иришествѣ задумчивъ онъ
Одинъ, покинутый безумными друзьями,
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,
Духовнымъ взоръ его смотрѣлъ.
И помню я, исполнены печали,
Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,
И шѣсень праздничныхъ, и хохота тостей,
Его слова пророчески звучали.

Онъ говорилъ: «Дилуйте, о друзья!
Что вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?
Надъ вашей головой колеблется сѣкира,
Но что жъ? изъ васъ одинъ ее увижу я

Къ Гр. Эм. Кар. Мусинной-Пушкиной.

[рожд. день]

Графиня Эмили

Ее имя..

Горный ея тали

На свѣтъ не встрѣтитъ.

И вебо Казань

Въ глазахъ ея свѣтитъ;

Но сердце Эмили

Подобно Настасии

(На рожденіе сына у А. А. Лопухина)

Ребенка милого рожденіе
Привѣтствуетъ мой запоздавший стихъ
Да будетъ съ нимъ благословенье
Ихъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ;
Какъ мать его, прекрасна и любва..
Да будетъ духъ его спокоенъ.
И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни старости..
Пускай глядитъ онъ безъ упрена

На ложный блескъ и ложныя міра шумъ,
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тѣни
Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

1810.

Первое января.

Какъ часто, цѣстрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозя
При шумѣ музыки и пляски, [свѣтъ,
При дикомъ шепотѣ затѣрженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездумные людей

Приличьемъ стаянуты маски;
Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной свѣтлостью, красавицъ горю
Дѣло безразличья [руки..
Нужно погрѣбать въ нихъ блескъ и свѣтъ,
А какъ и въ душѣ старинную мечту,

Потерявъ зѣвъ свѣтлые зѣвелъ
И если кто нибудь на мигъ удостоитъ
Завѣтъ и помяну къ бедѣи съ зѣвъ
Дѣла и толпой толпой широкъ
И вѣтъ съ блѣдностью и зѣвъ
Годится съ мѣсяцемъ и зѣвъ

И зѣвъ.. [зѣвъ.. и зѣвъ..
Зѣвъ.. [зѣвъ.. и зѣвъ..

А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Бѣлки туманы надъ полями.

Въ аллею темную ихожу я; сквозь дусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листья

Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:

Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье

Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дѣла

За рожей первое сынье.
Такъ, царствъ дивнаго всепальнаго господина.

И долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понини

Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ сѣтѣй островокъ безвредно средъ морей

Цѣлуетъ на влажной ихъ пустыни
Когда жъ, ономнившись, обманъ я узнаю,

И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,
На праздникъ нежданную гостью,

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желтый

Обитый горечью и злостью!.. [стихъ,

Казань. Колыбельная пѣснь.

Спи, младенецъ, моя прелесть..
Баюшки-баю.

Тихо смотришь мѣлещъ ласный
Въ колыбель твою

Стану сказывать, я скажи,
Пѣсню спою;
Ты жъ дремлѣи, закрывши глаза,
Баюшки-баю.

Но камнями струится Терекъ,
Насчетъ мутный ватъ;
Злой вѣтеръ ползетъ на берегъ,
Точить свои князья.

Но отецъ твой—старый воинъ,
Заклепъ въ бою;

[спя, м. толка буд. спокойствъ,
Баюшки-баю

Самъ ханъ..—будетъ время—
Врагомъ жите

Смѣло вѣдѣи.. нѣтъ въ стражи
И.. [ружы

Ч.. [ружы
Н.. [ружы

С.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Н.. [ружы
Н.. [ружы

Опять гибнет жертвой обманчивой.
 Когда ему въ пылу забавы.
 Обдумать зрѣлое творенье?
 За то какая благодать,
 Когда небо вздумает послать
 Ему изгнание, заточенье,
 Или даже долгую болѣзнь:
 Тотчасъ въ его удивленье
 Раздастся сладостная весть,
 Порой влюбляется онъ страстно
 Въ свою нарицательную печаль.
 Ну, что вы пишете? Неизлечимъ
 Узнать?

Да ничего...

Папрасно!

О чемъ писать? Востокъ и югъ
 Давно описаны, востыты;
 Толпу ругали все поэты,
 Хвалили все севенный кругъ,
 Въ югъ небеса неслись дуною,
 Бывали съ такою милою
 Къ Н. Н., невѣдомой красавице,
 И страшно надоела всѣмъ.

И дѣлашки, и дѣлашки
 Чтобы открыть, хоть вѣтъ журналъ
 (Опять мнѣ уже руси обломали,
 Во-первыхъ, сѣрая бумага;
 Она, быть можетъ, и чиста,
 Да какъ то странно безъ перчатокъ
 Читаешь—сотни овчарокъ!
 Стихи—такая пустота,
 Слова безъ смысла, чувства нѣту,
 Наткнулъ каждый оборотъ;
 Притомъ—сказать ли по секрету
 И въ рюмкахъ часто недотетъ
 Возьмешь ли поэту?—переводъ,
 А если вамъ и понравится
 Разсказы на родимый ладъ
 То вѣрно надъ Москвой съблестятъ,
 Или чиновниковъ бранить.
 Съ кого они портреты пишутъ?
 Гдѣ разговоры эти слышать?
 А если и случалось имъ
 И въ ма ихъ слышать не хотѣтъ..
 Когда же на Руси безлюдной,
 Развѣтавшись съ ложной мишурой,
 Мысль обильно языкъ простой
 И страсти голосъ благозвучный?

Я точно то же говорю
 Какъ вы, открыто пегодул
 На музу русскую смотрю
 Прочтите критику мою

Читайте, М. Н. Н.

Намекъ тонкий на то,
 Чего не вѣдаетъ никто.
 Хотя бы забавно было свѣту!..
 Въ чернилахъ вашихъ, господа,
 И желчи ѣдкой даже нѣту—
 А просто грѣзная пода

И съ этимъ надо согласиться
 По лѣтѣ мнѣ, душевно радъ
 А бытъ бы повсе не браниться—
 Да какъ же быть?.. меня бранишь
 Войдете въ наше положенье!
 Читаетъ всѣхъ и личный кругъ
 Нагая рѣзкость выраженъ
 По всякій оскорбляетъ слухъ
 Прилпче, всѣхъ и личный кругъ
 А что же вы въ дѣло ставите?
 Новыя мнѣ судьбою несть
 Даны и въ тяжѣнныя бѣды
 Свѣтъ, каково прочесть
 Всѣхъ и личный кругъ
 И что же вы въ дѣло ставите?
 Что?

Какъ описаны
 Какъ описаны

Вотъ, напрячьтесь
 Владѣть опъ и личный кругъ
 И чувствъ, и личный кругъ
 Опъ одарить всѣмъ и личный кругъ

Все это такъ на языкъ
 Не пишутъ

О чемъ писать? Вы
 Когда забл
 Два вѣдочны
 Когда и умъ и сердце
 И рюмки дружны
 Журча, одна
 Несутся вольно
 Вѣдочны, ч
 Въ думѣ про
 На мысли
 Какъ жемчугъ
 Тогда съ от
 П
 И мнѣ ч
 Предъ вами
 Но эти страсти
 Читаетъ дома онъ
 И ими посѣтъ б
 Опъ затоптъ
 Ужель ребяческія
 Воздушный, безотчет
 Дѣлашки стрѣго и
 Цѣль осмыслить и личный кругъ
 Вы знаете и личный кругъ

Тучи.

Тучки небесны, вьюные страпалки.
 Степью лазурною, цепью жемчужною
 Мчитесь вы, будто как я же, изгнанный
 Съ млага сѣвера въ сгорову южную.
 Кто же васъ тонкихъ судьбы ли решение?
 Зависть ли тайная? Злоба ли открытая?
 Или на васъ тяготитъ преступленіе?
 Или друзей клевета ядовитая?
 Нѣтъ, вамъ доскучили нивы безплодныя..
 Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
 Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
 Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія

Слышу ли голосъ твой
 Звонкій и ласковый -
 Какъ птичка въ вѣткѣхъ,
 Сердце выпрыгаетъ.
 Встрѣчу ль глаза твои,
 Лазурю глубокую—
 Душа моя на встрѣчу
 Изъ груди просится
 И жикъ-то весело!
 И плакать хочется
 И такъ бы на шею
 Тебѣ я винулся.

Сосна.

и въ тайнѣ

На сѣверѣ дальнемъ стоитъ одиноко
 На голой вершинѣ сосна,
 И дремлетъ, качалась, и снѣгомъ сыпучимъ
 Одѣта, какъ ризой, она.
 И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
 Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
 Одна и грустна на утесѣ горюющемъ
 Прекрасная пальма растетъ.

Любовь мертвеца

Пусть холодною землею
 Засыплютъ я,
 О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
 Душа моя.
 Любви безумнаго томленья,
 Жилецъ могилы,
 Въ страсти покоя и забвенья,
 Я не забывлю.
 Бѣсъ страха, въ часъ послѣдней муки.
 Покинувши снѣгъ,
 Отрады ждалъ я отъ разлуки—
 Разлуки вѣтъ!
 Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ,
 И тосковать,
 Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
 Не узнавалъ.
 Что мы снѣгомъ болѣе власти
 И рай святой!

И перенесъ земныя страсти
 Туда съ собой:
 Ласкаю я мечту родную
 Вездѣ одну;
 Желаю, плачу и ревную,
 Какъ встарину.
 Боснется ль чуждое дыханіе
 Твоихъ ланитъ,
 Моя душа въ нѣмомъ страданіи
 Вся задрожитъ.
 Случится ль—шепчешь, засыпая
 Ты о другомъ;
 Твои слова текутъ, пылая,
 Но мнѣ огнечъ
 Ты не должна любить другого,
 Нѣтъ, не должна;
 Ты мертвецу свѣтлейше словъ
 Обреченъ
 Уви! твой страхъ, твой жолкъ
 Къ чему онъ?
 Покой, миръ и забвенья
 Не надо мнѣ!

1841.

Оправданіе.

Когда одна воспоминанія
 О заблужденіяхъ страстей,
 На мѣсто славнаго позванія,
 Твой другъ оставить межъ людей—
 И будетъ спать въ землѣ безмалова
 То сердце, гдѣ кинула кровь,
 Гдѣ такъ безумно, такъ наивно
 Съ враждой барюлася любви.
 Когда предъ общимъ приговоромъ
 Ты смолчишь, голому склоня,
 И будетъ для тебя позоромъ.
 Любовь безгрішная твоя;—
 Того, кто страстью и порокомъ
 Затмилъ твои молодые дни,
 Молю, ласкательнымъ утѣшомъ
 Ты въ оный часъ не помни!
 Но предъ судомъ толпы людской
 Скажи, что судить насъ Писанъ
 И что прощать святое право
 Страдающему куплено тобой

Послѣднее новоселье

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди руко-
 паскани
 И вликовъ радостныхъ, встрѣчаешь хладъ
 Погибшаго давно среди
 Въ изгнаніи мрачнѣетъ и въ цѣпяхъ;
 Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливо хлещетъ
 Бѣнчаешь поздняго распанія погоню
 И вздорная толпа, довольная
 Гордится, прошлое забы

Негодование и чувству дать свободу,
 Нонивъ тщеславие ихъ праздничныхъ заботъ,
 Мнѣ хочется сказать великому народу:
 Ты жалка и пустой народъ!
 Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
 Все, все великое, священное земли,
 Съ извѣстной глупою ребяческою сомнѣній
 Тобой растоплено въ пыли.
 Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лацетърля,
 Изъ возлпости—орудіе палача,
 И всѣ запятныя отцовскія повѣрья
 Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча.
 Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ
 взоромъ,
 стѣпенный божественнымъ перстомъ,
 И призывалъ за вожда всеобщимъ приговоромъ,
 И наша жизнь слизалась въ немъ—
 И вы окрѣпли вновь въ тѣни его дер-
 жавы,
 И миръ трепещущій въ безмолвіи вразлѣ
 И ризу чудную могущества и славы,
 Которой васъ онъ одѣвалъ.
 одишь онъ былъ вездѣ, холодный, неиз-
 жывый,
 Отецъ сѣдыхъ друживъ, любимый сыновъ,
 Въ пескахъ египетскихъ, у стѣпъ покор-
 ной Вавы,
 Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
 А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
 Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
 Вы потрясали власть избранную, какъ бремя,
 Лочили въ темнотѣ кинжалъ!
 Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
 Въ искугѣ не покаянъ позора своего,
 Какъ женщина, ему вы измѣнили
 И, какъ рабы, вы предали его! (визжа,
 Липенный правъ снѣгъ и мѣста гражда-
 Разбитый своей вѣнечъ онъ связъ и бро-
 сить самъ,
 И какъ оставилъ онъ въ залогъ родного
 Вы сына выдали врагамъ! (сына—
 Тогда, отиготивъ позорными цѣпями,
 Героя увезли отъ плачущихъ друживъ—
 И на чужой скалѣ, за синими морями,
 Забытый, онъ угасъ одинъ—
 Одишь, замученный враждою неумѣстной,
 Безмолвною и гордою тоской,
 И, въ боевомъ плащѣ, какъ ратникъ не-
 Зарытъ насмѣхоу рукой... (извѣстный,
 Но годы протекли, и встрѣчаю плеча
 Кричатъ: «Подайте намъ его священный
 прахъ!
 Онъ нашъ; теперь его, грядущей жатвы сѣмъ,
 Зароемъ мы въ спасенныхъ нѣтъ стѣ-
 И возвратился онъ на родину. Безумно, (нахъ)
 Какъ прежде, вокругъ него тѣнились и бѣгутъ,
 И въ пышный гробъ, среди столпцы шумной,
 Останки тѣлныя владутъ
 Желаніе позднее утѣчно утѣ...

И, краткій свой восторгъ сжѣнивъ уже дру-
 гимъ,
 Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣ-
 толпа, дрожавшая предъ нимъ!
 И грустно мнѣ, когда подумаю, что вымѣ
 Нарушена святая тишина
 Вокругъ того, кто столько лѣтъ въ пустынѣ
 Такъ жадно ждалъ—спонсвилъ я сна!
 И если духъ вожда привяжется на свиданье
 Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежить.
 Какое въ немъ негодование
 При этомъ видѣ змилитъ!
 Какъ будетъ онъ жалокъ, печально томимый,
 О знойномъ остротѣ подъ небомъ дальнихъ
 странъ,
 Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, необходимый,
 Какъ онъ, великій окъ нѣ!

Сосѣдка.

Не дождался мнѣ видю свободы,
 А тюрьма для будо тона,
 И оное видѣ въ зѣмъ,
 И у дѣри снѣтъ въ зѣмъ
 Умѣлъ и мѣлъ мнѣ, оскѣнѣтъ,
 Къ снѣтъ оное мнѣ, оскѣнѣтъ..
 Мы проснулись сегодня съ зарей.
 И кинулась ей слегка головой.
 Разлучилъ, насъ саружилъ неволя,
 Позавомила общаа доля,
 Породнило желанье одинъ,
 Да съ днойвою рѣшеткой окно.
 У окна лишь поутру я сижу,
 Волю даю нечеловѣку взгляду—
 Вотъ напротивъ опощеcko стукъ!
 Заявѣлка подымается вдругъ!
 На мени посмотрѣла лгутовала!
 Опустилась на ручку головы,
 А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
 Полосатый скатился платокъ.
 Но блѣдая ея грудь молодая,
 И сидеть она долго, водихалъ;
 Видно, буйную думу тая,
 Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.
 Не грусти, дорогая сосѣдка!
 Захоти лишь—огорится вѣтъка,
 И, какъ божія птичка, вдводемъ,
 Мы въ широкое поле порхнемъ.
 У окна ты сидишь и дѣлаешь,
 Стоящей за ширину усидишь,
 А ужъ съ снѣтъ, что и пошлѣтъ дла-
 Постараюсь я справиться самъ. (рамя,
 Издери только почъ потемнѣе,
 Да отцу дай вина похмѣляйте,
 Да похмѣе, чтобы вѣдать я могъ,
 На окно полосатый платокъ.

Пыльный рыцарь

Молча сижу подъ оконъ лочъ темницы
 Снѣе нѣбо отсюда мнѣ видно:
 И нещѣ играютъ все волнаны птицы;
 И на вѣтъ, мнѣ в больно, и стыдно.

Иль на устах моих грешной молитвы,
 Иль в лихорадке по славу любезной;
 Пою и только старинный битвы,
 Меч мой тяжелый, да павильный желанный.
 Вь каменный павильный и нить закованъ,
 Каменный плетъ мою голову давить,
 Щит мой отъ стрѣлы и меча заколдованъ,
 Конь мой бѣжитъ, и нить изъ не править.
 Быстрое время—мой конь неуживчивый;
 Шлема забрало—рушетка боинны;
 Каменный павильный—высокая стѣна;
 Щит мой—дугунный двери темный.
 Мнѣ же быстрое, летучее время!
 Душно подъ новой броней мнѣ стало!
 Смерть, какъ придетъ, поддержитъ мнѣ стре-
 Силою и сединою съ лица я забрало. [мн,

Договоръ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣннѣе,
 Лишь верагадинный сонетъ;
 Пускай людскимъ предубѣжденіемъ
 Ты лишена семейныхъ узъ,—
 Но передъ вѣдами свѣта
 Не гну колѣнъ и мѣн;
 Какъ ты, не знаю въ нежъ предмета
 Ни сильной злобы, ни любви;
 Какъ ты, дружокъ въ весельи шумъ
 Не отличаю никого: [ночь,
 Дѣлюсь съ умными и безумными.
 Живу для сердца своего.
 Земного счастья мы не цѣнимъ,
 Людей прилькни мы цѣнить;
 Себѣ мы оба не измѣнимъ,
 А намъ не могутъ измѣнить.
 Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
 Сошлись и разошлись вновь,
 Была безъ радостей любовь,
 Разлука будетъ безъ печали.

Волшебные звуки.

Есть рѣчи—заченье
 Темно иль ничтожно;
 Но имъ безъ волнения
 Внимать невозможно
 Какъ полны ихъ звуки
 Тоскою желанья,
 Въ нихъ слезы разлуки,
 Въ нихъ трепетъ свиданья...
 Ихъ краткимъ привѣтомъ,
 Гдѣ онъ томился,
 Какъ, какъ, какъ...
 Душа озарится.
 Средь шума мірскаго
 И гдѣ я ни буду,
 Я сердцемъ то слово
 Узнаю повсюду:
 Не кончивъ молитвы,
 На звукъ тотъ отвѣчу

И брошусь какъ битвы
 Бѣгу и на встрѣчу
 Каждый въ нихъ дыша,
 И жизнь въ нихъ играя,
 Ихъ много слыша,
 Одинъ понимаю.
 Даны сердца родного
 Колеса въ нихъ мѣни
 Волшебного слова
 Цѣлительные звуки,
 Душа ихъ съ моленьемъ,
 Какъ ангела встрѣтитъ,
 И долгимъ бѣшенемъ
 Имъ сердце отвѣтитъ.

Взвѣшанно.

Исправить съ тобою, братъ,
 Хотѣлъ бы я забыть:
 На свѣтъ мило, говорить,
 Мнѣ осязаетъ жгуче!
 Поидемъ скоро ты домой:
 Смотри жъ... Да что! моей судьбой
 Сказать по правдѣ, очень
 Ничто не осязаетъ.

А если спросить кто-нибудь...
 Ну, кто бы ни спроситъ
 Скажи имъ, что на вылетъ въ грудь
 Я пулей раненъ быть,
 Что умеръ честно за царя,
 Что плохи были лекаря,
 И что родному краю
 Поклоняю я посылку.

Она и мать мою сдѣла
 Заставить ты въ жгучихъ
 Признанья, приво. было бы жаль
 Мнѣ опечалить ихъ;
 Но если кто изъ нихъ и жи
 Скажи, что я пишу тѣмъ же.
 Что полкъ въ походъ посланъ
 И чтобы меня не ждали
 Сосѣдка есть у нихъ оди
 Какъ вспоминаю, какъ яли
 Разстаюсь. Оби мнѣ он
 Не спросить... Все жъ
 Ты разскажи всю правду
 Пустого сердца не жаль
 Пускай она поитъ
 Ея ничего не жаль

Видъ горъ иль степей Кавказа,
 [изъ „Кавказскихъ сонетовъ“ Ждановича]

Аллахъ ли тамъ, среди шумъ...
 Застывшихъ волнъ, возмѣтъ твердымъ
 Притоны ангеламъ своимъ;
 Иль Дивы, словомъ роковымъ
 Сѣной утѣли такъ высоко
 Громады скалъ нагромождать,
 Чтобы путь на сѣверъ загра

Гамар.

[illegible]

(Наз. Г. Гне.)

She hebbin sich brille doch keiner
Wollte dem andern gestehen.

И сине-

Они любили другъ друга такъ долго и
нѣжно,
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мя-
тежной;

Но, какъ враги, вобѣгали признанья и востричь,
И были пусты и холодны ихъ притѣи рѣчи
Они разстались въ безмолвномъ и гор-
домъ страданіи

И милый образъ во снѣ лился порою впадши;
И смерть прижала: наступило за гробомъ.

Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.

Тамара.

Въ глубокой тѣснотѣ Дарьяла,
Гдѣ растетъ Терекъ во мѣстѣ,
Сквозь бѣлые бѣлыя столы,
Чернѣлъ, на черной скалѣ.

Въ той бѣлѣ, высокой и тѣсной,
Нарина Тамара жила,
Прекрасна, кротка и нежная,
Какъ дѣвочка—кончина и зла.

И тѣмъ, сивозъ туманъ полумоча,
Плещалъ оловякъ золотой.
Видѣла она пуглику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.

И слышала голосъ Тамары—
Она не могла забыть и сироты,
Въ немъ были всеобщіе чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пери
Шелъ поить, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворились двери,
Видѣла его мрачный ехъ.

На мягкой подушкѣ поила,
Въ яру и жемчугъ убрала,
И дала сна гостю. Шивѣла
Въ немъ все два кубка вина.

Слетались горячія руки,
Уста прижимали къ устами,
И странные, длинные звуки
Лекъ ночь шатавалась тамъ—

Какъ будто въ ту башню пустую
Сло юнойшей шалости и жень
Смѣшались на свадьбу ночную,
На тривогу бѣлыхъ пехоты.

Но только-что утра ея
Кидало свой лучъ на горы,
Минувшее и мракъ, и молчанье
И въ воцѣлился тамъ.

Лишь Терекъ, въ тѣснотѣ Дарьяла
Грѣлъ, нарушалъ тишину;
Болла на волну и тѣ
Волна цогалла.

Морской пареня

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спилили оны унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣгло,
Звучало оттуда: «прости!»
И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторгъ свиданья
И любви любви свиданья.

Свиданіе.

1.

Ужъ за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ.
Едва струей гремячею
Сверкаетъ жирный клочъ;
Сады благоуханья
Наполнились жемчужинами,
Тифлисъ облетѣлъ молчаніемъ,
Въ ущельѣ мгла и дымъ;
Летаютъ сны мучительны

И ангелы хранители
Встѣдуютъ съ дѣтьми.

Такъ, за твердыней старою,
На сумрачной горѣ,
Подъ сѣнкою чинары

Лежу одинъ в дуракъ:
Ужель не во снѣ.

Свиданіе, ночь угрюмую
Зачинаю я въ

И въ этотъ часъ такъ легко
Но счастливъ для зю
Тебя, мой другъ единъ,
Зовутъ мечты мои.

Внишу огни дозорные
Лишь на мосту горять

И въ постылую пещу
Изъ бани со пѣть сторожъ

Четы грузинъ куча
И въ улицѣ шумѣ

Предуть,
Но подъ снѣ

Твой домикъ съ крышечкой
Купается въ тѣнѣ

Среди прохлады, вѣтеръ
Надъ снѣгомъ Куропъ,

Онъ сѣбно зеленѣетъ
Опухаетъ плющевонъ

За тополью высокою
И вижу тамъ окно.

Хватила онъ рукой

Но свиданья одинокою
Не свидается оно!

5.

И жду. Въ недоуздѣхъ
Напрасно сродитъ взоръ;
Инижаломъ въ перильни
Издвзгалъ я коверъ,
И жду съ тоской безплодною;
Мнѣ грустно, тяжело..
Ночь сыростью холодитъ;
Съ востока пошелъ дождь;
Краснѣютъ за туманами
Сѣдыхъ вершинъ зубцы;
Выходятъ съ казанами
Изъ города башни

Прочь, прочь, снеса и срыва!
Кини душа моя!
Твоя и мнѣ черная
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!
И мнѣ мнѣ, злая!

Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна,
Кому виновна, виновна!

Зеленый листокъ оторвался отъ вѣтви
И въ стѣнь укатился, жестокою бурей го-
римы;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, добрался до Чернаго
моря.
У Чернаго моря кипара стоятъ молодки;
Съ нею шепчется вѣтеръ, лесной вѣтеръ
ласкал;
На вѣтвяхъ зеленыхъ начинаютъ райскія
птицы
Песнь онъ слышитъ про славу морского царя-
дыши.
И странникъ прижался у моря кипара

Прюта на время онъ молчитъ съ тоскою
И такъ тоскуетъ онъ съ тоскою

До срока созрѣть я и выросъ, и выросъ

Одинъ и безъ мнѣ, и безъ мнѣ, и безъ мнѣ

Засохъ и безъ мнѣ, и безъ мнѣ, и безъ мнѣ

Приняв же принеся мнѣ, и принеся мнѣ

Помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

И помоги мнѣ, и помоги мнѣ, и помоги мнѣ

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя;
Я б хотел забыться и заснуть...

Но не темъ холоднымъ сномъ могилы; —
Я бы желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремала жизни сѣзла,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб — всю ночь, весь день мой слух
 слышит,
 Про любовь мы сладкий голос слыш,
 Надо мной чтоб, вечно зелены,
 Темны дубы стоялися и шумели.

Чорезуви набоина.

Из мур царевича купаша коня,
 С ним злат: «Царевичъ, взгляни на меня!»
 Фыркаетъ конь и уныли шадеть,
 Брызгаетъ и плещетъ, и дель плыветъ.
 Сказали царевичи: «А царская дочь;
 Хочешь привзвестъ ты съ царевичемъ ночь?»
 Волгъ показался, рука изъ воды,
 Довнитъ за висти шелловой узды.
 Вышли младая потомъ голова;
 Въ косу вилелась морская трава
 Сивилъ очи любовью горятъ,
 Брызги на шеѣ, какъ жемчугъ, дрожатъ.
 Мыслилъ царевичъ: «Добро же, постои
 За косу ловно схватить оны руки».
 Держать. Рука боевая сивилъ
 Плещетъ, и молнитъ, и бьетъ она.
 Къ берегу ватилъ отважно плыветъ,
 Вышлалъ, товарищей громко зоветъ.
 «Эй вы! сходитесь, близе друзья!»
 Гляньте, какъ бьетъ добычи моя.
 Что жъ вы стоите смущенной толпой?
 Али брасы не выдали тайлой?
 Волгъ оглянулся царевичъ позадь,
 Ахнулъ! — померкъ торжествующій взглядъ.
 Видать: земля въ песокъ золотомъ.
 Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ
 Хвостъ чешую змѣиною покрытъ,
 Вѣсь, замирая, свивался, дрожитъ.

Пена струями сбегает с чела,
Она одела смертельная мгла
Вздымаи руки хватают песеня,
Шепчут уста незнакомый ужрск...
Вдот парвнчт зндучнво прочт.
Будет он помннть про парскю дочт.

И р о р о в ъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Великій Судья
 Мне далъ всѣхъ въ прощанье,
 Въ очахъ людей читаю я
 Страницы злобы и порока
 Пророгашать и стать любви
 И щадя чистый ученик:
 Въ меня все ближние мои
 Любятъ и обидятъ...

Посыпая веюмою и лавоу
Ить горюдоу бѣжаль и шпирь,
И вѣтъ, въ пу тѣхъ и я
Какъ птицы— зарочъ Божьихъ нишъ
Завѣтъ Предѣлнато Храинъ,
Мѣ тварь, вѣрнѣи тамъ земнѣи,
И завѣды сдѣлають зѣри
Лучами радости ити

Когда же через шумный град
И пробирного тарон
То старина делять говорит.
Съ узы кою самопожирон
«Мотрите: вогы прями! да възг
Уыз гордъ сызъ, не г. кл ст нмз

Что Богъ власныя его устави
Смотрите жъ, да и, вы и
Какъ оны угрюмы, и худы, и оледен
Смотрите, яже оны люты, и
Какъ презирають все его?

E. M. Berman et al.

Il est à
la nuit
C'est un ve

и р'якця. На перчатку між інших затрепаних
і сільної рукою поцімлюють

[illegible]

Евдокимов, И. В.

Бессердечный и често, хворый, крокодиловый, но-
визм в бурных боях

ПОЭМЫ.

1828.

Кавказскій плѣнникъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,

Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,

Межъ тѣмъ, черкешенскіи младики
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,

Лежалъ коверъ цвѣтотъ узорный
По той горѣ и по холмамъ;
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,

Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,

Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,
Въ долину, гдѣ рѣка
Течетъ, и гдѣ горы
Въ вышину возносятся
И въ долину низвергаются,

Надежды нѣтъ, нѣмь возвратится;
Но сердце повелѣтъ мнится
Въ родимый край — Оны душой
Товари въ думѣ роковой.

Но плыль возникалась надъ холмами
 Сть стадыя в борыхъ тождествъ,
 Онъ усталыми шагами
 Идуть домой Ланъ вѣрныхъ и сѣнь
 Не раздавался перуть аула,
 Природа шумная утихла,
 Личи слышеть дѣтъ издалека
 Манящъ унылый. Вторить горы,
 И тишесть оязъ, какъ стичеся хоры,
 Какъ шумъ притѣнный ручьямъ:

HSEB.

Какъ сильной грозой
Сосну адругъ согнеть,
Провзвонный стрѣлою
Какъ левъ зареветь:
Такъ русскій средѣ бою
Предъ нами въ идесть,
И сжѣлой рукою
Чтецъ возметъ
Гриву золотую
И саблю стальную,
И въ горы уйдетъ.

Ни кони, оживленный
 Военной трубой,
 Ни варвар, смятый
 Византийской борьбой,
 Страшней не трепеще,
 Когда вдруг возбешется
 Князь из родовых.

Внимая пѣшники ушело
Печальной пѣсни сей для нихъ,
И сердце въ грусти страшно пыло...
Ведутъ чересы къ саяхъ ихъ
И, привлаивая у забора,
Ушли. Межъ нихъ огни трещитъ;
Но не слыкается сонъ ихъ взора,
Не могутъ горестъ дня явбыти...

Y

Лягъ тысящъ томное сѣянье.
 Чересы храбрые не спятъ;—
 У нихъ шумливое собранье.
 На русскихъ нападать хотѣтъ.
 Вокругъ осѣдланые коня;
 Серебряныя блещутъ брони;
 На каждомъ дугъ, кинжалъ, волчанъ
 И машка на рюшняхъ наборныхъ,
 Для пистолета и арканъ,
 Руки; и въ буркахъ, въ шапкахъ черныхъ
 Къ вѣстугу старъ и младъ готовъ.
 И слышатъ стукъ издалика:
 Чересы смотрятъ межъ кустовъ
 И видко, вѣдомо!

Оны понуждают рукой могучей
Ковля, притягивая погой.
И влекут за ним арканы летучий
Младого павлинка сь собой
Гирей приближаясь—веревкой
Быль связавь русский, чуть живой.
Черкесь прыгнувъ—рукою ловко
Разрывавь янтарь;—но оны
Лежал на камнѣ—смертвны сонъ
Деталь надъ юной головою..

Черкесы скачут уж—какъ разъ
Сохрылись за горой крутою;
Урокомъ бѣгъ полночный часъ.

YIEL.

Отъ смерти лишь въ сожалѣнія
Младого русскаго спасли;
Его къ товарищамъ свесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидѣли близъ него всю ночь.

И блѣдный ликъ, изъ крови омывшй,
Горѣ въ пещахъ—онъ чуть дышать
И, смергивая холодомъ облитъ,
Протянулся [?], на травѣ лежать.

11

Ужь полдень, прямо надъ ауломъ,
На свѣтло-синей высотѣ,
Сіяетъ въ обычной прасогѣ.
Сливался съ протяжнымъ гуломъ
Стадо въ (?) черкесскихъ по холмамъ
Дыханье вътеркло въпорохныхъ,
И ропотъ ручейковъ нагорныхъ,
И плѣве птичьей по кустамъ.
Хребта Кавказскаго вершины
Пронзали синюю небесь,
И опералъ дремучій лѣсъ
Его зубчатая стремнина.
Обложень ступенями горъ
Распѣлъ узорчатый коверъ,
Тамъ подъ столѣтними дубами.
Въ тѣни, окованный кѣпши.
Лежалъ нашъ плѣнникъ на травѣ.
Въ слезахъ, склонясь къ младой
Товарищи его несчастны
Водой старались оживить
Но ахъ утраченного счастья
Ничто не могъ ужь во

Вотъ онъ, вдохнувши, приподнялся
И взоръ его ужъ открывался!
Вотъ онъ взглянуть!, затрепета.
Онъ съ незабытыми друзьями!—
Онъ, вспыхнувъ зарежьть дѣлши—
Ужасный звукъ все, все сказавъ!
Несчастный залился слезами,
На грудь къ товарищамъ ужалъ
И горько плакать и рыдалъ.

Счастливы еще, его мученья
Друзья готовы разделять
И вместе плакать и рыдать..
Но кто сего уже угнетенна
Лишнее им сей жизни слезы и бѣды,
Кто въ цѣлѣ юныхъ пылкихъ лѣтъ,
Изъ ренъ того чуждъ сердце цѣлѣ,
Чуждъ счастье издали манило—
И селъ годы унесал,
Но у цѣлѣ вѣать какъ прежде
Минулой радості въ надеждѣ,
Пусть не живешь тогъ на землѣ! [Ѳ].

xi

Дать, исполнишь мой ст. родной, стравою
 И чья горькая сирота! сказала,
 Грозилась проплотью мечтою,
 Да жиста воспоминала:
 И что проведешь злую юность
 И в пылу и жизни сладость,
 Да много чуждою душой,
 Где зная неселе и страданья,
 И в ови, несчастный, погубилъ
 Свои сердца упованья...

XII.

Онъ слышалъ слово: «нассед!»
И, обреченный тяжелой долъ,
Почти сдружился онъ съ неволей.
Съ товарищами иногда
Онъ пашь черваския стьда;
Глядѣлъ онъ съ нами, какъ лавины
Литятся съ горъ и какъ шумять,
Какъ лавой свѣзною блеснуть,
Какъ нмѣ кроются долины.
Хотя цѣлыми словзвѣтъ былъ,
Но часю въ Тереву ходилъ
И слушалъ онъ, какъ волны воютъ,
И дошвы свѣзъ угрозою рюютъ,
Текучъ среди дебрей и лѣсопъ...
Смотрѣли, какъ въ высотѣ холмовъ
Блеснуть огни сторожевые;
И какъ вокругъ нихъ ваззѣпъ
Глядѣтъ на музый токъ рѣкъ,
Слѣваясь на копы боевыя.
Ахъ! какъ, желалъ бы тамъ онъ бытъ,
До нѣдѣ мѣшала переилытъ.

viii

Когда же подняв надъ главою
Торбъ въ лучахъ, то плъкъ мой
Сидъ въ нещрь, гдъ огъ зною
Огъ могъ сокрытисъ. Подъ горой
Хъ лъзъ бѣлы. Лъзъ
Хъ гъи друге пастухи,
Хъ кустахъ, въ травѣ я бѣзъ рѣки,
Въ которой жажду утоляли..
И тамъ-то плъкъ мой глѣдѣть,
Какъ иногда орелъ летѣть,
Во вѣтру крыльы простираетъ
И, видя жертвы моѣ кустовъ,

Кортѣмъ хватаетъ пдругъ—и вновь
Нѣ съ крѣпкомъ лаврѣху поднимаетъ .
«Тавѣ, думаетъ ои: я жертва я,
Котора въ пищу нѣмъ взята».

XIV'

Смотрѣль онъ также, какъ кузачи
Иль сильей степью, по дорожѣ,
Савитки съ быстрыми воеми
По камнямъ острѣмъ, по врешнямъ
Летѣть, стрелѣныя презирая...
Иль какъ плечи и лавы младятъ,
Услышиша иже иже въ кузачѣ
То скакъ, по широкимъ, длиннымъ...
И вдругъ издалека исчезовѣ,
Возвѣя вихрь, песокъ и прахъ

11

[illegible][illegible]

Уже протянулись береговья..
Они ужь тамъ, и вь тамъ лѣсовъ
Себя отъ вѣзаконъ скрываютъ..
... Куда глядите, казаны?
Смотрите, волны у рѣкы
Съдою шѣкы забѣлѣли!
Смотрите, вѣсны въ чубѣхъ
Вострепещулись, улетѣли,
Сокрылись съ крикомъ на холмѣхъ!—
Чересы путчѣныя армяномъ
Въ свои ущелья звалекуть
И, скрытые ночьюъ туманомъ,
Оковы смерти вѣкъ нанесуть.

xvii

И что же это за стаи,
 В туману и в туманности,
 Как иногда чернешь чресть Терека
 Плывешь на вёрном тулук.
 Бумажит волны на рёкы,
 Бл. туман идыр дитый берег.
 На иль предъ вилъ вилъ грусть-
 Это оружия стальны:
 Болван, лук, стрелы бован,
 О шалка острая, ремни.
 Привязави, зенить ва немъ,
 Какъ точка, въ волнахъ оу мелькает:
 То виденъ вдругъ, то исчезаетъ...
 Вотъ оу причалил къ берегамъ—
 Безд безнечнымъ лизанамъ!

бухают или мчат, концы гофды лоп-
сются в плаз (Примеч. изв

A.V.

Средства на эти цели выделяются из бюджета субъекта РФ.

«Ах, русский, русский! что съ тобой!
Почто ты съ жалостно вѣщою
Речалень, хладень, мотвалень
А мой огчаянныи призывать?
Еще имѣешь въ свѣтъ другъ,
Еще невѣсты не теря,
Волова дѣши досуга»

Но смерть изображает взоръ;
Кладетъ на сердце тихо руку...
Тотъ медленно по скалу горъ,
На солнце искрами блесгая,
Спадаетъ злыба сибирская
Какъ летитъ съ нѣмъ пораженъ,
Бѣтъ чувства падаетъ она,
Какъ будто пули роковой
Отъ неждана, въ одинъ мигъ
Обоимъ вдругъ сразила ихъ.

XXX

Но очи русскаго смыкаеть
Ужъ смертью холодною рукою:
Отъ вздохъ послѣдній не пускаетъ...
И онъ ужъ тамъ... в крови рѣкой
Застыла въ жилахъ охладившихъ;
Въ его рукахъ оцѣпившихъ
Еще кинжалъ, блести, лежитъ;
Въ его всѣхъ чувствахъ оцѣпившихъ
Навѣки жизнь ужъ не горитъ,
Навѣки радость не блескитъ.

XXXI.

Межъ тѣмъ чернеетъ съ улыбкой злобой
Выходитъ изъ глуши деревъ,
И, волку хищному подобный,
Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
Погою гордой попираетъ
Убитаго... Увидѣлъ онъ,
Что тщетно потерялъ патроновъ,
И вновь чрезъ горы убѣгаетъ.

XXXII

Но вотъ она очнулася вдругъ
И лишь съ пѣвникой очами.
Черешневка! гдѣ, гдѣ твой другъ?
Его ужъ нѣтъ. Она слезами
Не можетъ ужасъ выражать,
Не можетъ крови омывать,
И взоръ ея, какъ бы безумной,
Порывъ любви изобразилъ;
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистѣи, поировавъ ея клубилъ...
Встаетъ... и скорыми шагами
Пошла съ потупленной главой
Черезъ поляну — за холмами
Сокрылась вдругъ въ тѣни ночной.

XXXIII.

Она ужъ къ Терску подходитъ,

Увы! зачѣмъ, зачѣмъ она
Такъ робко взоромъ вокругъ обводитъ,
Ужасной грустью полна?
И долго на бѣгуши волны
Она гадитъ, и взоръ бѣгловитый
Блеститъ звѣздой въ полночной тѣмѣ.
Она на каменной скалѣ —
«О, русский, русский!» восклицаетъ
Испули волны при зѣмѣ,
Объ берегъ брызнули они!
И дѣва съ шумомъ исчезаетъ.
Покровъ лишь бѣлый выплываетъ,
Лесется по волнамъ взождать —
Остатокъ грустный и печальный
Намѣтъ, какъ саванъ погребильный,
И скрылся въ каменныхъ скалахъ.

XXXIV

Но кто убийца ихъ жестокий?
Онъ былъ съ сѣдомъ борою;
Не видя дѣвы черцоюю,
Сокрылся онъ въ глуши тѣсной.
Увы! то былъ отецъ несчастной!
Быть можетъ, онъ ее сгубилъ,
И тотъ свинецъ его описный
Дочь видѣть съ пѣвникою убилъ?
Не знаетъ онъ; она сокрылась
И съ ночи той ужъ не являлась.
Чернеетъ гдѣ дочь твою? гланинъ,
Но ужъ ея не возвратишь!

XXXV

Потру трупъ оледенѣлый
Нашли на пѣвнику брѣгахъ
Отъ хладенъ былъ, охотничьи.
Базалось, на ея устахъ
Остался голосъ прежней муки;
Бизалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губъ...
Узнали все. Но поздно было!
— Отецъ, убійца ты ея! (ей)
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! жизни увыло!
Ея ужъ нѣтъ. И за тобою
Повсюду призракъ р
Кто гробъ ея тебѣ...
Бѣди, нищ ея вездѣ
«Гдѣ дочь моя?» и онъ...

К о р с а р ь.

ЧАСТЬ I.

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость
Изъ очей моихъ, какъ блескъ огни.
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нѣтъ лѣсныхъ дней,

Давно нѣтъ цѣли упования!
Исчезло все! — одинъ страдалъ
Еще живу въ душѣ моей.
И не видаю своихъ родныхъ;
Чужой семьей вскармливаю я.
Одинъ лишь братъ былъ у меня,
Предметъ всѣхъ радостей моихъ.

Его я старѣйшимъ былъ,
Но онъ равно меня любилъ;
Равно мы слезы проливали,
Когдѣ все спитъ по тѣмъ вѣснамъ;
Равно мы горе повѣрили
Другъ другу жаркою душой...
Нашъ очарованное счастье
Меняло рѣдко — никогда!
Увы! не зрѣли мы счастья,
Нашъ угрозамъ тогда.

Мой умеръ братъ! Передъ очами
Лже-отца тотъ страшный часъ,
Когда въ волнѣхъ его съ слезами
Сидѣлъ. Ах! я не зрѣлъ ни раба
Съ въ мигъ смерти хрупкой жизни;
Сидѣлъ въ роскоши души,
Роскоши тѣхъ убогихъ,
И бѣдѣ тѣхъ тѣхъ...
И море въ волнѣхъ, тѣхъ убійца,
Его тѣмъ, обидѣи сокрылся.
Онъ умеръ! — горюхъ въ восклицаніи
Съ слезами рѣкъ въ волнѣхъ...
Но я живу! не робѣю
Сокрылъ жизнь мою и крови.

Съ тѣхъ поръ съ обманутой душой
По всѣмъ я недоверчивъ сталъ.
Ах! не подѣ прелезу родною
И былъ тогда — и увидалъ.
Не могъ съ улыбкою смире...
Съ тѣхъ поръ я все переношу
Нашѣмъ гордости, презрѣнью...
Я могъ лишь пламеннѣй любить!
Самимъ собою недоверчивъ,
Жизнѣ быть спокоенъ, вознѣ,
И часто по тѣмъ бродилъ
И только тамъ душою жилъ.
Глядѣлъ въ раздумьи глубокѣмъ,
Когда на деревѣ высокомъ
Пѣвецъ незримый навѣвалъ
Веселье, радость и свободу
И съ пѣвникою вдругъ оживлялъ,
Какъ онъ, треща, свисталъ, шелесталъ,
Какъ по лазоревому своду
На зѣлѣхъ крыльяхъ порхалъ, —
И непонятное волненье
Во душѣ я сильно ощущалъ.
Всегда любя услаженье,
Возненавидѣла шумный свѣтъ,
Знавъ невѣрной жизни цѣну,
Во сердѣхъ людей нашѣхъ измѣну,
Знавъ, какъ люди тѣхъ цѣнъ,
Ожесточился я — угрюмой
Душа моя смутилась...
Не могши болѣе страдать,
И вдругъ рѣшился убѣжать
Настала ночь... Я всталъ...
Съ постели, грустью омытый.
Во всемъ дому глубокой сонъ.
Хотѣлось мнѣ хоть взоръ прощальный
На жѣсто бросить то, гдѣ я

Такъ долго жилъ въ тиши бѣдливой,
Гдѣ жизни сѣнь всегда прелестной
Безвѣстно вѣршила мѣся
И всталъ кинжалъ, два пистолета
На мнѣ за поясами ремней
Звѣзды и с разнѣхъ свѣта
Души въ тѣхъ волнѣхъ...
Но вихрь сѣдня молотилъ
Меня влѣвая въ слѣдѣ скамьи,
Гдѣ мѣждѣ береговъ душой
Дунай видѣлъ рѣчку и тѣмъ,
Казалось, на мнѣ не тѣмъ,
Сидѣлъ въ волнѣхъ...
Ах! была она тогда, тогда,
И...
Съ...
В...
Съ...
Ах!...
И...
Потомъ я тихо по кладбищу
Душѣ моей давало нѣтъ
И долго, долго я въ молчаньи
Стоялъ надъ каменѣхъ гробовыхъ
Казалось, вѣчно въ страданьи
Кинжалъ-то холодомъ сырѣлъ
Но...
Я удалился, — по за мной,
И...
И ночь пролетѣла въ тѣхъ...
Зари багрово освѣтила
Верхи холмовъ; пошла тѣнь
Уже рѣдѣла надо мною.
Съ отношенію главою
И тамъ сидѣлъ, склонился на пень...
Но всталъ, пошелъ къ брѣгамъ Дуная,
Который надѣли рѣбѣлъ.
И въ Грению идти хотѣлъ,
Чтобъ тѣмъ сбли роковыя
Пресѣла горестная удѣлъ.
Въ душѣ съвилося мнѣ...
Друже дневное сныи, —
И вотъ Дунай ужъ предо мной
Сидѣлъ съ обычной прелестью
Какъ онъ, прекрасный, величавъ,
Ирлѣ въ прибрежнихъ скалахъ...
Вспоминанье о дѣлахъ
Жизни...
Радъ гордится. Сѣвъ на брѣгъ,
И навѣрнулъ Дунай бѣгъ.
Потомъ бросился въ быстрые волны,
Онъ...
И...
И...

IX.

Начальник полка полкамъ велѣтъ
Сбратся въ бой; зашевеливъ
Полный полковой толпѣи.
Мягучая, прыгая, шныря.
Ворота крѣпости сперлись;
Иные вихремъ понеслись
Остановить черкесску силу,
Иль съ славою вкушать мѣглы.
И видно зарево кругомъ;
Черкесы поле покрываютъ;
Ряды, какъ львы, перебѣгаютъ—
Но явлено сшибся мечъ съ мечомъ—
И разомъ храброго не стало.
Ядро во чрепѣ прожужжало.
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ;
Но всѣ сшибались въ дымѣ черномъ.
Здѣсь бурный конь съ копьемъ вонзеннымъ,
Вскочивши на дыбы, заржалъ,
Сквозь русскіе ряды несется;
Упалъ на землю, сильно рвется,
Покрывши псадица собою.
Повсюду слышенъ стонъ и вой.

X.

[И] пушекъ громъ пещѣ грохочетъ;
А здѣсь изрубленный герой
Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ,
И голосъ замеръ на устахъ.
Другой обжить на полѣ ратномъ,
Обжить, глотая дымъ и прахъ;
Трижды сверкнувъ мечомъ булатнымъ,
И въ воздухѣ недвижимъ мечъ...
Звоня, падеть кольчуга съ плечъ;
Копье рамена прободаетъ,
И хлещетъ кровь изъ пихъ рѣкой.
Несчастный раны зажимаетъ
Холодной, трепетной рукой;
Еще рушье свое оль пщеть;
Повсюду стукъ, и пули свистятъ,
Повсюду слышенъ пушекъ вой,
Повсюду смерть и ужасъ мечетъ—
Въ горахъ, и въ долахъ, и въ лѣсахъ:
Во градѣ жители трепещутъ,
И гулъ несется въ небесахъ.
Иной черкеса поражаетъ:
Безплодно мечъ его сверкаетъ;
Махнувъ еще—его рука,
Поднята вверхъ, окостенѣла;
Бежать хотѣлъ—его нога

Дремать, недвижимъ замѣла;
Встать—и нѣтъ. Но вотъ несется
На лошади черкесъ лихой
Сквозь рядъ пылающа; онъ сильно рвется
И держитъ мечъ надъ головою;
Онъ съ казакомъ погнаться въ бой:
Путь сабли остры ярки блещутъ.
Ужъ дымъ звенитъ, стрѣла трещитъ,
Ударъ несется роковой
Стрѣла оделитъ, свиститъ, мелькаетъ
И въ мигъ казакъ уюпаетъ.
Но вдругъ толпою окруженъ,
Копьями острыми прижатъ,
Князь самъ отъ раны издыхаетъ,
Падетъ съ коля—и всѣ бѣгутъ
И брашно поле оставляютъ.
Лишь ядра русскія режутъ
Надъ ихъ, ужасно, головою.
Помалу стихнетъ шумный бой
Лишь подъ горами дымъ клубится
Черкесы побѣжденные мчатся,
Пресѣдомъ толпой
Сыновъ неустрашимыхъ Дона,
Которыхъ Рейнъ, Дунай и Рона
Видели на своихъ брегахъ;—
Несутъ на нихъ смерть и страхъ.

Утихло все; лишь нарядка
Холодный выстрѣлъ за горою;
[Иль] рѣдко видно казака,
Несущагося прямо въ бой.
И въ степи русскому ужъ покой
Спасенъ и градъ, и надъ рѣкой
Маякъ блеститъ, и сторожъ бродитъ;
Въ окрестности быстрымъ окомъ смотритъ
И на плечѣ ружье несетъ.
Лишь только слышно: «кто влетѣ
Лишь громко «сдунай» раздалъ.
Лишь только рѣдко провесется
Лихой казакъ чрезъ русскіе ряды
Лишь рѣдко крикнетъ черный врагъ.
Голодный, трупы пожирая,
Лишь нарядка мелькаетъ, блестя
Отгол въ палаткѣ у солдата.
И рѣдко чуть блещетъ булга.
Заржавый отъ крови въ...
Иль крикнетъ вдругъ въ...
Вблизи стана русскій часовой
Вездѣ господствуетъ покой

Съ саръ... руку главою,

Черкесъ... иль кровью замочитъ тутъ кругомъ.

И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ, но
всѣ сшибались въ дымѣ черномъ.

Преслушавъ... мечъ казачій дрожала
иль стрѣла роковая.

1829.

Два брата.

(С О Я М Л.)

«Ахъ, братья! ахъ, братья! стыдись, мой братъ!

Объёмы теплые съ мольбами
 Забыли ли? Годъ тому назадъ
 Мы были истинными друзьями...
 Ты поминишь, поминишь ёрно бой,
 Когда рубились мы съ тобой
 Прощая вранья родного края!

Мин. заботы ушли,
 Съ товарищескою зарей
 Вспыхали въ твои предвѣки Лалы
 И чуждыя тѣнныя тѣны,
 Неужели жъ я вѣкъ
 Нѣтъ рѣ. бѣны навсегда!
 Неужели жъ меня, какъ прежде,
 Въ твоихъ глазахъ я надеждъ
 Неужели жъ я навѣтъ

Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ

Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ

Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ
 Неужели жъ я навѣтъ

И только плыть, плыть, милой
 Летѣть жертвенный протой
 Они коѣна преклонили,
 Взаимной любовью подлѣлись,
 Вотъ та коѣна свѣтъ и коѣна
 И вранья тѣню понесли.

И только плыть, плыть, милой
 Летѣть жертвенный протой
 Они коѣна преклонили,
 Взаимной любовью подлѣлись,
 Вотъ та коѣна свѣтъ и коѣна
 И вранья тѣню понесли.

И только плыть, плыть, милой
 Летѣть жертвенный протой
 Они коѣна преклонили,
 Взаимной любовью подлѣлись,
 Вотъ та коѣна свѣтъ и коѣна
 И вранья тѣню понесли.

И только плыть, плыть, милой
 Летѣть жертвенный протой
 Они коѣна преклонили,
 Взаимной любовью подлѣлись,
 Вотъ та коѣна свѣтъ и коѣна
 И вранья тѣню понесли.

И только плыть, плыть, милой
 Летѣть жертвенный протой
 Они коѣна преклонили,
 Взаимной любовью подлѣлись,
 Вотъ та коѣна свѣтъ и коѣна
 И вранья тѣню понесли.

И только плыть, плыть, милой
 Летѣть жертвенный протой
 Они коѣна преклонили,
 Взаимной любовью подлѣлись,
 Вотъ та коѣна свѣтъ и коѣна
 И вранья тѣню понесли.

1829.

Азраиль.

«Кругомъ широкія долины. Курганъ. На
 Издохшій конь лежитъ близъ кургана, и
 Вороны летаютъ надъ нимъ Все дико.

Азраиль (сидитъ на курганѣ).

Долго я здѣсь; мнѣ не жутко
 Земля кургана. Вѣтеръ дуетъ,
 Серебряный ковыль волнуется
 И быстро гонитъ облака.
 Кругомъ все дико и безлюдно.
 Издохшій конь передо мной
 Лежитъ, и коршуны свободно

Добычу дѣлать межъ собой.
 Ужъ хладный бѣлѣютъ кости.
 И скоро ширь кровавый свой
 Незваные оставятъ гости
 Такъ точно и въ душѣ моей
 Все пусто, лишь одно мученье
 Грызеть ее съ давнишнихъ дней
 И гонитъ прочь отдохновенье;
 Но дикое не устаетъ

И въ тѣсной, темной пелѣ гроба
Оно вѣки не уснеть.
Все умираетъ, все проходитъ.
И яду, — за вѣкомъ вѣкъ уводить
Толпы народовъ и міровъ
И съ ними вмѣстѣ исчезаетъ.
Но душъ моихъ гибель не знаетъ
Милу, едину, — ода, — мертвенно,
Закономъ общнмъ помыслена,
Съ своими чувствами въ борьбѣ,
Съ душой страдальца облитой,
Не зная равнаго себя.
Полувенной, полунбеснѣй,
Гонимый участіемъ чудесной,
И все мгновенное люблю,
Утрату мучить грудь мою.
И я безсмертенъ, и за что жъ?
Чѣмъ, чѣмъ возможно заслужить
Такую пытку. Боже, Боже!
Хотя бы могъ я не любить!

Она придетъ сюда, я обниму
Красавицу, и грудь къ груди прижму,
У сердца сердце будетъ горячѣе;
Уста къ устами, тѣмъ ближе, тѣмъ сильнѣе
Пѣтая рѣчь любви. Я расскажу
Ей все — и міръ, и вѣчность покажу;
Она слезу уронитъ подо мной,
Смилчится Творца молитвой молодой,
Пойметъ меня, пойметъ мои мечты
И сжалость: «какъ везишь, какъ жажоетъ ты?»
Сей рѣчи звукъ — мнѣ будетъ жизни звукъ,
И этотъ часъ — послѣдній долгихъ мукъ...
Бланиусь, воспоминавше объ немъ,
Глубоко въ сердцѣ сохранить моему,
Хотя бы на меня восталъ весь адъ.
Тотъ уголь, гдѣ я спрячу этотъ кладъ,
Не окислится ни ропотъ, ни упрекъ,
Ни жель, ни зависть; пусть свирѣпый рокъ
Сбираетъ тучи, пусть моя звѣзда
Въ туманѣ вѣчною тонегъ навсегда, —
Я не боюсь: есть сердце у меня
Надменное и полное огня;
Есть въ немъ любви ея святой залогъ —
Послѣднего жъ не отнимаетъ Богъ...
Но слышишь звукъ шаговъ: она, она...
Но для чего печальна и блѣдна?...
Вѣнчикъ претрѣтъ надъ ея челомъ,
Играетъ солнце медленными лучамъ
На бѣлыхъ персяхъ, на ея кудряхъ...
Идетъ... Ужель меня тревожить страхъ?

(Дѣва выходитъ. Цѣлуетъ на рукавѣ и на голени.
Изъ бѣлыхъ платковъ. Кресты на груди у нея.)

Дѣва.

Вѣтеръ гудеть,
Мѣсяцъ плыветъ,
Дѣвушка плачетъ
Милый на чужбинѣ скучаетъ.
Ни дѣла, ни цѣли...

Не замолкнутъ
Мѣсяцъ, погаснетъ,
Милый измѣнитъ.

Прочь печальная пѣсня! Я опоздала,
Азраиль. Такъ ли тебя зовутъ, мой другъ?
(Садится рядомъ).

Азраиль. Что до названій? Зови меня
своими любезными; пускай твои любви за-
мѣнятъ мнѣ нилъ: я никогда не желалъ бы
никого другого; зови, какъ хочешь, смерть —
уничтоженіемъ, гибелью, покоемъ, тѣшеч-
ствомъ — она все равно поглотитъ мою
жизнь.

Дѣва. Полно съ такими черными мыслями!

Азраиль. Тѣмъ моя любовь чиста какъ
голубь, но она хранится въ мрачномъ мѣ-
стѣ, которое темнѣетъ съ вѣчностью.

Дѣва. Кто ты?

Азраиль. Испытанный существо сильное
и побѣжденное. Зачѣмъ ты хочешь знать?

Дѣва. Что съ тобой? Ты поблѣднѣлъ!
Привѣтно дрожишь промѣломъ. Ты блѣднѣлъ,
нашь, твои вѣки опустелись въ землѣ. М-
нѣй, ты становишься страшнѣе.

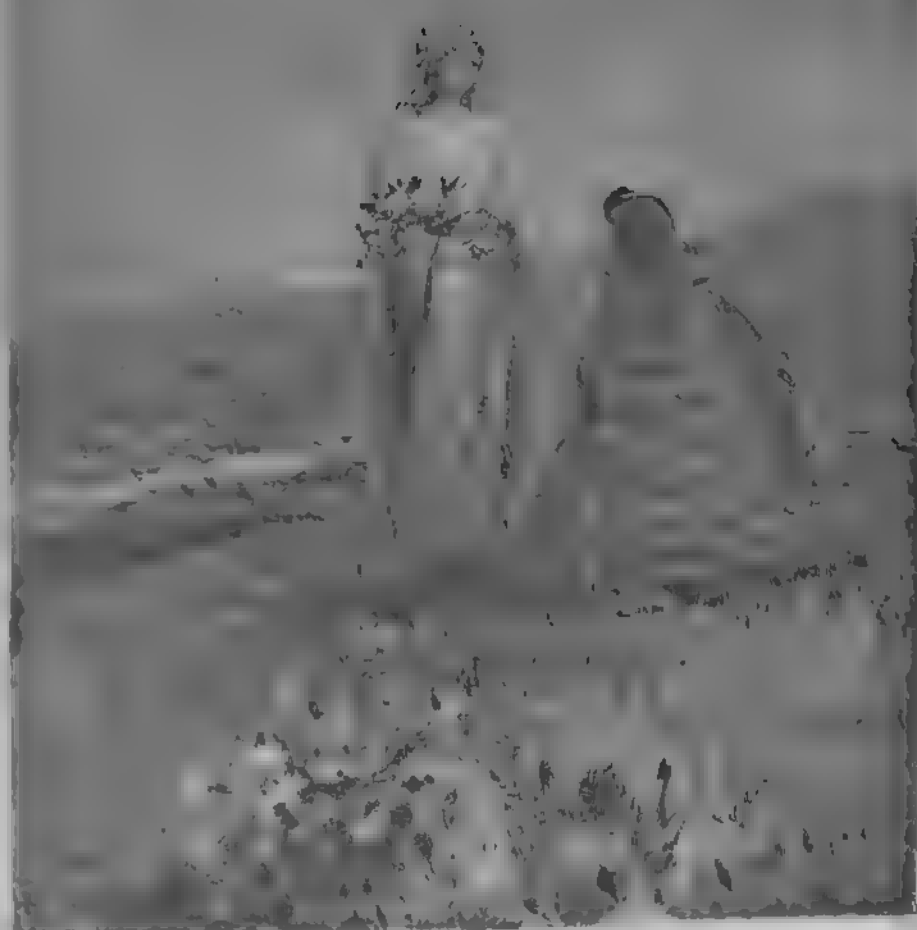
Азраиль. Не бойся все опять начать.

Дѣва. О, я тебя люблю, люблю больше
близнества; ты поминишь, когда мы встрѣ-
тились, я покраснѣла; ты прижалъ меня къ
себѣ, мнѣ было такъ хорошо, такъ тепло;
грудь твоя. Съ тѣхъ поръ моя душа съ
твоей — одно. Ты несчастливъ — я
свою печаль: кто ты? откуда? ангелъ?

Азраиль. Ни то, ни другое.

Дѣва. Расскажи мнѣ твою повесть.
ты полюбилъ и если ты любишь, если
если потребуешь, если потребуешь помощи во
мояхъ; если потребуешь помощи во
все, что я имѣю, возьми мое сердце и по-
ложи его къ извѣ, терзающей твою душу
моя любовь сожжетъ этого чер-
твѣдителя въ ней. Расскажи мнѣ
повѣсть!

Азраиль. Слушай
къ моему плечу
губы душатъ
ни счастья, бытъ
время унести твою любовь
Какъ ужали эта милая
столько столѣтій люди не могли къ ней
привыкнуть, ужель никто не можетъ по-
зоваться всею опытною предшественни-
ковъ? О, люди! вы жалки не со вѣтъ тѣмъ
я сжигалъ бы мое вѣчное существован-
на мгновенную испору жизни человѣка
чтобы чувствовать хотя все же, что
нѣтъ чувствую, но нѣтъ нѣтъ
будь позабыть, что я жилъ и что
най же мою повесть:

Прочь печальная пѣсня! Я опоздала, Азраиль.
Такъ ли тебя зовутъ, мой другъ?

Дѣва.

Я тебя не понимаю, Азраиль, ты говоришь так темно. Ты видишь другой мир; где жъ онъ? Въ нашемъ законѣ ничего не сказано о людяхъ, жившихъ прежде насъ.

Азраиль.

Потому что законъ Моисей не существовать прежде земли.

Дѣва.

Позно, ты меня хочешь только испугать.

Азраиль (блѣднѣя).

Дѣва.

Я пришла сюда, чтобы съ тобой про-

ститься, мой милый. Мой мать говоритъ, что покажется это должно,—я иду замужъ. Мой женихъ славный воинъ: его плечъ блестятъ, какъ жаръ, и мечъ его опаснѣе молнии.

Азраиль.

Вотъ женщины. Она обнимаетъ одного, отдаетъ свое сердце другому...

Дѣва.

Что сказала ты? о не сердись!

Азраиль.

И не сердись! (горько) И за что серд-

1829.

Преступникъ.

«Слави имя, атаманъ честной,
Или жить ты въ сторонѣ родной;
Чай, прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ.
Здѣсь, подъ дубочкомъ, ты въ пустынь
Потынишь добрыхъ молодцовъ!»

— Отецъ мой, вѣкъ свой доживай,
Быль на второй женѣ женатъ;
Она—красота молодая,
Она была и знатна, и богата...
Перевертывай эти удары,
Когда захочетъ соколъ старый
Подруку молодую взять—
Такъ онъ не думаетъ, не чувствуетъ,
Что посты будетъ проклинать.
Она все голубить, все милуетъ;
Къ нему ласкается она,
Его хващутъ въ минуту сна;
Но вдругъ увидѣла другого,
Не старого, а молодого—
Лишь черная проходить ночь,
Она, безъ всякаго задвѣнья,
Клевкомъ лишить супруга зрѣнья,
И отъ гнѣва помчится прочь!..

.....)
Ширь веселая забывай,
И заигруйное вино,
И домъ, гдѣ, чашу выпоили,
Палило кровь мою она,
Какъ часто я чело покоялъ
Въ козняхъ мачехи моей,
И съ лею вѣстятъ козни строитъ
Противъ отца, среди почей...
Еи провѣстныхъ лобзаний
Она...
И...
Мольбы, угрозы и заклинаній,

Но слезы либы только лью!
Быть вѣст, меня она любила
Иль это былъ притворный жаръ,
И мысль печально утала,
Чтобы вѣрный свершить ударъ,
Иль маня, что она любила,
Порою страстию дыша?
Кто знаетъ! Женский думъ,
Какъ океанъ непонятна!

И дни летѣли. Часъ насталъ
Ужъ грѣхонотный въ дни мѣ
И какъ предъ...
Греметь проклятіе
И приву...
Изъ дому...
О, сколько мнѣ...
Любовь, и стыдъ, и лютъ
Вражда непримиримая
И гнѣвъ огнь! За полъ...
Бѣжалъ я, сирота, сл...
И, обратившись
Съ проклятіемъ
На тогъ нощи

Въ безумьи мрачн...
Знаю...
И...
И...
Всегда некрыты
Гдѣ припалъ онъ
И возвышенныя с...
И тѣ коварныя с...
И...
И...
И грудь и плечи...
И...
И...
И...

Преступникъ

1829.

Олегъ.

I
Во мгли вѣчной дубравы,
Въ года забытой старины,
Когда то жертвенникъ кровавый
Дымился божеству войны
Тамъ возносился дубъ высокий,
Священный древностью глубокой;
Какъ неподвижный царь лѣсовъ.
Чело до самыхъ облаковъ
Онъ подымалъ. На немъ висѣлъ
Кольчуги, сабли и щиты;
Вокругъ—сожженные кусты
И черепа убитыхъ тѣлъ...
И тѣни Ляды никогда
Не приносилися сюда'.

II.

Поставленъ вѣры теплымъ чувствомъ,
Блестѣлъ кумиръ въ тѣни вѣстей;
И лютъ, неписанный искусствомъ,
Былъ смилъ усиленъ дождемъ.
Идали лѣснетыя равнины
И неприступныя вершины
Гранитныхъ скалъ туманъ охлѣтъ,
И Волховъ за лѣсомъ шумѣлъ.
Склонясь невольно къ удивленю,
Пришелецъ чуждый въ наши дни,
Не презирай снѣжъ мѣсты: они
Знакомы были вдохновенно!..
И скальдовъ свѣршихъ не разъ
Здѣсь раздавался снѣжный гласъ...

III.

'Утихло озеро. Съ стремниной
Молчатъ туманныя скалы,
И вьются диле орлы,
Крыла, надъ зеркальной пучиной.
Ужь челонокъ съ давнишнихъ поръ
Видна глухая не летѣтъ;
Кольцомъ вокругъ угрюмый боръ,
Поднявъ вершины, зеленѣетъ,
Скрываясь за хребтами горъ.
Давно ни пестъ, ни всадникъ смѣлый
Страны глухой и опустѣлой
Не посѣщалъ. Окрестный звѣрь
Забылъ знакомый шумъ ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоять теперь?..
Съ какою здѣсь овъ мыслью странной?
Съ мечетъ, въ кольчугѣ; за спиной
Колчанъ и лукъ. И шамакъ стальной
Блеститъ насѣлкой иностранной

Онъ тихо красный плащъ рукой
На землю бросилъ, не спуская
Недвижныхъ съ озера очей;
И кольца русыя кудрей
Вѣдутъ, на плечи ниспадая.
Въ героѣ повѣсти моей
Слѣды являлись краткихъ дней;
Но непримѣтно впечатлѣній,
Ни удовольствій, ни волненій,
Ни упительныхъ страстей
И ставъ у пѣнистаго берега,
Онъ къ дѣду озера воззвалъ:
'Стри-богъ! Я вновь къ тебѣ предсталъ
Не могъ ты позабытъ Олега:
Онъ приносилъ къ тебѣ враговъ,
Свершилъ опасныя набѣги;
Онъ въ честь тебѣ ихъ пролилъ кровъ;
И тотъ опять среди снѣжъ лѣсовъ,
Предъ тѣмъ дрожали печенѣги
Какъ въ дѣвѣ разлуки роковой,
Явись опять передо мной!..
И шумно заволновались воды,
Растутъ свилцовые валы;
Какъ въ часъ суровой непогоды
Покрылись тѣною скалы
Возсталъ въ среднѣ столбъ туманный
Тихонько видъ мѣняли странный..
Яснѣй, яснѣй, яснѣй.. и вотъ
Стри-богъ по озеру идетъ.
Глаза открытые скалы,
Поднялась влажная рука
И мокрые вѣсы бѣжа
По голымъ перенямъ старика

IV

...Ахъ! было время, время юности
На милой нашей старости!
Гдѣ жъ тѣ года? Прощли они
Съ мгновенной скоростью
Но тѣни сильныхъ я видалъ
И громкій голосъ ихъ слыхъ
Въ часы суровой непогоды
Когда, бушующая, плещутъ воды,
И вихрь, клубя сѣдую пыль,
Волнуетъ по полямъ новыя, —
Они на темнослѣзыхъ тучахъ
Разнообразною толпой
Летятъ. Щиты въ рукахъ могучихъ;
Ихъ тѣшить бурь знакомый вой
Сплетающъ дѣшу воздушной,
Они вступаютъ въ грозный бой

И арты ихъ, снуящую душой,
И дымъ, вихрь и перыводушно
На мнѣ была тоски печать,
Блестящихъ терзалась совѣсть,
И я забывалъ начертанъ
Вроде былыхъ вострую повесть.

Жизнь была когда-то князь Олегъ,
Владѣлецъ русскаго народа,
Богатырь, боецъ [тогда свобода
И начинала свой побѣгъ]
И душнелый набѣгъ
Началъ отъ Искова до Олѣги

Поля и вѣсп повернулъ.
Онъ всѣхъ собою стрѣлялъ, б...
Предъ нимъ дрожали печенѣги,
Съ нимъ отъ ласкѣйскихъ мѣстъ...
Казары дружелюбно пели,
Его дружины побѣждали
Свердловыхъ жителей душой.
И онъ искалъ на гребнѣ моря,
Презрѣнцемъ гордыхъ и дрѣзавъ...
Царь Византии вылъ смѣло
Мольбой ужасна этой вѣсты..
Но что смѣлѣлъ внач. Олегъ
Свое раздумье мнѣ сказать

1829 1830.

Исповѣдь.

Съ дѣломъ простоялъ собою вѣрнѣе,
И тѣмъ же въ ослѣплѣннѣ того, что Слѣдъ пошелъ
И тѣмъ же въ ослѣплѣннѣ Олега и Младшѣ Искы
И тѣмъ же въ ослѣплѣннѣ Олега и Младшѣ Искы
И тѣмъ же въ ослѣплѣннѣ Олега и Младшѣ Искы
И тѣмъ же въ ослѣплѣннѣ Олега и Младшѣ Искы
И тѣмъ же въ ослѣплѣннѣ Олега и Младшѣ Искы
И тѣмъ же въ ослѣплѣннѣ Олега и Младшѣ Искы
И тѣмъ же въ ослѣплѣннѣ Олега и Младшѣ Искы
И тѣмъ же въ ослѣплѣннѣ Олега и Младшѣ Искы

I.

Тени гасъ въ маршѣ голубомъ,
Крутась, бѣжала Гвадалупавиръ...
И, не забывая о томъ,
Что есть подъ нимъ какой-то миръ,
Для счастья чуждый, полный зломъ,
Безопасно, пылко и светло..
Но въ монастырскую тюрьму
Вгрѣхъ лучъ не проникать,
Какъ ю-бѣ радости одному
Туда принесъ овъ, если-бъ звалъ.
Уланъ склоня, въ темнотѣ той
Сидѣлъ отшельникъ молодой,
Ненавѣсть рокомъ и душой..
Таковъ былъ роки! зачѣмъ, за что,
Не звалъ и звать не могъ никто.
Но въ преступленіи обвиненъ,
Онъ оправданья не искалъ;
Онъ зналъ людей и зналъ законъ,
И ничего отъ нихъ не ждалъ..
Но вотъ по лѣстницѣ крутой
Звучать шаги, открылась дверь,
И старецъ дряхлый и сѣдой
Взошелъ въ тюрьму—зачѣмъ теперь?
Что сожалѣнья и привѣтъ
Тому, кто гибнетъ въ мѣстѣ зѣтъ'

II

'Ты здѣсь опять! Напрасный трудъ!
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ.
Все люди, люди, мой отецъ'
Исканъ погнѣбу, смерь моя
Не продолжитъ ихъ бытъ,

И для прѣдвѣстнаго
Никъ не присвоить—и въ кровѣ,
Всѣмъ тѣмъ, кто въ ослѣплѣннѣ...
Въ крови безумца молодой,
Согрѣтъ мнѣ вначѣ не сумѣю
Сердца, увлеченна давно..
И гробъ бѣжъ на мнѣ и крестъ,
Какъ живы ихъ идъ была свѣтъ,
Не будетъ слабымъ ихъ погнѣ,
Ступенью новой въ небесахъ.
И тѣмъ невнятного, похвѣрь,
Не отпереть мнѣ рѣдъ дверь.
Меня могилъ не страшить:
Тамъ, гонимъ, страданья свѣтъ
Въ холодной вѣчной тѣнѣ..
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
И молодъ, молодъ.. зналъ-ли ты,
Что значить молодость, мечты?
Мнѣ не зналъ, яли забылъ,
Какъ ненавѣдѣтъ и забылъ;
Какъ сердце близосъ живѣи
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой.
Гдѣ воздухъ свѣтъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны.
Прижавшись, голубъ молодой,
Сидѣтъ, испуганный грозой.
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постытъ—ты слабъ, ты сѣдъ,—
И отъ желаній ты отвыкъ..
Что за нужда?—ты живъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мирѣ что забыть.
Ты живъ!—и тѣмъ же мнѣ мнѣ

III

'Ты слушать исповѣдь мою
Сюда принесъ—благодарю;
Не постигаю, что было
И тѣмъ же мнѣ мнѣ мнѣ
И тѣмъ же мнѣ мнѣ мнѣ

А душу можно-ль рассказать?
И если-бъ мнѣ я эту грудь
Передъ тобою разсказать.
Ты вѣрно не презлелъ бы въ ней,
Что я преступникъ или злодѣй!
Пусть молчаливый вѣный законъ
Рукою неба утверждёнъ;
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Кому не мѣняе святой;
Онъ оправдалъ меня—однѣмъ,
Онъ сердца полный властелинъ.
И тайну страшную мою
Я неизмѣнно сохранию,
Пока земля въ урочный часъ,
Какъ друхъ друзей, не приметъ насъ.
Досель я жилъ, была мнѣ жизнь
Среди угрюмыхъ этихъ стѣнъ,
Гдѣ дѣтства лѣтние года
И проводилъ Богъ вѣсть куда!
Вакъ сокъ, безъ радости и бѣды,
Лромчалась гдѣ-то дѣтскихъ лѣтъ.
И воскресить тебѣ данъ единъ-ль
Жизель бы я, но все ихъ жалъ!
Зачѣмъ, молчаніе храня.
Такъ грозно смотришь на меня?
Я вольнѣ... я не братъ жидовъ!
Судей безчувственныхъ моихъ
Не проклинаю... во, старикъ,
Я признаюсь, мой языкъ
Не станетъ ихъ благодарить,
За то, что прежде, можетъ быть,
Чѣмъ лучъ зари на той стѣнѣ
Погаснѣтъ въ мирной тишинѣ,
Я, свѣжій, пылкій, молодой.
Который здѣсь передъ тобою
Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,
Весь превращуся въ слово: нѣтъ!
И прахъ лишенный бытія,
Ужъ, будетъ прахъ одинъ—во я».

IV.

«И могъ-ли я во нѣтъ лѣтъ,
Какъ вы, душой оставить свѣтъ
И жить, не вѣдая страстей,
Подъ солнцемъ родины моей?
Ты позабылъ, что сѣдина
Межъ этихъ нудрей не внизе,
Что пламень въ сердцѣ молодомъ
Не остудилъ мольбой, постомъ!
Когда ладъ бездною морской
Сварливой бури озываетъ вой,
И громъ гремитъ по небесамъ,
Вези не трогаться волнать,
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!...
Да, если-бъ черный сей пирадь
Не допускать до сердца ладъ,
Тогда я былъ бы виноватъ;
Но подъ одеждой властной
А человекъ, какъ и другъ,
И ты, безчувственный старикъ,

Когда-бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты познать-бъ бы мнѣ
И, въ лагуни, можетъ быть,
Ранил-бъ также сожалѣніемъ.
Онъ ринувъ все злыя и злыя,
Ты былъ-бъ счастливъ, перелесъ
За слово, ласку или всору,
Мое страданье, мой позоръ!

V.

«Я о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь;
Пусть вѣчно мучусь: не бѣды!
Вѣдь съ ней не встрѣдусь никогда!
Разлуки первой грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчною для насъ!
И если-бъ рай передо мной
Открытъ былъ влостью неземной,
Клянусь, я прежде, чѣмъ вступишь,
У праха священныкъ-бы спросилъ,
Найду-ли тамъ, среди свѣтлыхъ,
Погребенный рай надеждъ моихъ?
Итъ, перестань, не возра
Что безъ нея земля и рай!
Пустыя, звонкія слогъ,
Блестящій храмъ безъ божества
Уны! отдай ты мнѣ враздѣ
Ея улыбку, милая улыбка,
Отдай мнѣ свѣжій уста,
И голосъ сладкій, какъ мечта...
Одна лишь слабая звукъ отдай
О! старикъ, что такое ридъ!»

VI.

«Смотри, въ сырой тюрьмѣ моей
Не видно солнечныхъ лучей,
По разъ на мѣсячное окно
Упалъ одинъ—длинный дамокъ
И съ этихъ поръ между камнями,
Ничтожный садъ веселыхъ дней,
Забывать, какъ узникъ, одинъ
Растетъ бѣднѣющій пытокъ,
Но вовсе онъ не расцвѣтеть,
И гдѣ родился—тамъ урветъ!
И не сходна-ль, отецъ св
Его судьба съ моей судьбой.
Знай, можетъ быть, ея ужъ нѣтъ...
И вотъ послѣдній мой отвѣтъ
Поди, бѣги, зови св
Окровавленныхъ платковъ
Судить и медлить не смѣ
Она не тутъ—и вѣ

Прощай, старикъ, вотъ послѣдній часъ!
За нихъ молюсь... въ послѣдній разъ
Клянусь тебѣ передъ Говорномъ
Что не виновенъ я ни въ чемъ
Скажи, что умеръ я, вѣдь мотъ,
Безъ угрызенья и трепета,
Что съ твоей гибелью моею
Я не разстался для людей.
Забудь, что жилъ я, ... что ли бѣлъ

Джун.

За нами, въ блескѣ утреннихъ лучей,
Венеція, какъ пышный мавзлей..

1830—1831.

Литвинка.

1.

Чей старый терем на горѣ крутой
 Ресучся съ лучающею стѣной?
 Безземельный царь сплывающихъ полей,
 Кто хранитъ онъ твердостью своей?
 Кто темнымъ сводамъ повѣять привыкъ
 Молитвы шепотъ и веселья клякъ?
 Его владыка назову я вамъ:
 Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
 И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ
 И не моталъ объ имени другомъ.
 Его права оспаривать не смѣлъ
 Еще никто,—онъ больше не хотѣлъ.
 Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
 Не посѣщалъ сосѣдей никогда,
 Богатый въ мирѣ, славный на войнѣ;
 Когда къ нему являлся онъ [и],
 Онъ набѣгалъ доверчивыхъ бесѣдъ;
 Прерывистымъ дышалъ его отвѣтъ:
 Онъ даже лаской гостя умижалъ,
 Хотя, быть-можетъ, самъ того не зналъ,—
 Не потому-ль, что слишкомъ рано онъ
 Повелѣвать толпѣ былъ приученъ?

2.

На лонѣ наслажденія и въ бою
 Провелъ Арсеній молодость свою.
 Когда анучалъ ударъ его меча
 И красная лязгала сабля,
 Вѣжалъ татаринъ, и бѣжалъ литвинъ,
 И часто стоялъ войско онъ одинъ.
 Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
 И посреди морщинъ его чела.
 Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ дѣтъ.
 Краснѣлъ рубецъ,—антовской саблѣ сдѣтъ.

3.

Разъ, возвратясь домой съ полей войны,
 Онъ не прижалъ къ устамъ уста жены;
 Онъ не привезъ даровъ ей дорогой,
 Отбитой у татарки кочевой;
 И даже для подарка не сберегъ
 Ни жемчуга, ни золотыхъ серегъ.
 И, возвратясь въ отцовскій старый домъ,
 Онъ не спросилъ о сыгѣ молодомъ;
 О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ
 Онъ не хотѣлъ рассказывать жнѣ;
 И, въ часъ свиданья, радости слеза
 Хоть оросила нѣжные глаза,
 Но прежде, чѣмъ упасть она могла.
 Страданія слезою ужъ была
 Онъ изменилъ ей... Что святой обрядъ

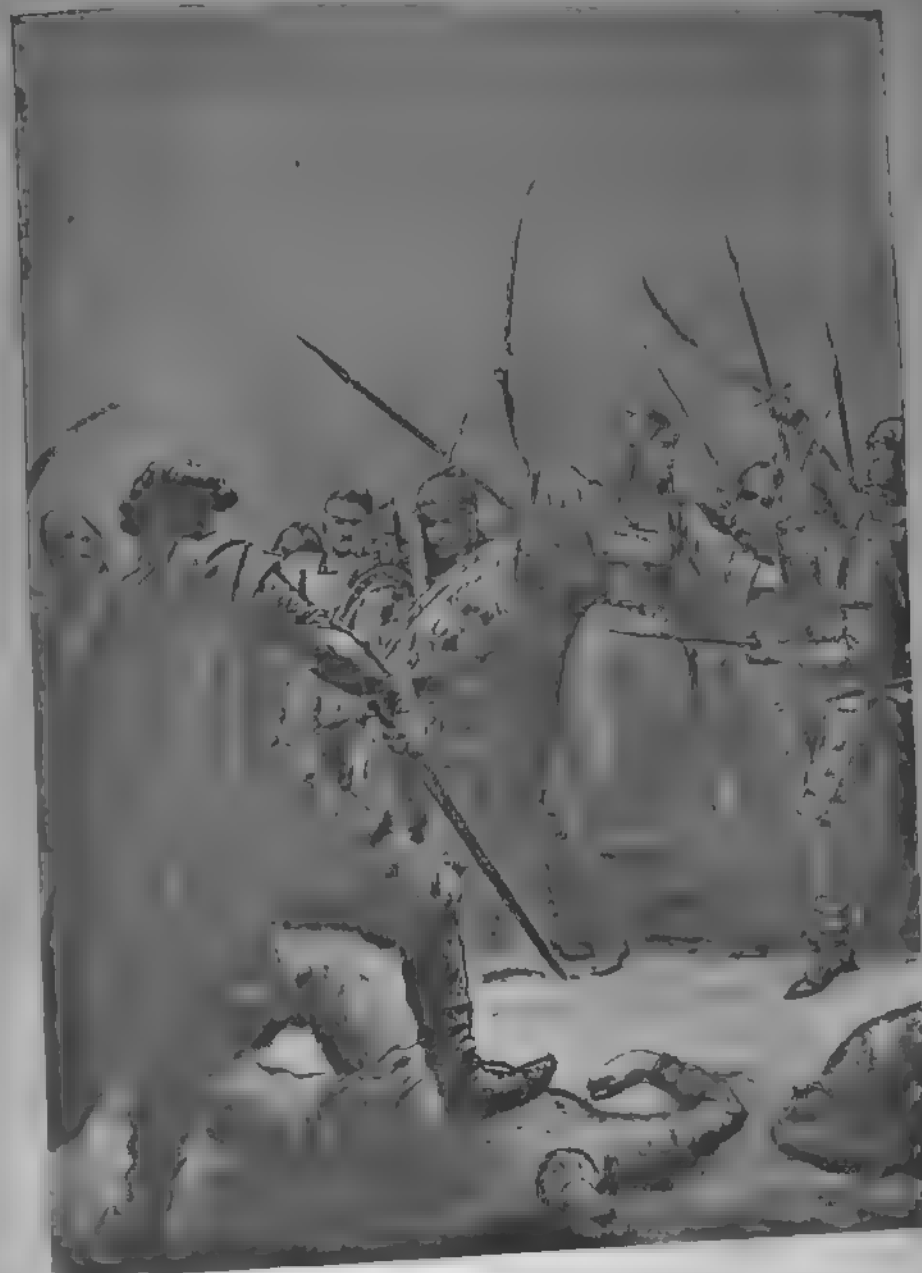
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
 Какъ путники небесны—облака,
 Свободно сердце и любовь летятъ...

4.

Два дня прошло, и юная жена
 Исчезла; и старуха лишь одна
 Печальное раздѣлѣнье рѣшила съ нею
 Въ монастырь, далеко отъ людей
 (И потому поближе къ небесамъ);
 Ихъ жизнь—одна мозитва будетъ тамъ.
 Но женщины обманутой души,
 Дѣя свѣта умертвись, не имъ души.
 Мога-ль забыть того, кто столько лѣтъ
 Одну былъ для нея и жизнь и свѣтъ:
 Онъ изменилъ, увы! Но потому
 Ужель ей должно изменить ему?
 Печаль несчастной жертвы и законъ—
 Все презирать для новой страсти онъ
 Для лѣтвиницы, литвинки молодой
 Для гордой дѣвы пѣзъ земли чужой.
 Въ угодность ей, за пару сладкихъ слезъ
 Назъ хитрыхъ устъ, Арсеній былъ готовъ
 На жертву принести жену, дѣтей.
 Отчизну, душу, все—въ угодность ей.

5.

Сидѣло дня, крисивъя символъ туманъ.
 Садился горделиво за курганъ,
 И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ
 Вдоль по землѣ скользить прощальный лучъ
 Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло
 Какъ будто міра мрачное чело
 Его любви достойно. Наконецъ
 Оставилъ онъ долину, и вѣнцы.
 Горы высокой—теремъ—озарилъ
 И пламень свой негнѣимый развилъ
 Но стеклами росписывать свѣтлицы
 Гдѣ такъ недавно, съ радостью
 Облокотясь на столѣтъ, у нихъ
 Ждала супруга вѣрнай жнѣ
 Гдѣ съ дѣтскою дочкой сынъ а
 Чуть поднималъ отцовъ кое конъ
 Теперь гдѣ сынъ и мать?.. На мѣстѣ ихъ
 Сидитъ литвинка, дочь степей чу
 Безмолвная подруга лучшихъ дней
 Разстроенная лютня—передъ ней
 И, по струнѣ оборванъ юи скользкая
 Влестить зарѣ послѣдняя струя.
 Устала Клара отъ душевныхъ буръ
 И очи голубыя, какъ лазурь.
 Она сидитъ, на западъ устремивъ

Какъ Ангелъ брани, въ легкомъ шишаѣ,
 Стояла Клара съ саблею въ рукѣ

11

«А я доблѣйша Къ дѣлѣ—«Ей больна. »
 И минуту въостывить она,
 Словъ отъ лавина. Вл. передъ нимъ,
 Что въ объѣхъ и возлѣхъ, ночью въ,
 Тѣло въ широкъмъ полѣ шонекъ
 Къ тѣмъ пѣдѣмъ, а бытъ и сѣнокъ;
 И кѣмъ, и разнѣмъ тѣмъ,
 Имѣтъ, а бытъ въ зракъ полѣ стѣмъ
 То въ сѣмъ, то въ сѣмъ, то въ
 Къ сѣмъ, а бытъ въ полѣ разнесетъ,
 А Къ, а бытъ, а Къ, а бытъ, а Къ,
 Въ сѣмъ, а бытъ въ сѣмъ, а бытъ, а бытъ,
 А бытъ, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Ходъ, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Онь, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Въ сѣмъ, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Чтобы, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Сѣмъ, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Чтобы, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Какъ, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 И что, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Не, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Чѣмъ, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Тѣмъ, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Некуда, а бытъ, а бытъ, а бытъ,
 Не, а бытъ, а бытъ, а бытъ.

12.

Раздвинувшись тучи маялись золотой.
 Какъ, херувимъ—духонъ враждебныхъ рой.
 Какъ, упоенья сладостный приагъ.
 Отъ сердца гонить память прошлыхъ бытъ.
 Свидѣтель равнодушный тайны и дѣлъ.
 Которыхъ дѣшъ узанъ бы не хотѣлъ.
 А тѣмъ укрытъ,—онъ странствуетъ одинъ.
 Небесной степи блѣдный властелинъ.
 Обрисованъ лѣтаныкъ юный ликъ.
 Въ око сфинксы лучъ его проникъ.
 И, придавая чудный блескъ стеклу,
 Безвечно разыгралъ на полу,
 И озорилъ персидскій онъ коверъ.
 Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
 Но что за звукъ раздаденъ въ стѣнѣхъ?
 Протяжный стоиъ, исторгнутый тоской,
 Подобный звуку пѣснѣ... Если-бъ онъ
 Нефѣдомымъ пѣнцомъ быть повторенъ...
 Но, вѣтъ, опять!.. Такъ тоноу... Кто-жъ поеть?
 Ты, пѣнница, уавала: вѣрно, тотъ.
 Чей взоръ туманный съ пасмурнымъ челомъ.
 Тебѣ смутилъ, тебѣ давно знакомъ...
 Небыточнымъ мечтаньямъ преданъ
 Къ, оуду склонившись, думаетъ она.
 Въ одной Лѣтнѣ такъ сладко липъ поить!
 Гдѣ, гдѣ меня онъ зовутъ.
 И гдѣ, гдѣ я въ груди моей
 Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней.

13

Минувшее дышало изъ пѣснѣ той
 Какъ вольность нольной, какъ она—простой;
 И все, чѣмъ сердцу родна мила,

Ты родимой плесенью плывущая вышла
 И из атомов всталая жень былью утраты,
 И все, что жемчужной гордоги лишь мой,
 Визуишь позоры, являешь переизъезд,
 Хладяки презрительны жиденья странств,
 Она славилась доглаго, и в страду
 Звонить, звонить и втруты, пробужден
 Восторгомъ и вадетатомъ, въ отдале,
 Зависла хлѣба, этой плѣни плѣти
 Никтъ она множенны зинь былъ,
 И въ чьей груди ропотать — умерла
 И появля, кто зиявать, — не мудрою;
 Делать о небесномъ, нѣтъ дѣла,
 Но слепкомъ для земли насъ создатель, Битъ,
 Чтобы кто-нибудь ее запоминить могъ.

Взошла заря, и отделился лѣсъ.
Стѣной зубчатой на краю небесъ.
Но отчего же сторожъ у воротъ
Молчитъ и въ доску вѣдную не бьетъ?
Что теремъ не обходить онъ кругомъ?
Ужель онъ спитъ? Онъ спитъ, во... вѣнчикъ
Тяжелый кинуть на землю затворъ, [спитъ]
И блѣдъ него старикъ; закрытый изоръ,
Уста и ружь сжаты навсегда.
И вся ль крови свѣлая борода,
Объялася куча боланиныхъ слезъ
Съ бычачинымъ очниномъ, погуду
Убитого, прѣ первомъ свѣтѣ дня.
Они стояли, големы склоня;
И каждый съ состраданіемъ, вкралъ,
Но что значать, никто нѣтъ ихъ не зналъ.
И гдѣ почной убійца? Чья рука
Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
Кто растворилъ высокое окно
И узкое оттузъ полотно
Спустилъ на дворъ? Чей поясъ, голубой
В... застопорить маленькой ногой
В... инъ? Къ воротамъ виднѣть е
Положились... и Клары плетъ

И долго неожиданную вбьет
Никогда не Арсеню прише
Ничего не рзылишь онь видны,
Хотѣлъ вскочить и неподвижность тая,
Какъ мраморный нумири, какі бы ч
Съ открытымъ
Н зоты възоръ.
И . . . . . хтъ бмъ хот
И . . . . .
И рѣчь отъ синихъ губъ
На клятву походили рѣч.
Но въ ней никто не слышитъ ничего
Она была ни языкъ родно
Но глухо пронеслась.

Но сердце, пораженное
Ужь было мертво, — х

217

11 0 5 2 13

215

Ужель узнать онъ, възъ по то любви..
 Но что промѣло небывшимъ, сдѣять вѣсь,
 Кто пѣть душой ухитеть? Кто мечать
 Различить вратъ зѣвѣтны, какъ, сдѣлать?
 И онъ думя казны можетъ вѣсть
 Олѣтъ, съ мучивъ вѣны чистъ?
 Вѣдѣнъ днѣ. Ничѣмъ ужъ не бѣтъ онъ.
 Отнынь, спечатавъ, хитрѣнны.
 Падѣ, ничѣмъ вѣсть, черны прозъ мѣтъ,
 Не измѣнивъ, обычны пѣтъ, чѣтъ.
 Но если онъ, не вѣдѣ отвѣстъ,
 Ударъ судьбы ужель перевеситъ:
 Но если показатъ онъ не желаетъ,
 Что могъ, страдать, какъ иѣкогда страдать:
 То лѣва, нѣтъ презрѣнная, потомъ
 Въ сѣ становилася, глубже дѣнь въ днѣтъ..
 Онъ вѣдѣ не ухитѣ, бы пережить,
 Когда бы только смерть; но измѣнитъ..
 И прежде презиралъ ужъ онъ людей,
 Олѣтъ, съ бѣдѣмъ, сѣтъ, съ тѣмъ
 И нѣтъ, съ мѣтъ, съ сѣтъ, съ сѣтъ, съ сѣтъ
 Съ сѣтъ, съ мѣтъ, съ сѣтъ, съ сѣтъ, съ сѣтъ

[illegible]

Претяжь Ангвы пометъ великій вѣзъ.
Грозьгъ полимъ я роцямъ той страны,
Желая защищать свои права,
Дрожишь за вольность гордая Ангва;
И клювы хищныхъ птицъ, и зубъ волковъ
Скользятъ ужъ по косямъ ея сыновъ

И въ русскій станъ, оставявъ сія дѣль,
Явился разъ, одинъ, безъ

Бесы, павлиный хвост, стая
И сдалась предмету...
Давно не поднималась...
Зарядились повесы. И...
Знать не ош? — Не чужо...
Она защищает хвост...
И между миссией...
Одно лицо...
Одно лицо...

[illegible]

Восружен стелпю стилиной,
Преддаль — я врагъ вальцев, я другой,
Съ затекнувшей кровью въ устахъ.
Улизъ съ нитъ ризовъ.. (блалъ тайный
Бреститъ не вкртъ. Ищемо блъ они
Но блже въ бегетствъ, обратисъ назадъ,

Арсений был чудесный тот боец:
Огонь противу бранился, наконец,
Огонь въ груди проснувшийся являть
Огонь ненавидеть миръ, чтоб не забыть
Огню созданья... Кичи жертвенцовъ
Вокругъ него простершии оны, въ
И речоты бистые въ этотъ взоръ,
Которы въ нѣ владѣть съ давнихъ поръ.
Арсений былъ, въ дѣлѣ...
Кичи, неговоря, жаждалъ обложенья
Когда жъ являлся онъ, что быль одинъ
Среди жестокихъ, прижисшихъ др...
То было поздно... Вѣтку, чашъ...
Подумавъ онъ, я мечь его пенялъ
Своей послѣдней жертвы. «Это вышло —
За нить посликинуешь что-то. По...
Арсений...
Проклятые произнести...
Былъ...
Стигла Кира съ саблею въ ру...
И юности тѣнились за ней,
И словомъ, и движеніемъ оны
Распорожалась пылвою толъ...
Она была, казалась, ихъ судья...
И въ жизни Арсенія, оны
... не едѣлались бѣдѣю,

И в мертвом сердце являлись
Любовь безумное страданье.
И удалось ей. Зоранья
Любить — с тех пор, как была любима:
Судбина их соединила,
А разлучить — одна могла!
На синих небесах дуна
Съезжала и слезы и слезы,
Лучем в пещеру ударила,
И беззвучно полна,
Ночной прохладою полна,
Утесть, била, обнимала.
И помню — в этой самой часе
Обыкновенно пыхтели слезы.
Звучала, терпела за горою
Она из пещеры выходила.
Кипела же дымил эти звуки
Волшебной властью усыпала.

Ночью без, чувству, без дум, без сна,
Лежит на ложе смертной муки
Младая Ада. Выходит
Целый мир, ея лапы,
И томный взор, полузакрытый,
Напрасно смотрит на восток,
И утра ждет она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной.
Она до утра будет там,
Где солнца уже не нужно нам.

У изголовья, пораженный
Боязнию тайной, Зоранья
Стоит — колдовской, околдованной,
Тоской очинившись томной.
Взгляд измученный блещет
Девы хладной рука,
И жизни жар ее не греет.
«Но смерть», он мыслит, «не близка!
Рука — не жила; близка — простая —
Все не кончина рокова!»
Являет то, чего уж нет;
И нам хотя не остается
Для утешенья ничего
Она вадь сердцем — не слышит
Не исчезая из него.

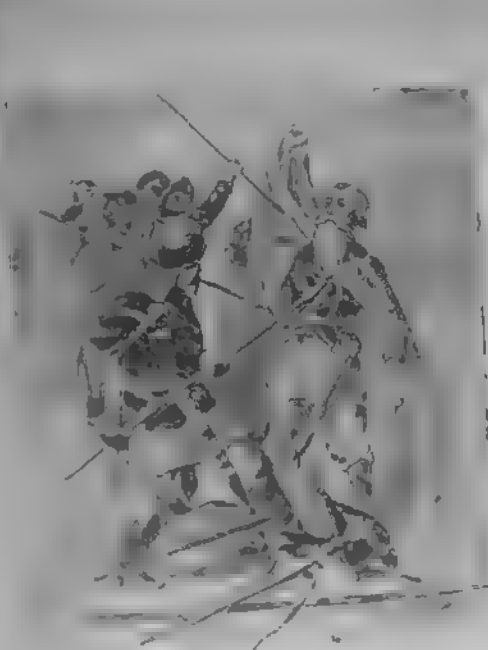
В то время Смерти Ангел в живых
Летит чрез южный небосклон;
Вдруг слышит ропот он мятежный,
И плачь любви, и слабый стон.
И, быстрый, как полет мгновенный,
Къ лету и полету
Тоску последнего мученья
Дух смерти — услады хощет.
И на устах покорной Ады
Своей поцелуй впечатал
Он, дать не мог другой орады,
Или, быть может, Зоранья
Еще замечать не была им.
Но скоро при огнь лампы
Недвижный, мутный встали

Он в нем прочел себя укор;
И Ангел Смерти сожалел
В душе почувствовал сытой
Счастью ли? — даже в преступленьи
Он обвинял себя порой.
Он отнял все у Зоранья:
Одна была лишь им любима;
Его любовь была сильней
Всех дум и всех других страстей.
И он не плакал. Но понятию
По целу бледному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерял он возмездие
И Ангел анал — и как не знал?
Что безнадежности вечность
В спокойном холоде молчанья
Чем легче плакать, чем страдать.
Без всяких призраков страданья.

И Ангел, магией поражен,
Достояно небесах
Вознаградить ея
Ужас Создатель заперещет.
И стиснул утешить людей
И дитя грусть он оживил
Душою ангельской слезы
И, чудо! в сердце груди
Он встает, встает, встает.
И воя, востановил полон ситой,
И тень ринул ея горит.
Так Ангел Смерти соединил
Со всем, чем только жить мила;
Но ум границах подчинился,
И — не та уж, как была,

И — не та уж, как была,
И — не та уж, как была,
Хранит он думы преданных лет
Их подвиги Ада страшно,
Как в ночи метеоры светы
И — не та уж, как была,
И ей грядущее темно
И чувства, вечные, вечно
Соединились все в одно
Желавшая друг — не слышит
Она все радости
Как будто смерть и не слышит
В невинном сердце — не слышит

Однажды, на своем, вечно
Видящая плеск волн
Задумчив, ридеть
Идти измученный
Лучи вечерние злат
Широк, синий
И видно было
И — не та уж, как была,
И — не та уж, как была,
На друга дива утешал —
Но в диком сердце бунтовала,
Как — не та уж, как была,
Порой разблудные
И красным запад он вадаль,
И — не та уж, как была,

Литвинина. Съ пренебрежень меч свой бросил
он, потом и обернулся медленно плащомъ.. И
три капли пролились эту грудь.

Литвинина. Никто об немъ не плакалъ, лишь
один новачина.

Ангел смерти
Смерти усладить

Ангел смерти
На битву нашла выкрая, стояла
А в молоты.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Между Машукомъ и Бешту, пазадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ, горамъ
Закрѣтъ отъ бури и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣтъ. Кудравыми кустами
Покрѣто поле; дикий виноградъ,
Цѣлаясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ ланней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ сброшенныхъ грозой.

2.

И вь бранный шумъ, и вь свѣтъ молодой
Черешенны ужъ тамъ не слышны болѣ;
И вь знойный лѣтний день табуль степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ, по волѣ,
И безъ оглядки, съ шпкой за спиной,
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орать,
Черта круги, глядитъ на тихій долъ.

3.

И тамъ, когда вечерняя заря
Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ,—пустынная зѣна
Изъ-подъ камней тихою выползаетъ;
На ней рѣбал блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ; какъ блещетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ,
Въ густой травѣ, на полѣ роковокъ.

4.

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ. [кестъ
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, чер-
Порой объ немъ рассказываетъ выхъ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проезжая по пустыни,
Напрасно молвить казаву: «скажи,
Не знаешь ли аула Бастуаджи?»

5.

Въ аулъ томъ, безъ ближнихъ и друзей,
Дни проживали два родные брата;
И вь Пятигорѣ не было грозити
И не было отвѣтнѣй Абузата. [дней,
Меньшой былъ слабъ и нѣжнѣ съ юныхъ
Какъ цвѣтъ весенній подъ лучомъ заката,
Чуждался битвъ и крови опъ и зла,
Но искра въ немъ таялась и ждала.

6.

Отецъ ихъ былъ убитъ въ чужомъ краю,
А мать Селимъ убилъ своимъ рожденьемъ,
И, хоть нервный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончають, преступленьемъ
Опъ душу не обрадовалъ ничью,
Опъ никому не могъ быть утѣшеньемъ;
Когда опъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза!..

7.

Опъ росъ одинъ, на волѣ, безъ заботъ,
Какъ птичка межъ землей и небесами

Блуждая съ дѣтства средь родныхъ высотъ,
Привыкъ опъ тучи видѣть подъ ногами,
А вадъ собой одинъ безбрежный сводъ;
Порой въ степи, застигнутый мечтанимъ,
Однѣ сидитъ до поздней ночи опъ,
И вокругъ него чудесный рѣшетъ совѣтъ...
8.

А земляки—зачѣмъ, то знаетъ Богъ—
Чуждались ихъ бесѣды; особливо
Паслись ихъ кони, и за ихъ порогъ
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селимъ не могъ,
Свой тонкій станъ, высокій и красявый,
Въ бешметъ шелковый, праздничный одѣтъ,
Привлечь одной улыбкой горныхъ дѣвъ.

9.

Сбиралась ли патага удалыцовъ
Отбить табуль, изъ бранною забавой
Потѣшаться, остави бѣдный кровъ,
Имъ вслѣдъ съ усмѣшкой горькой и лукавой
Смотрѣли братья, сумрачны, безъ словъ,
Какъ смотритъ облакъ иногда двуглавый,
Застѣвъ межъ скалъ, на свѣтлый бѣтъ ауны,
Однѣ исполненъ грозной тишины.

10.

Двигались всѣ взаимной ихъ любви,
И не любилъ никто ихъ... оттого ли,
Что никому они дѣла свои
Не похвѣли и надзвонной воли
Склонились предъ чуждой волѣй не могли,—
Не знаю; тайна ихъ угрюмой доли
Темнѣе строкъ, начерченныхъ рукой
Прохожаго на плитѣ гробовой!..

11.

Была ихъ сакля меньше всѣхъ другихъ,
И съ плоской кровли мохъ висѣлъ зеленый
Рядкомъ блистали на стѣнахъ простынь
Арканъ, сѣдло съ настькой вороненой
Два башлыка, двѣ шапки босыхъ,
Да два ружья, которыхъ стволъ граненый.
Едва прикрытый шерстянымъ чехломъ
Былъ закованъ въ дыму пороховомъ

Однажды Абузата ждалъ Селимъ
Съ охоты. Было поздно. ...
Туманъ ложился, какъ прозрачный ...
И свозъ него, прорѣзавъ поло...
Косматыхъ скалъ, ... бурало, густымъ
Однѣмъ ... (ую карину)
Родной земли и ... красоту
Обозрѣвать задумъ и Бешту.

Вдала тянулось розовой стѣной,
Прощаясь съ соизвѣстъ, горы свѣтлыми;
Машуль, склонился лисой головою
Черезъ струн Поджумка голубымъ,
Казалось, думать тяжкою стѣпой
Перешагнуть въ владѣнія ...
Съ мечети слѣзъ мулла. Ау ...
Лишь въ крайней саклѣ ...

12.

И ждѣтъ Селимъ (видитъ опъ, что и двѣ
Гуляя въ полѣ, торжымъ вѣтеръ плещетъ,
И подъ окномъ колышется трава
Но, чу!.. далекій топотъ... Кто-то скачетъ...
Примчался. Фыркнулъ конь, заржалъ. Сперва
Спрыгнулъ одинъ, потомъ другой... Что зна-
чить?

То не сайгаки, не волки, не зѣры лѣсной,—
Опъ прискакалъ съ добычею нной.

15.

И вь саклю молча входитъ Абузата,
Самодовольно взоромъ сверкая.
Селимъ къ нему: «Ты загулялся, братъ!»
И, чай, съ тобой не дѣти одна лѣсная». —
И любопытно опъ изглянулъ назадъ,
И видитъ опъ: черешенна младая
Стоитъ въ дверяхъ, мила какъ херувимъ,—
И поблѣднѣла невольной жой Селимъ.

16.

И вь немъ, какъ будто пробужденъ отъ сна,
Зашевелилось сладостное что-то...

—«Люби еѣ: она—моя жена!» —
Сказалъ тогда Селиму братъ.—Охотой
Родной аулъ покинула она.
Нашъ бѣдный домъ хранимъ ея заботой
Отнынѣ будетъ—Зора! вотъ мой
Отчизна, все богатство, вся семья...»

17.

И Зара улыбкузася, и уста
Хотѣли вымолвить слова прищѣта,
Но заверла. Кдоу по челу мечти
Промчалась тѣнью. По словамъ поэта,
Казалось, вся она была слѣта,
Какъ гурия, изъ сумрака и свѣта;
Бѣлый и чисте разнѣхъ обаяновъ
Являлась грудь, подвившая покровъ.

18.

Черны глаза у серны молодой,
Но у нея глаза черны были;
Кто-то тѣмъ рѣспитъ, исполнены душой,
Опъ блаженствомъ сердцу говорилъ.
Высокій станъ искусною рукой
Былъ стройно перетянутъ безъ устали;
Съвозъ черный шелкъ витого кушана
Блестало серебро исподпашки

19.

Зѣмлились косы на плечахъ младыхъ,
Оплетены тесемкой золотой;
И ... бѣды пѣтъ-подъ нѣтъ,
Быть ... голубую.
Опъ было прекрасна въ этотъ мигъ.
Прекрасна вольной, дикой простотой.
Какъ южный плодъ румяный, золотой,
Обрызганный душистою росой.

20.

Селимъ смотрѣлъ. Высоко билось въ немъ
Встревоженное сердце страстью новой.
Она горѣла... Пламеннымъ челомъ
Припала бы опъ къ груди ...

Опъ, вздрогнувъ, вынесъ суму, ленту, опъ,
Кинжалъ рукою стискивая. И ...
Подушнѣ молча. Абузата ...
Бурля и думая. О, ...

Пронзался день, другой и много дней.
Они живугъ, какъ прежде неслись.
Но разъ... шумѣла буря, все терпѣй
Утесы становились. Съ ...
Подобно сталъ мѣшущихся зѣврей,
Половою рѣзыхъ, жадныхъ новъ тономъ,
Несло... другъ за другомъ облакъ,
Ночью какъ черъ ...

Озари Абузата ихъ провожалъ.
Задумчиво съ порога сѣлѣ бѣднѣ. [ать.
Вдругъ шорохъ. Опъ гляди...
Сестрица, съ ... на ...
И ...
Рука блуждала по опрѣмъ ...
Слова кивѣли смутно на устахъ,
Какъ блещетъ нѣтъ въ тѣсныхъ берегахъ.

И юношѣ съ участіемъ живымъ
Братъ молвилъ: «Что съ тобой?—не понимаю.
...
Одною думой день и ночь томимъ...
Я гибну! Ты ранаешь, ты вѣнчаешь,—
Безумица не захочешь ты спасти,— [види.
Такъ, и виновенъ... Но... прости, прости!..»

—«Скажи, тебѣ обидѣтъ что-нибудь?..
Обиду злобы кровью смыть могу я!
Изъ коней провалъ? Забудь о немъ, забудь,—
Въ горахъ кони красивые найду я.
Изъ отъ любви твоей пылаетъ грудь
И чуждой дѣвы хочешь поцѣловать?
«Ее увѣсть легко во тѣмъ ночной,
Она—твоя... Но молви: что съ тобой?»

—«Легко спросить, но тяжело рассказать
И чувствознать!.. Молвися и Пророку,
Чтобъ ангеламъ вѣдѣлъ опъ инопослать
Хоть каплю влаги пламенному оу...
Ты видишь, есть ли слава?.. О, не трать
Молитвъ напрасныхъ! Въ прикомъ Востоку
И Западу зывалъ я; во... въ моеѣ
Думѣ все шевелится грусть, какъ вѣтъ!..»

«Я проклялъ небо. Обѣдалъ коня,
Путился въ степь безъ цѣли мы блуждали;
Но различать въ ночи я, ни дни...
Не вслѣдъ за мной мечты мои сныли.
Я гибну, братъ... Пойми, спаси меня!
Твоя душа не прѣнче бранной стала...
Когда я былъ ребенкомъ, ты любила
Ребенка,—помнишь это, нѣтъ забыть?..»

Послушавъ бурно молодость во мнѣ

Впитать, как жаркий изюм в скалки Ма-
Но ты.. Въ твоей суровой счастливой [шутка!
Видя усталость жизни, дѣнь и скупа.
Пускай ты можешь въ полѣ на конѣ
Зависшую стрѣлу бросать изъ лука,
Догнать оленя и врага сразить;
Но... такъ; являя, не можешь ты любить?»

28

«Не можешь ты безмялвно цѣлать чистъ
Смотрѣть на взоръ живой, но безотвѣтный,
И утонуть въ сѣняхъ мѣлкихъ глѣзъ,
Тѣя въ груди, какъ вѣсть, огонь живѣтвый!
Обычаши Зарю, и впадалъ не разъ.
Какъ ты томился снуною приятной...
Я бы отдалъ жизнь за поцѣлуй одинъ
Прекрасныхъ устъ, но ты — ихъ власте-
лишь!»

29

Какъ облакъ, бурей чуждою толмѣ,
Сталъ мраченъ ликъ суровый Айбулага;
Дрожь пробѣжала по устамъ сѣдымъ.
Взоръ похрипѣлъ, какъ зарево заката.
— «Что жъ прозвнѣть рѣшился ты, Се-
лимъ?»

Воскликнулъ онъ. Селѣжъ не слушая брата.
Какъ бѣдный рабъ, онъ дая къ его ногамъ.
И волю далъ страданью и молибамъ.

30

— «Ты видишь: я погибъ... Опасенья нѣтъ...
Отчаянье, любви—вездѣ, повсюду!..
О, ради прежней дружбы прежнихъ...
Отдай мнѣ Зарю, уступь!.. Я буду
Твоимъ рабомъ... Пислушай: сжался!.. Мѣт.
Вѣтъ, ты меня, какъ ветхую посуду,
Съ презрѣньемъ гордымъ вынесъ за дорогъ...
Но... видишь: ногъ—лижалъ, а тѣя есть
Богъ!..»

31

«Когда бы хотѣлъ, я бы могъ давно, повѣрь
Ушатыя счастьемъ, презрѣть свѣтъ
Но я подумалъ: вѣтъ, какъ лютой зѣбры.
Онъ растерзаетъ сердце молодое...
И вотъ приняло раскаянье теперь,—
Пришло, но поздно! Я ошибся вдвое
И я—глухонѣмъ, какъ хочешь лавови
Одинъ теперь, безъ дружбы и любви!..»

32

«Что медлить? Я готовъ. Не размышляй!
Одинъ ударъ и мы спокойны оба
Знаю: минута съ пси—неосмыслимъ ра-
Жизнь безъ волъ—скупѣйша, страшнѣе гроба!..
И здѣсь, у ногъ твоихъ... Рѣшился, палецъ
Любови хитрей, чѣмъ ревность или злоба.
И вырву Зарю изъ твоихъ ногтей,
Она—моя, и быть должна моею!..»

33

Умолкъ. Блѣднѣй свѣтловъ сѣдился онъ;
Въ очахъ дрожали слезы погупления;
Межъ губъ слова салились въ неслыханный
Мучительный, ужасный... Селѣжъ [онъ,
И громый братъ почувствовалъ.— «Накъ сонъ,
Пройдетъ, — сказалъ онъ, — время заблуд-
жени!»

Есть много авѣтъ—одна другой свѣтлѣй;
Краснѣйша знога безъ жепы моеи!»

34

«Что далъ мнѣ Богъ, того не уступаю,
А что оказалъ и, то исполню свято.
Пророкъ зрѣтъ мысль и слышать рѣчь моя.
Меня не тронуть ни молибны, ни золото!..
— «Прондай!.. Но если, если... я люблю,
Люблю ее?—сказалъ Селѣжъ, облитый
Тоской и алой:—Я просятъ, скорбѣтъ..
Ты не хотѣлъ... Такъ помни тѣя не хотѣлъ!»

35

Его уста скрикнули холодный смѣхъ;
Онъ продолжалъ: «Все кончено отнынѣ!
Нѣтъ для меня ни дружбы, ни утѣхъ..
Благодарю тебѣ!.. Ты, какъ обѣ смѣлъ,
О мнѣ знога... не грѣхъ..
Но полѣ нѣжить ты нѣтъ ни въ пуси;
Но полѣ обрывать его листы
И буду помнить, помня же и ты»

36

Онъ отвернулся и пошелъ, а Селѣжъ
Стоялъ неподвижно. А...
М...
Шумѣла буря. Вѣтъ...
Скупѣйша полѣ...
Да иногда, грѣю знога...
Навъ быной...
Безпечной...

Такъ иногда, одна въ степи чужой,
Залетная лѣвица, птичка Ю..
Поетъ на вѣтъ дѣкой и сухой,
Когда вдругъ шумитъ, бушуетъ вѣтъ,
И путинѣ ввержеть съ тѣлномъ тоской
И думаетъ: то, вѣрно, голоса др..
Его душа, живущая въ раю
Свила печаль привѣтъ...

Селѣжъ
Гребенкой мѣдной...
Кубанскою опры..
Удочка блещетъ..
Сѣдло съ конемъ, сѣдлѣнъ два..
Сремена ра..
Да арчигъ мой..
Косился конь. Палецъ Селѣжъ жгитъ!

Горитъ и статенъ конь твой вороной!
Кланъ...
Нога стройна, носатый хлостъ трубой,
И ласныя х..
Какъ черный на..
Какъ сараи..
Несется онъ под..
И голосъ твой давно..

Но сильно чья то жаркая рука
Хватаетъ... Зарю...

40

Вотъ молча на кони вскочили Селеня,
Нагаякою махнула, приветаясь немного
На стременихъ. Затрещала вода нивы
И захрапала товарищъ быстротой
Счастьемъ другой... воздвиги парь, каньдымы.
И позвонять званною дорогомъ,
Какъ пыльные листы, огоревшии грозой,
Лететь, кружись, по степи голубой!

41

Разманинго сказать охъ, и времени,
Какъ брызгли, размылись, трещали
Воды звонкими попытками. Они
Старую землю мѣрно перажали;
И дало мѣлѣ ущемию одинъ
Дружескую охоту звонъ перестави
И въ голубой доли охъ зашумѣла,
Была бы по бытъ кони оставила.

42

Къ дѣдуху вникнула, Селенья и чужа
За пологомъ вникнула вникнула.
Углубила вникнула вникнула
Ахъ! дѣдуху вникнула вникнула
Селенья и чужа. Мѣсто охъ чужа
Въ дѣдуху. Ужъ! дѣдуху вникнула
Ахъ! дѣдуху вникнула вникнула
Ахъ! дѣдуху вникнула вникнула.

ЧУТЬ ПТОРА

1

Можетъ не сказать, дождь изгорелый вникнул
Охъ! дѣдуху вникнула вникнула.
Въ дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула.

2

Грудины чужа, вода на водной
Былъ! дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула.

3

Но охъ! Заря вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула.

4

Но охъ! Заря вникнула вникнула

Хватаетъ руку Заря вникнула вникнула
Охъ! дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула.

5

— «Селенья! Охъ! дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула.

И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула.

7

И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула.

8

«Можетъ не сказать, дождь изгорелый вникнул
Охъ! дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула.

«Такъ охъ! Заря вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула
И дѣдуху вникнула вникнула.

10

И дѣдуху вникнула вникнула

Едва дыша, склонившись к ней устам,
 Онь ждалъ отвѣта съ страхомъ и тоской...
 Она молчала. Тонкими вѣтвями
 Чуть вѣтеръ шелестѣлъ, и парилъ зной,
 И тѣни листьевъ пестрыми радаями
 Играли на челѣ ея... Она
 Стоять недвижна, безъ словъ, блѣдна.

11.

— «Ринись же, Зара,—ждать я не могу!
 Ты поблѣднѣла?.. Что такое: слезы?
 Но развѣ ждешь ты предана врагу?
 Или рѣчь любви похожа на угрозы?
 Или ты меня не любишь?.. Нѣтъ, я лгу,—
 Твои уста, вѣжливый французской ропы,
 Жестокаго не могутъ произнести... [есты]...
 Пусть нѣтъ въ тебѣ любви, но... жалость.

12.

«О, какъ бы я былъ счастливъ, какъ богатъ
 Подъ вѣздами Алла, одинъ съ тобою!..
 Скажи: тебя не любить Акбулатъ?
 Онь зовѣ, ревнивъ, онь пасмуренъ душою;
 И рѣчь его холодна, чѣмъ булится!
 Онь для тебя послышалъ. Бѣги со мною!
 Но ты качаешь мозга головою,—
 Не онь тобою любимъ!.. Такъ кто жъ такой?»

13.

«Скорѣй отвѣтствуй, кто онь,—назови!
 Я вытвержу аловѣщее названье!..
 Я обниму, какъ брата, и... въ крови
 Запечатлѣю братское лобзанье.
 Это жъ онь—счастливень, царь твоей любви!
 Пускай придетъ, презрѣвъ мое страданье
 При мнѣ тебя и пѣжитъ, и ласкаетъ!..
 Я радъ смотреть, кланусь тебѣ—молчать!»

14.

И онь склонилъ мятежную голову,
 И онь закрылъ лицо свое руками,
 И видво было ей, какъ на триву
 Упала дѣй слезы двумя вѣздами.
 Безъ смысла и безъ звука, на яву—
 Какъ бы во снѣ, онь шевелилъ устами
 И, наконецъ, припалъ къ землѣ сырой,
 Смылъ, какъ землю, холодный и явмой...

15.

И стало жаль Селима ей... И вдругъ
 Заговорилъ голосомъ печали.
 — «Отецъ мой былъ великий воинъ: Югъ,
 И Сѣверъ, и Востокъ обѣ немъ слышали.
 Онь былъ свирѣпый врагъ, но вѣрный другъ,
 И низкой лжи уста его не зналъ.
 Я—дочь его, и честь его хранию:
 Умру, погибну, но... не замѣню!»

16.

«Оставь меня,—и счастлива съ дру-
 — «Не вѣрю я!.. Ты счастлива? — «Ко-
 — «Онь мой злодѣй, мой врагъ!..» — Селимъ!
 Бѣгъ жъ виноватъ? Скажи, ужели вѣчно

Непримиритесь вы? — «Миритесь? съ нимъ?
 Да кто же я, чтобъ мукою сердечной
 Дразнить людей и небо?» — «Ты жестока!»
 — «Какъ бы? такую душу дать мнѣ

17.

— «Прощай,—ужъ поздно!» — «Богъ ре-
 судитъ насъ!»

Но если я съ тобой увижусь снова,
 То это будетъ, зной, въ послѣдній разъ!..
 Онь быстро всталъ, и болѣе ни слова
 Онь не сказалъ и скрылся... День угасъ;
 Лишь блѣдный лучъ пазъ-за Бешту яруго
 Едва скользилъ прощальной полосой
 Вдоль по челу черемешки молодой.

18.

Селимъ не возвращался. Акбулатъ
 Спокоенъ,—онъ не видитъ, что порою
 Его жены доселѣ ясный взглядъ
 Туманится невольною слезою
 Вотъ, разъ съ охоты ѣхалъ онь назадъ;
 Аудъ дремалъ въ тѣни, таясь отъ зноя;
 Сходи съ мѣчи тѣлою стопомъ,
 Ему мулла влиять головою.

19.

И говорилъ: «Ауда свѣтлѣнь, мой сынъ!
 Не лучше ли гулять въ широкомъ полѣ?
 Черкесъ прямой—всегда, неждѣ одинъ,
 И служить только родни, да волѣ!
 Черкесъ—землѣ и небу господинъ
 И чуждый врагъ ему не страшень!
 Какъ только онь, послышавшись меня,
 Жену покинулъ и купилъ коня!»

20.

— «Молитъ Пророку и Аллѣ, мулла,
 О не мѣшайся ты въ дѣла чужды,
 Твой вѣрнѣй глазъ,—моя вѣрнѣй
 За весь табунъ твой не отдамъ!
 Мулла жъ въ отвѣтъ: «Я не
 Слѣдъ величинъ ты сойти золотъ
 Смущился Акбулатъ, потупилъ взоръ
 И скачетъ онь скорѣй къ себѣ на дворъ»

21.

Съ дрожащимъ сердцемъ въ савану
 Гладить—на ложѣ сматывъ и разрытомъ
 Книжалъ знакомый белеетъ пакъ пожомъ
 Любимый...
 Неидетъ на встречу Зара... Мертвѣи совѣ
 Повсюду; лишь
 Свѣтаетъ пламень... Онь не извидѣлъ дѣ
 Нѣтъ ни жены, ни лучшаго коня

Безъ силъ, безъ и
 Произведенный съ
 Съ открытымъ взоромъ въ сѣрдечный копѣй.
 Пришелъ онь на порою, и чѣмъ книжалъ
 Въ его грудь, то значить лишь тѣлоу!
 Часы бѣжали. Небо полъ
 Съ росой на землю пала

Аудъ Бастунджа II

12 СТ. ИТЬ ВІ

Аудъ Бастунджа. Онъ стало ясно — и надъ тор-
 говой Зарой терпѣть груда и рвать одежи онь.
 съ ее, но... крѣпость мертвыхъ онь!

Намалъ-бей. ...Едва дыша, безъ слезъ, безъ тунъ,
 безъ словъ она стоитъ.

Намалъ-бей. ...Въ крови, безъ чувства, безъ ды-
 ханья, лежитъ вѣстѣшнѣй казакъ. Ч...
 лѣтъ на лѣтъ холодный, въ снѣгъ пробудъ
 природный онь

(Восточная повесть).

Посвящение.

Опять явилось вдохновение
Души безжизненной массой,
И превращает в нежность
Тоску, развалку, спадает.
Так по реди чужих степен,
Подруги внимательных не зная,
Прекрасный путьный, тучный, рад,
Сидеть на вершине сумам,
Блестя лизоры вьломом,
Пуск и ретом, бужуясь выюго,
Она поет тиль сь одномъ -
Они поет о солнц юга
И тиз, звезда, доми мей,
Тонд, иц, бур, моря, сумовых,
Послушны пьеса прежних джес,
Данно уже вьть у сел цз на зх,
Ии мяч ных думь, ви дужь сь сь зх,
Не пьомил, вьльи рьзуюн,
Тобю полия сь чь зьзун,
Мелья узавонь ты вь джунх

FACTS UPON

Приветствую тебя, Кавказъ-отдочник!
Твоими горами и густыми долинами,
Они мечтальников и поэтов
И в поселят пастухов и друзей
И долго миг мечтатель съелъ лишь порть
Все небо юга да угосы горь,
Прекрасней ты, суровый край свободы,
И мы, престола пыльные приречья,
Когда, как дымъ иль как ослепка
Иль доверь въ злате иль в меденъ
Иль в вани илюст, иль в вани, какъ в вани,
Кни въ вани илюст иль в вани, какъ в вани,
Кни въ вани илюст иль в вани, какъ в вани,
Кни въ вани илюст иль в вани, какъ в вани,
По вани в вани иль в вани, какъ в вани,

Какъ я любилъ, какъ въ мои времена,
 Твоихъ сыновъ возмужалые права,
 Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
 И чудный вой жгучихъ, трепыхъ бурь,
 Какъ пелеры и хиты бродилъ,
 Какъ трава, какъ кусты тошные
 И вуды пропитаны сномъ, и покровъ
 Своялися, и слылы цвѣтъ оль,
 Душистую голлау и дождемъ,
 Была въ, какъ цвѣты погребъ въ рдъ
 Въ вечерни чашъ, дожливала отавовъ
 И пловоды разогрѣны и пловъ
 Иловилъ, съ бурей и мѣсяцъ

Один еще грозитъ, и надъ скалами
Волшебный замокъ, чуждъ древнихъ дѣл,
Растетъ въ мачугу по снѣжн. скорлупѣ
Уто разсѣсть въгнѣ дуновение
Такъ прифываетъ рѣзвѣ звукъ дѣловъ
Пресъ уныло сгнѣдливѣ снѣжн. вѣнѣ
Когда авѣ арпѣ хвѣмъ снѣжн. вѣнѣ
Мѣжѣ снѣжн. бѣлѣмъ, чѣмъ горѣ снѣжн. вѣнѣ
Мѣжѣ на запѣдѣ облакѣ другѣ
И, проводивѣ дѣнѣ, тѣнѣнѣтѣ въ рѣдѣ,
Другѣ черѣзъ другѣ свѣтѣмъ гнѣдѣтѣ
Дѣнѣмъ въ дѣнѣмъ вѣнѣмъ въ дѣнѣмъ
Вѣнѣмъ въ дѣнѣмъ вѣнѣмъ въ дѣнѣмъ

F i i

[illegible]

Тѣмъ и тѣмъ, и тѣмъ, и тѣмъ,
 Христовъ, а тѣмъ, а тѣмъ,
 Которыя, а тѣмъ, а тѣмъ,
 Про сирину, а тѣмъ, а тѣмъ,
 Хвалили людей минушаго, а тѣмъ,
 Вѣдѣли, а тѣмъ, а тѣмъ,
 По сиринѣ, а тѣмъ, а тѣмъ,
 И въ одио, а тѣмъ, а тѣмъ,
 На речехъ, а тѣмъ, а тѣмъ,
 Онь рече, а тѣмъ, а тѣмъ,
 И тѣмъ, а тѣмъ, а тѣмъ,
 Въ его тѣмъ, хранили отъ пепелъ
 Пѣвальные, тѣмъ голуби, а тѣмъ,
 У пѣвальныхъ, а тѣмъ,
 Сиринѣ, а тѣмъ,
 Рече, а тѣмъ, а тѣмъ,
 И подъ столѣнемъ, а тѣмъ,
 Сиринѣ, а тѣмъ,
 И сиринѣ, а тѣмъ,
 Замыслили, а тѣмъ,
 Были, а тѣмъ,
 И, сиринѣ, а тѣмъ,
 Но, сиринѣ, а тѣмъ,
 Я хлѣ въ то, а тѣмъ, а тѣмъ,
 А

Его изложить, то оуныши, то итчи...
Я вздумалъ перенести на сѣверъ, диний

Пусть будет странная в лапках ова
Кукла, слышала, такъ его передаю. [краю,
И не хочу, незнаемый толною,
Чтобы, какъ тайна, онъ погибъ со мною;
Нужная ему не вмешую—до конца
И доважу. Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ пѣвца;
Любовь и пѣсни—иотъ вся живая пѣвца;
Безъ нѣтъ ова чужда, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтла...

VI.

Давным-давно у чистыхъ вѣхъ,
 Гдѣ по временамъ Подкумолъ вѣнчалъ,
 Гдѣ за Мансуръ мѣ. день встаетъ,
 А за Врунмъ. Венгу садится,
 Вавъ русска чужой земли
 Азлы мѣрны пылы,
 И дѣлишь дружною взаимной;
 Тамъ колѣны пугавъ находятъ
 Ночень и въ гостевирнмъ.ай
 Чересъ ч.ч. славя и вполѣ быть.
 Краю чудной за горамъ
 И стѣны озни дѣвы нѣ,
 И стѣны стѣны вѣсами
 Судя и | вѣны чѣды
 [вѣны вѣны дѣны дышала;
 [вѣны вѣны по дѣны
 [вѣны вѣны по дѣны

VI

[illegible]

44

Но ты чуждою землею
 Исхитишь прелесть, ослепишь сонных,
 И дождь гонимый выведешь
 С земли, и ринутся чуждым
 Истребить Мухоморы! Прелесть
 О, земля! истребительная,
 Что ты выведешь, выведешь!

[illegible]

17

[illegible]

Въ тотъ снѣгъ годъ, осенний дѣнь,
Между Малайя и Заминъ,
Гдѣ чаша драгъ былъ потокомъ,
Наступилъ, убого дѣла,
Такоймо вѣщанъ притѣжъ.
Кругомъ — вѣтъ и вѣтъ,
Кѣмъ бы вѣтъ не вѣтъ,
Подъ чашею въ бѣдѣ,
Гора и вода, горы и вода,
Нѣтъ ни вѣтъ, ни вѣтъ,
Такоймо, вѣтъ,
И вѣтъ, вѣтъ, вѣтъ.

заходящие рядомъ съ Беппу.

XIII.

XII

Какъ пави юноши, онъ, молодой,
И холодитъ блескъ его очей;
Поверхность темную морей
Такъ, покрываетъ равный холодъ
Коронъ ледяною своей
До первой бури. Чужда, страшна,
Въ очахъ изъясн догорѣла,
Залета, какъ въ пещерь леза,
Глубока въ сердцѣ, но ихъ власта
Оно никакъ не изобъявила.
Пусть, будетъ, что сердце камень.—
Ихъ пробужденный оскви камень.
И камень, утѣмъ расказанъ.

113

И вое прошедшее живишь,
Какъ зѣнь умершаго, ему
Все съ этихъ поръ перемѣнишь,
Богъ вѣсть, и какъ, и почему
Опѣ въ полѣ выѣхать дусто —
Вдвѣи выдвинѣть выдѣль — что жъ?
Какъ бѣдоу н. смѣхъ, зпуть аспѣвъ
Жалонъ ушлѣхъ и стрѣмилъ
Трѣхъ смѣхъ ошлѣхъ пошлѣхъ
Князѣхъ, смѣхъ пушлѣхъ, смѣхъ
И тѣхъ смѣхъ вышлѣхъ ошлѣхъ
Въ кушлѣхъ смѣхъ вышлѣхъ, казлѣхъ,
Предѣхъ смѣхъ фазлѣхъ, брѣхъ смѣхъ,
Росѣхъ смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,
Блѣхъ смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,
Лѣхъ смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,
И блѣхъ смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,
И блѣхъ смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,
«Казлѣхъ смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,
«Давлѣхъ смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,
— «Съ блѣхъ смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,
Неушлѣхъ смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,
Въ кушлѣхъ смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,
Тому смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ, смѣхъ,

11

Выхаживать, уводя в Н...
 Чернее? В...
 Подыма...
 Просты улыбок...
 Увы! сверли...
 В крови, б...
 Лепить...
 Черны...
 В...
 Онь...
 Онь...
 Как...
 Как...
 Волной...
 Это...
 Как...
 Глаза...
 Душа...
 Обороты...
 Чернее...

vi

И вдарів очнувши онъ, вдрогнувши,
къ луцѣ припавъ, коня тоженуль,
одно мгновенье изъ бурганя.
Онъ, черной паникы мелькнувъ,
И своєю спрыгавъ весь въ туманъ,
Врзъь камши коня его несетъ,
Онъ не глядѣть и не боится
Гдѣ бынотъ свѣтотъ только ютъ,
За дѣлѣ раскладное мѣсто!

XVII

[illegible][illegible]

4715

[illegible]

XIX.

[illegible]

11

[illegible]

111

Ужас по рече Павла, что он
 должен был ради нас, сего
 да гробом своим и в нем
 догнать грешныя, истребить души,
 Крестом победить и в нас, и в них,
 Ах, Павел, как буди тебе в душе,
 И с тобою дивился, и как сего
 И с тобою, и с паче, и с паче,
 А с тобою, и с паче, и с паче,
 А с тобою, и с паче, и с паче,

Шумить (слышалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынь вѣтромъ разнесенный,
И много пробуждалъ онъ душу
Въ груди, тоской опустошенной).
Въ недоумѣньи надъ скалой
Остался странникъ утомленный,
Вдругъ видитъ онъ: въ дали пустой
Трепещетъ огонекъ—и снова
Садится на коня лихова;
И черезъ силу скачетъ конь
Туда, гдѣ свѣтятся огни.

XXII.

Не духъ коварства и обмана —
Манятъ трепещущимъ огнемъ,
Но очи злобнаго пайтана
Свѣтились въ ущельи томъ:
Два сакля бѣлая, простая,
Тапталъ мирно за холмомъ;
Чернѣютъ крыши асфальтовые
Съ краевъ ряды травы густой —
Висятъ зеленой бахромой;
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ нѣхъ пѣсни неземная;
Широкій окружаетъ дворъ
Изъ колеи и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутой, обветшалой;
Все въ мертвый сонъ погружено —
Одно лишь свѣтится окно...
Заржалъ червеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой;
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакля кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ. «Великій Мухаммедъ
Къ намъ гости, вѣрно, посылаетъ.
Кто адѣсь?» — «И странникъ!» — былъ
И больше спрашивать не хотѣлъ, [отвѣтъ—
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный. Вдругъ коня
Онъ самъ заботится хлопотать,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ,
И самъ ведетъ его на дворъ.

XXIII.

Межъ тѣмъ привѣтно въ саклѣ дымной
Приказъ вѣстрѣченъ старикомъ,
Сажая гости предъ огнемъ,
Отъ руку жметъ гостеприимно.
Блеститъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый,
И маетъ межъ буркой и сѣдомъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дѣлахъ, о брачномъ полѣ;
Видятъ, кишатъ бѣда ихъ,
И носятъ въ мечтахъ живыхъ.
Они къ грядущему, къ прошлому;
Проходятъ непримѣтно часъ —
Они сидятъ, и въ первый разъ,
Внимая странника рассказы,
Старикъ давитъ молодому.

Она сама лезгинка: ужъ давно
[Такъ было немощно суждено]
Не зрѣлъ отчества. Три сына
И дочь млада съ нимъ живутъ;
При нихъ молчатъ еще вручина,
И бѣдныи милъ ему приютъ.
Когда горятъ ночныя звѣзды,
Тогда пускаются въ разъѣзды
Его лихія сыновья.

Живетъ добычей все семьи.
Они повсюду страхъ приносятъ,
Украсть, отнять—имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено.
Изъ табуна ихъ, изъ станицы
Любому уведутъ коня;
Они боятся только дня,
И ихъ владѣньемъ нѣтъ границы.
Сегодня дома лишь одинъ,
Его любимый, старшій сынъ.
Но словъ хозяйина не слышитъ
Прислонецъ; онъ почти не дышитъ,
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ падевалъ метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданіе земли и рай,
Стояла пери молодая.

XXV.

И кто бы, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто презлести небесъ, или даже съѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбки устъ, въ движенья чернымъ

XXVI.

Все, что такъ дружно съ первыми мечтамъ,
Все, что встрѣчаемъ въ жизни только разъ—
Не отличить отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нѣрѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Презлестный ликъ, но холодная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ нѣмъ
Слетѣвшихъ въ миръ, чтобы утѣшиться
Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаетъ...
Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
Восточная вадна въ ланитахъ крови;
Но только удаленъ образъ нитый—
Онъ станетъ сомнѣваться въ томъ, что
было,

И заблужденъ онъ повѣлъ

XXVII.

Нѣжна, какъ пери молодая,
Созданіе земли и рай
Мила—какъ намъ въ краю чужомъ
Дѣтъ звуковъ и мѣлъ чужбѣ
Знакомый звукъ. [Дыхъ два слова
Такъ утѣшительно мила,
Какъ древле узнику была
На сумрачномъ окнѣ темниши

Простая пѣсня вольной пѣнцы,
Стояла Зара у огня
Чело немощно наклони,
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота,
Но также вкусъ. Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;
Изъ-подъ него до груди нѣжной
Два косы темныя небрежно
Блугутъ—ужъ вѣрно часъ она
Ихъ расплетала, заплетала;
Она поправится жезла—
Какъ въ этомъ женщина видна!

XXVIII.

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиранный ужинъ предъ отцомъ
И улыбнулась, и потомъ
Уйти хотѣла, и не знала,
Идти ли! Грудь ея порой
Покровъ привѣтно поднимала;
Она послушать бы жезла,
Что скажетъ путникъ молодой.
Но онъ молчитъ, безудачно взоры:
Ихъ привлекаетъ лезвіе
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на негъ
Былъ устремленъ... Смутилась дѣва,
Но, не боясь отцова гнѣва,
Она осталась, и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожитъ:
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ,
Смѣется, но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней;
Смѣется, шутитъ онъ; во хладный.
Печальный смѣхъ нейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ—ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему
Черкесъ зовилъ сначала жадно
Движенья глазъ ея живыхъ,
И наконецъ остановился
На ея чертахъ развѣдился.
Отвѣта ждуть, къ нему склонились,
А онъ забылъ, забылъ о нѣхъ...
Добавилъ что-то еще,
Вспорхнулъ, но не свесетъ;
Ему вѣрно видно, Зара?
Она не слышитъ, она увидѣтъ...

XXIX.

Кто много страствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто заговорилъ страстей примѣту,
Кому навѣстень ихъ языкъ,
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И, какъ они, съ своей рубкою
Не отдавалъ души своей—
Тотъ пылкой жеваннымъ пристрастїемъ

Не почитаетъ ужъ за счастье:
Тотъ съ сердцемъ дѣлится и прощаньемъ
И съ чувствомъ вѣнога свѣтлымъ.
Шутить боится. Онъ улыбки
Слезу старается встрѣчать,
Улыбѣ хладно отвѣчать;
Коль облажкнетъ—такъ ошибся!
Приторнонмъ вѣчнымъ утомленъ,
Ужъ и себѣ не шутитъ онъ,
Душѣ высокой не довольно
Остатковъ конести своей,
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣтъ пѣни въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла:
Какой-то робостью дѣтской
Ихъ отымаются дѣла.
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе лгнуть не умѣютъ;
И часто думаютъ они,
Что ихъ навѣститъ край далекій,
Пустыни, видъ горы высокой,
Изъ тѣхъ долинъ одинокой.
Гдѣ юности промчались дни;
Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все вѣншее подвѣстно!

XXX.

Ужъ жилось Зарѣ въ саклѣ нѣтъ.
Черкесъ глядитъ ей долго въстѣдъ
И мыслитъ: «чуждое созданье!»
Куда изъ дѣтскихъ вышла дѣтъ,
А есть ужъ слезы и желанья!
Безсильный, свѣтлый лучъ зари,
На темной тучѣ во гори:
На ней твой блескъ лишь помрачился,
Ей ждать неспя, она умчится».

XXXI.

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утѣшься! нѣтъ, не мирной долѣ,
Но битважъ, родитъ и мотъ
Оброчена судьба моя.
И бѣ мотъ нѣжнѣйшей любовью
Тебя любить, во надъ тобою
Хранитель, вѣрно, неземной;
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли грѣтъ жовитъ обилья?
Тебя ли стануть нѣловать
Заста, цѣлующи, въ нѣхъ нѣжнѣйшей?»

XXXII.

Пора! лезветъ уже вѣнога;
Черкесъ прощанье и путь готовый.
На неспящихъ столахъ
Еще сидѣтъ Старикъ суровый
Кто рѣшалъ, нѣжно съ рѣло,
Съ дѣломъ, гдѣ лучшая дорога,
И самъ до ветхого порога
Рядишно гости проводилъ.
И странника медленно выходилъ.

Печалию тайной угнетень:
О юной дѣвѣ мыслить оны...
И кто жъ коня ему подводилъ?

XXXII.

Змыло Зара передъ шмъ
Коня походного держала
И тихимъ голосомъ, своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:
«Твой конь готовъ; моею рукою
Надѣта бривная уздечка,
И серебистой чешней
Блеститъ кубанскій настьчакъ,
И буржу черную ремешъ
И приваала за сидомъ.
Мнѣ это дѣло въдь не ново,
Любезныи странники, все готово.
Твой конь прекрасенъ; не страшна
Кму утесовъ крутизна:
Хоть выросъ онъ въ краю дзеконъ,
Въ немъ дикость горда вядна,
И лоснится его сина,
Какъ камень, еглажешый потокомъ;
Какъ уголь, взоръ его блеститъ,
Лишь наклонись—онъ полетитъ;
Кто я глядѣла, заснула,
Чтобы тебѣ онъ, путникъ, спитъ
Отъ вѣтвей иванки и вивжала
Въ степи глухой, въ недобрый часъ.»

XXXIII.

«Но погоди въ стальное стремъ
Ступать носибшью ногою:
Послушай, странникъ молодой,
Какъ овать? быть можетъ, будетъ время,
И ты на милой сторонѣ
Случайно вспомнишь обо мнѣ;
И если чаю пиюванъ
Клпнть, блеститъ въ руцѣ твоей,
То не заскай воспоминавъ,
Гони отъ сердца поскорѣй;
Но если эта мысль родится,
Но если образъ мой приснится
Тебѣ въ страдальческую ночь—
Услышь, услышь мое моленъ:
Не презирай то сновидѣнье,
Ве отгоняй тѣ мысли прочь!»

XXXIV.

«Приютъ нашъ малъ, за то спокоенъ;
Его не тронетъ русскій воля.
И что имъ взять?—идтъ-шесть копей,
Да наши грубыя одежды?
Повѣрь ты скромности моею,
Откройся мнѣ, куда надежды
Тебя коварныя влекутъ?
Чего искать?—Останься тутъ,
Останься съ нами, добрый странникъ!
Я вижу ясно: ты изгавникъ,
Ты отъ земли своей отвыкъ,
Ты позабылъ ея языкъ.
Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
И что тамъ ждешь тебя—те знаю.

Пусть мой отецъ твердитъ порою,
Что безъ малѣйшей укормы
Должны мы жерповать собой
Для непризнательной отчизны—
По мнѣ отчизна только тамъ,
Гдѣ любить няетъ, гдѣ вѣрить нмъ.»

XXXV.

«Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
Опасенъ равнѣй хладъ вершинъ
Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ,
Послушай, часъ одинъ, не болѣ.
Пробудь, жестокий, близъ меня,
И покормлю еще коня,
Моя рука его отвлажеть,
Онъ отдохнетъ, напейся, ляжетъ;
А ты у сажи здѣсь, въ тѣни,
Главу мнѣ на руку сложи:
Твоихъ рѣчей услышать звукъ
Еще желала бъ я хоть разъ;
Не удержу въдь счастья часъ,
Не прогонию въдь часть разлуки?»
И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Идала напрасно два-три слова,
Скрывъ печаль силы нѣтъ,
Слезъ съ рѣсницъ упасть готова.
Узы! молчаніе храни,
Садится путникъ на коня;
Ужъ вѣхъ онъ приготовился,
Но обернулся—испугался,
Я, сострадаемъ увлеченъ,
Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI.

«Не обвиняй меня такъ строго;
Скажи, чего ты хочешь—слезъ?
И ихъ имѣлъ когда-то много:
Ихъ мнѣ изъ зависти уне!
Но не рѣшуе судьбы мнѣянъ!
Я раздѣлять съ душою вѣжной;
Свободный, рабъ изъ влстелни.
Пускай погибну я одинъ.
Все, что меня хоть малость любитъ,
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губить;
Щадить—мнѣ власти не дано
И не простого человека
[Хоть въ одеждѣ я простъ,
Утѣшилъ, Зара, предъ собой
Ты видишь брата Рослабонъ:
И въ первую стѣню долженъ принести
О, ве жалѣй о томъ... Прости, прости!»

XXXVII.

Сказавъ, махнулъ рукою, и звукъ вѣтъ
Раздвину, въ отдаленіи умиралъ.
Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ,
Она стоитъ, безчувственно внижая,
Какъ будто стоить въ тѣни...
Всю будущность ея увесъ съ собою
О Зара, Зара, краткою мечтою
Гы дожила—гдѣ жъ твои мечты?
Какъ очи полны, какъ душа пуста!

Одно мгновеніе тяжелой другова:
Все, что прошло, ты оживляешь снова...
По цѣлымъ днямъ она глядѣтъ туда,
Гдѣ сырылася любви ея звезда;
Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
Въ вечерняхъ тучахъ мнѣный образъ бродитъ,
Услышавъ ночью топотъ, съ жоза сна
Вскочитъ, дрожитъ и ждетъ его она—
И, постепенно вѣтромъ развоясмый,
Все ближе, ближе топотъ—и все мнѣ...
Какъ метеоръ порою летитъ на няетъ,
И ждешь—и близокъ онъ—и вдругъ по-
гасъ.

ЧАСЪ ВТОРАЯ.

I.

Шумитъ Аргура мутною волною;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣней зимы и хлада не боится:
Серебристой покрыта цепеню,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Лѣтъ природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзлась, играетъ и катится.
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длиннѣхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По глядѣмъ внижнѣ въ бездну ниспадалъ,
Герцетъ во мракѣ, и надъ ней
Съ прашальнымъ воргованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, свизхъ, волнѣхъ голубей.
Железныи кожжевилянкомъ покрыты,
Надъ мрачной бездной гробовыи плиты
Вьются и ждуть, когда замолкнетъ вой,
Чтобы унестъ и все покрыть собой.
Напрасно ждуть онъ—возна не дремлетъ,
Пусть темнота вокругъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргура землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій вѣтъ.

II.

На берегу ея кипучихъ водъ
Недавно изгнанный врагомъ народъ
Ахъ построилъ сной и ждалъ мгновенія,
Къ тѣмъ свершить предумовное мѣненъ;
Черкесъ готовилъ дерзостныи набѣгъ,
Сомнѣнии собирались потаенно,
И умный князь, лукавый Рослабонъ,
Склонился передъ русскими смиренно;
А между тѣмъ съ отважною толпой
Станицы разоралъ во тѣмъ ночной;
И возвратясь въ аулъ, на ширъ кровавыи
Онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводитъ,
И увѣрлялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
И головы рубилъ имъ для забавы.

III.

Легко народомъ править, если самъ
Одною общей страстью увлеченъ.
Не должно только саниномъ...
Предъ нимъ гордиться, или съ нимъ...

Не должно мыслей открывать своимъ
Нѣтъ спланивать у поданныхъ советъ
И забывать, что лучше горѣ...
Иному ласка и слова пріятна
Стараясь первыми быть вѣдѣ, вѣдѣ,
Не забываетъ, буди въ паркахъ утренъ...
Не трогая сукотрыи вѣтвю
И самъ съ топотъ унѣ быть съ вѣтвю:
Страннѣе сначала много унѣвать
Страннѣе пародъ въ побѣдѣмъ прича...
Чтобы въ снѣжнѣи оной онъ приваала
Чтобы влѣдныи мнѣ въ свѣтѣхъ...

ждетъ

Чтобы огнь тѣмъ и сравнивать ня съ жѣмъ
И ничъ алъ изадою—принужденъ;
Унѣи снѣжнѣи полковнѣи вѣмъ
И не проси никакъ полковнѣи вѣмъ
Пародъ ребѣнокъ снѣжнѣи вѣмъ данъ,
Не покупилися вырѣ... во убрѣ...

IV.

У Рослабонъ братья когда-то были;
О немъ жалѣють тайныи удамы;
Отномъ въ Россію посланъ Измаиль,
И ихъ надеждѣ отпала Россія
Четырнадцати лѣтъ отпавилъ онъ
Бранъ, гдѣ были воспитанъ и рожденъ,
Чтобы звать законы и право зумъ
Не похъ переписникъ шелковѣхъ копрѣ...
Родился Измаиль, не пѣвнѣю нѣжной
Онъ усмиренъ былъ въ сумракѣ ночномъ:
Его бликовать буря вой мятежныи.
Когда онъ въ первый разъ открывалъ глаза,
Его улыбку встрѣтила грозъ;
Въ пещерѣ темной—гдѣ, гоимый братомъ,
Убийцею коварнымъ, Веа-Култоимъ,
Его отецъ гнился много лѣтъ—
Изгавникъ полый, онъ уплѣдѣлъ свѣтъ.

V.

Какъ зинный межъ людьми, снова рождъ
Онъ душу не обродовалъ ничью, [дѣвѣмъ]
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многие кончаютъ—преступленьемъ
Онъ материнскій ласкъ не знавалъ,
Не у груди—подъ бурною согубѣмъ,
Одинъ провѣтъ мзавѣщескіи лѣтъ;
И вѣтеръ колыбелъ его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ играалъ;
Онъ выросъ межъ землей и небесами.
Не зналъ принужденъ и любви,
Принималъ онъ тучи вѣдѣтъ подъ ногамъ,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ,
И лишь орлы, да екалы везичавы
Съ нимъ раздѣляли юныи забавы
Онъ для великихъ созданъ былъ... трасты...
Онъ обладалъ излающей душою,
И буря юга отразилась въ ней
Со всей своей ужасной красотой...
Но въ русскіи посланъ онъ своимъ отцомъ,
И съ той поры вѣдѣтъ вѣтъ о немъ.

VI.

Горой оть солнца заслопленный,
Прижал изгнанныковъ сиревыхъ,
Между кипляющихъ деревьевъ,
Аути разсыпаны надъ рѣкою;
Стоитъ отдельно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымною челеню.
Здѣсь въ лѣтній день, въ полдневный жаръ,
Когда съ каменей восходятъ паръ,
Людья дѣлей въ травѣ играютъ.
Черкесь усталый отдыхаетъ;
Межь тѣмъ сидитъ его жена
Съ работою въ савѣ одиноко;
И пѣсню грустную она
Плетъ о роднѣи далекій;
И облака родныхъ небесъ
Въ мечтеньяхъ видитъ ужъ черкесъ:
Тамъ луго душистѣй, день свѣтлѣе,
Роса перловая свѣжѣе;
Тамъ разноцвѣтною дугой,
Равнесселась, перѣдко дивы
На тучахъ строятъ мость красивый,
Чтобъ отъ одной скалы къ другой
Пройти воздушною тропой;
Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
На дуль наладывалъ онъ стрѣлы..

VII.

Дни мчатся. Начался байранъ.
Ведѣ песенѣ, алкованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слышать его призыванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ за огнями,
Какъ надъ зелеными облаками
Земный звѣзды; но луна,
Когда на землю взоръ наводитъ,
Себя соперницъ не находитъ
И, одинокая, она
По небесамъ въ сѣяни бродитъ.

VIII.

Ужъ скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула; темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
Стояли въ юность удалы,
И старикъ сѣдые въ радъ
Съ пылыми вниманьемъ слогать.
На стрѣлахъ павшѣ, безоруженъ,
Сидитъ вѣдѣвший ищущий.
Вардъ войны ему не нуженъ,
Онъ гордъ и бѣденъ—онъ пѣвецъ.
Дитя степей, любившесъ небо,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаеть три струны
Ужъ заиграли подъ рукою,
И живо, съ шлою престоюю
Запѣлъ онъ пѣсню старинную:

IX.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

Много дѣлъ у насъ въ горахъ;
Ночь и звѣзды въ нѣхъ очахъ;
Съ ними жить—завидна доля,
Но еще милѣе воля.
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.
Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ худой избралъ удѣлъ:
Съ русскими въ бой онъ не поскачетъ.
Отчего?—жена заплачетъ.
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.
Не вѣнчать добрый конь:
Съ нимъ—и въ воду, и въ огонь;
Онъ—какъ вихрь въ степи широкой;
Съ нимъ—все близко, что далеко.
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Откуда шумъ? Кто эти двое?
Толпа въ молчаньи раздалась.
Нахмури бровь, подходить князь
И рядомъ съ нимъ лицо чужое
Три уадея за ними встѣдъ
«Великъ Алла и Мухаммедъ!»
Восклякнулъ князь. «Сама могла
Поворна ить! Въ странѣ чужой
Мой братъ хранить былъ ихъ рукой:
Вы узнаете ль Имамла?
Между врагами онъ возросъ,
Но не призналъ онъ ихъ сватыни,
И въ ваши сѣни пустыни
Одну лишь печальность принесть»

XI.

И по долнѣ, восклицанья
Восторга дикаго гремѣтъ;
Благословля чашъ спиданья,
Вкругъ Измаила етѣрь и младъ
Засѣются, шепчуть. Поднимаа
На плечи маленькихъ ребѣтъ,
Ихъ жены смѣются зѣвая
На князи новаго галла:
Гдѣ жъ Росламъ? — «Она да?»
Гдѣ тотъ князь? — «Сторѣтъ» —
Одинъ, слышишь въ...
Подалъ, съ пѣсурнымъ челоуъ.
Столъ онъ, жертва злой досады.
Давно ли привлекалъ онъ самъ
Вѣсь помпшленіи, вѣсь взгляды?
Давно ли по его...
Вся эта чернь, шумъ,...

Утѣшься, Зара, передъ собой
Ты видишь брата Росламбэка.

Тяси злой дух, гласить правды,
Построить дерзостной рукой,
Чтоб, хоть на штых све изгнаны
Забуть меж небомъ и землею
Здѣсь, три столѣтія очарованъ,
Онъ тяжелой пѣнью былъ прикованъ,
Когда, надменный, съ новыхъ скалъ
Стрѣлой Пророку угрожалъ.
Баль бурки и, еланкомъ покрыта,
Сосѣднихъ горъ она чернѣла.
Тропинка желтая пророка
Слезой стѣпалъ по ней;
Она ли жохомъ, ли нустами
Не зарастаетъ никогда;
Пестрѣя чудными сѣдлами,
Она идетъ Богъ въѣсть плуда.
Олевы съ вѣтвистыми рогами,
Между высокими цвѣтами,
Одѣтый хитлець и цющемъ,
Ложить полуобъятый своимъ;
И вдругъ знакомый лад онь слышнеть
И чувствъ близкая врагъ:
Подпилины медленно рога
Минуто свѣжестю подыместь,
Росу съ мочушкхъ плечъ стяхнестъ,
И вдругъ одиныхъ прыжкомъ махнестъ,
Черезъ утесъ — и воль онь мнестъ,
Терновъ колочилъ, ие бѣгетъ
И хитль коварный плудю растъ —
Но, волпынъ изъ чересѣкая,
Предъ нимъ тропинка ровная..
Ялтыкъ невирная рука
Царя лѣсовъ останавливаетъ,
И онь, какъ глбелъ ли бланая,
Свой дрежний путь не продолжаетъ...

Она сердце дѣвы молодой
Опутала сѣтью роковой.
Какъ она умѣла слезой притворной
Къ себѣ довѣренность вселять,
Пасмышкой скромность побуждать,
И, побѣждая, видѣ поборной
Хранить—или весь огонь страстей
Мгновенно открывать предъ ней!
Она очертала волшебнымъ кругомъ
Ея желанья, вѣдалъ она,
Что быть не могъ ей супругомъ,
Что раздѣлять ихъ нашъ законъ—
И обольщенная упала
На грудь убійцы своего!
Кромѣ любви, она не знала,
Она не знала ничего...

XXVI

«Но скоро сплуну пресыщенный
Постигъ виновный Измаиль.
Тавился не было терпѣнья,
Когда погасъ минутный пылъ:
Оставилъ жертву обольстителя
И удалился въ край родной,
Забывъ, что есть на небѣ мститель,
А на землѣ еще другой!
Моя руна его отыщется
Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,
И язви грозный мечъ просвищется
Надъ непреклонной головой.
Пусть лѣтъ одежда измѣняется!
Не взоръ—душа врага узнаетъ!»

XXVII

«Черкесь! ты поваль, вижу я,
Какъ справедлива месть моя.
Ужъ на устахъ твоихъ прокаталъ
Ты, внемля, вдрагивать не разъ!
О, если бѣ могъ пересказать я,
Изобразить ужасный часъ,
Когда презестное созданье
Я въ униженіи увидалъ
И безотчетное страданье
Въ глазахъ увидишь прочтешь!
Она правосудь потеряла:
Рядилась, плѣла и пласала,
Иль сиди молча у окна,
По плѣвшимъ днямъ, какъ бы не знала,
Что измѣнилъ она ей, выдыхая,
Ждала измѣнила она
Вся жизнь погибшей дѣвы милой
Остановилась на быломъ;
Та безумье даже было
Любовь въ нему и мысль о немъ...
Такой душѣ не зналъ онъ цѣну!
И долго русский говорилъ
Про месть, про счастье, про измѣну;
Его не слушать Измаиль.
Лилии знаетъ онъ, да Богъ единый,

Что подъ спокойною личиной
Тогда происходило въ немъ.
Стѣсняя дыханье, вверхъ лицомъ
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали отъ небесъ отрады),
Лежалъ онъ на землѣ сырой,
Какъ та земля, и мрачный и нѣмой

XXVIII.

Видали-ль вы, какъ хищные и элме
Къ оставленному трупу, въ тихій дождь,
Слетаются наследники земные,
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣла печали стоять тѣхъ кипуть...
Лишь дунетъ вихрь—и сломится лѣсъ;
Таковы съ душой кто слабою рожденъ:
Не вынесетъ минуту подобныхъ онъ;
Но мощный умъ, вѣрпясь и каменѣя,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея
Не огладитъ время ихъ глубокой сѣды:
Все въ мирѣ есть—забвенья только нѣтъ

XXIX.

Свѣтають. Горы сѣяговыя
На небосклонѣ голубомъ
Зубцы подъявляютъ золотые;
Сдвинулись съ утреннихъ лучомъ
Край волнистаго тумана,
И на верху горы Шабгана
Огонь, стыдился передъ зарей,
Блѣднѣетъ. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертію больной,
Угрюмый князь съ земли сырой
Блазнилъ, и вѣдалъ онъ...
Разказъ ужасный, и жуть,
Себя изречь онъ, что свазъ;
Желалъ бы счесть онъ все мечомъ,
И по челу провѣлъ рукою;
Но грусть—жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладила онъ морщины

XXX

Онъ всталъ, онъ хогель непремѣнно
Пришельцу быть проводникомъ;
Не зналъ думать что о немъ
Согласенъ юноша смугл.
Идутъ они глухими пу:
Но ихъ тревожитъ все: то шипитъ
Изъ-подъ ноги у нихъ испорченъ,
То краснобокая лисица.
Въ кусты цвѣтущіе нырнетъ
Они все виже, ниже сходятъ
И рупъ отъ сабелей не отводятъ
Черезъ опасный переходъ
Спѣшатъ, падавши, безъ оглядки
И вновь на холмъ крутой

Измаиль-бей. ...Свой путь въ горахъ я потерялъ

Измаиль-бей. «Воскликнуть онъ, и шипитъ за-
боты»Измаиль-бей. Мыслью живя въ...
...выростъ могилы

Измаиль-бей. Угрюмо бродитъ Азия вокругъ свая.

III.

Въ аулѣ дальнемъ Рослабѣхъ упрямый
Сокрылся вновь, не ужасомъ объять,
Но у него коварныя есть думы—
Имъ помѣшать теперь не можешь брать.
Идѣ жъ Измаиль?—Безвѣстными горами
Блуждаетъ онъ, дерется съ казаками
И, заманивъ толпы ихъ за собой,
Пустыню усыпаетъ ихъ востаями,
И манитъ новыя по дорогѣ той.
За нимъ устали русскіе гоняться;
На крепости природныя забираться;
Но отдохнуть черкесы не дадутъ,
То скроются, то снова нападутъ;
Она—какъ тѣнь, какъ дымное видѣнье:
И далеко и близко въ то жъ мгновенье.

IV.

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаиль
Сыскать самозабвенія и покоя.
Не за отпавшу, за друзей онъ мстилъ,
И не плѣнялся именемъ героя;
Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
Изобрѣтенныхъ только для глушцовъ.
Недолгій жаръ погасъ; душой усталый,
Его бы не желать онъ воскресить:
И вѣ родной аулѣ—роднымъ скалы
Рѣшили онъ отъ русскихъ защитить.

V.

Садится день, одѣтый мглою,
Какъ за прозрачной пеленою...
Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
На блѣднотѣ сводѣ. Чуть примѣтно
Орла на вышнѣй безцвѣтной;
Лезть скалы блуждая, желтый лучъ
Въ пещеру дикую прокрался,
И гладкій черепъ оварилъ,
И самъ на жителѣ могилѣ
Передъ кончиной разрылся,
И по разбросаннымъ костямъ,
Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ
Скользнула огнистой полосой,
Дымясь въ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтилъ онъ дрожа
Недвижныхъ таложъ—но живыхъ...
И, какъ вѣсныя жертвы гроба,
Они безпечны были оба.

VI.

Одинъ... такъ точно—Измаиль.
Безвѣстной душой угнетаемъ,
Онъ солнцу тусклое слѣдилъ,
Какъ мы вѣриво провожаемъ
Гостей докучавыхъ; на немъ
Черкесскій панцырь и шоломъ;
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.
Младую голову Селимъ
Вождо склоняетъ на колѣни;
Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ.
Хранительной подобно тѣни:
Никто ни ропота, ни пени

Не слышать на его устахъ...
Бойся онъ, или устаетъ,
На Измаила только взглянуть—
И веселье трудъ ему и страхъ.

VII.

Онъ спитъ, и длинныя рѣсницы
Закрываетъ подъ собой;
Въ ганинтахъ кровь, какъ у дѣвцы,
Играетъ розовой струей;
И на кольчугѣ боевой
Ему не жестко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ.
Такъ свѣтлой каплей роса,
Оставя край свой, небеса,
На листь увядшій упадаетъ;
Блестая райскимъ жемчугомъ,
Она покоится на немъ
И, беззаботная, не знаетъ,
Что скоро листь увядшій тотъ
Пожнеть коса, иль конь сомнетъ.

VIII.

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спитъ; но мирная душа
Ваволнована; полусловами
Онъ съ кѣмъ-то говоритъ во снѣ.
Услышалъ князь и удивился;
Къ устамъ Селима въ тишинѣ
Прилежнѣмъ ухомъ онъ слышалъ:
Быть можетъ, черезъ этотъ сонъ
Его судьбу узнаетъ онъ.
«Ты можешь забыть?—Любови не нужно
Одной лишь нѣжности наружкой...
Оставь же!» сонный говорилъ.
—Кого оставить?—Князь спросилъ.
Селимъ умолкъ, но на мгновенье;
Онъ продолжалъ: «Къ чему сомнѣнье,
На всемъ лежитъ его презрѣнье...
Увы! чтѣ значать передъ нимъ
Простая дѣва, иль Селимъ?
Такъ будетъ вѣчно между нами
Зачѣмъ безцѣнными у...
Онъ это имя освятилъ?»
—Не я ль? подумалъ Измаиль;
И, погодя, онъ слышитъ спознъ
«Ужасно, Боже! для дѣтей
Проклятіе отца родного.
Когда на склонахъ позднихъ дней
Оставленъ ими... но страши
Его слеза!..» Еще два слова
Селимъ сказалъ, и...
Вдругъ поднявъ грудь...
И улетѣлъ.—Изъ сонъ...
Князь прерываетъ такъ сонъ.

IX.

И, вздрогнувъ, юноша проснулся
Взглянулъ вокругъ и улыбнулся
Когда онъ ясно увидалъ,

Что на колѣняхъ друга спать.
Но, покрасившись, снова дѣлае
Пересказать стыдился онъ,
Какъ будто бы лукавый сонъ
Нимѣ съ судьбой его сношенъ.
Не отвѣчая на вопросъ
[Примѣта явная печали],
Щипалъ онъ листья дикихъ розъ,
И наконецъ двѣ капли слезъ
Въ очахъ склоненныхъ заблестали;
И, съ быстротой отворотясь,
Онъ слезы осушилъ рукою...
Все принималъ, все видѣлъ князь;
Но не смутился онъ душою
И приписалъ онъ простотѣ,
Завѣя дѣтскими слезы тѣ.
Конечно, самъ давно не зналъ онъ.
Печалей сладостныхъ любви,
И самъ давно не предавалъ онъ
Слезамъ страданія свои.

X.

Не знаю... но въ другихъ онъ чувства
Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обманомъ самъ чуждался,
Обмануть былъ онъ—и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ ижегда всему...
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный;
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ;
Гдѣ лстятъ намъ зло, но болѣе тревожить.
Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаленные одно приносятъ намъ...

XI.

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ...
Сребристый стелется ковыль
Вокругъ пещеры; сумракъ бродитъ
Вдали... Вотъ топотъ; вотъ и пыль,
Желтѣя, поднялась въ лошадь,
И крикъ черкесовъ по зарѣ
Гудать, теряясь въ пустынь...
Селимъ все слышалъ на горѣ;
Стремглазъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ:
«Они! они!» онъ восклицаетъ,
И внявъ нѣжною рукою
Взлетѣлъ онъ быстро за собой.
Вотъ первый всадникъ показався;
Онъ, мнилось, пѣзъ земли рождался,
Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
За нимъ другой, еще другой—
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Тамъ, если бѣ два коня стояли,
Назадъ бы оба не вернулись,
И не могли бѣ опередъ идти

XII.

Толпа джигитовъ удавая,
Передъ горой остановилась,
Съ коней измученныхъ слѣзая,
Шумить. Но къ нимъ подходитъ князь—
И все утихло; уваженъ
Въ ихъ выраженьяхъ чертахъ;
Но уваженіе—не страхъ,
Не власть его основа—мѣсье.
«Какія вѣсти?»—Русскій стоитъ
Примель къ Оссаевскому Полу,
Имъ лстятъ в бѣднотѣ нашихъ страсть!
Ихъ много! «Кто не любитъ волю?»
Молчать. «Такъ дайте жъ отдохнуть
Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
Въ бою мы рады лечь костями;
Чего же лучшаго намъ ждать?
Но въ цвѣтѣ жизни умирать,
Селимъ, ты не поведешь съ нами!..»

XIII.

Взбѣднѣть юноша, и взоръ
Попытно выразилъ укоръ.
«Нѣтъ, говорить онъ: я повсюду
Въ изгнаніи, въ битвѣ—слутинѣ твоей.
Нѣтъ! вѣстны я не позабуду—
Угаснуть или жить съ тобой.
Не робокъ я подъ свистомъ пули—
Ты видѣлъ это, Измаиль!
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною былъ.
И съ твоего чела не я ли
Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бѣжали,
Чьи рѣчи, ласки прогоняли
Суровый мракъ твоей печали?
Мои слова, моя любовь!
Возьми, возьми меня съ собою!
Ты вѣдешь, я владѣть стрѣлою
Могу... И что мнѣ смерть! О, вѣтъ!
Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
Моя душа не дорожила;
Все, все оставляю, жизнь и свѣтъ—
Но не оставляю Измаила!»

XIV.

Взглянулъ на лебо молча князь.
И наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку;
И крѣпко тотъ ее пожалъ.
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знакъ сей обѣщалъ.
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Взнесуло что-то; и слезами
Я могъ бы этотъ блескъ назвать
Когда бѣ не скрылся онъ опять

XV.

По косогору ходятъ кони;
Колчаны, ружья, сѣдла, брони
Въ пещеру на ночь спесены;
Они вѣдь въ пещеру

На являе прѣла колычуга
Блеститъ красилья; погружень
Въ мечталье торестное онъ;
И съ срастей, какъ отъ недуга,
Блжнѣ спокоествіе и совѣ.
И говорить Селитъ: «явѣнво,
Тебѣ тераетъ духъ пещеръ»¹
Дай, плѣсню я тебѣ спю,
Нередко дѣва жолодѣ
Ее поетъ въ мосьѣ браю,
На бнѣву друга опускаѣ.
Она печальна; но другой
И не слышать въ сранѣ родной;
Ее плѣсча мать родная
Надъ колыбѣзю мсеи
Ты, слушаѣ, забывѣшь мупѣ,
И на глаза вѣютъ звуки
Всѣ споевѣдѣ дѣтѣнхъ днѣхъ »²
Селѣнъ запѣлъ, и ночь кругомъ выплаетъ,
И плѣсню ей пустыня повторѣетъ:

Ирина Седина.

Мельщъ плыветь
 И тихъ и спокоещъ;
 А юноша-воинъ
 На битву идетъ.
 Гужь зарпашаетъ движать,
 И дѣва ему говоритъ:
 «Мой милый! съзало
 Вѣстрябъ ты року,
 Молиси Востоку,
 Будь вѣрнѣй Царю,
 Любви будь вѣрнѣй!
 «Всегда награждень,
 Кто любитъ до гроба;
 Ни зависти, ни злоба
 Ему не законъ;
 Пускай его смерть и погубитъ:
 Одинъ не погубитъ, кто любитъ!
 «Любовь изхънявившій—
 Изъиной провавой,
 Врагъ не сразившій—
 Погубитъ безъ славѣ;
 Дожди его равъ не облюютъ,
 И звѣри костей не зарюютъ!»
 Мельщъ плыветь
 И тихъ и спокоещъ;
 А юноша-воинъ
 На битву идетъ...

«Прочь эту пѣсню!» какъ безумный
Воскликнулъ вилы: «зачѣмъ угрѣтъ?
Тебя ль косянуться Пророкъ?
Чашь, облить кровью, въ битвѣ шумной,
Твои слова я заглушу,
И разорву ея оковы,
И шепнуть въ средѣ утону .
Вста, дитя! Какъ ты не слышишь?
Прочь пѣсню! Люди зли! Пора!
Друзья, копей! Вы не слышите?
Дары, топотъ, визгъ ядра,

И крик, и треск разбитой стада,
И слышать.. О, не пой, не пой!
Трени сердце, как дрожить! И что же?
Ты недовольна? Боже, Боже!..
Зачѣмъ казнить ея рукой?..
Такъ рѣчь его отошлася
Отъ блѣдыхъ, устъ и прорезался
Невыято, какъ далекий громъ.
Неровнымъ, трещетнымъ огнемъ
До позовины охвативъ,
Ужасевъ, съ шашкой обнаженной,
Стоялъ недвижимъ Измайль,
Какъ взираетъ влоя, отъ сва могиль
Возмущеннымъ словомъ пробужденный.
Отъ взоръ всея силой устремить
Въ пустую степь, грезилъ рукою,
Чему-то страшному грядущъ..
Ниче, какъ съ Имъ ить
Смуглякъ тордой мочи дичиго?..
И поплать наконецъ Селимъ,
Что ватазъ говорилъ не съ пемъ..
Неосторожный! онъ коснулся
Душевыхъ струи—и звукъ проснулся,
Расторгнувъ хладную тюрьму..
И самъ искусство своему.
Селмъ неволью ужаснулся..

XVI.

Толпа садится на ковер.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мечкуютъ сумрачныя лица.
Часть опоздавшая станицъ
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей.
Свѣтъ, клинъ, ропотъ, стужа и ржавина—
Все дышетъ буйствомъ и войною.
Во всемъ привлекаетъ невазвѣ,
Отвага дерзости сѣпловъ.

XVII.

Светлѣтъ небо полосами;
Заря межъ сяннми рядами
Ревнивыхъ тучъ узя, завлзась.
Вдоль по долинамъ бѣгъ князь
За пикъ черкесы идяю дланю
Признался, конь по сѣдоку:
Бѣжитъ и будто върѣ, пустынный,
Сквозь зыбь :
Кружится, вьтс :
Овъ бѣлъ, какъ снѣгъ :
Его замѣять не смѣтъ.
Съ крѣпкою :
Онъ, обидѣ :
Съ дѣломъ, проворнымъ бѣгъ :
По волѣмъ ворогъ
Такъ бѣлый об :
Плыветъ отважно :
И вдругъ, по :
Стрѣлокъ тучи гроховы
Изъ дымыхъ :
Какъ черныя доску :
Но, какъ ни бейтъ :

Измилъ Бей

И склони крестъ на лентѣ полосатой
Блестящей на груди у мертвеца..

Прошло два года, все кипит война;
Безплодного Кавказа племена
Питаются разбоем и обманом;
И в военный день, и под ночнымъ ту-

маномъ
Отважность ихъ для русскаго стрипана.
Казалось, двухъ братьевъ помирилъ
Слпная мечь и жъ родниъ любовь
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжалъ и лется кровь.
Видна рука и шапка Измаила.
По отчего ни Зара, ни Селимъ,
Теперь уже не слѣдуютъ за нимъ?
Куда зегаинна вѣжная соприласъ?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось,
Какимъ владѣть оиъ недостойнъ былъ?
Вѣдѣла ли причина ихъ разлуки?
Жива ль она, иль спитъ послѣднимъ сномъ?
Родныя ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее «прости» съ слезами мучи
Сказали ль ей на языкъ родномъ?
И если смерть падить ее помылъ —
Между какихъ людей, въ какой пустынь?
Кто бы Измаила сѣлъ спросить о томъ?
Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ оиъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и лѣдныя вершины,
Влестящія на небѣ голубомъ;
Не жамѣнялось толико это въ немъ
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лиму звать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, во нѣтъ страстей?
О чемъ бы оиъ ни думалъ—Завпадъ дальнѣй
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другіа вспоминавъ и другой,
Другой предметъ вездѣлъ его душой.
Но что за выстрѣлъ?.. Дымъ возмесь бѣ тѣл.

Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ сивиниомъ въ груди, простертый на земъ
Съ печатью смерти на ярутомъ члѣ, [21
Друзьями окруженъ, любимецъ бранн
Лежалъ, навѣки нѣтъ для нихъ приващій.
Послѣдній лучъ зари еще игралъ
На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ, и казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Послѣдилъ его тяжелыхъ думъ,
Когда душа отторгнулась отъ тѣла
Его лица оставить не успѣла.
Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный;
Ты спитъ налитый выстрѣлъ роковымъ;
Ты не вынешъ въ горахъ руни насмной.
Гремучій влнчъ катился пещерами,
Иъ его струимъ чересы припесали
Кровавый трупъ. Растегнутъ ихъ рукамъ
Чекмень, пробитый пулей роковою,
И грудь обмытъ оиъ уже хотитъ
Но почему ихъ омрачялся взглядъ?
Чего оиъ такъ явно уловилъ и въ
Зачѣмъ, и почему такъ холодно отвернулся?
Зачѣмъ? Какой-то локопъ золотой
(Ковечко талисманъ земли чуждой,
Подъ грубою одеждою намятый,
И бѣлый крестъ на зѣмтѣ полосатой
Блесталъ на груди у мертвеца...
—«И кто бы отгадалъ!—дашуру проклятый!
Нѣтъ, ты не стоишь лучшаго новца;
Нѣтъ, мусульманинъ вѣрный—Измаилъ.
Отступнику, не вырастетъ могила!..
Того, кто презираетъ людей и рокъ,
Кто смертію игралъ такъ своею душою,
Лишь ты извергнуть сѣлъ, святой Пророкъ!
Пусть, не оплакать, оиъ сгиснетъ беззлавно,
Пусть кончатъ злѣлъ, какъ нѣтъ, и въ

Оконченъ 10 мая 1882г.

М. Лермонтовъ

1831—1832.

Каллы).

(Черкесская повесть)

Теперь настала урочная часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Моя совѣтъ—Божій гласъ;
Клянись мнѣ слѣдовать душою..
Узнай: ты чудомъ сохранивъ
Отъ рукъ убійцъ опроверженныхъ,
Чтобы неба оправдать законъ

*) Черкесскій убійца (Замѣтка Лермонтова)

И отомстить за п...
Нѣтъ, не тебѣ, п...
Твои часы отъ...
Ты на землѣ—...
Начать, а жертвѣ—...
Отецъ твой, мать...
Отъ рукъ злодѣя...
Молили небо объ...
Чтобъ хоть одна рука...
За нихъ развѣдалась...

Ахъ, гдѣ ты, и въ думѣхъ тоска
Въ думѣхъ тоска...

Каллы.

Рукою дружеской зарытый.
Подъ этимъ камнемъ спать мула
И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
Другого любить безъ боязни
Его любимая жена.
И не боясь тайной казни,
Ня мщенія ревности она.

VI.

И слѣды Аджн простыли... Катился
За годомъ годъ, и вотъ въ горахъ
Абрекъ чужой всѣмъ появился,
Вселяя суевѣрный страхъ.
Какъ вѣтеръ отъ толпы таялся,
Встрѣчаться съ женщиной не могъ,—
Быть можетъ, совѣсти упрекъ
Въ ея чертахъ найти страшился...
Слѣды страданія и тревоги

1833—1834.

Хаджи-Абрекъ.

Великъ, богатъ аулъ Джекатъ,
Отъ никому не платить дани;
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ брани.
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны залелены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миловола пудя ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скалъ горячихъ паръ струится,
Орелъ, недвижимъ на крылахъ,
Едва червеетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонѣ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Аулъ встревоженный пускѣтъ,
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ изъ утеса бьетъ потокъ,
Стоитъ внимательный кружокъ.
О чемъ ведутъ переговоры
Совѣтъ джекатскихъ удалцовъ?
Хотятъ ли вновь пуститься въ горы
На ловлю чуждыхъ табуновъ?
Не ждутъ ли русскаго отряда,
До крови лабоныхъ гостей?
Нѣтъ!—только жалость и досада
Видна во взорахъ узденей.
Покрѣпъ одеждами чужими,
Сидятъ на камнѣ между нимъ
Лезгинецъ дряхлый и сѣдой;
И льется рѣчь его потокомъ,
И вкругъ себя блестящими окомъ
Печально водить онъ порой.
Разскажу старикаго лезгина

Не укрывались отъ вниманья;
Подъ багряномъ упорный взоръ
Внушалъ лишь страхъ... На состраданья
Ня сожалѣнья—лишь укоръ
Судьбѣ читался въ немъ... Никто
Не признавалъ въ Абрекѣ друга,—
Отъ поражающа, какъ бичъ недуга
Встрѣчалъ ли ночью онъ кого,
Встрѣчалъ ли днемъ,—всегда его
Всѣ сторонились, избѣгали.
Какъ дней проклятыя или печали.
Ему открытъ былъ всюду путь...
Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
Но не за тѣмъ, чтобы подстрекнуть
Толпы болтавшее вниманье.
И зналъ одинъ онъ, почему
Какимъ ужасное прозванье
Въ горахъ присвоили ему.

Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
«Три вѣжныхъ дочери, три сына
Мнѣ Богъ за старость подарилъ;
Но бури злыя разразились,
И вѣтви древа обвалились,
И я стою теперь одинъ,
Какъ голый пенъ среди долины
Увы, я старъ! Мои сѣдины
Бѣлые снѣга той вершины,
Но и подъ свѣгомъ иногда
Бѣжить кипучая вода!..
Сюда, навзнички Джемата!
Откройте удалъ мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
Въ плѣну сестры ея увяли,
Въ бою неровномъ братья пали:
Въ чужбинѣ двое, а меньшой
Пронзевъ пылкой передо мной
Онъ улыбался, умирая!
Онъ, вѣрно, зрѣлъ, какъ дѣва рай
Къ нему слетѣла предъ концомъ,
Махая радужнымъ пѣпломъ...
И вотъ пошелъ я жить въ пустыню
Съ послѣдней дочерью своей
Ее хранилъ я, какъ святыню
Все, что имѣлъ я, было въ ней;
Я взялъ съ собою лишь ее,
Да неизмѣнное ружье...
Въ пещерѣ съ ней я поселился,
Родимой хажинѣ лишней;
Къ бѣдѣ я скоро причудился
Давно былъ къ волѣ причленъ
Но чашъ ударилъ ненабѣжный—
И улетѣлъ птенецъ мой вѣжнѣй!..

Однажды ночь была глухая,
Я спать... Безмолвно надо мной,
Зеленой вѣткою махая,
Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
Вдругъ просыпаюсь... слышу: шопотъ—
И слабый крикъ—и понесъ топотъ...
Бѣгу и вижу—подъ горой
Несется всадникъ съ быстротой,
Схвативъ ее въ свои объятия.
А съ нимъ послалъ свои проклятья.
«И для чего второй гонимъ
Настячь не могъ изъ—мой свинецъ!
Съ кровавымъ мщеніемъ, вотъ здѣсь спрячъ—
Безъ силъ отквитать за свой позоръ, [тѣмъ
Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
Какъ зѣли, раздававшій копытомъ
И вѣтъ покоя для меня
Съ того мучительнаго дня...
Сюда, навзнички Джемата!
Откройте удалъ мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто привезетъ мнѣ дочь мою?»

«И!» молвилъ вѣтякъ черноокий,
Схватившись за лямки широкія,
И въ изумленіи вѣномъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

«И знаю князя. Я рѣшился!..
Два ночи здѣсь ты жди меча:
Хаджи безармянный не садился
Ни разу даромъ на коня.
Но если я не буду въ срокъ,
Тогда обѣтъ мой позабуди,
И о думѣ моей Цюроку
Ты помолвись, пускаясь въ путь»

Взошла зари. Нѣтъ-за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ.
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, утихнувши льдомъ
Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый, надулось
И понеслось по вышнѣмъ.
Все дышетъ утроюмъ. За оврагомъ,
По косогору идетъ шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ
Еще тѣнивое свѣтъ...
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ издѣ путемъ
Склонился дикій ливогривникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто копь и всадникъ;
Небрежно бросивъ поводъ,
Красивой плетевой онъ жахаетъ
И пѣсню дѣдовъ поетъ,
Склонясь на гриву, свѣластъ.
И дальній отзвукъ за горой
Уныло вторитъ пѣснѣ той.

Есть поворотъ—и путь, прорытый
Арбы скрипящій колесомъ,
Тамъ, гдѣ красные граниты

Зубчатымъ сходится вѣномъ
Оттуда онъ, какъ лодъ ногамъ
Сиренный различитъ аулъ
И пыли, поднятую стадомъ,
И пробужденна первыя гулъ,
И на краю крутого ската
Отмѣтитъ саклю Бей-Булата.
И, какъ орелъ, съ вершинамъ горъ,
Вперитъ на крышу свѣтлымъ взоръ...
Въ тѣни прохладной, у порога,
Лезгинка ювалъ сидѣтъ.
Предъ нею тѣнется дорога,
Но грустно вдаль она глядитъ.
Кого ты ждешь, вѣтвѣ Восточа,
Съ заботой вѣтвѣю такой?
Не другъ ли будетъ издалека?
Не братъ ли съ битвы рововой?
Отъ зноя утомись дневного,
Твоя головка ужъ готова
На грудь высокую унасть.
Рука скользнула вдоль плеча,
И вѣтъ сладостная власть.
Плечо истергнуло изъ плеча;
Снято съ твоей ясной вѣтви,
И вѣтъ... и вѣтъ... и вѣтъ...
Въ твоихъ щечкахъ, какъ метеоръ,
И вѣтъ... и вѣтъ... и вѣтъ...
И вѣтъ... и вѣтъ... и вѣтъ...
Зовутъ лобзанія любви.
И вѣтъ... и вѣтъ... и вѣтъ...
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перенъ слабымъ трепещешь
Хотятъ покровы оттолкнуть...
«Гдѣ ты, сердца другъ безвѣстный»!
Но вѣтъ... и вѣтъ... и вѣтъ...
И вѣтъ... и вѣтъ... и вѣтъ...
И вѣтъ... и вѣтъ... и вѣтъ...
Легко обманываешь глаза;
Ужъ близко путникъ подбѣгаетъ.
Увы! она его не знаетъ
И видитъ только въ первый разъ,
То страннымъ въ полѣ запоздалый,
Гостевиринный ищетъ вѣтъ;
Дымится конь его усталый;
И онъ спрыгнуть ужъ готовъ...
Спрыгни же, всадникъ!.. Что же онъ
Какъ будто прова нелугался?
Онъ смотритъ... Бритый, грустный стоишь
Отъ губъ сомкнутокъ втораго,
Какъ знаешь отъ вѣтъ молодой
Памятый лѣтнею грозой.
«Что медлишь, путникъ, у порога?
Слѣзай съ походнаго коня.
Случайный гость—подарокъ Бога.
Кумысъ и медъ есть у меня.
Ты, вижу, бѣдѣ; я богата
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять подѣдешь въ путь,
Въ молвитъ нѣтъ не позабуди!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Аллахъ спаси тебя, Девла!
 Ты гостя лаской подарила;
 И отъ отца тебя похвалилъ
 За то привезъ съ собою онъ

Девла.

Какъ! мой отецъ? Меня поникл?
 Въ разлуку долгой не забыть?
 Гдѣ онъ живетъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Гдѣ прежде жилъ—
 То въ чуждой саклѣ, то въ пустынѣ.

Девла.

Скажи: онъ веселъ? онъ счастливъ?
 Скорѣй отыщишу мнѣ.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Онъ живъ,
 Хотя порой дождливъ и стужъ
 Открыта голова его..
 Но ты?

Девла.

Я счастлива.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ (тихо)

Тыъ хуже!
 Девла.

А? что ты молвишь?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Ничего!

Сидитъ пришелецъ за столомъ.

Чихиръ съ серебрянымъ пишевозъ
 Предъ нимъ во тронуты доселъ
 Стоять. Онъ стравенъ въ самомъ дѣлѣ
 Какъ на челѣ его крутомъ
 Блажуютъ, длажуютъ морщины!
 Рукою лѣтъ или ручнымъ
 Проведены онъ по немъ?

Развеселить его жезла,
 Девла бубенъ свой беретъ;
 Въ него перстами ударяя,
 Девлянку пляшетъ и поетъ.
 Ея глаза, какъ звезды, блещутъ,
 И груди полныя трепещутъ
 Восторгнутъ дѣтскими, по живымъ,
 Девла непниная облатъ

Она дружитъ передъ нимъ,
 Какъ мотылекъ въ лучахъ свѣта—
 И вдругъ звенящій бубенъ свой
 Подъемлетъ бѣлыми руками,
 Веритъ его надъ головою,
 И тихо черными очами
 Поводать—и, безъ словъ, уста
 Хотятъ сказать улыбкой милой:
 „Развеселись, мой гость унылый!
 Судьба и горе—все кетъ!“

ХАДЖИ-АБРЕКЪ

Довольно! Перестань, Девла
 На мнѣ веселость поведи;
 Скажи: умиль когдѣ нибудь
 О смерти мысль не приходилъ
 Тебя встревожить? Отвѣдь!

Девла.

Пить! Что мнѣ хладная морилъ!
 Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Еще вопросъ: ты не грустила
 О дальней родинѣ своей,
 О свѣломъ небѣ Дагестана?

Девла.

Къ чему? Мнѣ лучше, веселѣй
 Среди изгорнаго тумана.
 Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ.
 (отечества для сердца нѣтъ!)
 Оно насилья не боится:
 Какъ птичка, вырвется, улетитъ..
 Повѣрь мнѣ—счастье только тамъ,
 Гдѣ любовь насъ, гдѣ вѣрнѣ намъ!

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Любовь!.. По знаешь ли, какое
 Блаженство на землѣ второе
 Тому, кто все похоронилъ,
 Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
 Блаженство то вѣрнѣй любви,
 И только хочеть слезъ да крови..
 Въ немъ утѣшеніе для людей,
 Когда умереть другое счастье,
 Въ немъ преступленій сладострастие,
 Въ немъ адъ и рай души моей.
 Оно при насъ всегда, безсмысленно;
 То мучитъ то радъ, то вѣтъ
 Итъ въ стнныя члвчскыя
 Клинуся, я не вилъ бы вселенной!

Девла

Гы блідень?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Выслушай. Давно

Тому назадъ, нѣтъ и брата;
 И онъ—такъ о немъ не вѣтъ..
 Погибъ отъ племени Исраиля
 Погибъ безъ славы, не въ бою,
 Какъ звѣрь лѣсной—арога не звалъ
 Но мести и ненависти свою
 Онъ завѣщать мнѣ, умирая,
 И я убиваю отыскать.
 И завесенъ былъ мой клинъ!
 Но я подумалъ: «что ли мщеніе?»
 Что смерти! Ужель одно мщеніе
 Заплакать мнѣ за столько лѣтъ
 Нечали, грусти, мукъ?... О, нѣтъ!
 Онъ, что-нибудь да въ мнѣ любилъ!
 Найду любви его претъ
 И мой ударъ его погубитъ
 Свершилось наконецъ. И
 Твой часъ пробилъ еще вчера
 Смотри, ужъ блещетъ тучъ эката!
 Пора! я слышу голосъ брата.
 Когда сегодня въ первый разъ
 Я увидаю твой образъ нѣжный
 Тоскою горькой и милой..
 Душа, какъ адомя, вся..
 Но это чувство улетѣло

Хаджи-Абрекъ

И острой шашки лезвие.
 Обтеръ волнистою косяю.

Тут у подъезда офицеры
Стоять всё в рядъ, порою въ два...
Какая милая манера
И все отборныя слова!
Иных улыбкой ободрить,
Других бранишь и отгоняешь.
За то, вернувшись лишь домой—
Директоръ перестъ на убой!
Ни взгляда не думай бросить лишній.
Ни слова ты сказать не смей;
А самъ—прости ему Всевышній! —
Иль ужь какой . . .

Но тутъ въ окно она взглянула
И чуть не брызнулась со стула:
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освещенъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за плечъ Маешка.

«Что это значитъ, господа?
И кто васъ звалъ прийти сюда?
Ворваться къ двушкамъ—безчестно!»
— «Паша, право, это очень лестно!»
«Я васъ прошу: подите прочь!»
— Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силъ...
«Вы неучи!»—«Вы очень милы!»
«Чего хотите вы теперь?»

«И-Богу, я не понимаю!»
— Мы просимъ только чашку чаю
«Панфишка, отвори имъ дверь!»

Полонъ отъелъши пренизко,
Монго ей бросилъ вѣжливый взоръ,
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ.
Сначала колкіе намеки,
Воспоминанія, упреки,
Ну, словомъ, весь любезный вадоръ...
И вѣжливый вадоръ, прилично-томный,
Порхнулъ изъ груди молодой.

Маешка, другъ великодушный,
Заскль подалъ на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
«Чужое счастье намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье

(Быть) адъютантомъ на сраженіи
При генерализмѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонеромъ
Или кадровымъ офицеромъ.
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь престестныхъ глазъ
И думать: это не для насъ.

Межъ тѣмъ Монго горитъ и тѣмъ...
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерывается
На дворъ влѣтавшій экипажъ:
Девятимѣстная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...
Увы! печальная развязка—
Неотразимый гадъ въ боготъ!
То былъ М. Н. съ своимъ святой:
Стенавомъ, бедоромъ, Милантой,
Тарагомъ, Сидоромъ, Петромъ...
Идутъ, шумятъ, орутъ.—Содомъ!
Всѣ пляны, прямо изъ трактира...
И на устахъ (о, стыдъ сказать!)
Но пѣтъ, постой, умолилъ лира!
Тѣбѣ ль, поклонникъ мушкетера,
Поганыхъ фразичекъ веселье?

Въ истерикѣ милая дѣва
Какъ зашпилила сея отъ гнѣва,
Куда гонимъ своихъ дѣвчатъ—
Подъ столъ, въ комодъ, или подъ кровать
Въ комодѣ мѣста нѣтъ и плавью,
(Полны карточки) подъ кроватью...
Ничъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...
Она-то подвигъ дерзновенный
И не спосилъ вѣтъ головы;
Но въ мигъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ—и были таловы!

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ нѣкую обиду
Для самолюбія и любви,
Повѣсы на колѣи встали,
И думы мрачныя свои
Другъ другу вадоромъ сообщилъ.
Дѣлалъ печаль своихъ господъ,
Ихъ коня съ рыси не сбавались,
Упрямо убавляя ходъ.

Они (порою) спотыкались,
И лѣность ихъ преодолилъ
Ни иноры не могли, ни плетъ
Когда же въ комнату дежурной
Они сошлись поутру,
Воспоминавъ ночи бурной
Прогнали краткую хандру.

Тутъ много шутокъ, сѣтку быто,
И, право, Пушкинъ нишъ не вретъ
Сказать, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ много.

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами;
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами.

1835—1836.

С а ш к а.

«Нравственная поэма».

I.

Паша нѣтъ смѣшонъ и жалокъ,—все пиши
Ему про казни, цѣпи, да заглавья,
Про темныя волненія души,
И только слышишь муки да страданья.
Такія вещи очень хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто дни свои воспоминаваньямъ губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
И видѣлъ отъ нея лишь вредъ глазами;
Но нынче я не тотъ ужь, какъ бывало,—
Пою смѣясь.—Герой мой добрый малый.

II

Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не зналъ
Хлопотъ.

Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился:
Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ,
Но я за то ни мало не сердился
И поступалъ не лучше въ свой чередъ;
Печаленъ ли, бывало, тотчасъ скажешь,
Когда же веселье, счастье—глазъ не кажетъ.
Не разъ отъ скуки онъ свои мечты
Мнѣ повѣрять и говорилъ мнѣ ты;
Хвалилъ во мнѣ, что прозіе хвалили,
И былъ мой вѣчный впазри въ кадрили

III.

Онъ былъ мой другъ. Ужъ нѣтъ такихъ
Друзей...

Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Не тронуту вадѣтъ, какъ дружба наша
Въ нѣмокъ издѣбавъ памяти моей.
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью Тавитвенная дума
Еще блуждала на челѣ твоёмъ.

Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушающихъ не попалъ ни единый

IV

И было ль то привѣтъ странъ родной,
Название ли оставленнаго друга,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,—
Какъ разгадать? Что можетъ въ часъ такой
Наполнить сердце, жившее такъ много
И такъ недолго съ смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебѣ понять
И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
Твои мечты, дѣла и приключенья—
Глушамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

V

Будь терпѣливъ, читатель милый мой!

Кто бы ни былъ ты: вадѣтъ. Были или Адама,
Разумнѣе ли, шалунъ ли молодой,—
Картина будешь; это—только раба.
Отъ правды, утвержденныя стариковъ,
Не отступлю,—я уважаю строго
Всѣхъ стариковъ, а ихъ теперь такъ много...
Не правда-ль, кто не старъ въ 18-ть лѣтъ,
Тотъ вѣрно не выдастъ людей и свѣтъ.—
О насладившихъ знаетъ лишь языкъ слухъ,
И самъ лишь бѣтъ и плетъ до дѣвчонъ мухъ?

VI

Герой нашъ былъ москвичъ, и потому
Я врагъ Невѣ и повсюду туману.
Тамъ [я весь міръ въ свидѣтели возмю]
Веселье вредно русскому парилу,
Занятъ вредны русскому уму.
Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
Москва—не то: откуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюблю Москву
Тамъ я впервые въ дни надежды и счастья
Былъ боленъ отъ любви и любовнаго страстья.

VII.

Москва, Москва!.. люблю тебя какъ сына,
Какъ русскій,—сильно, пламенно и вѣчно,
Люблю священный блескъ твоихъ сдѣланъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнихъ русскихъ великономъ,
Покрѣпится онъ и—блудномъ
Тебя извергнуть. Тщетно поражаешь
Тебя прищипцы: ты издрогнулъ—онъ упалъ,
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, насладивъ нашей славы.

VIII.

Ты живи!.. Ты живи, и каждый камень
Завѣтное преданье поколѣній. [твой—
Бывало, я у башии угловой
Сажу въ тѣни, и солныа лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
Касатки вылетаютъ, верхомъ, низомъ
Кружатся, вьются, чуждыя людей.
И я, такъ познанный волею страстей,
Завидовалъ ихъ жизни безызысткой,
Какъ упованье вольной, поднебесной.

IX

И не философъ—Боже сохрани!—
И не мечтатель. За полетомъ пташья
И не гоимся, хотя въ былые дни
Не во все чуждъ былъ глупой сей замашни.
Ну, нука,—ну, скорѣе,—разберни
Замечанный листокъ спой подорожничъ!

Не завирайся. — тутъ зовутъ безбожный...
Куда теперь намъ идти гл. Пренда?
Вотъ видъ много, велика земля!
Куда? — На Преню погоняй лавозвизы! —
«Старуха, преч!.. Сворачивай, разностык!»

X

Луна каинтея въ змизнхъ облавахъ,
Какъ шитъ варяжскія или сыръ голландскій.
Сравнене дежко, но люблю я страхъ
Всѣхъ деловъ, по вольности дворянской.
Спокойствія рачитель на часахъ.
У будни пробудился, восканица:
«Кто идетъ?» — «Миза!» — «Что за портъ!»
Ответа нѣтъ. Но вотъ уже пруды... [Какая?]
Блещетъ мостъ, по створамъ сѣды
Подъ ивеюмъ пушистымъ спятъ улитки;
Луна греетъ желтый перлам.

XI

Гуляка праздный, пыльный молодецъ,
Съ осанкой важной, въ фризовой шпавели,
Держитъ за нить, бредетъ — и вотъ коонецъ
Черилать. — «Все направо!» — Заскрипѣлъ
Полозил по сугробамъ, какъ рѣзень
По шраму... Лачуги цѣпи длинной
Мелькнули мимо, пляшутся чужою.
Вдали мелькнулъ знакомый огонекъ...
«Держи въ воротахъ... Отой, — сугробъ глу-
шобитъ по снѣгу, муза, только тинь, [бокъ!]
И платье подними какъ можно выше».

XII

Калитка — сирый... Дворъ темень. По до-
мъ неловко... Вотъ, на снѣгу, стѣны [спавъ] —
И лѣтняя; по снѣгу по жѣстамъ
Занесена. Дрожали ступени
Грозятъ мгновенно намѣнять погань.
Войшли. Толкнули дѣр — и съѣтъ огарка
Ударилъ въ отъ. Толстая пухарка,
Пришурясь, заграждаетъ путь гостямъ.
И вопрошаетъ: «что угодно вамъ?»
Но, услыжавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнула дѣр, бравится нечуждо.

XIII

Но, не смотри на что, мы поимъ:
Вы знаете, для музъ и поэта,
Какъ для хроного бѣса, каждый домъ
Имѣетъ входъ особый; ни секрета,
Ни запрещенія нѣтъ для насъ ни въ чемъ.
У столика, въ одномъ углу свѣтланы,
Сидѣли двѣ дѣвицы по дѣвкамъ...
Красавицы... названье тутъ нѣтъ ризъ!
Чѣмъ выгоднѣй, узнать прошу я насъ
Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и въ столицѣ,
Красавицею быть или дѣвицей?

XIV

Красавицы сидѣли за столомъ,
Раскладывали карты и гадали
О будущемъ; и умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды: — то, что мы и всѣ видали.
Свѣтъ горѣла трепетнымъ огнемъ,
И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный

Вдругъ обливалъ потолокъ, и стѣны.
Въ углу переднемъ фолга образовъ
Тогда мѣнала тысячу цѣтовъ,
И верба, вклоненная надъ нимъ,
Блестала вдругъ логамъ золотымъ.

XV

Одла пѣзъ нѣхъ [красавицы] въ влозѣ
Была прекрасна, но за то другая...
О, мы такъ видѣли лишь во снѣ,
И то заснухъ — о небесахъ мечтатъ!
Слегка голову приклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столѣхъ влоръ приласнѣ,
Она сидѣла нѣсколько небрежно.
Въ отвѣтъ на рѣчь подругъ иногда
Пѣзъ устѣ ея пустое «нѣтъ» или «да»
Едва скользя, если предсказанъ
Премудрой карты столѣхъ вниманъ.

XVI

Она была затѣйливо мила,
Какъ полескал затѣйливо лавпа:
Но вмѣстѣ съ этимъ гордый пѣзъ чела
Казался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
Она бѣ на судъ неправедный пошла [ромъ];
Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ ва-
Такъ сѣбѣ не можетъ быть укоромъ.
Вы въ томъ должны повѣрить мнѣ въ кр-
Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ, [дѣтъ].
А мать, какъ помню, полѣла пѣзъ-подъ [фрагъ]
И жидъ тутъ ятъ, какъ въ томъ, что мы — парати

XVII

Когда Суторовъ Прагу осаждалъ
Ея отецъ служилъ у насъ шипомъ;
И разъ, какъ онъ укралкою гулялъ
Въ мушкетъ полескомъ вдоль по бастионъ,
Неловкий выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ.
И многіе, вздохнувъ, сказали: «жалкій,
Несчастный жидъ, — онъ умеръ не под-
Его жена пѣзъ мѣсяцевъ спустя [палковъ]
Пронзала на Божій свѣтъ дѣтя,
Хорошенькую Тирзу. Или это
Дано по волѣ одного корнета.

XVIII

Подъ рубищемъ простымъ она росла
Въ невѣжествѣ, какъ...
Прохожимъ не замѣчена, — ни
Ни гордой добродѣтели не...
Но часъ насталъ, — пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказать два слова
Она въ обаяніи божества зочно
Удала; но, увы, прошло дней мѣсяцъ.
Ужъ влюбленъ успѣлъ ея надобѣтъ
И съ этимъ поръ, чтобъ вѣзъ...
Она дарила всѣмъ свои члѣмъ...

XIX

Мечты любви улетѣли, какъ...
Свобода стала ей всего доро...
Обманомъ сердце платилъ за обманъ...
[И такъ...]
Въ ея зрѣніи характеръ...
Въ ея зрѣніи характеръ...

Изображался рѣзко. Не являлся
Огонь горѣлъ въ очахъ, безъ цѣли томя;
Покрываетъ свѣтлой влагой иногда,
Они блуждали: тѣмъ порою вѣзда
Но небесахъ блуждаешь, — и, конечно,
Былъ этотъ знакъ тѣснѣ нѣмой, сердечной

XX

Незвѣстная печаль сѣвлялась вдругъ
Какою-то веселостью недужной...
[Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой не-
дугъ]

Волной вставала грудь, и пламень южный
Въ лавятахъ рѣзъ, и бѣзъ позвукъ
Зубовъ жемчужныхъ быстро открывался;
Голова поднималась, развивалась
Душистый локонъ и на зипъ мздой
Лоснясь ватазил черною струей;
П нежна, разуваясь, не зная пѣна,
Безвѣдно ооажалась до колѣна,

XXI

Когда шалунья везничъ на кровать,
Шумя, сѣлась, роскошно ушла,
Поспору: мудроно ее позвать, —
Она сама себя не понимала, —
Ей было трудно сердцу приказать,
Какъ баловню-ребенку. Надо было
Кому-нибудь съ невѣдомою силой
Явиться а прихитливой душой
Его согрѣть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожадею,
Все это мы современемъ узнаемъ.

XXII

Теперь жъ ея подругѣ перейдемъ,
Чтобъ выполнить начатую партію
Онъ недавно жилъ тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливались во-едини
Я мысли ихъ встрѣчались во всежъ.
О, если бѣ знали, сколько въ этомъ званъ.
Сердечъ отличныхъ, добрыхъ! Но внизавъ
Увлечено блиставшемъ модныхъ дамъ.
Вздыкая, мы бѣжимъ по ихъ сѣздамъ...
Увы, друзья, я наведу сирень,
Вся прелесть ихъ... въ вредитъ пѣзъ модной
лавки!

XXIII

Она была сѣжа, бѣла, кругла,
Какъ свѣжій шарикъ; щени, грудь и шея,
Когда она сѣвлялась или шла,
Дрожали сладострастно; не красѣ
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко я неловко
На ней сидѣла юбка; по плутовка
Подаль ушла гуль, открытъ плечо,
Ласкалъ умѣла буйно, горячо,
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царницей своего искусства.

XXIV

Она звалась Варюшею... Но я
Желалъ бы дать другое ей названье:
Скажу, при этомъ имени, друзья,

Въ груди моей кипитъ возмущеніе,
Какъ подъ ногою прижатая земля
И ползаетъ, какъ та снѣгъ развѣивъ
По жиламъ сердца И тогда пѣзъ...
Сердцѣ, — жолу, или браню весь домъ,
И радъ принять за слово чужбонъ.
Итакъ, дай вѣзъ злая, мы нѣмъ
[Важно] — здесь переверъ глѣтъ въ Парашу

XXV

Увы, минувшихъ лѣтъ безумныя совѣ
Со сѣмъ нѣмъ повѣрять не глѣтъ злѣра!
Живое вѣдѣе не оажитъ,
Какъ грусть злая, засылаю снѣпиръ,
Грозитъ не, стою, понаеся мѣла снѣ,
И мѣла въ немъ принаеся. Ужель
Емъ мѣла вѣдѣе пѣзъ злѣра
Снѣгъ много лѣтъ и снѣгъ мѣла нѣмъ —
Лоснясь ставъ и шару... лѣтъ бѣзъ нѣмъ?
Хотѣ, принаеся вѣмъ, развѣрля строго
Получше ихъ вѣдѣе и послѣ много.

XXVI

Да, много лѣтъ и много горькихъ мукъ
Съ тѣхъ поръ отиглѣло надо мною;
Но перваго восторга чудный звукъ
Въ груди не умираетъ, — и порою,
Съ тѣхъ поръ, обложно вѣдѣе, когда нѣмъ
Мѣла слабый умъ томитъ неугомонно,
Ея глаза нѣмъ свѣтлѣтъ блѣгосклонно.
Тѣмъ въ часъ ночной, когда гроза шумитъ
И бродитъ облака, — вѣзда горитъ
Въ дали эфирной, не болѣе лѣтъ злѣсти.
И нѣмъ своимъ лучи на землю въ гостѣ.

XXVII

Предъ нагорѣвшей свѣтлой свѣтлой
Красавицы раздумавшись сидѣли,
И заставлялъ ихъ вдрогивать порою
Унылый свѣтъ вграющей метели.
И какъ и вѣмъ, читатель мзлый мой,
Нѣмъ стало скучно... Вотъ, на мѣсто знамо
Условнаго, вѣзала собора
И у калитки бликнуло полно.
Вотъ чей-то голосъ... Идутъ на крыльцо...
Параша потянулась и сѣвляла
Такъ, что едва не бухнулась со стула.

XXVIII

А Тирза быстро выбѣжала вонъ.
Отарылась дѣр. Въ плащѣ, заплывъ
Снѣгомъ,
Явился гость... Насмѣшливый поклонъ
Отвѣсилъ п, какъ будто долмазъ бѣгомъ
Или волненьемъ былъ онъ утомленъ,
Упалъ на стулъ... Заботливой рукою
Съвязал Параша плащъ, потомъ другою
Страхула нѣмъ съ шезлонгахъ мудрей
Пришелеца. Видно, правился онъ ей...
Все нравится, что молодо, красиво,
И въ чемъ мы видѣтъ прибыль особенно

XXIX

Она лѣтъ была, со вкусомъ былъ одѣтъ,
Понимъ бы въ причесятъ — и тѣмъ далѣ.

XLIX

Итак, герой наш спит! Приятный сон!
 Покойной ночи! Вы жь, читатель милый.
 Пожалуйте,—иначе принуждены
 Я буду вас удерживать (здесь) силой...
 Романъ, вперед! Не хотите?—Ну, так онъ
 Лойчть палачъ. Герой нашъ спитъ. Покуда
 Хочу я рассказать, кто онъ, откуда.
 Кто мать его была, и кто отецъ,
 Какъ онъ на свѣтъ родился, наконецъ,
 Какъ онъ попалъ въ позорную обитель.
 Кто былъ его лакей и кто учитель.

L.

Его отецъ симбирскій дворянинъ.
 Иванъ Ильичъ N. N. онъ, мужъ дородливый,
 Богатого отца любимый сынъ,—
 Былъ самъ богатъ. Имѣя онъ умъ природ-
 И, что ума полезный, важный чинъ;
 Съ четырнадцати лѣтъ служилъ, и съ миромъ
 Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ;—
 А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ
 Былъ человекъ, и славѣнно умный.
 Иванъ Ильичъ нашъ слылъ по крайней мѣрѣ
 Любезникомъ въ своей симбирской сферѣ.

LI.

Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ,
 Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья;
 Спалъ очень долго, ѣлъ въ четверыхъ;
 Ни на кого не обращалъ вниманья
 И не носилъ приличія верягъ.
 Однако же предъ знатною горделивой
 Умѣлъ онъ гнуться скромно и учтиво,—
 Но въ этомъ вѣкъ учтивости законъ
 Неумолимо требовалъ поклонъ;
 А даяться закону или вельможѣ—
 Считалось тогда одно и то же.

LII.

Онъ старшихъ уважалъ, за то и самъ.
 Почтительность вознаградилъ улыбкой.
 И, равнодушный хотя угождать дамъ,
 Желая, по словамъ его, ошибкой.
 Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ
 Открыть, а знаю только (не соврать бы),
 Что былъ онъ грустенъ на другой день
 И что печаль его была одна [свадьбы].
 Изъ тѣхъ, какими жизньъ мужей полна.
 По мнѣ, они большіе грѣшны,—
 Все жепъ выпять, какъ будто сами чисты.

LIII.

Благрафи меня, о женскій полъ!
 Я—Демосеентъ твой: за твою свободу
 Я радъ шумѣть; я неомѣрно золъ
 На всю, на всю рогатую породу!
 Кто власть имъ далъ?.. Возстаньте.—часъ
 Я поднимаю знамя возмущенья. [приселъ]
 Ура! Сюда все дѣвы! Прочь тершныи!
 Конечъ всему естъ! Беззаботно явно
 Идите вслѣдъ за Марей Николавной!
 Понять меня, я знаю, вамъ легко,
 Вѣдь вы вышнѣе жилахъ—кровь, не молоко;

Ну, и краснѣть умѣете ужъ встать
 Отъ взоровъ и намековъ нашей братны

LIV.

Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою
 По старому обычаю. Безъ лести
 Сказать, онъ велъ себя, какъ я люблю,
 По правиламъ тогдашней старой чести.
 Проказница жь жена, не утаю,
 Читала любила иѣжныя романы,
 Или смотрѣла на свѣтлый шаръ Дианы,
 Въ бесѣдѣ темной сидя до утра.
 А мѣсяцъ и романы до добра
 Не доведуть,—отъ нихъ мечты родятся...
 А искушенью только бѣ подобраться!

LV.

Она была преласковымъ кусокъ
 И многихъ думъ и взоровъ стала тѣло.
 Какъ быть: пчела садится на цвѣтокъ,
 А не на камень. Чувствамъ и веселью
 Казенныхъ не назначено дорогъ.
 Но въ брачной жизни Марья Николавна
 Была, какъ падо, ласкова, исправна.
 Но, говорить,—хоть, можетъ-быть, и глупъ,
 Что долгъ супруга—только липшій трудъ.
 Мужья у женъ подобныхъ (не въ обиду
 Будь сказано), какъ вывѣска, для владу.

LVI.

Иванъ Ильичъ нѣмѣлъ въ Симбирскѣ домъ
 На самой на горѣ, противъ собора.
 При мнѣ давно инкогъ ужъ не жилъ въ немъ.
 И онъ дрыхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора.
 Какъ плавалъ съ георгіевскимъ крестомъ
 Но иѣкогда съ кудрявыми главами
 Вдоль стѣнъ колонны пысились рядами
 Прозрачною рѣшеткой окруженъ.
 Какъ вѣтка, между нихъ вѣсѣлъ балконъ
 И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ
 Видѣлся гардинъ прозрачныхъ складъ.

LVII.

Внутри все было пышно; на столѣхъ
 Цвѣтѣхъ разноцвѣтныхъ клеенка
 И люстры отражался въ зер...
 Какъ звѣзды въ зумѣ; москья и болюша
 Встрѣчала шумно каждого въ дверяхъ.
 Одна другой пестротѣ, и дакъ
 Зеленый попугай, порхалъ въ залѣ
 Кричалъ бесстыдно: „Кто пришъ...“
 А гость съ улыбкой думалъ: „какъ не такъ“
 И, ласково хозяйкой принималъ.
 Черезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

LVIII.

Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ
 Налѣво, то-есть жь западу, рядами
 Вьстали кровли, трубы и потомъ
 Межъ ними церковь съ круглыми главами
 И кое-гдѣ въ тѣни—отрада днѣмъ.—
 Уютный садъ, обсаженный рябиной
 Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной.
 Какъ дѣтская игрушка, если вамъ
 Угодно, или, какъ междъ знатныхъ, дѣтъ

Румявалъ крестьянка—дочь природы,
 Испуганная блескомъ гордой моды,

LIX

Подъ глинистой утесистой горой,
 Увиданной лачужками, направо,
 Катилася широкой песенкой
 Родной Волга, ровно, веселчаво...
 У пристани двойною чередой
 Плоты и барки, какъ табуны, тѣснились,
 И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
 И джунжа на вѣтрѣ, и сарипѣлъ казакъ
 Натянутый. Краснѣющій закатъ
 Въ-за горы кидать свой лучъ прощальный
 На гребни снѣжныхъ холмъ и берегъ дальній.

LX.

Въ страшный говоръ грубыхъ голосовъ
 Между судокъ перебѣгалъ порою;
 Свѣхъ, иѣспы, брань, протяжный крикъ
 Плавновъ—
 Все въ гулъ одинъ сляпалось надъ водою.
 И Марья Николавна, хоть суровъ
 Базалася вѣтеръ, день былъ на зѣмѣхъ,
 Нависнувъ наплъ или жапотъ на вѣхъ,
 Сдѣлала взоромъ снѣжую волну.
 Прибрежныхъ струи призывы и отливны,
 Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы

LXI.

Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой,
 И все въ тѣсны были ей корсены.
 Ея жь сложенье было въ томъ виню,
 Или его не молодой лѣтъ?
 Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
 Или... жь пылъ желалъ бы сына
 Или... жь хотъ правомъ цюрянина
 Онъ... жь вѣлся часто, по дѣлѣхъ,
 Въ брата прижитыхъ, злордѣхъ
 Раскидывалъ по сѣтѣ, гдѣ случится,
 Или... жь дѣлѣхъ и романахъ

LXII.

И... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!

LXIII.

Бывало, этой думой утѣхъ,
 Я прежде много плакалъ и слезами
 Я жегъ бумагу. Дѣтскій глухой сонъ
 Промель далю, какъ тучка намъ степливъ;
 По пыльный духъ мой не былъ освѣжливъ,
 Въ немъ родились бури, какъ въ пустынь,
 По скоро улеглись онъ, и пыль
 Осталось сердцу, вѣсто слезъ и буръ тѣхъ,

Однѣхъ липъ отзывъ звучный, гудѣтъ смѣхъ
 Тамъ, гдѣ весной стѣлѣтъ потокъ пѣрелъ,
 Лежать кремни и блещуть, но въ жѣлѣхъ!

LXIV

Прилично было бѣ жѣ молчать о томъ
 Но я привыкъ идти противъ приличья
 И, говоря всеобщимъ языкомъ,
 Не жду похвалъ.—Поэтъ природы птичьей,
 Любопытствъ рѣзъ, и тѣхъ, рождаемыхъ вѣтромъ
 Урчать и свистѣтъ междъ листовъ душистыхъ.
 О чемъ? Капля тѣлѣхъ звуковъ чистыхъ?—
 Прощу хоть разъ спросить у соловья.
 Онъ вамъ отвѣтитъ пѣсню... Тамъ и я
 Пышу, что мыслю, что придетъ,
 И потому мой стихъ такъ вѣзливо летѣтъ.

LXV.

Два года миловало. Третій годъ
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!

LXVI.

Струхи говорили: это знаетъ,
 Который много счастья обидѣтъ.
 И про меня сказала точно такъ,
 А правда ль это вышло?—Небо знаетъ!
 Къ тому же колупочный мой собачъ
 И страшный шумъ на чердикъ высокохъ—
 Врѣвѣхъ злыхъ; по, не бѣтъ пророкомъ,
 Я только похваляю головою.
 Гамлетъ говорилъ: „Есть тайны потъ луной
 И для премудрыхъ“,—какъ же мнѣ, поуту,
 Не вѣрять можно тайнамъ и Гамлету?

LXVII.

Младенечъ росъ мнѣ съ каждымъ днѣмъ:
 Живые глѣзны, бѣлая ручонки
 И русый волосъ, или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!

LXVIII.

Онъ росъ... Отецъ его бранилъ и сѣкъ—
 Затѣмъ, что самъ былъ въ дѣтствѣ часто
 А, слава Богу, вынѣлъ человѣкъ: [стѣнъ]
 Ни стыдъ семья, ни тупъ, ни пѣтушечъ,
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!
 Или... жь дѣтъ въ мыслѣхъ я отенъ!

Она привыкала, — спажу вамъ подъ сепре-
томъ,
Хоть важности большой во всемъ томъ
нѣтъ, —

Толкаться межъ служавокъ. Часто лѣтомъ,
Когда луна бросала томнымъ свѣтъ
На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
И съ шепотомъ толпа домашнихъ грацій
Въ аллеѣ красалась, — легкою стопой
Она догоняла лѣзъ пошутить порой.
Его невниманію, — вы понимаете сами,
Вѣдь не могла расти съ его тодами.

LXXXIX

Но между нихъ она отличалась одну.
Въ ней было все, что увлекаетъ душу,
Возвужетъ мысли и мѣняетъ сну
Но я, друзья, покой вашъ не нарушу
И на портретъ накинута плену.
Ее любила мой Саша той любовью,
Которая по жиламъ съ юной кровью
Течетъ огнемъ, шлокочетъ и кипитъ;
Боролись въ немъ желанія и стыдъ;
Она долго думала, какъ въ любви от-
крыться, —

Вѣдь подобно жъ на что нибудь рѣшиться.
АС.

И мудро ли? Четырнадцать лѣтъ
Я сама сгорила отъ каждой женской пощипки,
За каждую отдачу бы цѣлый свѣтъ,
Я цѣловала слѣды ихъ по дорожкѣ.
Возмущенныхъ персей вѣжнѣй цвѣтъ
И алыхъ устъ горячее дыханье
Но мнѣ рождала чудное желанье;
Я трепетала, когда моя рука
Атласныхъ плечъ касалась слегка,
Но лишь въ мечтахъ видѣла я безъ покровца
Все, что для васъ, конечно, ужъ не ново...

XCI.

Она потеряла и сонъ, и аппетитъ,
Молчать весь день и часто бредить ночи;
По корридору бродить и грустятъ
И ждуть, чтобъ показалась Евы дочь,
Чтобъ ясный взоръ мелькнулъ... Суровый видъ
Принимая, она иногда улыбой холодной
Отвѣтствовалъ на взоръ ей отрадный
И чувства подвигала она, какъ раба!
А съ сердцемъ страхъ невыгодна борьба!..
Итакъ, мой Саша кончалъ съ нѣмъ возиться
И доложилъ съ Маврушиной объясниться.

XCII

Случилось это лѣтомъ, въ знойный день.
По мостовой широкими клубами
Вилась пыль. Отъ трубъ высокихъ тѣнь
Ложились на крышахъ полосами,
И паръ съ каменной струи. Сонъ и лѣнь
Вполнѣ Сибирскому овладѣли; даже
Волна катилась медленнѣй и глаже
Въ саду, въ бѣдѣ темной и сырой,
Лежалъ полураздѣтый нашъ герой
И размышлялъ о тайнѣ единения

Двухъ душъ, — предметъ достойный размыш-
ленья!

XCIII.

Вдругъ слышитъ она направо, за кустомъ
Сирени, шорохъ платья и дыханье
Возмущенной груди, а потомъ
Чуть внятный звукъ, похожій на лобзанье
Какъ Саша быть? Забилося сердце въ вѣхъ,
Запрыгало... Безъ дальнихъ опасеній
Она сквозь кусты пустилася легче тѣни.
Трещать и гнуща вѣтви подъ рукою,
И вдругъ предъ ней съ Маврушиной молодой.
Обнявшись въ тѣни цвѣтущей вишни,
Иванъ Ильичъ... (Прости ему Всевышній).

XCIV.

Увы, покоясь на травѣ густой,

..... пустилася въ путь,
Оставивъ тутъ обманутую дѣву.
Какъ Ариадну, преданную глѣву.

XCV.

И есть за что, не спорю... Между тѣмъ
Что дѣлала Саша? — Съ неподвижнымъ взглядъ
Какъ бѣлый мраморъ холодеетъ и плѣтъ, (дочка)
Какъ Аббадона грозный повѣсть адомъ
Впуганный, во понимайщій злѣю,
Съ пониманіемъ стоить онъ головою,
И на челѣ, наморщившись тоскою,
Качался тѣни трепетныхъ вѣтвей...
Но вдругъ ударъ проснувшихся страстей
Перевернулъ неопытную душу
И она упала, какъ съ неба,

XCVI.

Упала (прости всенности!) какъ вѣтра
Маврушу крѣпко обнявъ она руками,
То холодея, то какъ жаръ горитъ,
Нестово впиваясь въ нее устами
И — обезумѣла... Небо и земля
Слѣлись въ туманъ. Мавруша простовата
И улыбуется; какъ волна вставала
И упала грудь, и томнымъ взоромъ
Какъ надъ рѣкой безлучный месоро,
Блуждала вокругъ безъ нѣтъ, безъ предмета,
Боясь всего: людей, деревъ и свѣта...

Теперь, друзья мои... Кого винить?.. По-мнѣ... прекраснѣй
Сложилъ весь грѣхъ на ч... ошъ прива...
Къ напастивнѣ; къ томъ...
Рога и когти, чѣмъ...
Итакъ, замѣтимъ... что духъ безримибъ,
Но гордый, врачъ... неострашимъ
И заданомъ на...
Играетъ судьбою С...
И, слѣдуя пустѣи...
Кидать его то вкост... серхъ, то кивну.

Два мѣсяца...
На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,

Слегка платокъ накинувъ шерстяной,
Явилась къ Сашѣ дѣва молодая;
Задумъ замаху трепетной рукой,
Держась за спинку шалую кровати,
Она искала жаркихъ тѣмъ объятій

Тяжелый вздохъ изъ груди вырывается
И съ жгучимъ поцѣлуемъ она сливалась
XCVII.

Казалось, рокъ забылъ о нихъ; но разъ, —
Не помню я, въ который день недѣль, —
Ужъ пролетѣлъ свиданья часъ,
А Саша все одна была на постели.
Она слѣла въ ону въ раздумьи. Тихо гасъ
На бѣдномъ сводѣ мѣсяцъ серебристый
И неподвижно бахромой волнистой
Вокругъ его висѣла облакъ.
Дремало все, лишь въ онахъ иногда
Делалась снѣжка, снѣжила рубашка
Сторухи, изъ картинъ Рембрандта взятый,

Мелькая, рисовалась на стеклѣ
И исчезала. На площади пустынной,
Какъ чудный пугъ въ нежданной землѣ,
Лежала тѣнь отъ колокольни дѣвчонки,
И дѣль сливалась въ снѣговатой мглѣ
Задумчивъ Саша... Вдругъ скрипнула дверь.
И вы бы сказали — постуль райской пери
Послышалась. Невольно нашъ герой
Вдрогнулъ. Предъ нимъ, озабена луной,
Стояла дѣва, опустивши очи.
Блудите той луны — парши ночи..

И она узнала Маврушу. Но — Творецъ! —
Какъ измѣнилось вѣжнѣе созданье!
Казалось, тѣло измѣнилось рѣзче,
А Богъ вдохнулъ не душу, но страданье.
Она стояла, вахалась, наконецъ
Подходить и холодными руками
Хватаетъ руку Сашу, и устами
Прижалась къ ней, и слезы потекли
Все больше, больше и, казалось, жгли
Ея лицо... Но кто не зрѣлъ картины —
Раскаивая преступную Магдалину?

CVI.

И кто бы смѣлъ изобразить въ словахъ,
Что дышетъ жизнью въ краскахъ Гвидо-
Рени?

Гляжу на дивный холстъ: душа въ очахъ,
И мысли одна въ душѣ, — и на козляхъ
Готовъ упасть, в непонятный страхъ,
Какъ струны люта, потрясаетъ жила,
И слышишь близость чудной тайной силы,
Которой въ мирѣ вкругъ лишь тогъ,
Кто, какъ въ гробу, въ душѣ своей живеть,
Кто терпитъ всѣ упрямства и вѣтви,
Чтобъ гениемъ...

И долго молча плакала

Разсыпавшись на кругленькия плечи,
Ея власы бѣжали, какъ волна
Лишь иногда отрывистыя рѣчи
Отъезды того, чѣмъ грудь была полна,
Блуждали на губахъ ея во злѣхъ
Иногда были словъ... И голосъ мужа
Мой Саша поняла, какъ вѣтъ... рѣчной;
Къ себѣ на грудь привлекъ ее рукамъ
И не шалитъ ни нѣжности, ни тоски,
Чтобъ поскорѣ очутивъ ея глаза

CVI.

Она говорила: «Къ чему печаль твоя?
Ты молода, любима, — гдѣ жъ страдаешь?
Въ твоихъ глазахъ — мой миръ, вся жизнь»

И рань земной — въ одномъ твоёмъ лобзаньи...
Быть-можетъ, влюбъ хитрую плѣ,
Кляпо-нибудъ... Но нѣтъ! И кто же смѣетъ
Тебя обидѣть? Мой отецъ драхтуетъ,
Французъ давно не гонитъ вину...
Ну, полно! Слезы прочь, а слезъ сюда!

„Послушавши, я здѣсь въ послѣдній разъ.
Пренебрегла опасностью, наказаніе. (васъ).
Слѣды, совѣсть — все, чтобъ только видѣть
Подѣловать вашу руку на прощанье
И вымолвить слезу изъ вашихъ глазъ.
Не отверните бѣдую, — довольно
Ужъ и терпѣю, — за что же?.. Сердце вольно
Цѣловать! Прощайте отъ людей
Зависелывыхъ... Все капля ваша, злодѣй, —
Черезъ него и гибну... Все готово! (слова)
Молю... о, киньте мнѣ хоть взглядъ, хоть
CVI.

«Для вашего отъда первые я
Забываю стыдъ, — гдѣ у робъ защита?
Грозилъ онъ семазкой, Богъ ему судилъ!
Прошла недѣля, — бѣдная забыта..
А все любить другого ей вѣлано.
Вчера меня обидѣли словами
Она разбиралась... Но что же передъ вами? —
Роба, мѣръ... Т... по...
Мила, а тамъ? — покажу, чѣмъ у...
Тутъ начались слезы, пощипанья.
Но Саша ихъ оставила безъ вниманья»

CVII.

„Ахъ, баринъ, баринъ! вижу я, повѣсть
Не хочешь ты тоски моей сердечной!
Прощай, — тебя мнѣ больше не видать.
За то ужъ помпять буду я, вѣрно..
Евн...
Но, такъ и быть, цѣлуй меня въ губы въ
ошъ.

И тутъ, гдѣ хочешь, для послѣдней ночи!
Чѣмъ свѣтъ мнѣ въ кибиткѣ увезуть
На дѣлвй хуторъ, гдѣ Маврушу ждуть
Смѣялись, мнѣ съ косматой бородой...
А ты?..

СХН.

Она зашала. Тая, или вить
Патриарха мздава говорила,
И удерживать не смью, двух, трех звать
Частотна губительная сила.

Четы свейшних словъ заклады следъ
А тотъ, кто рассказал мнѣ поистѣ эту
Бого уль вить... Но что за гужа свѣту?
Не вѣры я пою, я не пророкъ,
Хоть и стремлюсь душою на Востокъ,
Гдѣ святы и мно тая нынѣ рѣки,
И гдѣ, лань ишутъ, жила наши предки!

СХ.

Она замолкла, но не Саша оиъ.
Билль притивъ сти пегодоманентъ;
Заводилъ врать... — и гисачу именъ,
Тавяхъ же мизыхъ, съ петишнихъ вниманъ.
Оиъ расточалъ ему. Но счастья сонъ, [ежъ,
Какъ ни бранихъ, умчаея пезозвратъ...
Уже готовъ былъ юноша развратнымъ
Въ послѣдний разъ...

... лань идруть, — о, Провидѣнье! —
СХ.

Удиръ ногою съ трескомъ растворилъ
Стальной двери обѣ половинны
И почина зучъ блѣдный оидатъ.
Живой скелетъ поподило муллъ...
Бавалокъ, въ страхѣ съ ложилъ оскончатъ, —
Растрепанъ, боекомъ, въ одной рубашкѣ, —
Вонелъ и строго обратился къ Сашѣ:
„Eh bien, monsieur, que vois-je?“ —

„Pourquoi ce bruit? — Que faites vous
donc?“ —
И молвить такъ (пушиль, простить мнѣ муза).
Однимъ тузомъ оиъ выгналъ лонъ французъ.

СХІ.

И вслѣдъ за нимъ, ланъ ланъ клановскихъ
Изъ комнаты пустилася бѣднѣшка, [горъ,
Но распростаясь, по кивнувъ вѣжливый взоръ,
Закрывъ лицо руками... Долго Саша
Не могъ уватъ волнения сердца. „Вадоръ, —
Шепталъ оиъ, — вадоръ: любовь — не жана!“

Но утро,
Подернуть тучи блескомъ перламутра,
Ужъ начало заглядывать въ око,
Какъ милый гость, ожидаемый давно,
А по дворѣ, унылый и дохлый,
Раздался колокольчикъ однозвучный.

СХІІ.

Къ окоу въ волненьи Саша подбѣжала.
Разговныхъ тройка у крыльца большого.
Вотъ сѣлъ ямщикъ и возжи подобралъ;
Вотъ чей-то голосъ: „Что же все готово?“ —
„Готово“ — Вотъ садится. Оиъ узналъ.
Оиъ! Въ чепцѣ, платкомъ окутавъ шею,
Съ обычною улыбкою своею,
Вну ишнула твою головой

И спритазась въ кибитку Блщъ ланъ
Вывался. „Понелъ!“... Колеса заслули
И вѣмилъ... Но что изъ до чужой дѣлъ

СХІІІ.

Давно-ль?.. Но дѣтство Саша протѣла
И развѣзало, что зная вамъ было пужъ
Оиъ сѣлъ съ оиомъ браниться. Вѣ
И быть пуще — и жванью паружномъ
Обманывалъ оиъ почиталъ за зѣ
За пѣль, — но правдивой чести ланъ
Оиъ не пѣль (хотъ оиъ доиго...)
И потому родители, развѣзавъ,
Что укрѣпалъ въ стоишь зѣль и вѣ,
Сынка, рыдалъ, какъ мы въ...
Послалъ въ Москву съ фидучею ланъ

СХІV.

И тамъ проказникъ былъ преносъ
Старухъ... утѣждалъ, что рѣзавъ Кудинъ
Ее красить яи разу не застанетъ.
Она была одна изъ тѣхъ княженъ,
Которыя, страшись святаго брика,
Не смѣютъ дать рѣшительнаго знака.
И потому въ сомнѣньи ждуть да ждуть,
Понуда ихъ на вѣсть по позовутъ;
И чѣ...
За партаи клеветку и желѣють.

СХV.

Но иногда какой-нибудь ланъ,
Херсидный, честный, вѣрный, осторожный
Имѣлъ ходитъ въ владычичъ своей
Во лѣпнѣй часъ, съ попорностью возожна
Въ уюной спальнѣ зачѣмъ ей
Слушанку, то-есть грѣхъ одѣлю
Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
Нодъ вражескъ ношъ дѣлается дѣла.
Которыхъ звать и торгъ бы не хотѣлъ.
И если бы хотъ разъ оиъ былъ свидѣль
Какъ сладко снитъ сѣла добродѣтель!

СХVІ.

Шалунъ былъ отидитъ въ манъ
Гдѣ много...
Сначала пристрастился...
Но скоро ихъ съ прѣ...
Оиъ увидалъ, что дру...
Дружеская веда...
Товарищъ скучный, тигосный и валимъ,
Что умный...
Чѣмъ тысяча...
И потому (сн...)
Оиъ нажалъ въ...

И списочъ ихъ, ланъ...
На двухъ лѣстѣхъ, раскрашенныхъ оиъ...
Носилъ всегда оиъ въ книжѣ записочъ,
Обвернутой атласомъ, какъ причино
Съ стѣльными замкомъ и розовой каймой.
Любилъ оиъ заговоры злобы таинной
Разстроить словомъ, будто бы случившій
Любилъ враговъ внезапно удивлять,

На прякъ и брань — насмѣшкой отвѣчать,
Иль, притворясь разсѣяннымъ невѣждою,
Ласкать ихъ долго чистею надеждою.

СХVІІ.

Нѣзвѣстна спою вымѣль оиъ,
Пасула все гисрдыть зы да бунъ;
И, нѣкопѣ, въ студебѣхъ посвященъ,
Вступилъ издмѣнно въ свѣтъ иль храмъ науки.
Своею чѣстою почину и, какъ сонъ,
Свои взоры, залы, коридоры,
Двонъ сыновъ заиспильные споры:
О Ю. В., о вселенной и о томъ,
Какъ съ чаемъ ииъ иль просто горячая рожъ,
Нѣзвѣстна видъ прѣль гордымъ вѣстямъ,
Дѣлъ сырбуки, вѣснне вѣсннѣ

СХVІІІ.

Бѣвало, только восемь бѣтъ часомъ,
Но жистной вилѣть народъ ученый
Или оиъ чѣмъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ гризной лужѣ, Выхомъ упоенный,
Но въ равно аздушнымъ, безъ словъ
Горько... Пришли, шумить... Профессоръ
Длинный
И расно ыходить, влѣняется чинно, —
Оиъ лнгу выль, распыль, прочесть, — шв...
Ииъ, — итроа хуже. Сухий адъ... [милъ;
сердцу Сашѣ жванъ была такъ,
И зѣль адъ считалъ оиъ лучше радъ.

СХVІХ.

Пропустить года два... Я не хочу
Въ одинъ прѣмъ свою закончить новѣть.
Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
И потому моя спенойна совѣсть,
Хотъ, признаюсь, много пропущу
Событій важныхъ, новихъ и чудесныхъ.
Но чѣсть прѣдѣль, когда въ прѣдѣлахъ тѣхъ
Не заплоченъ и не сѣла впередъ, [нышъ
И снѣи обрашу вниманье ваше
На тѣ года, потраченные Сашей.

СХVІХ.

Теперь герою въ разбудить пора,
Пора привести въ порядокъ ихъ одежды
Вы вспомните, какъ сладостно вчера
Въ обильныхъ итѣхъ и живой надеждѣхъ
Уснула Тира? Рѣзвый бѣгъ пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулася поздно...
Растрепанные волосы назадъ
Рукой откинувъ я на свой нарядъ
Взглянуть съ улыбкой сонною, сначала
Она доволно долго пошѣвала.

СХVІІ.

На ней нямто было все, и грудь
Хранила вѣки пламенныхъ лобзаний.
Она спѣшить лицо водой сплеснуть
И кудри безъ особенныхъ стараний
На головѣ гребенкою закрутить
Потомъ сорочку скинула, небрежъ
Водой обмыла станъ свой бѣзослажливъ.

Опять свѣжа, ланъ перенѣть жодѣ.
И, на плечи кивнѣть лнвинѣ съ
Нѣзвѣстна бѣзослажливъ жодѣ.
Она подходилъ къ намѣну гѣрѣю.

СХVІІІ.

Саша въ вѣзлѣхъ и пономъ.
На соннаго студеной вѣзлѣхъ плѣтъ
Оиъ подиалъ влѣдѣть ланъ, дружокъ,
И водилъ, что порѣ: свѣтъ ланъ бѣзослажливъ.
Озаренъ раскопъ ииъ ланъ, ланъ,
Завелъ ланъ, оиъ оиъ, свѣтъ ланъ,
Въ ланъ, ланъ, ланъ, ланъ, ланъ,
Уири ланъ, ланъ, ланъ, ланъ,
Ланъ, ланъ, ланъ, ланъ, ланъ,
Ланъ, ланъ, ланъ, ланъ, ланъ,
Ланъ, ланъ, ланъ, ланъ, ланъ,
Ланъ, ланъ, ланъ, ланъ, ланъ,

СХVІV.

Или...
Изобличалъ его. Но, между нимъ,
У ланъ, ланъ, ланъ, ланъ, ланъ,
Хотъ, между тѣхъ, ручишъ головою,
Что ихъ, ланъ, ланъ, ланъ, ланъ,
СХVІV.

И, прѣбралъ длиннымъ коридоромъ,
Оиъ...
Цѣль...
И мнѣ. Вотъ оиъ въ комнатѣ дружокъ:
Вотъ стулъ съ дрожащей ножкою и радѣтъ
Провитъ: ииъ вѣй, закрытъ...
Хранилъ...
Оиъ ланъ, ланъ, ланъ, ланъ, ланъ,
И вслѣдъ за нимъ, ланъ, ланъ, ланъ,
Чтобы не сѣла зѣль оиъ обидѣлъ:
СХVІV.

Чѣмъ...
Дли...
Сказалъ ли, этой подумѣ былъ радъ
Прокланивъ жой: въ театрѣ, въ театрѣ...
Зачѣмъ ля пенишый мискарѣхъ?
Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
Зачѣмъ толпу не показѣтъ случайно
Презрѣльмѣ гордымъ вѣхъ еи причудъ?
И что ждѣтъ? — Глушнѣтъ приклятый судъ,
Коварный шепотъ оиъ старухи, или [ришъ?
Два — три намека въ польскомъ иль въ ииъ-
СХVІV.

Ужъ Саша дома. Въ театрѣ входитъ оиъ.
И брѣжно у ней ишлѣтъ руку
Чѣмъ кончился въ рѣзвый вѣтъ бостонъ?
И бѣ вѣрѣлся на такую снѣгу,
Хотъ бѣ ииъ давалъ мизантъ.

Вь радах дворянства съ рабскими униже-
Прирашь мудростью сердце поддеса. [нѣмъ].
Искать чинковъ, жидясь съ людскими пресрѣ-
И пожелаться пѣмъ до конца... [нѣмъ].
И чѣмъ же пѣмъ лучше славянину?—
Не тѣмъ ли, что куда его судьбина
Или киветъ, онъ вездѣ себѣ найдетъ
Отлипу и картофель?.. Вотъ народъ:
За сильныхъ всюду, всѣмъ за деньги служить,
Слабѣйшихъ давить, быть его—не тужить.

CXLVIII.

Вотъ племя: всякій чортъ у нихъ биронъ!
Профессоръ важный—каждый изъ сапожникъ!
И сѣмью вкривъ и вкось глаголетъ онъ,
Какъ Писа, восставъ на оной треножникъ,
Кричать, шумить... Но что жъ?—Онъ не ро-
ждошъ.

Подъ палимъ небомъ; наша степь свята
Въ его глазахъ безднухъ—степь простая,
Вѣтъ, намятинки, сланины, безъ слѣдовъ.
Гдѣ-бы могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣ-
Которые съ ихъ грозными дѣлами [ковъ].
Унесенъ забвеніемъ долгами...

CXLIX.

Кто подовелъ выходкой моей,
Тотъ пусть идетъ въ журнальную контору.
Съ листомъ въ рукахъ, съ оравомъ друзей.
И, ибуя ихъ опытному ваору,
Почитывать аннонсу, вводить!
И кочилъ.. такъ! Дописана страница.
Лампада гаснетъ... Есть всему граница—
Налопосамъ, бурямъ и войнамъ,
Тѣмъ болѣе терпѣнью и... стихамъ,
Которые давно ужъ не звучали
И вдругъ съ пера, Богъ знаетъ какъ, упали!..
конца 1-й главы.

I. I. I. I. I. I.

I

И не хочу, какъ многие нѣтъ насъ.
Ниспытывать читателей терпѣнью.
И потому примусь за свой рассказъ.
Вездѣ предисловія.—Сладкое смятеніе
Въ душѣ моей, какъ будто въ первый разъ,
Только прыгунью рѣшму и, котѣдъ,
Въ досадѣ привилью Ломодеа:
Какъ будто слова Богъ переселилъ
Меня въ тѣ дни, когда я точно жилъ.—
Когда не аналъ я, что на слово млодоствъ
Есть рѣчи: *идеальность*, а не только *радость*!

II.

Давно когда-то, за Москвой-рѣкой,
На Дятинской, у самого кнала,
Заросшаго негодной травой,
Былъ домъ уютный, и въ немъ жизнь играла
Межъ стѣнъ висючихъ... Онъ теперь пустой.
Внизу живетъ съ беззубой половиной
Безмолвный дворянинъ... Пылю, паутинной
Облупанъ, какъ внесемъ, кругомъ
Картины стѣнъ, расписанныхъ огнемъ

И временемъ, и окна краской блон
Замазаны повсюду кистью смѣлой.

III.

Въ гостиной есть диванъ и круглый столъ
На витыхъ ножкахъ, дружеской рукою
Начерченный; но часть ихъ не приметъ,
Они гнутся непрямо, лишь порою
Скользятъ по нимъ играющий шаръ,
Или еще крыло жальца разваливъ—
Летучей мышью. Жалокъ и печаль
Исчезнувшихъ пришедевъ гордый шаръ.
Вотъ сабелъ ихъ рубцы, а ихъ уже нѣтъ.
Одинъ въ бою упалъ на штыкъ бровавый.
Другой въ слезахъ, безъ гроба и безъ славы.

IV.

Ужель никто изъ нихъ не добѣжалъ
До рубежа отчизны драгодѣнной? [слѣдъ].
Нѣтъ, прахъ Кремля въ подолѣмъ ихъ при-
И русскій Богъ отистилъ за храмъ священный...
Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ.
И проводилъ, пылая, свѣточъ грозный...
Онъ озиритъ ихъ путь въ степи морозной—
И степь ихъ поглотила, и о томъ,
Кто намъ грозилъ и пѣнью и стыдомъ,
Кто надъ землей промчался, какъ комета,
Стать говорить съ насѣшкой голоса свѣта.

V.

И старый домъ, куда привезъ я вѣсть
Его паденья былъ свидѣлемъ хлѣбнымъ
На варацахъ кой-гдѣ вѣрнѣе глѣ.
Четыре карандаша, стихи, и мадионъ
Въ двухъ шестъ мыслей—и безплодный часъ
Проходить... Кто пелъ? Съ лакомъ цѣлю?
Грустили ли онъ, изъ преданъ былъ неславу?
Какъ надписи надгробныя, онъ
Рисуются узоромъ по стѣнѣ,
Слѣды давно погасшихъ чувствъ и янтаръ.
Эпиграфы невѣдомыхъ творений.

VI.

И образы ямчешскихъ боговъ—
Безъ рукъ, безъ ногъ, съ отбитыми носами—
Лезать въ углахъ и извергнуты съ столовъ
Ры крашеныхъ подъ чирюромъ. Надъ дверями
Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ
Въ померкшихъ рамахъ и глядятъ сурово
И, мнясь, обвинительное слово
На мертвыхъ усть ихъ влетитъ,—увы!
О, если бы этотъ домъ звалили мы
Тому назадъ лѣтъ двадцать лѣтъ и болѣе!
О, если бы время было въ нашей волѣ!

VII.

Бывало только утренней зарей
Колѣблался церковей главы золотыя,
И сквозь туманъ заблещутъ надъ горой
Дворецъ царей и стѣны вѣковыхъ.
Отражены зеркальной волной:
Бывало только праща молодая
Съ бѣлѣмъ господскимъ изъ воротъ пѣвалъ,
Выходить, и сквозь утренній моръ...

Раздастся первый стукъ колесъ,—
А графскій домъ ужъ полонъ суетою
И пестрыхъ слугъ заботливой толпою.

VIII.

И каждый день идетъ въ немъ пиръ горой,
Смѣются гости и бречать ставаны.
Въ стѣнѣ гравеюмъ даръ земли чужой
Блосчетъ и шипитъ аи румяный,
И отъ крыльца паретъ недвижный строй
Далеко тянется, а въ заѣтъ длинной.

Въ толпѣ мужчинъ, услужливой и чинной,
Брасавцы, столяры, лучинный пафъ,
Мельзаютъ.. Вотъ ученыя минуть
Рисуетъ вахъ, вотъ нехотъ удалять,
Улыбка, взгляды, вѣдоха, изъясненія..

IX.

О, какъ тогда былъ пышенъ этотъ домъ!
Вдоль стѣнъ висѣли пестрые шпалеры,
Вездѣ фарфоръ китайскій съ серебромъ,
У зеркала...
(Звѣтъ рукою обѣтъ...)

1836.

Казначейша.

Пирѣй, да же отыгрывайся.
Пословица.

Посвященіе.

Пукай слышу а старовѣромъ—
Мнѣ все равно, и даже радъ:
Вишу Овѣгина развѣромъ,
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку,
Ея неожиданную развязку
Добрите, быть можетъ, вы
Склоненесь легкимъ головой.
Обычай древній наблюдалъ,
Мы благодарнымъ виномъ
Стихи неспладно заплемъ—
И пробѣгутъ они, хромавъ,
За мирною своей семей
Въ рѣхъ забвены на покой.

I.

Тѣхъ-то въ картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;
Онъ прежде городъ былъ опасный,
Теперь же, право, хоть куда!
Тамъ есть три улицы прямыхъ,
И фонари, и мостовыя;
Тамъ два гранитра есть: одинъ
Московский, а другой Берантъ;
Тамъ есть еще четыре будай,
Ихъ нѣтъ два будочника есть,
Но форшъ отдадутъ вамъ чести,
И, слыша выъ два раза въ сутъ,
Тамъ зданье лучшее острогъ.
Бороче, славный городокъ!

II.

Но скука, скука, Боже правый!
Гостить и тамъ, какъ надъ Невой,
Поить вѣсть прѣсной отравой,
Заскалетъ черствомъ рукою.
И тамъ есть чопорные франты,
Неумолимые пиджанти,
И тамъ нѣтъ средства отъ скуки,
И музыкальных деверовъ;
И тамъ есть дамы—просто, чудо!

Въ мѣстахъ и въ мѣстахъ
Съ сѣмью и сѣмью...
При нихъ велика подумитъ худъ:
Въ глазахъ грѣхное прочтутъ,
И вѣсь осудитъ, пропашутъ.

III.

Варушъ оживилъ крутъ дворянскій,
Губернскихъ дѣтъ неслимъ унать,
Принимъ извѣстие: полкъ уланскій
Въ ламбонъ будетъ зимовать.
Уланскіе... охъ, такіе хваты!
Полкъ... крѣпо неперитъ;
А ужъ бригадный генералъ.
Конечно дѣсть безстѣнъ бытъ.
У матушкѣ свернули взоры;
Жато, неспоспѣе скуцы,
Неумолимые отцы
Принимъ въ раздумье: сабли, шпоры—
Вѣдо для пришешихъ полонъ...
Такъ волновался весь Тѣхъ-то.

IV.

И вотъ однажды утромъ рано,
Въ часъ лучшей дѣственности сна,
Когда сквомъ пелену тумана
Едва проглядываетъ Цивъ,
Когда зинъ купола собора
Роскошно золотитъ Анрири,
И тишины вѣвѣтнѣй врагъ,
Еще безмолвствовали вабѣтъ.

Уланы справа по шести
Вступили въ городъ: музыканты,
Дремля на лошадахъ своихъ,
Играли маршъ вѣтъ *Душъ Слѣныхъ*..

Услыша зашумѣвъ ржанье
Железныхъ копытъ копей,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не задрогало силѣй?
Завылъ жарнал перья...
И Катерина!

Сворю туфли и платок!
Да где сванг? Какой шмонь!
Два года ставни отворять...
Вот ставни настели. Целый вонь
Третя стекла тусклыми сукномъ—
И любопытно пробьгають
Глаза опухшие дѣвчѣ
Ряды суровыхъ, пыльных лицъ.

VI

«Ахъ, посмотри сюда, кузина,
Вотъ этотъ!»—«Гдѣ? Майоръ?»—«О, вѣтъ!
Какъ онъ хороше, а конь—картина!
Да жаль, онъ, кажется, корветъ...
Какъ ловко, сѣло избочился.
Повѣришь ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть...
И туго дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ—
И разыгравшейся мечтой
Светла темнится взоръ живой.
Во полѣхъ прошелъ. За нѣтъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городеньихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ».

VII

Противъ гостиницы Московской—
Притона буйныхъ усачей—
Жилъ вѣсто господинъ Бобковский,
Губерискій старый казначей.
Давно была донъ его построена,
Хотя невзраченъ, во спокойнѣ;
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ.
На провѣхъ треснувшія доски
Зеленыя мохонъ поросли,
За то предъ окнами цвѣли
Четыре стриженныхъ березки.
Взавѣвъ гардины и пыльных шторъ—
Певинной роскоши уборъ.

VIII

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой;
Отъ юныхъ дѣлъ съ казепной суммой
Онъ ждалъ, какъ съ собственной казвой
Въ пучинахъ сумрачныхъ расчета
Блауждать была его охота,
И потому онъ былъ ярокъ
[Его единственный порокъ].
Любилъ назѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ промѣгнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутеркой похитируть со славой,
И тѣлю сверную порою
Запечь димляскаго струей.

IX

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибуна тамбовскихъ удалцовъ,
Проза всѣхъ матушекъ увядыхъ
И воспитатель ихъ сыновъ.
Его яраленные колоды
Не развѣ невнятные доходы

Съ надеждъ, масла и овса
Вдругъ пожиралъ въ полчаса.
Губерискій вратъ, судья, исправникъ—
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ талой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сторигъ, бывало, отъ стыда.

X

И не повѣдать вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,
Пославъ ему въ супругъ ядъ.
Ее цѣнилъ онъ тысячу во сто,
Хотя держалъ довольно просто
И не вышесивалъ цепцовъ.
Ей изъ сголтанныхъ городовъ
Вредавъ ей тайства науки,
Какъ бросить вздохъ, или томный взоръ,
Чтобъ легче избочивый понтеръ
Не разглядѣлъ проворной игуны,
Чемъ въ темнотѣ сплести старинъ
Съ глазъ не спускать ее на шагъ.

XI

И впрямь, Авдотья Николаевна
Была преламомый кусокъ
Идетъ, бывало, гордо, плавно—
Чуть тронетъ землю башмачекъ.
Въ Тамбовѣ не замѣчалъ люди
Такой высокой, полной груди
Была, какъ сахаръ, тѣлѣ пыла,
Что жила ладонъ влила
Базалоси, для вѣрной страсти
Она родилась. А глаза
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочемъ, а отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей
И не гожусь въ число судей.

XII

А этотъ носикъ! эти губки—
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки
А голосъ сладкий, какъ мечта!
Она картава говорила
Не часто р произносила
Но этотъ казепный порокъ
Кто извинитъ бы въ ней не могъ?
Любилъ трепать ей ланитъ
Развѣжась, стары: :
Какъ жаль, что не было дѣтей
У нихъ!—о томъ причины скрыты:
Но есть въ Тамбовѣ двѣ кумы,
У нихъ, пожалуй, спросимъ мы.

XIII

Для болшей ясности романа
Здѣсь объявить мѣтъ вамъ пора,
Что страстно влюблена въ влана
Была одна ее сестра.
Она, какъ должно, тайну эту
Открыла Душѣ по секрету

Забывъ расчеты, саблю, шапку,
Уланъ отприваился д. мой

первый голосъ
«О! пощадь, Арсеній мой!
Вчера ты о мнѣ совѣдѣ другой
Далъ о мнѣ мнѣ — и мнѣ со мной!»

второй голосъ

«Не плачь утѣшайся! — близокъ часъ —
И будетъ мнѣ ничто для насъ.
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы вполнѣ,
И не раба обвинишь ты
Среди полночной темноты.
Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ черноты
Меня привезъ, к твоей отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,
Съ тѣхъ поръ задумываю, одиноко,
Тоской по вольности томимъ,
Но вѣжливый голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы копей,
Задумавъ я свой край родной
Навѣкъ оставить, но съ тобой!..
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Пашель товарищей лихихъ,
Безстрелковыхъ, твердыхъ, какъ булатъ.
Людской пакошъ для нихъ не святъ,
Война — ихъ рай, а миръ — ихъ адъ.
И отдашь душу мнѣ въ владѣть,
Но ты мой — и я богатъ!»

И голоса замолкли вдругъ.
И слышать Опри тихій звукъ,
Звукъ цокающаго.. в другой.
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и вѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой..
Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
Глаза ихъ встретились — и выигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ — и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услышалъ,
Подумавъ, вѣрно, нѣтъ сказалъ,
Что дважды нѣтъ груди одной
Не выстоять звукъ такой
И тяжело съ ложи на коверъ,
Какъ трупъ бездушный съ давнихъ поръ,
Побрежвой сброшенный рудою,
Провисѣлъ ударъ глухой.
Узнало что-то — И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумъ, сбѣжалась тогда,
И безъ усилий, безъ борьбы
Схватили юношу раба

Имъ и недвижны онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канать,
Въ нихъ пропикалъ могильный холодъ,
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

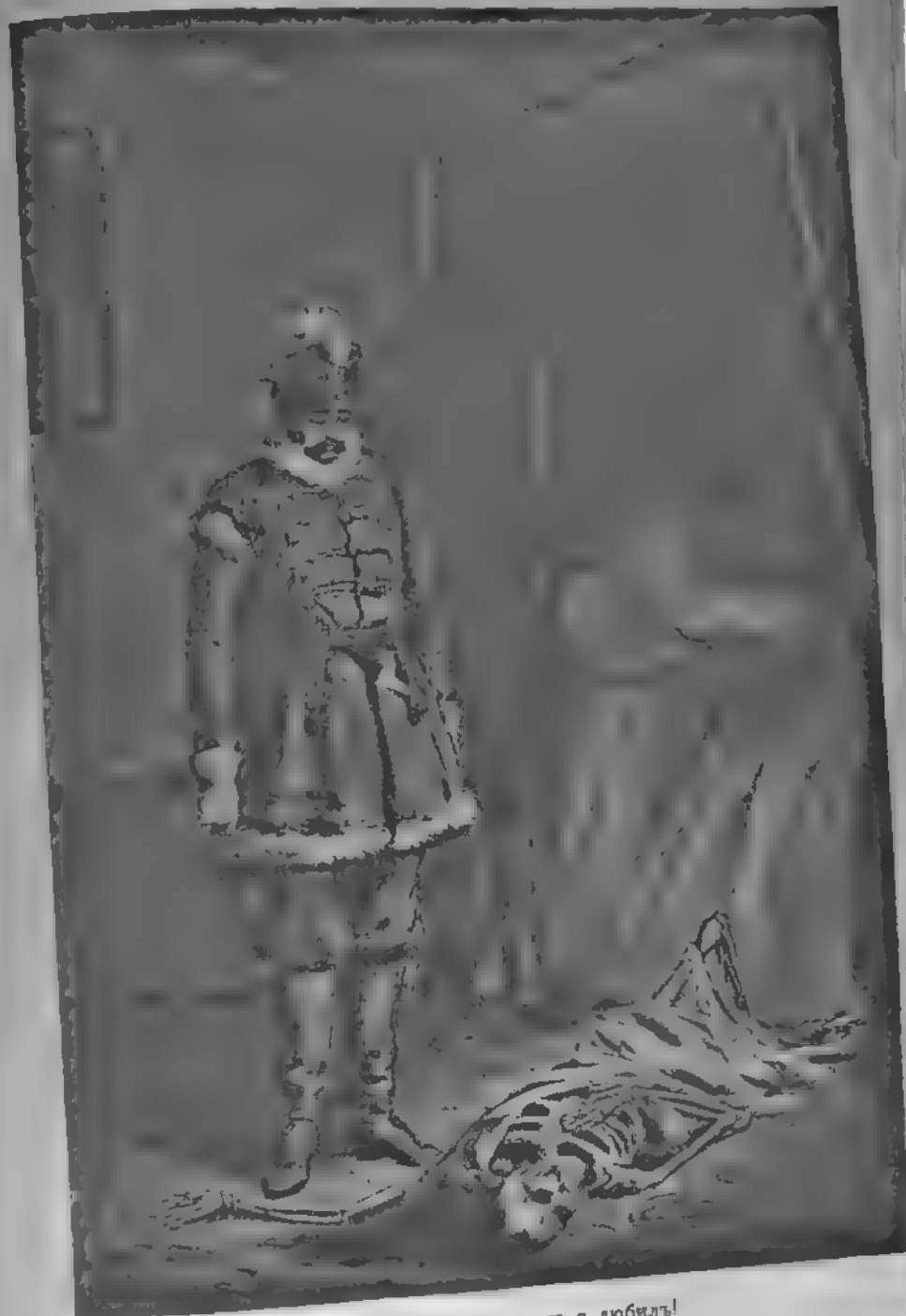
Когда жъ безумца увели
И шумъ шаговъ утихъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ.
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дѣвчѣхъ скалъ
Ихъ поръ безпокойный бушевалъ.
И въ волны ключъ отъ двери той
Опъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ ровной
Былъ принять холодной рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Бояринъ вѣрному рабу
На полны молча уложилъ,
И тотъ изломомъ отыскалъ..
И черезъ часъ ужъ въ домъ томъ
Все снова сплзло крѣпкая сна,
И только в немъ въ немъ одинъ
Его угрюмый пластелинъ

ГЛАВА II

Паредъ кишинъ въ монастырѣ;
У вратъ сияющихъ и на дворѣ
Рабы болѣе стоятъ
Ихъ коша мѣдью горитъ.
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опилены густымъ бобримъ.
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны нѣжловъ дорогихъ
Мечъ, ихъ стремянный молодой,
За гриву правую рукой
Держи боярскаго коня,
Стоять; по временамъ, звеня,
Стремени бьются о бокъ;
Истертъ ногами сѣдока
Въ пыли мажновыя чепракъ;
Весь въ мнѣ, сѣрый эгемаль
Мотаешь гривомъ густой
Бьетъ землю жидкой ногой,
Грызетъ съ досады удила
И лѣва бѣжитъ
Чиста, а въ ней —
Съ желѣза нѣтъ.

По той волѣ
Людямъ ревуть колоко
И слышно пѣнье — въ дверяхъ
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей
Богатъ, изумленъ..
Монахи сходятъ по крыльямъ
И прямо въ трисезу идъ
Тамъ правый судъ и лѣвый судъ
Провѣсаетъ отецъ святой
Надъ бѣдной, грѣшной головой

Такъ вотъ все то, что я любилъ!

Царской радости инутились;
 А паз роду ты пѣдь Смуратовыхъ
 И семью ты вскормилъ Малютиной! —
 Отвѣчаетъ такъ Кирьябевичъ,
 Царю грозному въ полѣхъ являлись:
 «Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
 Не кори ты раба недостойнаго:
 Сердца жаркаго не залить виномъ,
 Душу черную—не задохнуть!
 А прогнѣвалъ я тебя—воля царская!
 Прикажи казнить, рубить голову:
 Готовить она плечи богатырскимъ
 И сама къ сырой землѣ она клонится»
 И связалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
 «Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручинился?
 Не втерся ли твой парчевой кафтанъ?
 Не намалася ли шапка собольиная?
 Не кава ли у тебя цопстратилася?
 Изъ зазубрилася сабля закаленная?
 Или конь захромалъ худо-кованный?
 Или съ ногъ тебѣ сбился на кулачномъ бою,
 На Москвѣ-рѣхѣ, снѣжъ купеческій?»
 Отвѣчаетъ такъ Кирьябевичъ,
 Покачивъ головою мудруюю:
 «Не родилась та рука заколдованная
 Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
 Аргамашъ мой степной ходитъ весело;
 Какъ стекло горитъ сабля острая;
 А на праздничный день, твоей милостью,
 Мы не хуже другого нарядимся.
 Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
 За Москву-рѣку покатаюсь,
 Купачески подганусъ шелковымъ,
 Заломлю на бочокъ шалку бархатную,
 Чернымъ соболемъ отороченную—
 У воротъ стоять у тосовыхъ,
 Красны дѣвушки да молодухи,
 И любятъся, гляди, перешептываясь;
 Лишь одна не глядитъ, не любитъся,
 Полосатой фатой накрывается...
 На святой Руси, паничъ матушкинъ,
 Не вайти, не сыскать такой красавицы:
 Ходитъ плавно—будто лебедушка,
 Смотритъ сладко—какъ голубушка,
 Молвитъ слово—соловей поетъ;
 Горитъ щеки ея румяныя,
 Какъ заря на небѣ Божіей;
 Косы русыя, золотистыя,
 Въ ленты яркія заплетеныя,
 По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
 Съ грудью бѣлою цѣлуются.
 Во семьѣ родилась она купеческой,
 Проживаетъ Аленой Дмитревной
 Какъ увижу ее, и я самъ не свои:
 Опускаются руки сильныя,
 Помираются очи бойкія;
 Скучно, грустно мнѣ, православныи царь,
 Одному по свѣту маятся
 Опостыла мнѣ кони легкіе,
 Опостыла наряды парчевые

И не вado мнѣ, золотой казны:
 Съ кѣмъ казною своей похѣлюсь теперь?
 Передъ кѣмъ покажу удалство свое?
 Передъ кѣмъ я нарядомъ похваляюсь?
 Отпусти меня въ степи приволжскія,
 На житье на вольное, на казацкое.
 Ужъ сломаю я тамъ буйную головушку
 И сломаю на копѣ басурманское;
 И раздѣлать по себѣ алы татаровья
 Коня добраго, саблю острую
 И сѣдельце брадное черкасское.
 Мои очи слезныя коршунъ выклюесть,
 Мои кости сирый дождикъ вымоетъ,
 И безъ похоронъ горемычный прахъ
 На четыре стороны развѣется...
 И сказалъ, сѣлся, Иванъ Васильевичъ.
 «Ну, мой вѣрный слуга! и твоей бѣдѣ,
 Твоему горю пособить постараюсь.
 Вотъ возьми перстень ты мой яхонтовый,
 Да возьми ожерелье жемчужное.
 Прежде сватъ смысленой поклоняйся,
 И пошлѣ дары драгоцѣнныя
 Ты своей Аленѣ Дмитревнѣ:
 Какъ полюбилъ—празднуй свадьбу,
 Не полюбилъ—не прогнѣвайся.»
 «Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
 Обмануть тебя твой дуваный рабъ, [евитъ]
 Не сказать тебѣ правды истинной,
 Не повѣдать тебѣ, что красавица
 Въ церкви Божіей перевѣнчана,
 Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
 По закову нашему христіанскому.»

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
 Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
 Ужъ потѣшите вы добраго боярина
 И бодриную его бѣлолицую!

II.

За прилавкомъ сидитъ молодой купецъ,
 Статный молодецъ Степанъ Парамоновъ,
 По прозванію Калашниковъ;
 Не помню тебѣ, царь Васильевичъ,
 Чѣмъ же онъ и какъ...
 Злато, серебро пересчиталъ,
 Да не добрый день.
 Ходитъ мимо баре богатые
 Въ его лавочку не заглядывають
 Отвѣщая вѣчно:
 «Въ прилавкѣ...
 И...
 Гонятъ ихъ м...
 Опустѣлъ мирокъ...
 Запираетъ Степанъ Парамоновъ
 Свою лавочку дубовую
 Да замкомъ ижменскимъ съ пружинною,
 Злого пса-ворчуна зубаста
 На желѣзную цѣпь привязываетъ.
 И пошелъ онъ домой, призадумавшись
 Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку
 И приходитъ онъ въ свой выскочивъ

Вотъ молча оба расходятся,
 Богатырский бой начинается.

Что съ тобой случилось, приключился,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«И скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилась:
Позорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирбѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть души,
На не вывести сердцу молодечьему.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть битися, до послѣднихъ силъ;
А побѣтъ опъ меня—выходите вы
За свитую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы жожете меня, свѣтлый силой,
На васъ меньше грѣховъ накопилось:
Такъ вѣсь Господь васъ помилуетъ!»

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ подвѣбесы,
Туда мчатся и тучи послушныя;
Когда свѣзый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветь пяръ шровать, мертшцовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты намъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай смѣль, какъ влечешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя, родного, не выдадимъ!»

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшите вы доброго боярина
И боярину его бѣлолицую!

III

Надъ Москвой великой, влатоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ провѣлкамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала дудри золотистыя,
Умывалась свѣтами разсвѣтанными,
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотреть, улыбается.
Ужъ златѣть ты, алая заря, просыпалась?
И какой-ты радости разыгралась?

Какъ сходился, собиравался
У дѣше болши московскіе
на Москву-рѣку, на кулачный бой,
Ръгу опѣся для праздника, потѣшиться,
И прихалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками.
И велѣлъ раставитъ цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять сажень
Для охотничьяго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Клань кланять звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ идѣ вы, добрые молодцы?

Вы потѣшите царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побѣтъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ».

И выходить удалой Кирбѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Складаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатъ.
Медверши въ боги рукою правою, [чужо
Поправляетъ другою шапку азую,
Ожидаетъ онъ себя противника...
Гризды громкій клеть проклинали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоитъ, да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плечами бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ показаньемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку».

Вырветъ толпа раздалась на сѣхъ стороны
И выходить Степанъ Нарамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
Но прочавъ Кирбѣевича.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ близкому Кресту да свѣтлымъ иеревать,
А помошь всему народу русскому
Горитъ очи его соколиныя.

На опричника смотрѣть пристально.
Супротивъ него опъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
И гудрую бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирбѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Кемъ именитъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ навихида... ужъ.
Чтобы было чѣмъ похвастаться!»

Отвѣчалъ Степанъ Нарамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ!
А родился я отъ честнаго отца,
И жить я по закону Господнему
Не позорилъ я чужой жены
Не разбойничалъ ночью темною
Не таялся отъ свѣта небеснаго
И промолвилъ ты правду истинную!
По одному изъ насъ бѣзугъ навихида... ужъ.
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденъ
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться, [иный
Съ удалыми друзьями пиру»

И не шутку шутить, во людей смѣшати
Къ тебѣ вынелъ я теперь, басурманскій сынъ
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній
И услышавъ то, Кирбѣевичъ [бой!
Побѣдѣлъ въ линѣ.
Бойни очи его затмѣнились
Между спальныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ... во замерло...
Вотъ молча оба расходитъ
Богатырскій бой начинается

Купецъ Калашниковъ. «И скажу вамъ, братцы
любезные, что лиха бѣда со мною приключилась».

Купецъ Калашниковъ. Какъ возгонорилъ пра-
вославный царь «отпѣчай мнѣ по правдѣ, по
справдѣ»

Купецъ Калашниковъ. А пройду
спокоть пѣсенку!

Купецъ Калашниковъ. Мнѣ стало страшно; на краю грозищей
бѣдны я лежалъ.

Искусством дружеским спасень
По чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сказала бѣжала онъ отъ вѣхъ,
Бродя въ безмолвнѣ, одиночѣ,
Смотрѣть издыхая на востокъ,
Тонокъ вѣсною тоской
Но старонѣ своей родной
Но послѣ къ плѣву онъ приныкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,
Быль окрещенъ святымъ отиошъ
И съ шумнымъ сѣломъ пезнакомъ,
Уже хотѣлъ по нѣтъ лѣтъ
Изречь монашеской обѣтъ,
Какъ вдругъ однажды онъ нечестъ
Обещанъ почью. Тѣмъ же лѣтъ
Такъ же по горамъ кругомъ
Три дня вѣтъ поиски по немъ
Напрасны были, по потомъ
Его въ стѣни безъ чувствъ нашан
И вновь въ обитель принесли.
Онъ странно блѣденъ былъ и худъ
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Бодравъ изъ голодъ испытать.
Онъ на допросъ не отвѣчалъ.
И съ каждымъ днемъ примѣтно вѣтъ,
И близокъ сталъ его конецъ
Тогда прилежъ къ нему чернень
Съ увѣщаньемъ и мольбой;
И, гордо выслушавъ, большой
Присталъ, собравъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ:

III

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришесть,—благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людикъ я не дѣлалъ зла,
И потому мнѣ дѣла
Не много пользы вамъ узнать—
А душу можно ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣву.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только познать тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если бы могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну—но пламенную страсть
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ величъ душныхъ и молотъ
Въ тотъ чудный мѣръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ причуды скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тѣхъ почкой
Вскормилъ слезами и тоской;
Не предъ небомъ и землей
Я лишь громко признаю,
И о прощеньи не молю»

IV

«Старикъ! я слышалъ много разъ,

Что ты меня отъ смерти спасъ.—
Зачѣмъ?.. Угрозы и одиночъ,
Грозой оторванный листокъ,
И выростъ въ сумрачныхъ сѣвахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Ковчежъ, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ.
Отъ этихъ сладостныхъ именъ—
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отцѣну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только малыхъ душъ—могилъ!
Тогда пустыхъ не трали слезъ,
Въ душѣ я кланюся прощенью.
Хотя на мигъ когда нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать съ тобою къ груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья тѣ
Ногбли въ полной присотѣ,
И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
Умру рабомъ и сиротой.»

V

«Моя могила не страшить:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ.
По съ жизнью жалъ разстаться мнѣ
И молодъ, молодъ... зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ неважно въ и любить;
Какъ сердце билось житей
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубоконъ свѣжиль стѣны,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубъ молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пустай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постытъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? Ты жалъ, старикъ,
Тебѣ есть въ мѣрѣ что забыть,
Ты жилъ—а также могъ бы жить!»

VI

«Ты хочешь знать, что вѣтъ
На волѣ?—Имъ былъ холмъ
Холмы, покрытые виномъ
Деревъ, разросшихся круто
Шумныхъ свѣжею толпой.
Какъ братья въ палатѣ
Я видѣлъ груди темныхъ
Когда потокъ ихъ раздѣлитъ,
И дуны ихъ я угдѣлъ.
Мнѣ было выше то дѣло
Простерты въ воздухѣ»

«Бѣлѣ камешный ихъ
И жаднѣть вѣтрѣнъ каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
Иль не сойтиса никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Привуданные, какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зары
Курлились, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Нокнувъ тайны свои почлеги,
Въ востокъ направляло бѣгъ—
Какъ будто бѣлый параванъ
Зеленыхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ свѣтъ туманъ,
Въ свѣтѣхъ, горящихъ, какъ алмазъ.
Сидѣлъ, несомлемый Кавказъ—
И было сердце моему
Лето, и зима почлегу.
Иль ты когда-то въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ никогда не вѣтъ жаль,
Дѣла въ мѣстѣ и мѣстѣ
Иль ты когда-то въ тѣхъ мѣстахъ»

VII

«Ты хочешь знать, что вѣтъ
На волѣ?—Имъ былъ холмъ
Холмы, покрытые виномъ
Деревъ, разросшихся круто
Шумныхъ свѣжею толпой.
Какъ братья въ палатѣ
Я видѣлъ груди темныхъ
Когда потокъ ихъ раздѣлитъ,
И дуны ихъ я угдѣлъ.
Мнѣ было выше то дѣло
Простерты въ воздухѣ»

«Ты хочешь знать, что вѣтъ
На волѣ?—Имъ былъ холмъ
Холмы, покрытые виномъ
Деревъ, разросшихся круто
Шумныхъ свѣжею толпой.
Какъ братья въ палатѣ
Я видѣлъ груди темныхъ
Когда потокъ ихъ раздѣлитъ,
И дуны ихъ я угдѣлъ.
Мнѣ было выше то дѣло
Простерты въ воздухѣ»

VIII

«Ты хочешь знать, что вѣтъ
На волѣ?—Имъ былъ холмъ
Холмы, покрытые виномъ
Деревъ, разросшихся круто
Шумныхъ свѣжею толпой.
Какъ братья въ палатѣ
Я видѣлъ груди темныхъ
Когда потокъ ихъ раздѣлитъ,
И дуны ихъ я угдѣлъ.
Мнѣ было выше то дѣло
Простерты въ воздухѣ»

«Бѣжалъ и долго—гдѣ? куда?»

«Ты хочешь знать, что вѣтъ
На волѣ?—Имъ былъ холмъ
Холмы, покрытые виномъ
Деревъ, разросшихся круто
Шумныхъ свѣжею толпой.
Какъ братья въ палатѣ
Я видѣлъ груди темныхъ
Когда потокъ ихъ раздѣлитъ,
И дуны ихъ я угдѣлъ.
Мнѣ было выше то дѣло
Простерты въ воздухѣ»

X

«Ты хочешь знать, что вѣтъ
На волѣ?—Имъ былъ холмъ
Холмы, покрытые виномъ
Деревъ, разросшихся круто
Шумныхъ свѣжею толпой.
Какъ братья въ палатѣ
Я видѣлъ груди темныхъ
Когда потокъ ихъ раздѣлитъ,
И дуны ихъ я угдѣлъ.
Мнѣ было выше то дѣло
Простерты въ воздухѣ»

Озарились вѣтерок
 Сырые повеянуль ветры;
 Дохнул сонные цветы
 И, какъ онъ, навстрѣчу мнѣ
 И подвѣять голову мою.
 И осматрѣлся: не таю:
 Мнѣ стало страшно; на краю
 Грозилъ безднъ я лежать.
 Гдѣ выль, вкрутѣсь, сердитый валь;
 Туда вели ступени скаль:
 Но лишь злой духъ по нѣтъ шагаль,
 Когда, неловкий съ небесъ,
 Въ подземной пропасти исчезъ»

XI.

«Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
 Растений радужный нарядъ
 Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
 И кудри виноградныхъ лозъ.
 Вилась, красуясь межъ деревъ
 Прозрачной зеленыя листовъ,
 И грозды полные на нихъ,
 Серегъ подобье дорогихъ,
 Висѣли пышно, и горой
 Къ нимъ птицы летѣль пугливый рой.
 И снова я къ землѣ припалъ,
 И снова вслушиваться сталъ
 Къ волнамъ, шумѣ, страннымъ голосамъ;
 Они лепетали по кустамъ,
 Какъ будто рѣчь свою пели
 О тайнахъ неба и земли;
 И всѣ природы голоса
 Слывались тутъ; но раздался
 Въ торжественный хваления часъ
 Лишь человека гордый гласъ.
 Все, что я чувствовалъ тогда,
 Тѣ думы—имъ ужъ вѣтъ слѣда—
 Но я бѣ жалеть ихъ разсказывать,
 Чтобъ жить, хоть мысленно, ожить.
 Въ то утро былъ небесный сводъ
 Такъ чистъ, что ангела полетъ
 Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
 Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
 Такъ полонъ ровной синевой!
 И въ немъ глазами и душой
 Тонулъ, пона полдневный зной
 Мои мечты не разогналъ,
 И жаждой я томиться сталъ»

XII.

«Тогда къ потоку съ высоты,
 Держась за гибкие кусты,
 Съ плиты я плитѣ, я, какъ могъ,
 Спускался началъ. Изъ-подъ ногъ
 Сорвавшись, камень иногда
 Катился внизъ—за нимъ брздалъ
 Дымилась, прахъ вился столбомъ;
 Гудя и прыгая, потокъ
 Онъ поглощаемъ былъ волной;
 И я висѣлъ надъ глубиной
 Но юность вольная сильна.
 И смерть казалась не страшною!

Длины только я съ крутыхъ высотъ
 Спустился, сѣмьдесятъ горныхъ водъ
 Навѣяла навстрѣчу мнѣ,
 И жадно я припалъ къ волнѣ.
 Вдругъ голосъ—легкій шумъ шаговъ—
 Мгновенно скрынулись межъ кустовъ
 Невольнымъ трепетомъ объять,
 Я подвѣять близкий взглядъ
 И жадно вслушиваться сталъ;
 И ближе, ближе все звучалъ
 Грузняки голосъ молодой,
 Такъ безискусственно живой,
 Такъ сладко вольный, будто онъ
 Лишь звукъ дружескихъ именъ
 Проникать былъ приученъ.
 Простая пѣсня то была,
 Но въ мысль она мнѣ залегла,
 И мнѣ, лишь сумракъ настаесть,
 Неприный духъ ее поетъ».

XIII.

«Держа кушину надъ головой,
 Изъ пина узкою тропой
 Сходила къ берегу. Порой
 Она сползала межъ камней,
 И лишь пеленокъ своей
 Лишь былъ ея нарядъ;
 И шла она легко, и чистъ
 Изгибы длинныя чадры
 Откинувъ. Лѣтніе жары
 Покрыли тѣлою золотой
 Лицо и грудь ей; и зной
 Дышалъ отъ устъ ей я щекъ
 И зрѣлъ очей былъ такъ глубокъ,
 Такъ полонъ тайнами любви,
 Что думы шлели мои
 Смутились. Помню только я
 Кушину свою—когда струя
 Вливалась медленно въ него—
 И шорохъ... болѣе пѣчаль.
 Когда же я очнулся впови
 И отлила отъ сердца кровь,
 Она была ужъ далеко;
 И шла хоть иныя по легки
 Стройна подъ поною свѣтъ
 Какъ тополь, маня ея полетъ
 Будетъ...
 И...
 Дѣла...
 Надъ плоской кровлей...
 Дымокъ стру...
 И вижу, б...
 Какъ отперлась тихонько дверь
 И затворилась...
 Тебѣ, я знаю, не по...
 Мою тоску, мою п...
 И если бѣ могъ—мнѣ было бѣ т...
 Воспоминанія тѣхъ минутъ
 Во мнѣ, со мной цу...
 Х...
 Трудными поч...
 ...

Мнѣ стало страшно на краю
 Грозилъ безднъ я лежать

Назвать, что слова людей
Знаешь я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
И в было с детства мой язык
К некому звуку не привык.
Но враг мой сталъ изнемогать,
Мститься, медленней дышать,
Сдавалъ меня въ последний разъ...
Ротки его недвижныхъ глазъ
Всплывали грозно — и потомъ
Вспрыснули тихо въ чашу смолъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Смерть встрѣтила лицомъ къ лицу.
Какъ въ битвѣ олдаться бойцу!..

XIX.

«Ты видишь, на груди моей
Слѣды глубокие ноготъ,
Иде они не заросли
И не закрылись; но земля
Своей покровъ ихъ осыпавъ,
И смерть навѣки заживитъ.
И вихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собранъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тѣсно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣлалась надо мной!»

XX.

«И вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хорошеетъ
Свѣтитъ наутраченныхъ невестъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулы
Курятся пача. Смутный гулъ
Въ долину съ вѣтромъ пробѣжалъ.
И слѣдъ я вслушивался сталъ;
Но смолкъ онъ вѣстѣ съ вѣтромъ.
И капнулъ вояхъ я кругомъ:
Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
И страшно было мнѣ — допытъ
Не могъ я долго, что опять.
Вернулся я къ тюрмѣ моей;
Что безполезно столько дней
И таинный замыселъ ласкалъ,
Сердцѣ, томился и страдалъ,
И все зыбѣлъ? — Чтобы въ цвѣтѣ лѣтѣ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звукомъ ропотъ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Увести въ могилу за собой
Тоску по роднѣ святой.
Надежду обманутыхъ укоръ
И вѣщей жалости позоръ.
Еще въ сомнѣнье погруженъ,
И думаю — это страшный сонъ...
Вдругъ дальний колоколъ звонъ
Раздался снова въ тишинѣ.
И тутъ все ясно стало мнѣ.
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ ужъ не разъ
Стоялъ видѣния сновъ живыхъ.

Про мпыхъ близкихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ бѣшеныхъ воевъ,
Про битвы чудныя межъ славъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ...
И слушалъ я безъ слезъ, безъ гвалъ.
Казалось, зовѣть тотъ выходилъ
Изъ сердца — буди кто-нибудь
Железомъ ударилъ мнѣ въ грудь,
И смутно поваль я тогда,
Что мнѣ на родину слѣдъ
Не проложить ужъ никогда»

XXI.

«Да, заслужилъ я жребій мой
Могучій конь, въ степи тужон
Плохого сбросилъ сѣдока,
На родину падалеки
Найдешь прямой и краткимъ путь...
Что я предъ нимъ? — Напрасно грудь
Полна желаньемъ и тоской.
То жаръ безжалостный и пустой,
Ира мечты, болѣзнь ума
На мнѣ печать свою тырмъ
Оставилъ. Давно я забылъ
Темно въ тюрмѣ своей.
И блѣднѣть онъ межъ цвѣтѣ сырыхъ;
И долго листьяхъ молодыхъ
Не распускалъ, все ждалъ лучей
Жизненныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рѣка
Печалью тронулась цвѣтѣ.
И былъ онъ въ садъ перенесенъ,
Въ соседство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышалъ онъ вѣтромъ.
Но что жъ? Едва взошла заря,
Палачій лучъ ей обжегъ
Въ тюрмѣ воспитанный цвѣтокъ...»

XXII.

«И, какъ его, палилъ меня
Сновъ безжизненнаго дѣла
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою устаю главу
Позабывъ лѣтъ я въ вѣчномъ
Дерновныхъ вѣдъ моимъ челою.
Свивался — и въ лицо отвѣтъ
Съ ма землѣ дѣл.
И какъ быстро въ
Кружилась вѣсры;
Скрутился паръ. Миръ Божий спалъ,
Въ ошлѣвѣнии
Отказывая тѣлѣ.
Хотя бы прыгнулъ
Изъ стрекозы живая
Послышалась, или ружъ
Рѣбачій лепетъ... Я
Сухпѣ бурляномъ въ
Сверкая желтою спавъ
Какъ будто ваднѣю
Мокрый до-низу клинокъ,
Бравадъ рассыпчатый и...

Иллюстрация к стихотворению «XXI». Двухъ друзей, упавшихъ въ битвѣ, прощались на землѣ.

Иллюстрация к стихотворению «XXII». Вспоминаніе о могилѣ на голѣй тоску по родинѣ.

Иллюстрация к стихотворению «XXIII». Неожиданно копь быстро лѣтъ, хватаясь за брань.

Иллюстрация к стихотворению «XXIV». Прикованный въ чужой сидѣлъ, мнѣ...

Снявъ голубого дон
Ушьюся въ последний разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, овъ съ slopesъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Привлечетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
Близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звуки!

1840.

Валерикъ.

Я къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю какъ и для чего.
И потерялъ ужъ это право.
И что скажу вамъ?—Ничего!..
Что помню васъ?... Но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
Памть, конечно, все равно.
И впасть лажъ также нѣтъ пугды—
Гдѣ я, что я, въ какой глупи?
Душою мы другъ другу чужды...
Я вридь ли есть родство души!
Сарынычъ пропалаго читалъ,
Ихъ по порядку разбираю
Теперь остывшими умомъ,
Разумѣюсь и по всемъ.
Сильно же сердцемъ лжемъ брить
Передъ собою слово лѣтъ.
Добро бѣ, еще морочить свѣтъ.
Да и притомъ, что пользы брить
Гову, чего ужъ болше нѣтъ?..
Безумно ждать любви вочной!
Въ насъ вѣтъ всѣ чувства лжи на оронъ.
Но я васъ помню—да и точно
И ласъ лизалъ забытъ не могъ!
Во-первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяньи безплодномъ
Зачелъ я дни таинныхъ лѣтъ.
И размышленьемъ холоднымъ
Обилъ последний жизни цвѣтъ...
Съ людьми сблизаясь осторожно,
Забытъ и шумъ владыкъ проказъ,
Любовь, поэзія... но ласъ
Забытъ мнѣ было невозможно!
И къ мысли этой я привыкъ;
Мой пресътъ несю и безъ роптанъ:
То къ другое наказанье—
Не все ль одно? Я жизнь постигъ.
Чужбѣ, какъ турокъ къ татарякъ,
Все я равно благодаренъ;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу:
Быть можетъ, небеса Востого

И стану думать я, что другъ
Или братъ, склонившись надо мной,
Отеръ слезою рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ полголоса поетъ
Овѣ мнѣ про живую страву...
И съ этой мыслью и засну,
И никого не проклинаю!..»

Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизилъ Прикомъ
И жнать всечасно лочелъ,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію жнать
Приходить въ первобытный видъ
Вольную душу; сердце спить,
Простора нѣтъ воображенію
И нѣтъ работы голоду.
За то лежишь въ русской грядѣ
И дремлешь.. подъ широкой тѣнью
Чинаръ, къ виноградныхъ лозъ
Кружатъ бѣлѣются лаваты
Куда бы то ни было
У вѣднхъ шумѣтъ синихъ прислуга;
Да два дымятся фигаля;
Попарно цѣль стоять вдали
Иглы горятъ подъ солнцемъ
Вотъ—разговоръ о старинѣ
Въ палатѣ ближней слышнѣ вѣтъ:
Какъ при Кривошѣ ходило
Въ Чечню, къ Аварію къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били
Какъ доставалось и намъ..
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдя пророку,
Миряди татаринъ свой вымать
Творить, не подымая глазъ
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе
Любятъ и цвѣтъ ихъ желтыхъ лизъ,
Подобный цвѣту поганъ
Ихъ шапки, рубаша худы
Ихъ томный и
Ихъ горланый разговоръ
Шаловатъ шумъ, лавны
Вотъ крикъ—и снова все
Лизало.. Но жнать
Бедутъ коней на воюю,
Зашевеллася пѣкота;
Вотъ проскакала одна, другая..
Шумъ, говоръ.. «Гдѣ вторая рота?»
«Что? Вылупить?—«Что же капитанъ?»
«Повозки выдвигайте живо!»

А вотъ въ чалмѣ одинъ морякъ
Въ черескѣ красной бдиль важно,

Казался пустъ; но жаль хозяйки въ немъ—
Старая худой и съ виду величавый,
Слабобольный на помыслы и нравы.

«Онъ ростомъ былъ двѣнадцати верш-
ковъ;

Съ домашними былъ строго неумолимо;
Всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ,
Обѣдать, спать... да иногда, томимый
Безсонницей, собравъе острыхъ словъ
Перебиралъ или читать Вольтера.
Какъ бытъ!—сила лъ преданьямъ въ тѣхъ
дѣлахъ.

Имѣлъ онъ дочь четырнадцати лѣтъ;
Но съ ней выдался рѣдко; за обѣдъ
Она являлась въ фаргучѣ, съ мадамой,
Сидѣла чинно и держалась прино.

«Всегда одна, закутана отцомъ
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, какъ ландышъ за стекломъ,
Или, скорѣй, какъ блѣдный цвѣтъ подвѣшан-
ный.

Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивый болѣе стали глаза;
Понимать панкву смущенную, она
Охотнѣе садилась у окна—
И вдалекѣ мечты ея летали.
Пока ее играть не посылали».

«Тогда она сходилъ въ длинный залъ,
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то странно
было,

И какъ-то странно дѣтския шагъ звучалъ
Между колоннъ. Разрытою могилы
Надъ юпой жизнью воздухъ тамъ дышалъ,
И въ зрѣлахахъ являлись предметы
Длинные и безцвѣтные, одѣты
Какой то жертвой дымящей; и вдругъ
Неясный шорохъ слышался вокругъ:
То зашевели, то снова тише, тише...
[То были тѣни предковъ или мыши].

«И что жъ?—Она привыкла толковать
По-своему разнакая, говорить страннъ,
И стала мысль горячая летать
Надъ блѣдною головою и туманна,
Воздушный рой видный навѣвать.
И съ ней не разлучался дѣтскій лепетъ
Подозривать, невнятной груди трепетъ
Слышать, ея дыханьемъ съ нѣмой,
Мучительной и жадною тоской.
Какъ дышало, унывало... это было
Смѣшно—но мнѣ такъ ново и такъ чуждо».

«Влюбился л... И точно хороша
Была не въ шутку маленькая Анна.
И, гдѣ, иногда свѣтъ карандаша
Рафаэля или кисти Перуджины
Не пахнула, пламенемъ дыша,
Подобный профилю. Въ ея движенъ
Особого казались выраженъ
Исполнены Но съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Ея глаза не смѣли

Тая равно надеждъ, радость, горе—
И было темно къ нимъ, какъ въ снѣгъ
морь.

«И понялъ, что душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
[За мнѣ я счастья, для добра и зла
Въ нихъ пиши много; только невозвратна
Она идуть, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянъ, упрековъ
И жалобъ. И въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано.
Лавія души и любить давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ.

И самъ видъ былъ немощно въ зѣнѣ
«Не смущали странныя мечты. (роды)
Царой, она среди пустого зала
Сильнѣе, раскошъ, музыку, цвѣты,
Толпу гостей и шумъ воображала;
Кипѣла кровь отъ душевной тѣсноты.
На стѣнахъ чудесные узоры
Видѣлась ей—въ вогъ гремѣла шпоры.
Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
И въ мимолетъ вальсъ съ собою уносилъ;
И вотъ она кружилась въ вихрь бала,
И, утомивъ, на кресла упала...»

«И туго она, склонивъ лукавый взоръ
И выставивъ едва примѣтно пожу,
Душемысленный и тихий разговоръ
Съ нею завести старалась повсюду.
Сначала былъ онъ веселъ и остеръ,
А иногда и беззастѣнчивъ;
Но подъ конецъ за то какъ мнѣ и въ
жизнь!

«Что дѣлать ей? Приговорно-строгий взглядъ
Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ.
А сердце билось въ ней такъ шибко, шибко».

И по устахъ зашѣлась улыбка
«Прѣтъ зеркаломъ, было, ильми часъ
То волосы пригладить, то красивымъ
Плѣткомъ прищипывать къ нимъ».

Головѣ наклоненной вѣтъ лѣтъ
Придаться, стоять... и учить
Хотѣла мнѣ.
Но уиъ ея, и съ
Отгадывать
Какъ годы п...
И вогъ паст...
Лѣтъ помысли
«То былъ не

Все, что доселъ...
Теперь надмѣно...
Старикъ-отецъ послалъ за ста...
И съѣхалъ, рѣшивъ на советъ
Ихъ... груда въ удачный выборъ была.
«Что, будетъ дворъ, или нѣтъ? Иныхъ цѣ-

Застѣнчивости, дѣла...
Но очень тонко замѣч...

То волосы пригладить, то красивый
Плѣткомъ и прищипывать къ нимъ;

Что это индъ ей дастъ оригинальный.
Поможъ нарядъ осматривали базальный.

Но вѣкъ насталъ и вечеръ полевой.
Она съ утра была, какъ въ захарадѣ;
Поплакала немнѣжко, золотой
Браздѣтъ сломала; въ суставахъ перчатки
Разорвала... Со страхомъ и тоской
Она въ карету сѣла и дорогою
Была позна мучительной тревогой,
И, выходя, споткнулась на крыльцѣ,
И съ блѣдностью печальной на лицѣ
Безумна въ залу Царяный шопотъ встрѣ-
На вѣнчикъ—свѣтъ съ зияющимъ [гвалъ

«Кипѣлъ, кипѣлъ, ужъ въ полночь бѣжалъ.
Тутъ было все, что называютъ свѣтъ...
Не я ему название это далъ,
Хоть смыслъ глубокой есть въ названнѣ
Всѣмъ».

Мочѣ друзей и тутъ бы не узнать:
Улыбки, лица глаза какъ искусство,
Что даже мнѣ тушь-чуть не стало тускло
Прислушаться хотѣлъ я, но едва
Ловилъ мои сухие летучаго юва,
Отъ хвостъ безымянныхъ чувствъ и явный—
«Липиды нежданныхъ творений»
(Гвалъ, шопотъ, браздѣтъ)

1829—1841.

Д е м о н ъ.

(Посвященіе I.)
(Въ ономъ, ономъ ономъ...)

(Посвященіе I)

Е А Б
Тѣмъ мой даръ, мой Мидьянъ,
Съ тѣмъ, какъ мнѣ явился ты
Мнѣ неслѣдъ мнѣ оборона
Отъ гордыхъ душъ и суеты...

И новизна—и въ груди невольное со-
житѣе:
Занять ли вновь тебѣ давно знакомый
Звукъ,
Стихотъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье,
Тебѣ, забывчивый, но незабвенный другъ!
Прозвучитъ ли въ тебѣ о прѣломъ со-
жалѣе?
Или, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты—только мертвого, пустого одобренъ
Нарожникъ на нее тяжелую печать:—
И не узнаешь здѣсь простого выраженія
Тоска, мой бѣдный умъ томившей столько
Лѣтъ,
И привнесъ за игру въ сонъ воображенья
Больной думи тяжелый бредъ...
Вашъ М. Державинъ.

(Посвященіе II.)

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
И посвящаю снова стихъ небрежный:
Бать сына, ты его благослови
И осяви вершиной блосветной.
Отъ юныхъ лѣтъ въ тебѣ кроты мои
Привоканы судьбою неизбежной,
Или ствертъ, въ странѣ, тебѣ чужой,
И сердцемъ твой, всегда и всюду твой.
Еще ребенкомъ робкими шагами
Взбродилъ я на гордыя скалы,
Утѣша чуждыми чашами,

Говорилъ Александровъ...
Посвященіе относится къ...

Какъ, когда, какъ, когда...
Гамъ, почевать едетъ орамы; [но
И въ гости къ нимъ летать мечтой косячъ
И сердцемъ быть товарищъ ихъ воздушный
Тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много
И вновь мнѣ мѣжъ скалъ спонхъ, она встрѣ-
Кавказъ, ты до роженъ твой прѣтъ, ты
Изъ вѣнчикъ на тебѣ, ты и вѣнчикъ
Она прозвучитъ въ груди, моя злая, моя
И дружески на дружной зовъ откликать
И нимѣ здѣсь, въ полумечтѣ криво,
Все о тебѣ мечтаю и вою.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Печальны Демонъ, духъ изгнанный,
Леталъ надъ грѣшиною землей;
И лучинихъ дней воспоминаны
Предъ нимъ тѣснился толпой—
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блесталъ онъ, чистый хрупчикъ;
Когда бѣгущая помета
Улыбкой ласковой привѣтъ
Любизла помѣнялся съ нимъ;
Когда сивовъ вѣчные туманы,
Познаны жадный, охъ сѣдлать
Кочующе параваны
Въ пространствахъ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ въриль и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья.
Не звать ни азобы, ни сомнѣны,
И не грозилъ уму его
Вѣнокъ безплодныхъ рядъ улыбай...
И много, много... и всего
Принимать не имѣлъ онъ силъ.

II.

Въ прострaвствѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта.
Вослѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однoобразной чередой
Ничтожной влaстству землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденія,
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленія—
И зло наскакило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанный рай пролеталъ.
Подъ вѣтъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Свѣтами млечными сѣлъ,
И глубоко внизу чернѣлъ.
Какъ трещина, жилище змѣя,
Близъ излучистый Дарьялъ,
И разлупленную тигрицей
Косматый Терекъ въ глубинахъ
Ревѣлъ, и гордый афѣръ, и птица,
Кружась въ лазурной вышнѣ,
Глаголу водѣ его внимала;
И золотыл облака
Изъ южныхъ странъ, надалека,
Его на сѣверъ провожали;
И слышны тѣсною толпой,
Таинственной дремотой полны,
Надъ вѣтъ склонились головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни зимковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно свозъ туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высоко
Не отразилось ничего...

IV.

И передъ нимъ яной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузія долина
Ковромъ пестрыми зогъ
Счастливый, пышный край землі!
Столообразныя равны,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дву изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
И слышны разнѣ веселыя сѣны,
Густыми вѣтвями плещущи,
Ущелья, гдѣ палашныя двѣи
Тянутся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листьевъ,
Созвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растений,

И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки пылкой, молодой.
Но вѣтъ зависти холодной
Природы блескъ не возбуждалъ
Въ груди изгнанника безплодной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ—
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ.

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Съдой Гудалъ себя построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоялъ
Рабамъ, послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на свѣтъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложится тѣнь,
Въ скалахъ нарублены ступени;
Отъ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелкая,
Покрѣпа бѣлою чадрой,
Клима Тамара молодая
Въ Драгѣхъ ходить за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долинахъ
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ,
Звучить зурна и льются вины.
Гудалъ соскочилъ дочь свою
На пиръ онъ созвалъ всю семью
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсень ихъ досугъ
Пролодитъ. Далекими горъ
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ
Въ ладони мѣрно ударяя,
Онъ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста и поетъ
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой
То вдругъ помчится...
То остановится—
И важный взоръ ея
Изъ-подъ занавѣсы
То черной бровью
То вдругъ наклонится нежкомъ
И по коврѣ сво
Ея божественна
И улыбается о
Веселья дѣтскаго

Клянусь пол
Лучемъ заката и
Властитель Персін
И я единый царь
Не цѣловать такого
Гарема брызжущій фов.
Ни разу, жаркою порою,
Своей алмазною росой

Кавказа
...

Разграбленъ пыльный караванъ,
И надъ тѣломъ христіанъ
Чертитъ круги почва плина.
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоемъ неизстывающъ плоть,
Гдѣ прахъ отпочать ихъ быть зарытъ;
Не придуть сосны съ матерями,
Покрывать длинными чадрами,
Съ поклономъ, рыданіемъ и мольбами
На гробъ ихъ изъ даченныхъ мѣстъ!
За то у ершию рукою,
Здѣсь у дороги, надъ скалою,
На камняхъ покружится прелесть:
И никуда, разросшись весною,
Еще, дачей въ тѣнь не вѣсть.
Своею стѣною изумрудной;
Въ ершицы съ юрчи трупной,
Но разъ усталый пѣнеходъ
Модь Божьей тѣнью отдохнуть..

VIII.

Бѣтается конь быстрые лани,
 Хранить и рвется будо въ бранѣ,
 То вдругъ осадить на скаку,
 Прилежнѣе въ вѣтерку,
 Широко поздръ раздуня,
 То разомъ въ землю ударя
 Шипящъ змеиними козлѣтъ,
 Вамахиуъ растрепанною гривой,
 Впередъ безъ памяти летитъ,
 На пякъ есть всадникъ молчаливъ,
 Огнь бьетъ на сѣдлѣ порой,
 Принимъ на плечу головой
 Хажъ огнь не вразумъ поведаетъ,
 Залынуль кони въ стремени,
 И крошь широкими струями
 На чепцаѣ его видна .
 Скажуль шлохъ, ты господи
 Няѣ бои вынесѣть, какъ сѣрѣзъ,
 Не злая пѣла огнища
 Его во мракъ догнала.

xiv.

Въ семь в Гудала плать и стопа,
 Толнится на дворъ народъ:
 Чей конь приманился западенный
 И палъ на конюи у короля?
 Кто блѣдный всадникъ бездыханный?
 Аравилъ съѣлъ травой бранной
 Мориланы смуглаго чела
 Въ преси оружъе и платье,
 Въ похлѣдъеи бивеножъ вожалъ
 Рука на щикъ захвати
 Недогои жалихъ мадона,
 Невѣста, взоръ твой ожидать!
 Сдержалъ онъ князеское слово:
 На брачный пиръ овъ прѣскакалъ..
 Уни! но пирода ужъ своа
 Не следеть на кони тихова!

25

На сраз. боп. ую. с. о. ую,
 Бав. т. о. м. т. с. с. т. а. б. о. о. т. к. а. т. з.

Упади на постель свою,
Рыдаешь бѣдная Тамара;
Сиди каиница за слезой,
Грудь высоко к груди прижмешь.
И вошь она какъ будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собою.
«Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твое слеза на груди божьей
Живой росой не упадетъ,
Она лишь взоръ туманитъ ясный,
Лавины дѣтскія жажетъ!
Онъ дѣлаетъ, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей;
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безмятежныя воды твои.
Онъ слышитъ дѣла твоя,
Что жизни не боишься ты.
И стоишь, и слезы бѣдной дѣвы
Для гости райской стороны?
Вѣдь, и самъ чертенокъ терпитъ,
Потрясенъ, ищетъ зовъ мучы,
Не стоить одного мгновенья
Твоей печали долгой!»

[illegible]

Лишь только почь своию покровомъ
 Должны были осыяны,
 Лишь только мръ, волнелыныт словомъ
 Закрыли вы оны,
 Лишь только вы оны,
 Увидши и оны,
 И плыли оны,
 Порхнеть оны,
 И нодь оны,
 Гору небесъ оны,
 Илюкъ рас оны,
 Лишь только оны,
 Из-за горы оны,
 И на тою оны,
 Изъ тебъ и оны,
 Гостишь и оуду оны,
 И на шелковыя оны,
 Сны золотые оны.

14

Слова умоляли. Е. огладева
Вослѣдъ за звукомъ умеръ звукъ...

Она, вползти, глядит вокругъ.
Невыразимое смятенье
Въ ея груди; печаль, испугъ.
Восторга шаль—ничто въ сравненьи;
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ чуждо-новый,
Ей милѣе, все еще звучалъ.
И передъ утромъ совѣ желанный
Лезъ усталые смыкать;
Но мысль ея оны возмущалъ
Мечтой пророческой и странной:
Приносишь туманный и вѣмой,
Къ ея бѣдѣи печалью,
Къ ея сключенію загадочнъ;
И воръ его съ такою любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ будто оны о ней жалѣлъ.
И тебѣ еще любознатель,
Лишь сожалѣнныи хранила:
Владеи пѣть радужныхъ лучей
И украшалъ его нудрей;
То не быть ада духъ ужасный,
Ночный мученикъ—о, вѣсти!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный.
На день, на ночь, на прокъ, на снѣгъ!

XVI.

[illegible]

УЧЕБ. СПОРАМ.

11

«Отцы! отцы! оставь угрозы.
Свою Тамира не брани.
Я плачу только от сасы»,
Уже не первая она...

[illegible]

II.

Ты — мой друг, мой старейший товарищ,
 В твоих глазах, в твоих словах,
 В твоих делах, в твоих мечтах
 Мой идеал, мой путь, мой свет,
 И вот, когда в сердце и разуме
 Прошепчет слово мое, —
 Ты, мой товарищ, ты — мой друг прежде,
 Среди алчущих, среди блуждающих,
 В чужбине, вдали от родины,
 Знаешь, что я для меня
 Ий часто слышалась речь.
 Подъ своды сумрачного храма
 Знакомый образ, навсегда
 Скользящий, как иней и едкий;
 Ты, туман, туман, туман
 Спальню твою, твою постель, твою,
 Манящую и зовущую, — куда?

11

[illegible]

Ключи студеных волной,
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружно в ущелья,
Катились дальние меж кустовъ,
Покрывших инеем цвѣтовъ.

IV

На сѣверъ видны были горы.
Ара блескъ утренней авроры,
Когда сияющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ музѣиномъ;
И звучны колокола гласъ
Дрожить, обитель пробуждая,
Въ торжественныя восхода часть;
Когда грувнина молодая
Съ купильномъ даннаымъ за водой
Съ горы спускается крутой—
Вершины цѣли свѣтлой
Свѣтло-лиловою стѣной
На чистомъ небѣ рисовались:
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной цепенной,
И между нихъ, прорывавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій.
Въ чалмѣ и разѣ парчевой.

V

Но въ схимницѣ своими блистательнѣ
Посторга мѣръ не пробуждалъ.
Полна тревожнымъ ожиданьемъ,
Вся предалась онѣ мечтаньямъ,
Все передъ нею она стояла.
Отрастѣ безотчетныя, какъ тѣню,
Жизнь осѣнила передъ ней:
Ей стало все предлогъ мученью:
И утра лучъ, и мракъ ночей,
Звѣдало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймѣтъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьѣ упадетъ
И плачетъ; и въ ночномъ молчаньи
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ мушкетѣ вины,
И мыслить онѣ: «то горній духъ,
Прикованный къ пещерѣ, стонетъ!»
И, чувствій напруга саухъ,
Кови измученнаго гонять...
То думы радостной волна
Не охватить, и былое
Встаютъ изъ мрака, какъ живое;
И ясныхъ сновъ дѣла полна
Тѣснился въ ней воспоминанья,
Изъ дѣтства ранняго сказанья
Родной и милой старины
Ея тревожныя мечтанья
Онѣ къ нему обращены.
Вновь гость чудесный передъ нею
Съ челоу развѣнчаннымъ стоялъ
Онѣ отъ ней спасенія ждалъ,

Любить и вѣровать не смѣя.
Онѣ такъ смотрѣлъ, онѣ такъ молилъ,
Онѣ, мнилось, такъ несчастливъ былъ.

VI

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузии одѣлъ.
Привычки сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ.
Но долго, долго онѣ не смѣлъ
Святую мирнаго пріюта
Нарушить—и была минута,
Когда, казалось, онѣ готовъ
Оставить умыселъ жестокой.
Задумчивъ у стѣны высокой
Онѣ бродитъ; отъ его шаговъ
Безъ вѣтра ластъ въ тѣни трепещетъ.
Онѣ подилъ взоръ: ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;
Кого-то ждетъ она давно.
И вотъ среди общаго молчанья
Чинигуры *) стройное брицае
И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, злились,
Какъ слезы, ирѣно другъ за другомъ;
И эта пѣсня была кѣжна.
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.
Не ангелъ ли съ забытымъ другомъ.
Вновь поведаться захотѣлъ,
Сюди украдкою слѣзѣлъ,
И о быломъ ему прошѣлъ,
Чтобъ уследить его тоженье?..
Тоску любви, ея волненье
Настигнувъ Демонъ въ первый разъ.
Онѣ хохотъ въ страхѣ удивленъ—
Его крыло не вылетѣло!
И чудо! изъ померкшихъ тѣней
Слова тѣхъ ладъ катятся...
Понявъ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ
Слезою жаркою, какъ пламени,
Не человѣческой слезой!

VII

И входитъ онѣ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра;
И мыслить онѣ, что жизни новой
Пришла желанная пора
Пейсний трепетъ ожиданья
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой...
Млнтя обрѣтъ...
Проникнувъ въ...
Духъ отверженія и зла
И сталъ недвижитъ у порога
И, чуя вѣяніе Бога,

*) Чинигура, чингара—родъ гитары.

Не смѣя приподнять чела,
Но грудь склонился головою,
Томясь невѣдомой тоскою.

VIII

Но взоръ онѣ поднялъ—ангелъ вѣжливый
Въ одеждѣ легкой блѣднѣющей
Стоитъ съ блистающимъ челоу,
Храуиель схимницы прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее прыломъ.
Они невинны, чисты оба!
Онѣ смотреть—невыносимъ и злоба
Ягновенно пробудили страсти:
Исчезнувъ ясный рой мечтаній;
Вѣна вражды, вѣна страданій
Надъ нимъ свою явили власть.

ХЕРУВИМЪ

«Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя въ тѣмъ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь явѣ;
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святости
Не продавай преступный слѣдъ!»

ДЕМОНЪ

«Оставь ее! Моей ней и мною
Не становись: она моя!
Мы связаны судьбой одною,
И ей, какъ мнѣ, не ты судья.
Подъ чарой ясной благостыни
И счастье лучинѣ двѣй лави!
Здѣсь больше явѣ твоей святости,
Здѣсь я владѣю, я люблю!
Рыццо небо нашу встрѣчу,
Любовь и торжество мое.
Не ты—предъ Богомъ я отвѣчу
И за себя и за нее»...

И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ.
И медленно взмахнувъ крылами,
Изъ снѣговъ неба потянулъ.

IX

Гамара гордонъ рѣка внемлетъ;
Чудесный страхъ ее объемлетъ.
Онѣ передъ схимницей стоитъ:
Знакомой блещетъ красотою,
И утихающей грозой
Взоръ отуманенный блеснитъ.

ГАМАРА

О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!
Тебя послалъ мнѣ адъ или рай?
Чего ты хочешь?

ДЕМОНЪ

Гмъ прекрасна!
Гамара.

ГАМАРА

ДЕМОНЪ

Но кто же, кто ты?.. Отвѣдай!
Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ,
Чья мысль души твоей шептала,

Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ,
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ.
Едва надежда расцвѣтѣтъ,
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы,
Я богъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанныхъ я свободы,
И врагъ небесъ, а зло природы,
И вадимъ—я у ногъ твоихъ!
Тебѣ принесъ я въ умѣленъ
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.

О, выслушай изъ сожалѣнія!

Меня добру и небесамъ
Ты возратить могъ бы словоу;
Твоей любви святимъ покровомъ
Одѣтый, я предстану быти.
Какъ новый ангелъ въ блескѣ новомъ.
О! только выслушай, жено!
Я рабъ твой, я тебя люблю!
Личь только я тебя увидѣть—
И тайно вдругъ возненавидѣть
Безсмертнѣ и власть мою.
И позавидовать невольно
Неполной радости земной;
Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
И страшно—розно жить съ тобой.
Въ безпробномъ сердцѣ лучъ нежданной
Опять затеплился живѣй,
И грусть на днѣ стиринной раши
Вдругъ перевезиулась, какъ эжѣй.
Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моя въ тѣмъ одиночѣсть?
Пустыя звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

ГАМАРА

Оставь меня, о духъ лукавый!
Молчи, не вѣрю и врагу!
Творецъ!.. увы, я не могу
Молиться... тайною отравой
Мой умъ слабѣющій объять.
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова—огонь и адъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

ДЕМОНЪ

Зачѣмъ, красавица? Увы,
Не знаю! полонъ жизни новой,
Съ своей преступной головою
Я гордо сваялъ вѣнецъ терновый,
И все бывае бросилъ въ прахъ.
И адъ, и рай въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не адѣйшей страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Рѣчь упоеннѣе, всею властью
Въ смертной мысли и мечтѣ...
Въ души моей съ начала мира
Твой образъ былъ напечатанъ,

И, сжаты мертвой рукою.
Как бы прощаются съ землею.
И долго бѣдной жертвы тѣнь
Не трогала ангелъ разрушенія.
И ничего въ ея лицѣ
Но намекало о концѣ

XIV.

Собралися въ печальный путь
Друзья, сосѣди и родные.
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудаль садится
На бѣлоснѣгаго коня,
И повѣду тронулся.— Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
Пріюти покойный вырыть ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель странниковъ и селя.
Когда болѣзнь его сковала,
И часть раскалывая пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленіе,
Построить церковь обѣщала
На вышнихъ гранитныхъ скалахъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье.
Куда лишь коршунъ залеталъ.
И скоро межъ сѣтговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злого человѣка
Вновь успокоились тамъ;
И превратилась въ кладбище
Скала, родная облакамъ:
Какъ будто ближе къ небесамъ
Теплѣй посмертное жилище;
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится...
Напрасно! мертвымъ не приснятся
Ни грусть ни радость прошлыхъ дней.

XV.

Уже послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери Гудала,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба встучала;
Ужъ возкурился къ небесамъ
Кадиль прощальный вѣнчикъ:
Замолкъ и за скалой сосѣдней
Рыданій горькихъ звукъ послѣдній...
Подковы стукъ и шумъ шаговъ,
Рѣдѣвшій отълилъ голосовъ,
Все ниже, дальше замирали...
А тучи грозно окружали
Тамары хлѣбную постель.
Вдругъ разыгрался метель —
И громче хлопала шакала
Она завывала въ небесахъ.
И бѣлымъ прахомъ заметала
Родной скалѣ врученный прахъ.

XVI.

Въ пространствѣ сѣняго зѣира
Одинъ изъ ангеловъ...

Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ,
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ;
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣды проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ.
Надалека ужъ звуки рая
Къ нему доносились—какъ вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился надъ бездны адскій духъ...
Онъ былъ могучъ, какъ вихрь шумный,
Блесталъ, какъ молнія струя,
И гордо, въ дерзости безумной,
Онъ говорилъ: «она моя!»

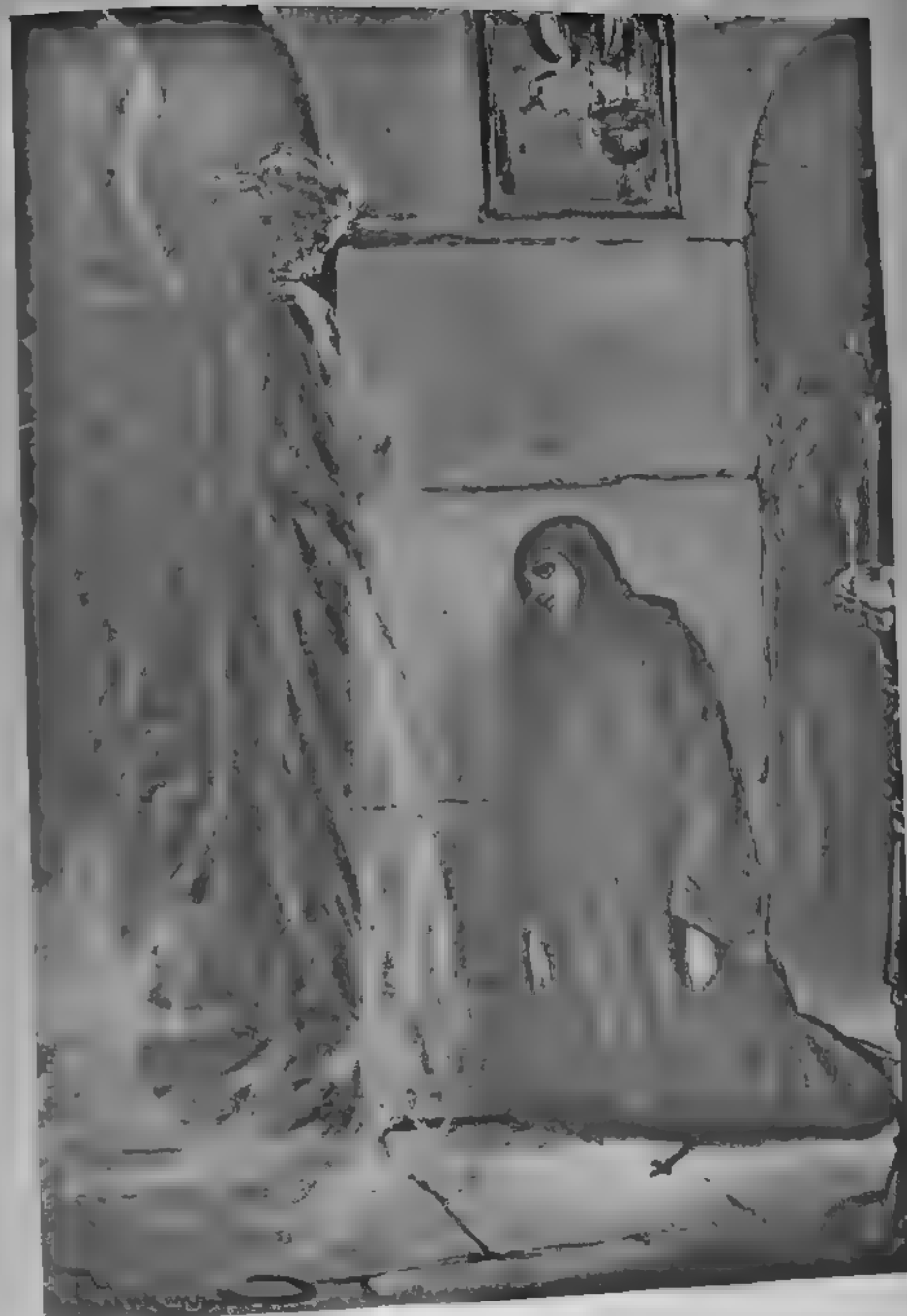
Къ груди хранительной прижалась
Молитвой ужасъ заглуша,
Тамары грѣшная душа.
Судьба грядущаго рѣшалась:
Предъ нею снова онъ стоялъ.
Но, Боже! кто бы его узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
Какъ положъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, незнающей конца,
И вѣяло могильнымъ холодомъ
Отъ неподвижнаго лица.

«Исчезни, мрачный духъ сомнѣнья!»
Посланникъ неба отвѣчалъ:
«Довольно ты торжествовалъ.
Но часъ суда теперь насталъ.
И благо Боже рѣшеніе!
Дни испытанія прошли;
Съ одеждой брѣнную земли
Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай, давно ее мы ждали!
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь—одно мгновеніе
Невыносимаго мученья,
Недостижимыхъ утѣхъ.
Творецъ изъ лучшаго зѣира
Соткалъ живыя струны ихъ
Онѣ не созданы для міра.
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой постигли
Она сомнѣнія свои
Она страдала и любила
И рай открылся для любви!»
И ангелъ строгими очами
На искусителя взглянул.
И, радостно замахавъ крылами,
Въ сѣняхъ неба потонулъ
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои.
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!

[эпилогъ].

На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной
Еще стоять до сей поры

Демонъ

Знакомый образъ иногда
(«кользнулъ безъ звука и слѣда»;

Мнѣ впечатаніе не ново.
И вотъ печальныя мечты,
Плоды душевной пустоты!

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучинхъ дней воспоминанья
Чредой тѣспились передъ нимъ,
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ;
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ Него,
Когда сердечная тревога
Чуждалась души его,
Какъ дня бонтеи мракъ могилы.
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы...

Демонъ узнаетъ, что нягда любить одну
смертную. Демонъ узнаетъ и обольщаетъ ее,
тѣмъ, что она покидаетъ ангела, но скоро
умираетъ и дѣлается духомъ ада. Демонъ
обольстилъ ее, рассказывая, что Богъ не-
справедливъ и проч. свою исторію.

Любовь забываетъ онъ навсегда
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ...
Въ немъ пусто, пусто, какъ въ пустынѣ.
Смертельный слѣдъ впечатанъ
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорить, что даже онъ
Своимъ злодѣйствомъ не смѣется,
Что груди гбнувшихъ людей
Не веселитъ его очей.
Зачѣмъ же демонъ отверженъ
Ровнень, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенье
Коварство, зависть и вражда?..

Демонъ влюбляется въ смертную (мона-
хню), и она его наконецъ любитъ; но де-
монъ видитъ ея ангела-хранителя и отъ за-
висти и ненависти рѣшается погубить ее.
Она умираетъ. Душа ея улетаетъ въ адъ,
и демонъ, встрѣчая ангела, который пла-
четъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язви-
тельной улыбкой.

Угромо жизнь его текла,
Какъ жизнь разваливъ. Безконечности
Его тревожить не могла,
Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губи людей безъ всякой нужды...
Ему желанья были чужды;
Онъ жегъ печатью роковой
Того, къ кому онъ прикасался;
Но часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствомъ не смѣлся.
Таковъ осеннею порой,
Среди долины опустѣлой,
Одинъ чернѣетъ нѣтъ горѣлый.
Сраженъ стрѣлою громовой,

Онъ прямо высится главой
И презираетъ бурь порывы,
Пустыни сторожъ молчаливый...

Боясь лучей, бѣжалъ онъ въ тѣмъ;
Душой измученною болѣтъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему;
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ничему
И ничего не принимая.

Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды, надъ волнами моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ
И гнѣшимъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынные равнины.
И зрять: чернѣетъ надъ горой
Стѣна обителя святой
И башенъ страшныхъ вершинъ.
Межъ вѣтвей келій тишина.
Садится поздняя луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вотъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку люти, внемлетъ...
И чей-то голосъ... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
Его прыло не шевелится,
И странно! изъ потухшихъ глазъ
Слеза свинцовая каплетъ...
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Мечты забытыхъ упоеній,
Вѣра страданія и мукъ,
Вѣра безплодныхъ размышлений—
Все оживилось въ немъ—и вновь
Погнѣнный вѣдаетъ любви.

О чемъ ты близъ меня вздыхаешь?
Чего ты хочешь получить?
Я познала давно, ты знаешь,
Земныя страсти позабыты...
Кто ты?.. Мольба моя напрасъ
Чего ты хочешь?

Кто ты?

И демонъ. Не страшась,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеніи не молви
Не искуситъ приноса и душу.
Сгорая жаждою любви,
Несу къ ногамъ твоимъ чолены,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои

1830—1831.

ВТОРОЙ ОЧЕРКЪ.

Сав. Who art thou?
Lucif. Master of spirits.
Сав. And being so canst thou
leave them, and walk with dust?
Lucif. I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you...
Сав. Art ye happy?
Lucif. We are mighty
Сав. Are ye happy?
Lucif. No: art thou?

(Взвѣтъ. Сынъ).

Посвященіе.

Прими мой даръ, моя Мадонна!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы
Такой любви вѣрны не вѣрны,
А взоръ не сиростъ ничего:
Ты неспособна лицедрать,
Ты славнѣе ангелъ для того!
Скажу ли—преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбъ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но вѣрнъ обязанъ я—тебѣ
Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ мирѣ веселился зломъ;
Обманъ были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на сердцѣ моемъ.
Теперь, какъ мрачный этотъ геній,
И близъ тебѣ опять воскресъ
Для непорочныхъ наслаждений,
И для надеждъ, и для небесъ.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучинхъ дней воспоминанья
Чредой тѣспились передъ нимъ
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ;
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ Него;
Когда заботы и тревога
Чуждалась ума его,
Какъ дня бонтеи мракъ могилы...
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.
Уныло жизнь его текла
Въ пустынь мира. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губи людей безъ всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему онъ прикасался;
И часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствомъ не смѣлся.

Стрижась, лучей, бѣжалъ онъ въ тѣмъ;
Душой измученною болѣтъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему;
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ничему
И ничего не признавая

II

Однажды вечеромъ межъ скалъ
И надъ сѣдой равниной моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ
И гнѣшимъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынные равнины.
И зрять: чернѣетъ надъ горой
Стѣна обителя святой.
И башенъ страшныхъ вершинъ.
Межъ вѣтвей келій тишина.
Встае багровый лунъ
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку люти, внемлетъ
И чей-то голосъ. Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ—
Его прыло не шевелится
И странно! изъ потухшихъ глазъ
Слеза свинцовая каплетъ...
Понимъ возлѣ неба той
Насвѣзъ прожженный видѣтъ камень
Слезою, жаркою какъ пламень,
Не человеческой слезой.

III.

Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Вѣки мученій и упоеній,
Вѣра изгнанія и мукъ,
Вѣра безплодныхъ размышлений:
Все оживилось въ немъ опять;
Но что жъ? Ему не воскресать
Для вѣчныхъ мученья. Такъ, если явится
По небу тѣлесу порой
Стрѣлокъ тучи громовой,
И лучъ случайно отразится
На сумрачныхъ краяхъ, она
Тотъ блескъ мгновенный преисправитъ
И путь невѣрный продолжитъ,
Хладна, какъ прежде, и темна.
Проникнуть въ желю духъ смущенный,
Со страхомъ отвращаясь взоръ,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ ужоръ.
Онъ зрять божественныя книги,
А мнѣ, четки и верига...
И жъ же звуки? идѣ же та,

Въ которой саванна чюта
Его влечетъ?..

Она сидѣла

Съ испанской лютнею въ рукахъ
И дѣвою горъ, играя, пѣла;
И все, и все въ ея чертахъ
Земной безпечностью дышало;
И колѣца мѣлкия вудрен
Обѣгали, будто покрывало,
Па вѣки пѣлныи очей.
Исполнена какой-то думой
Младой волновалась грудь
Вотъ подилалась. На сводѣ утробной
Она задумала измѣнить
Какъ звѣзды окрещенной дали,
Глаза монахини сменила..

Ея лиленная рукъ,
Бѣла, какъ утробѣ облака,
На червотѣ плавилъ отдѣлялась;
И отлитали струны ея.
Что дѣлалъ, то и пѣлалъ, пѣжалъ.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та пѣсня слюбена.
Мелъ тѣмъ, какъ путникъ любовный,
Въ опно, участіемъ полна,
На дѣву, жертву грусти сарынон,
Смотрѣла ясная луна.
Опозавъ сладкою игрою.
Стоилъ злой духъ. Ему любить
Не должно сердца допустить:
Онъ связанъ клятвой роковою,
[И эту клятву молвилъ онъ,
Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ сатаной].

Онъ покупать хотѣлъ—не могъ;
Не находилъ въ себѣ искусства;
Забывать—забвения не далъ Богъ;
Любить—не доставало чувства.
Что дѣлать? Новыя мечты
И чудныя помыслы муки!
Танъ, демонъ, слыша эти звуки,
Чудесно измѣнился ты.
Ты плакала горькими слезами,
Глади на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣпъ лежитъ межъ вами,
Что пламя въ жертвонѣ сердца вѣтъ;
Когда ты знала, что не принудишь
Его минутой полюбить,
Что даже скоро, можетъ быть,
Она твоею жертвой будетъ.
И удалиться онъ сѣншалъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ
Но презрѣвъ звуковъ и видѣнья
Остался на дуни его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не изгладитъ ничего..

IV

Спустился его лѣтъ, пергаментъ пыльный
Между разваливъ описавъ
Какой-то стриппикъ; онъ узналъ,
Что это памятникъ погильный.
И съ любовнымъ прочтеньемъ
Онъ монастырскія дѣлалъ
О жизни дѣвы молодой,
И нѣтъ похоронилъ, и перой
Милалъ объ ней въ чашѣ мечтаний.
Онъ перевелъ на свои языкъ
Разсказъ таинственный. Но сѣбѣ
Не передамъ я похвѣсть эту:
Цѣпиль онъ чувства не привикъ.

V

Печальный демонъ удаленъ
Отъ силы иденой съ этихъ поръ,
Онъ на хребетъ дѣлалъ горъ
Въ ледяной гротъ переселился,
Гдѣ подъ свѣтъ хрустали
Корой огнестеной легли.
Природы дичи творенья.
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ вѣмъвѣнья;
Составъ свѣтлые шары,
Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ,
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И вадъ болотомъ освѣщаетъ.
Заглохнѣвъ, вѣзжалый путь.
Когда метель гудитъ и свиститъ,
Онъ охрипаетъ пришедеа,
Сдуваетъ свѣтъ съ его лица
И для него защиту ищетъ.
И часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ легучимъ урланоу,
Одѣтый молнией и туманомъ,
Онъ дико мчитъ въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Снастись отъ думы неизбежной
И безобвенное забыть.
Но все не то его тревожитъ.
Что прежде, тотъ желѣзный сонъ
Промѣтъ.. Любить онъ можетъ.. можетъ
И въ самомъ дѣлѣ любить онъ
И хочетъ въ путь опять пускается,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И невозвратно улѣтъ.

VI

Едва блеснувшее свѣтло
На небо юное взошло,
И моря синее ст...
Лучами утра озарило...
Какъ демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну обители святой,
И башни бѣлыя, и кельи
И подъ рѣсничными...
Цѣлующи садить.—И кругомъ
Обходитъ демонъ; но веселью

Онъ недоступенъ такимъ страхъ
Въ ледяныхъ свѣтахъ глазахъ.
Вотъ дѣри, простая —Передъ ямъ,
Томлен мукими живыми,
Онъ долго металъ, но не могъ
Переступить черезъ пороги.
Какъ будто бы онъ тамъ погубилъ,
Что на минуту одитъ роки...
Теперь лишь видно, что онъ любитъ
Теперь лишь признаетъ любовь:
Возвраще надежды печальныхъ
И пламень неземной крови—
Сидитъ въ чертахъ окаменѣлыхъ..

Все тихо. Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютни звонъ;
Слова пѣвныи вдохновенно
Лились, какъ свѣтлыи струи;
Но не поправился онъ
Тому, кто съ думой драгеновой
Далъ надежды и любви

VII

Какъ парусъ надъ бездной морской,
Каль подъ вечеръ алая златая,
Лавлся мѣтъ ангель святой;
Не забуду его никогда
Изъ другой онъ летѣлъ, изъ ко мѣтъ—
Я напрасно бѣ старалась узнать.
Быть можетъ, то было во снѣ.
О, зачѣмъ долженъ сонъ исчезать.
Тебя лишь любилъ, Творецъ,
И помыслъ съ жаденческихъ дней;
Но видѣтъ душа заковецъ.
Что другое готовилось ей.
Ванова я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чувствъ, какъ мой ангелъ, она,
Мысль о немъ неразлучна съ Тобой!
Онъ обласка снѣний Твоихъ,
Ты украсилъ чело его самъ;
Явился онъ мѣтъ лишь въ мигъ—
Но за вѣчності, тотъ мигъ не отдамъ.

VIII

Умолкла. Вѣтеръ моря хладный
Последній звукъ унесъ съ собой.
Необходимую судьбой
Гонимый, демонъ безотрадный
Проникнулъ въ келью. Что же онъ
Не привлечетъ ея вниманья?
Зачѣмъ не вѣтъ ея дыханья?
Не вадохъ любви—могильный стонъ,
Какъ эхо, изъ груди разинтой
Протяжно вылетѣлъ никонетъ,
И сердце, яростно облитое,
Отъ алая, вѣтъ сѣбѣ.
Его рука остановилась
На воздухѣ. Сведенный перетъ
Одевать; хотъ взоръ отвергъ.
Въ немъ ничего не отразилось,
Врѣмъ изъ рана—во чѣтѣ чѣмъ?
Что понзалося ему?

IX

Пославая рая, ангелъ пѣвныи,
Въ одеждѣ дымной, блеснула д,
Стояла съ олитачонитъ чѣмъ,
Убавки монахиня прекрасной
И отъ прѣтъ съ умалой испел
Цюстивилъ ее вразомъ.
Они счастливы, свѣты оба!
И зависти, непонимъ и злоба
Выгнаны роковеной душой
Онъ вылетѣлъ, тѣтъ роко тѣпой
Онъ вылетѣлъ, тѣтъ роко тѣпой
Съ дѣлалъ ихъ дѣтъ сну правдымъ,
Въ дѣлѣ ихъ ангелъ! Сколько дѣмъ
Мѣтъ сѣбѣ роко тѣпой
Въ сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой
И сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой
И сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой
И сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой

X

Какъ дѣлѣ ихъ дѣтъ сну правдымъ,
Въ дѣлѣ ихъ ангелъ! Сколько дѣмъ
Мѣтъ сѣбѣ роко тѣпой
Въ сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой
И сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой
И сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой
И сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой
И сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой

Вдругъ разбудилъ мятежный умъ.
Кипитъ отъ ревности пылаи,
Дѣлалъ снова вола златъ
И адъ преступныхъ чернилъ души.
Но впрѣчемъ онъ перемѣнился
Не могъ бы. Это былъ лишь сонъ;
И поздно ль, рано ль прибудиться
Настѣн дождѣтъ, былъ бы онъ.

Умѣло зло уверовителъ
Въ его душѣ съ дѣлалъ ихъ дѣтъ сну правдымъ,
Добро не ушло съ бытъ ней,
Его прѣсвонѣтъ, имъ гордѣтъ
Не могъ бы дѣлѣтъ никонетъ.
И все въ немъ было бы чужое.
И сталъ бы онъ несчастный идѣтъ
Взгляните на возду, когда
Въ ней отраженъ вѣтъ;
Какъ раздѣлѣтъ сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой
Но что же? Блескъ тотъ, сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой
Не злѣтъ сѣбѣ, тѣтъ роко тѣпой
Какъ дѣлѣ ихъ дѣтъ сну правдымъ,
Въ дѣлѣ ихъ ангелъ! Сколько дѣмъ

Злой духъ недолго размысливалъ,
Онъ не впервые отомщатъ.
Онъ образъ смертный прииметъ,
Ванецъ чело его заснаетъ
И очи черныи горѣтъ...
Но что жъ? Очей тѣтъ пламень—идѣтъ

ОНА.

Она ждёт, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня ждади:
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя;
Она ждётъ часъ глухой,
Тепущій подъ ночью яглой,
Часъ тайныхъ вѣтрѣтъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Она къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей!

А

Лампада въ кельѣ туть горитъ,
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ;
Она, какъ смерть блѣдѣя, внемлетъ.

ОНА.

Страстей волненью покаянья
Я поклялась дая, ты знаешь!
Къ чему жъ теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Ты прекрасна!

ОНА.

Его ты?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

И демонъ. Не страшися,

Святыхъ вѣнчанъ не нарушу!
И о спасеніи не молишь—
Не искусь пришелъ я душу.
Къ тѣмъ ногамъ, томимъ въ любви,
Цесу покоривъ моленъ,
Земнымъ первымъ мученьемъ
И слезы первымъ мок.
Не разставилъ я людямъ сѣти
Отъ толпою грозной злыхъ духовъ:
Брожу одинъ среди міровъ,
Несмысленное число столѣтій.
Но выжиный изъ груди стоишь,
Не огорчилъ меня укормъ:
Несправедливымъ приговоромъ
И на изгнанье осужденъ.
Не алая радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми, безпрятный.
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья.
И полюбилъ мой мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью нецривторной
Мое томительное дѣло
И жизни скудной и позорной
Непрелетающую тѣнь.

На что мнѣ знать твои печали,
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты виновать...

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Противъ тебя ли?

ОНА.

Настъ могутъ слышать!...

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Мы одни!

ОНА.

А Богъ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

На настъ не кипеть взгляда.

Она небомъ занятъ, не землей!

ОНА.

А наказанье, муки ада?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить любви, страданъ,
И адъ намъ будетъ стоить рай!
Мнѣ рай везетъ, гдѣ и съ тобой!
Такъ говорилъ она и рукою
Она трепетную руку жала.
И поцѣлуемъ дорою
Налечу дѣвицы поцѣлуемъ,
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таила, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ блѣдный свѣтъ отъ воровъ дая.

XI.

Въ часы суровой непогоды,
Въ осенній день, когда межъ стѣнъ,
Пѣясь, крутятся, шумѣли воды,
Восточный вѣтеръ бушевалъ,
И темнотой риданъ
Неслись тучи небесамъ,—
Зловѣщій колоколъ звонъ.
Какъ умирающаго стоишь,
Раздавался глухо надъ волнами.
Къ чему манить отшельницъ она?
Не на молитву поспѣвали
Въ обширный и высокий храмъ,
Не двумя счастливыми женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ среднѣ церкви гробъ стоялъ,
Въ гробу мертвецъ лежалъ безгласный,
И рядъ монахинъ окружалъ
Тотъ гробъ съ недвижностью безстрастной
Зачѣмъ не слышатъ плачь родныхъ
И не видать во храмъ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты,
Уста закрыты безцвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти адъ
Син глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли бурною душой,
Неизяснимой, своенравной.

Въ борьбѣ безумной и неравной
Независимой власти надъ собой.
За часъ до горестной кончины,
Когда сыралъ ночи мгла
На усыпленные дожны
Серебристой дымкою легла,
Духовница на мигъ единый
Младая дѣла призывала,
Чтобъ жизни грѣшныя дѣла
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ.
Она на зякъ ея замѣтила
Богие послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ не взиралъ,
Шептала дѣла молодая:
«Она... демонъ!... о, коварный другъ!
Скорѣи слѣдними рѣчьми.
Гм... бѣдную... завожизнь.
Ты былъ любишь и не любишь,
Ты бы могъ спасти, а погубить...
Прокалять сверху, мракъ подъ нами!»
Но кто безжалостный злодѣй,
Губитель дѣлушки прелестной—
Тогда не повила старецъ честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людямъ неизвѣстной...
Но, говорить, какъ принесла
Въ могилѣ трущъ ея печальный,
И зорь раздался погребальный,
И горсть прощальная земля
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ. всё вѣдѣть то могли,
Тотъ же погребенъ летѣлъ.

XII.

Съ тѣхъ поръ промчалося много лѣтъ;
Пустѣла тихая обитель,
И время, общий разрушитель,
Смывало постепенно слѣды
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священныи
Сталъ жертва буръ и дождей.
Отъ двери въ дверь во мглахъ ночей
Баюкаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на лѣнѣхъ распятыхъ
И средъ разсѣннѣхъ стѣнъ съдыхъ
Большой паукъ, пустынный новыи,
Видаетъ слѣды своихъ опасъ.
Соблазны со стѣнъ крутыхъ,
Съучалось, лань, яти свободы,
Прожитъ отъ змѣй непотопы
И кѣла въ кельѣ—и порой
Збытокъ утвари падены,
Среди развалинъ глухой,
Вдругъ приводило въ удивленіе
Ее... Но нынче ничемъ
Незванъ встревожить тишину:
Что можетъ падать—то ушло;
Что мретъ—то умерло давно;
Что живо—то безсмертно стало,
Но время вѣнѣ удержало

Воспоминаніе одно...

И море пѣтится и злится,
И сильно пѣшетъ, и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Она вдалека въ море одапока;
На немъ чернѣтъ крестъ высокий.
Всегда сказкой отражена,
Покрѣпа пѣной блѣднѣющей,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой

XIII.

Надъ тѣмъ престолъ, надъ той сказкой,
Однажды, утренишъ порою,
Съ глубокой думою стоишь,
Для адама, ангелъ марный,
И слезы молча утираешь
Своей одеждою сатирной
И жудри жгитъ, какъ лѣтъ.
Съ главы вѣнчанной упала,
И крылья легки, какъ сова,
За бѣлыми плечами сіла.
И былъ небесный сводъ надъ нимъ
Угрюмый радугой прѣтвѣстой,
И волны съ пѣной серебристой,
Съ янвнѣ-то трепетомъ живыми,
Къ сказкамъ тѣснились вѣноваты.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо подвигъ ангелъ юный,
И съ непонятною тоскою
За душу грѣшницы ждалъ
Творцу молчалъ онъ, и мнилъ—
Природа вѣнѣтъ съ нимъ молчалъ...

Тогда надъ снѣжъ глубиной,
Духъ горючости и отверженъ
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни риза, ни мѣня
Не извѣщая угрюмый зякъ:
Она поблѣдѣла себя призывъ;
Не для другихъ его мученья!
Она близъ могилы промелькнула
И, взоръ пронзительный видѣла,
Посла потеряннаго рая
Узвѣкой горючій удерживала...

И не для ангеловъ и рай
Всесильныхъ Боговъ сотворенъ;
Но для чего живу, страдаю.
Про это больше знаетъ Она.
Какъ демонъ мой, я зла небравнистъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный страшистъ,
Для міра и небесъ чужой
Прочти, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сриваю,
И вѣрь безжалостный душой,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

И ни единый царь земной
Не цделовалъ такого оя!
Гаремовъ брызжущий фонтанъ
Ни разу збгнелъ порою
Своей алмазною росой
Не обмывалъ подобный станъ.
Ни разу гордый сынъ порога
Не осквернилъ руки такой—
Клянуся сплывшей проболой,
Лезвемъ, заката и востока!
Духъ отвержения и зла
Сидитъ недвижимо у порога;
Не смѣлъ онъ приподнять чело,
Страхомъ въ неа увидѣти Бога!
Умъ, въ души его была
И вѣно заблудивъ тревога!
Онъ не купилъ хотѣлъ, не могъ—
Не находилъ въ себя искусства;
Заблудилъ?—заблудилъ же далъ Богъ;
Любить?—не доставало чувства.
И удалился онъ сѣтились
Отъ этой земли, гдѣ широкое
Нарушилъ клямы реконны,
Ложной снѣгившъ уступилъ.
Но прелесть звуковъ и видѣний
Остались на души его,
И въ памяти сего мгновения
Ужъ не изгладить ничего.

И.

Скажу ль?.. Сначала думать онъ,
Хотѣлъ во что бы то ни стало
Исторгнуть изъ груди, какъ жало,
Мгновенный свѣтлый этотъ сонъ
И, побѣдивъ свое презрѣнье,
Онъ зашвырнулъ межъ людей,
Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣнье;
Но до него, какъ и при немъ,
Ужъ вѣры не было ни въ комъ,
И половъ скуки неповторимой
Онъ скоро кинулъ жгть развратный
И на хребетъ пустынныхъ горъ
Переселился съ жгть доръ.
Такъ надъ жемчужнымъ подопядомъ
Собѣ пощери пыскала,
Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
Душою жизнь ея обняла.
Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ межъ небомъ и землей,
Какъ даръ съ развѣчивной главой,
Подъ крономъ радуги огнистой
Сидѣлъ онъ—мрачный и нѣмой.
И блзогранны метели,
Какъ дымъ, у ногъ его ревели.
Какъ часто, подымал прахъ
Въ борьбѣ съ шипучимъ ураганомъ,
Одѣтый молнией и туланомъ,
Онъ дико мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить.

Спаситесь отъ думы ненужной
И незабвенное забыть.
Но ужъ не то его тревожитъ,
Что прежде: тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ, можетъ,
И въ самомъ дѣлѣ любить онъ.
И хотѣлъ въ путь одинъ пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ съ въ очи поглядѣть
И невозвратно улѣтъ.
Востока ленивое свѣтъ,
На небѣ юное взомло,
И моря синее стекло
Лучами утро озарило.
Вотъ милый берегъ! вотъ она,
Обѣтованная земля!
Вотъ испещренная пѣнами
Густой зимонной рои сѣнь,
Вотъ предъ святыми поротами
Часовни... Южный теплый день.
Нраветь яркими лучами
По бѣлымъ башнямъ и стѣнамъ
Безмолвно-мраморнымъ плиты,
Отъ стѣнъ ведущія во храмъ.
Нлющемъ душистымъ переваты,
Вокругъ него ряды крестовъ—
Нѣмые сторожа гробовъ,
Быть стадо лѣтомъ предъ грозой,
Пестрыя, жмутся межъ собой.
Страхась надеждою волю дать,
Къ знакомой вселѣ онъ подходитъ,
Кругомъ неа задумывать брѣдны,
Жива ль она? одна ль? какъ знаи!
Къ дверямъ прельзнуть онъ.

и нѣ
что—

Ни струя, ни пѣсентъ не слышать!
Невольно онъ смутился духомъ:
Невольна, какъ въ пещеру жгть,
Закралось въ умъ его сомнѣнье,
И выщй лучъ грядущахъ дней
Сверкнулъ въ его воображеньѣ
То былъ лишь нитъ,—но страшный жгть!
Смиривъ напрасное похвѣнье,
Онъ въ келью сѣдую проникъ
Взошелъ, взглянулъ... Ужасный прикъ,
Какъ бури свистъ порой внономъ,
Раздался въ воздухъ пуготы.
И яростъ адскою волною
Какъ лава, р...
Простите, крѣтъ.
Люби, блаженства и доръ,—
Отъ дѣлъ онъ въжгть,
И то связать кино пора!
Посланный р...
Въ одеждѣ дымной, б...
Стоялъ съ блистающа...
Передъ монахиней прекр...
И отъ врага, съ улы...
Присѣлнлъ ее крестомъ...
Она счастлива, святы об!

Довольно—ненависти и злоба
Взметали демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой
Отъ вышнихъ—столько чувствъ разлѣтыхъ,
Отъ дѣвическихъ лѣтъ ему прилѣчныхъ,
Въ души гбскается! (колько думъ
Нѣвннать недовольнымъ умъ!
Красавицъ погибнуть надо—
Ее не поимидить отъ внои.
Погибнетъ! прежнимъ любовъ
Не будетъ для неа оградонъ.

Сверкнулось! онъ опять такоръ,

Какимъ явился межъ работъ
Вышнему Царю всезвенной
Въ часы той битвы незабвенной,
Гдѣ на црѣстѣнное чело
Проклятые вѣчное зело.
Онъ ждѣтъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня члздая,
Когда неспрощная луна
Видѣтъ пустыню озари
Онъ ожизно въ чашѣ духонъ,
Блуждѣть подъ полною мглой,
Чашѣ тирнхъ вестнхъ и ласкаждѣй
И вѣдомыхъ претѣлени
Онъ въ неа прокрадется туда,
Подъ стѣнъ обители уснувшей,
И чашѣ погубить навсегда
Предметъ любви своей винувшей..
Лѣтѣла въ кельѣ чуть горить.
Думанный съ дѣвою сидѣтъ.
И чудный стирхъ ее обжгтъ;
Она, какъ смерть блѣдная, внемлетъ!

монахиня

Забить волнение страстей
И поклялась давно, ты знаешь!
Къ чему жъ теперь меня смущаешь
Любовью странною своею?
О кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

незнакомцы.

Ты прекрасна! —

монахиня.

Кто ты?—

незнакомцы.

Я демонъ!—яе страшнѣе:

Святныи адѣнной не нарушу;
И о спасеньи не молюсь,—
Не искушать пришелъ я душу
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Песу покорныя мольбы,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои
Не отговяй меня укоромъ,
Не выжидай изъ груди стоить:
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не алая радости минутномъ,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,

Какъ перелетный метель,
Какъ стѣнъ вѣтеръ безпримыный
И слишкомъ гордъ я, чтоа, въ иъ
У Бога вашего простенья.
И полюбить мои мученья
И не могу ихъ разлѣбить.
По ты, ты можешь ожизни
Своей любовью неспиривной
Мою томительную тѣлу.
И жизни мучной и жаркой
Непрелестную тѣлу!

монахиня.

Къ чему мнѣ, явнѣ твои печали?

Зачѣмъ ты дѣлаешь мнѣ?

Ты не знаешь.

не знакомцы.

Цѣлѣтъ отъ неа?

монахиня.

Изъ моего сердца.

неа.

Чѣмъ.

Чѣмъ.

А что?

неа.

Чѣмъ.

Онъ знаетъ, неа, неа.

монахиня.

А наказанье, жгть адъ!

чѣмъ.

Тая что жъ? ты будешь тамъ со мною,
Мы ставемъ жгть любви, страдаю,
И адъ намъ будетъ стоять!
Оставь сомнѣния своя.
И что такое жизнь свѣтлая
Передъ мигнущою любовью?
Моя безпечная подруга,
Ты будешь разлѣять со мною
Вѣка безсмертнаго досугъ
И власть надъ бѣдною землей,
Гдѣ носить все печаль, презрѣнья,
Гдѣ межъ жгть съ дѣвическими лѣтъ
Ни настоящаго мученья,
Ни счастья безъ обмана пѣтъ.
Благословенны ты мнѣ долю,
Не будешь на все роптать,
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.

монахиня.

Оставь жгть, о духъ лукавыи!
Оставь... не вѣру и пригу!
Творецъ!.. увы, и не могу
Молиться... тайноу оправой
Мой ужъ слабѣющій объгтъ...
Послушай, ты жгть погубиши;
Твоя слона огонь и адъ..
Скажи, зачѣмъ меня ты любншь?

незнакомцы.

Зачѣмъ, прасовицъ!—уны,
Не знаи! Полови жизни новой,
Съ своей преступной годовы

Где я гостя: за курганомъ
Его въ пустынь я вышла
И въ таборъ на почь завела:
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ
Его преслѣдуетъ заковъ:
Но я ему подругой буду.

Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду
Старикъ: Я радъ; останься до утра
Подъ стѣною нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь...

1830.

Испанцы.

трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Не отвергай мой слабый даръ,
Хоть адѣсь я въразилъ небрежно
Души необходимой жаръ—
И дикой страсти пылъ мятежный.
Итъ! не для свѣта я писалъ—
Онъ чужды восторгамъ вдохновенія;
Нѣтъ! не ему я общалъ
Свои любимыя творенія.
Я знаю: все равно ему,
Душѣ ль исполненной печалъ
Или веселому уму
Живымъ струны оготчали.
Но ты меня понять могла;
Страдалца ты не осмѣляла,
Ты съ безпокойнаго чела
Морщины равнѣя оговала:
Такъ надъ гробницею стоитъ
Берега юная, славная
Съ участіемъ вѣтки на грядишь,
Когда реветъ гроза ночлив!

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Донъ-Алварецъ. Дворянинъ испанскій
Эмилія. Дочь его.
Донна-Марія. Мачеха ея.
Фернандо. Молодой испанецъ, воспитанный
Алварецомъ.
Патеръ Соррини. Италіанецъ-иезуитъ, слу-
жащій при инквизиціи
Доминианецъ. Придѣлъ Соррини.
Моисей. Еврей.
Нозми. Дочь его
Сара. Старая еврейка.
Испанцы — бродяги, подкупленные Сорри-
ниемъ.
Жиды и жидовки.
Служители инквизиціи.
Слуги Алварца, слуги Соррини, вародъ,
простаки и т. п.

— (Дѣйствіе происх. адѣсь въ Кастили).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

сцена I.

Комната у Алварца, столъ, портреты въ
стѣнахъ и зеркало на стѣнѣ. Донна-Марія
сидитъ на креслахъ; Эмилія стоитъ и за-
ребрилась четки.

Донна-Марія: Да, съ этихъ поръ тебѣ я

съ Фернандо говорю. Во-первыхъ онъ
неблагодарный. Оттого мой мужъ
Тебѣ съ нимъ не позволить соединиться
«уружествомъ»; и въ томъ настою!
Эмилія: Повѣрьте, благородство не въ бѣ-
дѣ и въ сердцѣ [плачетъ]

Донна-Марія: Такъ, ужъ вѣрно отъ него
ты всего услышала—прекрасно!
Эмилія: Не мудрено, что мнѣ Фернандо много
прекрасныхъ чувствъ многого узнать. Когда
еще я забавлялась кудлой, онъ,
бездѣльный сарота, былъ взятъ мной

И съ этихъ поръ и подъ о...
Минз, какъ съ брагомъ и, бывало,
вдвоемъ гуляли мы въ горахъ Кастили
Онъ былъ подпора и во...
И не было на тѣхъ вершинахъ
Которой для меня не мо...
(Донна-Марія въ...)
что забуду въ снѣгъ...
Онажды мы до ночи
Душею вѣтерю...
И вѣсело по небу катъ
Предъ нами быстрый былъ потокъ Сергандъ
Чтобъ перенести, ваялъ на р...
Мы перешли, но я все оставалъ
Въ его объятіяхъ. Вдругъ, я...
Онъ страннымъ голосомъ спросилъ меня:
«Эмилія жени не любишь?»—Итъ, люблю!
Сказала я, и ужъ съ того и пово...
Люблю его вѣжнѣй всего на свѣтѣ!
Донна-Марія: Вотъ это именно...
Тебѣ совѣтовать не говорить съ нимъ...
Тебѣ я завѣняю мѣтъ, могу—

И мнѣ дано отъ Алварца право—
Смотрѣть, какъ можно строго за тобою,
И ты женой Фернандо быть не мысли.
Эмилія: А можешь быть гаданья ваши ложны.
Донна-Марія: Повѣрь, тебя я не гадаю,
потому

Что ужъ за третьяиъ мужемъ: опытность
Разсудокъ замѣняетъ; знаю, какъ
Несчастливъ супружества, когда
Мужъ и жена не равны состоянью.
Эмилія: Неужели умершие мужья
Разсудку придадутъ? [къ обѣднѣ]

Донна-Марія (бухотъ не слышать): Звонять
Эмилія: Звонять! (въ сторону) а онъ еще
все не приходитъ.

Донна-Марія: Вала ли ты молитвенную
нижнюю?

Эмилія: Ахъ, позабыла! (береть со стола) О,
какъ долго долго!

(Фернандо входит. Донна-Марія не видитъ его
и выключаетъ свѣтъ. Эмилія въ-подъ напугана,
бѣжитъ за кресломъ, роняетъ четки. Фернандо,
идя къ ней, останавливается)

Фернандо (отрясаясь):

Я знаю, что бываешь слышать объ нашей
любви и о твоемъ намѣреніи жениться на
мнѣ. Онъ тебѣ вѣрно ставитъ говорить объ
мнѣ. Ради Бога, не горячися съ нимъ;
иначе ты вѣрно не будешь счастливой.

Ты много требуешь, Эмилія! (молча)
Кто бы могъ подумать, что такой глупецъ,
какъ ты, будешь чуждою природы...

А это милое небесное созданье—
Эмилія! вѣтъ, вѣтъ! она не дочь его
Мнѣ скажутъ благодарности, благодарности!
За что?—За то ль, что каждый день

И чужестранецъ былъ долженъ, что рождаетъ
и конь состылый, что обиваетъ

мѣсяцъ, вѣсьма мѣсяцъ, кто душою влечетъ;
За то ли, что лопотъ всеневный хлѣбъ,
Меня питавшій, долженъ былъ утѣшить
Полноту мое вострожеланное сердце?

За это благодарности отъ меня?
О лучше бы отъ голоду погибнуть,
Чѣмъ въ погоню тѣмъ уколываться!

Сколько бы могъ узнать мой жеманъ! Странно!
Но что нибудь—а даже для нея [но!]
Малышкѣ не стерплю опять обиды! позво!

Любовь возьметъ свое... но не теперь.
(Алварецъ входитъ тихими шагами и садится
въ кресло).

Фернандо: Какой же гордый видъ, какъ будто
въ немъ

Сидѣли всѣ души предомъ! (обращаясь
къ портретамъ)

О вы, вы образы людей, великихъ
Своею мудростью и силой,
Слажите мнѣ, ужель гниющія
Ихъ гробы, безумствующія жертвы

Отянуть у меня мою Эмилію?
Смѣшно!—я не могу себя представить,
Чтобъ мертвые нѣтъ предразсудки!
Алварецъ: Фернандо, до меня доходятъ

слухи,
Что видишь ты войти въ мое семейство!
Безумецъ ты!—взявъ съ святою дѣвою—
И мысль одна, мой милый, быть нѣтъ ал-

Должна казаться смертнѣю обидой. [текстъ,
Фернандо: Желательно, чтобы моя обидъ
Могла бы заплатить за вашу

Алварецъ. Мои обиды!.. слушай же, глупецъ,

Что я скажу тебѣ, да со вниманіемъ
Фернандо (выслушавъ): Какъ счастливъ
ты, кто можетъ, обидѣть

Любо одно, разъ въ жизни человѣку,
Бранить его глумомъ сто разъ—и каждый

Алварецъ: Упавъ ты должить наконецъ,
Кто ты... Доселѣ содержалъ я
Тебя почти сочувствіемъ, какъ бы родного;
Но съ этихъ поръ переѣхалъ все.

И повторю тебѣ, какъ ты попалъ сюда:
(съ слезой одиножды шелъ я изъ Бургоса
Когда еще я только-то женился);

Ахъ, смерклось и сырой туманъ поплылъ
И... [текстъ]
Среди котораго стояла перекость—

Забывъ, съ худыми окнами;
Мы слышимъ дѣтскій плачь—и на крыль-

и... [текстъ]
И вала тебѣ, пришелъ домой—и ввѣнчалъ.
(А. Эмилія)

Но для чего тебя тамъ позвали,
И кто родители твои—Богъ знаетъ!
А я тѣбѣ не хочу и знать; да, да!

Фернандо (напряженный, про себя): Тебѣ, такъ
свѣдѣть, свѣдѣть о былой сиротѣ!

Въ величьи Божьемъ мѣръ ни одна
Ты не найдешь души своей родной!

Питался я не материнской грудью
И не спалъ на ея колыбѣхъ. Чуждый го-
Училъ меня родному языку [дѣсь]
И тѣмъ надъ колыбѣю моею. [молча]

(Хочетъ ввалъ и впереть, потомъ опять при-
ходитъ въ снѣжную комнату)

Алварецъ: О чемъ печаленъ? точно вотъ
какъ было.

Возможно ли тебѣ теперь жениться
На дочери моей? Что доселѣ скажутъ
Другие благородные испанцы?

Фернандо: Испорченъ—и замѣченъ!
Алварецъ: Не вночишь, слышишь?
Фернандо: Сказать вамъ отчего!

Какъ скучно быть одной весь день;
Все пѣсья оца: визать и распускать свой
Читать и перчатывать, одѣлся жемчугъ,
Въ парчу и вновь раздѣлся, бѣть и пить,
И спать... Однако жъ эту ночь
Мой сонъ былъ занимателенъ и страшенъ!

(Молчаніе).

Что пользы? (Кличетъ) Няня! Сара, Сара!
Поди ко мнѣ! поди сюда! ну, что же?..

Сара (старуха, идетъ): Что, милая Нозми
что тебѣ?

Иль жемчугъ распустила?—Но иль я
Стара, мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебѣ вредить неосторожность,
А мнѣ такъ невозможности; такъ ли?

Нозми: Итъ, Сара, жемчугъ я оставила
визать

Сара: Что? ахъ не нравятся? Вотъ я
Въ твои года во тѣмъ была довольна;
А второй молодежи нравиться
Все дурно!—что жъ меня звала ты?

Нозми: Галъ!

Мнѣ скучно.. я больна..

Сара: Больна! ахъ, Боже мой!
Такъ я пошлю скорѣе за врачомъ..

Есть у меня знакомый, пренескуный..
Нозми: Не надо... Я не то чтобы больна—

А такъ, не въ духѣ... все нейдетъ на ладъ,
Что я начну.. мнѣ хочется того, чего

Сама опредѣлить не въ силахъ я..
Мнѣ грустно... Расскажи мнѣ сказку.

Про старину... садись и расказки..
Сара: Дой мнѣ припомнить, милое дитя..

Вотъ, видишь, пилить-то слаба!
Я столько слышала, видела, испытала,

Что пѣть толпы моихъ воспоминаній
Вавридь одно вполне перекажу.

Нозми: Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ! ужасный!.. растолкуй мнѣ:

Мнѣ снилось, что приходятъ человѣкъ,
Обрызганный весь кровью, говоритъ,

Что онъ мой братъ... но я не испугалась
И стала омыwać потоки крови

И увидела рану противъ сердца
Глубокую... и онъ сказалъ мнѣ:

«Смотри: я братъ твой...» но, клянуся,
Въ тотъ выгъ онъ былъ мнѣ больше брата;

И я заплакала, и стала умолять
Я Бога, чтобы жизнь его продлить;

Но этотъ человѣкъ захотѣлъ
И вдругъ воскликнулъ: «переставь молиться!

Я братъ твой! мнѣ братьевъ ненавижу!
Оставь меня, прекрасная еврейка:

Я христіанинъ—и не братъ твой;
Я видѣ тобою хотѣлъ лишь помириться!

И онъ спѣшилъ уйти... и я схватила
Его широкий плащъ... но что жъ?—въ рукахъ

Остался погребальный саванъ!.. и просну-

Сара. Онъ бритомъ называлъ себя твоимъ?

Нозми: Но это вздоръ: я не имѣла брата
И никогда пить не буду.

Сара О, Нозми!

Все говори.. случится это можетъ.
Нозми: Какъ можетъ? Какъ?.. Нѣтъ, это

невозможно.
Сара: Послушай, у тебя былъ братъ.

Онъ старше былъ тебѣ... Судьбою чудной,
Бѣжа отъ янказици, отецъ твой

Съ покойной матерью его оставилъ
На мѣстѣ томъ, гдѣ почевали:

Страхъ помѣшалъ ямъ вспомнить это..
Быть можетъ думалъ онъ, что я

Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ
Его мы почитали всѣ умершимъ.

И для того тебѣ объ немъ не говорили.
А можетъ быть онъ живъ—какъ ты знаешь!

Вѣдь Божья воля всеподатлива
Нозми: Ахъ, Сара, Сара! вѣтъ, онъ умеръ...

Увалъ онъ, какъ трава пустыни, и какъ
цвѣтъ

Полей, засохнуть.. Такъ, онъ былъ ро-

жденъ для жизни,
Онъ былъ рожденъ, чтобы быть мнѣ дру-

гом!
О, Сара! если умеръ онъ—какъ счастливъ,

И какъ должна я плакать о себѣ..
Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,

Нашъ родъ свѣтился по свѣту; отчизна,
Спокойствіе, жилище наше—все не наше!

Но часъ придетъ, когда и мы возстанемъ..
Тамъ говорить писаніе, тамъ я вѣрю.

Зачѣмъ и вѣтъ?—Что сдѣлалъ мой отецъ
Смѣвъ провозглашать христіанство? Деньги

Нѣтъ, онъ и дочь—вотъ все его богатство.
И если бы онъ умиралъ, былъ найтъ

Отчизну и спокойствіе, то вѣрно бы
Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,

Которые его цовили притѣвляли..
Однако жъ и межъ нихъ есть добрые

Сара: Да, да, вотъ тотъ пеплонецъ молодой,
Который спасъ ваведии Моисей!

Родитель твой хотѣлъ вознаградить
Его звѣнющимъ пошелькомъ, но онъ

Его ногами истопталъ, сказалъ:
«Собака, жизнь твою сею не счисти!

Я не ваведникъ твой!» Прости ему, Все-

Подобны хулы за то, что спасъ
Онъ одного изъ гибнущихъ.

Нараил
Нозми: Прости ему, Всевышній!

Сара (подходить къ окну)
Къ лунѣ въ такую точно ночь

И стала жертвою любви... Иосифъ мой!
О, если бы ты меня теперь увидѣлъ.

Ты испугался бы. Въ то время я цѣла,
Мои глаза блистали какъ алмазы.

И щевя сыни вѣжны точно цвѣтъ
Увы, Нозми! кто бы тогда по...

Что этотъ лобъ морщины исчертилъ,
Что эти косы посѣдѣли.. То-то время!

Нозми: Что мой отецъ нейдетъ?
Сара: Чу, вотъ сова кричать... ужасный

крикъ!
Я не люблю его... во мнѣ всѣ жизни

Брови оставилъ при подобномъ крикѣ..
(Стучать въ дверь)

Ахъ, вѣрно твой отецъ пришелъ!.. ну жъ
поздно!

Голосъ: Скорѣе отворите! отворите!
(Съ заломъ, сидѣвшій на пѣрехлѣ, бѣжитъ и

отворяетъ; въходитъ Моисей, въскочивъ Фарнадо въ
переполохъ; сей одна цѣль).

Моисей. Нозми. Сара! помогите! помогите!
Нозми: Я усталъ! О... О...

Онъ истекаетъ кровью... О проклятые
Звѣзды!.. дайте кресло и подушку!

Онъ истекаетъ кровью..
(Кричитъ изъ подъ лѣтучую подушку, на которую

сидѣлъ; рѣсаясь и падая, жавшись, онъ обрѣтаетъ
нужную подушку)

Будь Абраамъ свидѣтель—эта ночь
Ужасный той, когда я сына потерялъ;

Тому я далъ существованіе,
А этотъ возвратилъ мнѣ жизнь!..

О Богъ, Богъ Іудеевъ, сохрани
Его, хитъ онъ не ятъ твоихъ сыновъ!..

Фернадо: Кто здѣсь моихъ убійцу такъ
проважалъ?

Зачѣмъ. Онъ и такъ стѣлалъ мнѣ...
Освободить отъ мучъ. Такъ землемъ мой

Всегда творить добро другъ другу!
О, перестаньте! (Какъ отъ сна) Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

(Поднимается голову). Благодарю того, кто
спасъ меня—во кто онъ?

Моисей. Ты спасъ его бедъ; но самъ
Онъ здѣсь, перестань!.. еврей, гонимый

Твоими народами; во ты спасъ меня—
И... обязанъ заплатить,

Хитъ и гонимъ отчизнѣ презираемъ.
Такъ, дочь моя, потъ мой спаситель.

Нозми (стало и на колѣни и цѣлуетъ руку);
Взвѣсивъ у тебя цѣлуетъ руку,

Испанецъ. (Она отъ него на колѣняхъ и дер-

Фернадо (Молчитъ)
Что сказалъ ты, иновѣрный?

Отчизна, родина—слова пустыя для меня,
Зачѣмъ, что я не видѣю цѣны ихъ

Отчизнѣ, вотъ зовется край, гдѣ наши
Родные, домъ нашъ и душа.

Но у меня нѣтъ и дома, и друзей!
Цѣтъ и родныхъ, и дома, и друзей!

Нозми: Когда ты не пошелъ себя друзей!
Межъ христіанъ, то между насъ наденъ!

Ты добръ и честенъ—и ты спастенъ!
Фернадо: Я... Я... добръ...

Моисей (стоя надъ нимъ) Гдѣ онъ?

Перевяжите... вотъ онъ поблѣднѣлъ..
Фернадо: У волка есть берлога и гнѣздо

Есть у яда пристрастие; {у ядана,
И я имѣю одно—могилу..

Чудовище!.. зачѣмъ ты отогналъ у меня
Могилу?.. Въ старину вышъ—злой!

Спаси отъ смерти чужака для того,
Чтобы сдѣлать зло! безумцы

Простъ!.. пусть течетъ свобода крови мнѣ,
Пусть вѣстаетъ!.. О, жалко вѣтъ мнѣ!

Она етъ и... что нужда! здѣсь..
Она етъ и... что нужда! здѣсь..
Притѣтъ... Притѣтъ... Притѣтъ...

Нозми (къ Абраамъ и Осень мой)
Онъ сорвалъ перепонку! онъ умеръ!

Сара О, какъ онъ вѣтъ мнѣ, онъ вѣтъ мнѣ!
Сара О, какъ онъ вѣтъ мнѣ, онъ вѣтъ мнѣ!

Канна бѣдѣность покрываетъ щекъ;
Какъ жалко!..

Фернадо: Дайте пить мнѣ, я горю..
Нозми: Засохъ... скорѣе, ради Бога!

(Сара уходитъ за пѣтьей).
Нозми: Испанецъ, успокойся! успокойся!

Ты былъ несчастливъ, это видно,
Хоть молодой. И сдѣлалъ презръ!

Что если мы страдаемъ говорить,
Что онъ несчастливъ, то снѣмъ ты тѣтѣ

Съ его души... Ахъ, какъ бы я жаждалъ,
Чтобы ты сталъ зоркимъ и веселъ!

Фернадо: И веселъ! (Освобождаетъ).

Нозми: Я прошу тебя: помолви..
Что я твои сестра, что тотъ еврей—отецъ твой!

Воображеніе твоѣ утѣшишь;
Оно доно ямъ, людямъ, для того

Нозми:..
Фернадо: Дѣвушка, ты дочь его?

Нозми: Имъ отгадать, ты спасъ отца мнѣ!
И онъ твой спасетъ.—И заклимаю

Тебѣ твоимъ закономъ: перестань
Трѣпачить и вѣтъ мнѣ!

Она вѣдетъ зоркимъ гонимъ..
Родитель твой... Сара прииди сюда!

На, выйди!
Фернадо: Благодарю! твои слова ямъ тѣмъ

лучше..
Когда жалѣть женщинъ меня.

Я чувствую и...
Послушай—что я сдѣлалъ людямъ,

Которые меня убилъ зоркимъ..
Что не разбойникъ они, то это вѣрно.

Они съ меня не сжали ничего
И бросили въ кривъ аблѣнъ доносъ.

О, это все жаретъ!.. и цѣлуетъ..
Что это лѣтъ началъ... а конецъ!..

Конецъ... (Взвѣсивъ). Что въ жаретъ мнѣ?
Что бы на было,

Я уступлю скорѣй судѣ, чѣмъ людямъ..
Оставь меня покуда! (Онъ вѣстаетъ и рѣтъ)

Нозми:..
Нозми:..

Подарокъ патера Соррини съ письмомъ
Его. (внимательно вѣзетъ. Изъ стола вынимаетъ
маленькую) Прекрасный жемчугъ, нечего ска-
зывать!

Алмазы въ колпачкѣ точно звѣзды блещутъ!
За это мнѣ не должно поминать
Увезъ Эмилию... О, старшій сестолобецъ,
Богатъ ты... оттого твои подарки малы;
Но такъ и быть, согласишься
На предложеніе твое, Соррини...
Эмилию самой мнѣ надобно;
Но впрочемъ этимъ ей не много зла
Я сдѣлаю... вѣнчанной дѣвушкѣ
Пріятно быть любимой старикомъ,
Какъ старой—молодымъ, звать
Что пылкость одного безчувствіе другого
Обыкновенно заглаживаетъ...
Наскучила ужъ мнѣ Эмилиа давно;
Покуда адѣсь она, боюсь
Я пригласить къ себѣ кого-нибудь.
И хорошо, что патеръ захотѣлъ
Избавить отъ нея; и жалко только,
Что мужа моего увезъ никто не хочетъ...
(Смотритъ на ладонь Соррини).

Какое множество природныхъ недостатковъ
Покроютъ эти малыя алмазы,
Какъ много тысячъ въ блескѣ ихъ потонетъ...
И за подобное благодѣланіе
Мнѣ не жертвовать безмысленной дѣв-
Которая реблической любовью (тонкой,
Вскружила голову свою? ха! ха! ха! ха!
(Смотритъ письмо Соррини, которое было въ
ладони).

Мой мужъ, я думаю, уѣхалъ на долго,
И нынче вѣнчъ монахъ пришлетъ людей,
Которымъ я вручу подарокъ свой;
А для меня же лучше, чтобъ Соррини
Ее вынулъ, чѣмъ мужъ законный.
Алмазы, жемчугъ грядомъ на меня
Посыплются, и я побѣду въ городѣ;
И удавленіе поразитъ моихъ соперницъ,
Когда явлюсь въ арену; а сто глазъ
У нихъ уграду силой красоты...
Никто не отгадаетъ, что сей жемчугъ
Цѣною слезъ невѣрныхъ купленъ...
Но я придумала: въ Мадридъ отправлюсь,
Тамъ получу прощеніе грѣховъ,
И совѣсть успокоится моя.

(Ставить ладонь съ жемчугомъ на кровать и обни-
мается. Эмилиа входитъ блѣдная, въ черномъ
платѣ, въ черномъ покрывалѣ и съ крестикомъ
на груди своей)

Донна-Марія: Здорова ли, моя Эмилиа?
Какъ ты спала?..

Эмилиа. Благодарю васъ;
Спросите лучше, какъ я не спала
Ужъ сонъ давно бѣжитъ моихъ рѣспичъ...
Съ тѣхъ пор...

Донна-Марія: О, знаю, знаю, милый другъ!
Я чувствую вполне твое несчастье,

И все бы отдала, чтобы помочь тебѣ,
Калвусъ душой!

Эмилиа (съ извѣстными упреками). И галъ, да-
Всего дороже быю вамъ.

Донна-Марія. Ты мнѣ прости,
Не знала я, что любишь ты такъ сильно,
И только остеречь тебя желала,
Но вывѣ я ошибку ту загладю.

Эмилиа: Одинъ Спаситель мертвыхъ воскре-
ситъ.

Донна-Марія: Вѣнчъ ты такъ блѣдна, и въ
и въ черномъ покрывалѣ? (черномъ платѣ,

Эмилиа: Я слышала,
Что черныи цвѣтъ—печаль цвѣтъ.

Донна-Марія (беретъ ее за руку): О, не гру-
сти, я все поправлю.

Эмилиа: Что отнялъ Богъ, того не отдадутъ
Нашъ люди. А что люди дали,
То можете возвратить одна могла.

Донна-Марія: Ты отъ Фернандо это слышала
Завѣтъ

О, замолчи ты! (Эмилиа отираетъ слезы)

По успокоится
Тотъ, кто достоинъ былъ воспоминанья,
Тотъ и тебя достоинъ; испытанья
Пройдутъ. И я тебѣ клянусь,
Что упрямую жестокаго отца
Позволятъ онъ соединяться вамъ,
И счастье опять украситъ

Твою ладонь алмазными румянцемъ.
Не плачь, не плачь! не все гроза бушуетъ:
Прогланишь солнце и цвѣтъ, излѣтъ
Порывомъ вѣтра, вѣнчъ обогрѣтѣсь...

Эмилиа: Не смѣйтесь надъ несчастіемъ, что
Не заплатило небо тѣмъ же.

Донна-Марія: Храни мени смѣяться надъ тобою.
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будетъ мужъ твой

Повѣрь: мой страдальчій совѣтъ
Блаженство то, къ которому такъ съ.
Стремился ты реблическою мыслію

Эмилиа (Съ рыданіемъ бросается къ ногамъ Ма-
риі, обнимаетъ колѣна): И не пишу блаже-
ства—ишь его

Нѣтъ въ свѣтѣ ничего—Фернандо умеръ!
Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ на вѣкъ

О, плачьте обо мнѣ всѣ люди, всѣ созданыя,
Всѣ плачьте—если вы.

Сравнятся когда выбудетъ съ моимъ.
Мой стонъ могилу погирисетъ—о, плачьте!

Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ на вѣкъ.
Донна-Марія: О, подумай! ты бредешь
Встань, встань

Эмилиа (все на колѣняхъ, поднимаетъ голову):
Исполни просьбу сироты

Донна-Марія: Исполню, все исполню, толь-
ко встань

И отдохни—встревожилась ты слишкомъ.

Эмилиа (встаетъ) Такъ, выслушай, о чемъ
прошу тебя. (Идетъ вѣтъ)

Когда прощались мы въ послѣдній разъ,
Въ ту ночь—онъ мнѣ сказалъ: «иди
Скорѣ въ монастырь, иди въ обитель,
Соврой отъ свѣта добродѣтель сердца...»

Молю тебя, молю тебя, какъ нищій,
Не позволяй уйти мнѣ въ монастырь
Сегодня. Помогни мнѣ, заклинаю—
Тебѣ заплатить тогъ, кто всѣмъ закатилъ:

(Кинувъ укоризненный взглядъ на Донну Марию).
Фернандо умеръ! я хочу исполнить
Его желаніе... охъ меня любилъ...

(Молчитъ)

Донна-Марія: Но если онъ не умеръ, если
Тебя нѣмѣе обманули слухи?..

Но если станеть онъ являть тебѣ,
Чтобъ въ алтарю вѣсти неистомою овоей,
И вдругъ увидить въ черномъ покрывалѣ
Въ рядъ монахинь—что съ нимъ будетъ?

Ужели ты объ немъ не поговоришь?
Не поговоришь ты о счастьи,
Котораго бы могла дожидаться?..
Какая слабость! гдѣ твое терпѣніе?..

Эмилиа: Мое терпѣніе? (Поднимаетъ глаза къ
небу).

(Тихо въ сторону). Онъ былъ живъ, и я
терпѣла!

Донна-Марія: Выгнй изъ ума
Твой глупый замыселъ. Повѣрь мнѣ,
Пустые слухи обманули

Тебѣ... повѣрь мнѣ... я ужъ знаю,
Что говорю.

Эмилиа (съ укоризною): Его не воскреситъ
Вы не имѣете ни много искусства. (Вамъ
Я васъ просила объ одномъ—вы не хотѣли
Исполнить просьбы самой униженной...
(Хочетъ уйти, Донна-Марія удерживаетъ ее)

Донна-Марія: Такъ слушай же: вчера бро-
дила я

Въ саду и подъ вечеръ зашла я въ рощу;
Вдругъ вижу, человѣкъ ко мнѣ подходитъ—
Онъ падаетъ все сѣдлоу на мною.

Тобойъ Фернандо... Онъ упалъ въ моиъ во-
онъ плачетъ, слышу, что онъ плачетъ (плачетъ,
И сдѣлавъ то, что обѣщала, я
Составить ваше счастье. Твой отецъ
Уѣхалъ на два дня—межъ тѣмъ
Вы можете вытѣшиться—и потомъ
Къ ногамъ родители вы упадете,
И я соединю свои моленья.

Эмилиа: О, это слышу... И не вѣрю.
Донна-Марія: Клянусь тебѣ, что живъ онъ—
Его ты скоро... Что съ тобой?.. (я увидѣлъ
Эмилиа: Чѣмъ душно!

О, Боже!.. голова кружится... кто бы под-
(Упадъ въ слабость на стулъ).

Донна-Марія: Какое дѣлство! что съ тою
Ступай!

Эмилиа (встаетъ, идетъ къ Маріи, хочетъ что-
то сказать, но вѣнчъ мѣшаетъ ей. Она плыветъ,
крѣпко хватая руку и, закрывъ лицо, убоится)

Донна-Марія (кладетъ руку): Ступай, ступай!
И иди спокойно

Свиданья, вѣнчъ гибели своей;
Ступай! тебѣ старикъ излечитъ скоро
Отъ бредней пламенной любви.

Поплачешь ты, потрусишь ты, пожмешь
Поморщешься—но наслажденіе
Прогонитъ ужасъ—всѣхъ все пройдетъ!
Создатель мой! ужели точно
Мое такъ дурно предпріятіе, что сама
Я это чувствую? Что жъ тутъ худого?

Она счастливый будетъ у Соррини,
Чѣмъ здѣсь; когда она ему вѣнчъ
Съ приданнымъ вѣнчъ вамъ ужъ онъ ее,
Быть можетъ, такъ случится, что Фернандо
Получитъ руку блѣдной дѣвы.

Но, что бы ни было, я все забываю
Отъ любопытныхъ глазъ, и мой любящій
Нѣтъ будетъ вѣнчъ мнѣ

Такъ все вѣнчъ въ зломъ свѣтѣ:
Соррини благодаритъ мнѣ, а я ему... (Уходитъ)

Эмилиа (встаетъ, идетъ къ Маріи, хочетъ что-
то сказать, но вѣнчъ мѣшаетъ ей. Она плыветъ,
крѣпко хватая руку и, закрывъ лицо, убоится)

Донна-Марія: Какое дѣлство! что съ тою
Ступай!

Эмилиа (встаетъ, идетъ къ Маріи, хочетъ что-
то сказать, но вѣнчъ мѣшаетъ ей. Она плыветъ,
крѣпко хватая руку и, закрывъ лицо, убоится)

Донна-Марія: Какое дѣлство! что съ тою
Ступай!

Эмилиа (встаетъ, идетъ къ Маріи, хочетъ что-
то сказать, но вѣнчъ мѣшаетъ ей. Она плыветъ,
крѣпко хватая руку и, закрывъ лицо, убоится)

Иметь право съ нами поступать
Как хочешь...

Нозми: Для чего жь онъ далъ намъ душу?
Зачѣмъ способность дать любить, страдать,
Когда онъ вѣрно знаетъ, что муки есть
Резвляюща, что можно обмануть
Любовь?.. Зачѣмъ являть насъ оставилъ?
(Она уходитъ, Фернандо возвращается).

Фернандо (подходить): Ты думалъ, я заплачу, старый!

Ты этого хотѣлъ, но женская печаль

Нынь!
Не устыдять моихъ лавитъ! — Безчеловѣч-
Я отомщу... чтобъ цѣлый миръ... а то свершу,
Что—я не знаю самъ еще, но землю
Мой подвигъ пугаетъ... Ты подумалъ,
Что... я заплачу! Итъ! взынусь:
Скорѣ разорвется это сердце,
Чѣмъ я заплачу..

Моисей (беретъ его за руки): Успокой-
ся! обними мнѣ

Твое очинанье... не сожалѣнье
Одно...

Фернандо: Старикъ, старикъ!.. ты жаль по-
ложно,

Не знаешь страстей... во мнѣ онъ выдалъ
Славы, чѣмъ всѣ земныя буря. О! про-
являть

Тому, кто далъ мнѣ жизнь! Неспроста
Выль Богъ,

Зачѣмъ вознѣтъ меня терзая другизъ,
И ангела губить, чтобъ наказать безумца
Ничтожнаго? Или такъ въ небесахъ
Есть пытки?.. Я терпѣлъ—и полно мнѣ тер-
Повиновался и судибѣ довольно; [плачетъ]

Я могъ быть счастливымъ!.. довольно,
Довольно!.. вѣногда не буду счастливымъ...
Отымавъ отдаю мести.

Сопотъ съ землей и небомъ разрываю...
Старикъ, дай денегъ!.. съ этими я прорвуся.

Въ его жилище.

Моисей (давая денегъ): Вотъ! возьми!

Фернандо: Эмиліа—мой!

Лихал или жертвы мой;
Въ безчестіи или невинна—мой!

О! какъ я отомщу... прощай, отецъ...
И своего не знаю. (Обнимаетъ его за шее.)

Могилъ прекрасно,
Благослови меня!.. иду на смерть!.. прощай!

(Уходитъ)

Моисей (поднимаетъ руку): Услыши, Богъ, мо-
Храни его отъ преступленій! [лижетъ руку,

Ты можешь удерживать порывъ страстей,
Вселивъ покорность, вѣру, такъ легко—
Какъ умирить вихри горъ!.. ты, Богъ,
Возврати мнѣ, Богъ Греческій! (Уходитъ)

Сцена II

Комната въ домѣ у Жюда, куда во 2-е дѣйствіи.

Нозми (за кою Сара): Не утѣшай меня! не
утѣшай меня!

Злой духъ меня стѣбаетъ! онъ предвѣщаетъ
Мнѣ радость и любовь—любовь онъ далъ,
А радость онъ похоронилъ навѣки!

Теперь мы болѣе не увидимся съ Фернандо,
И я могу открыто плакать.

Завола не бойся. О, я люблю
Его какъ Бога—онъ одинъ мой Богъ.

И небо запрещаетъ любить его не можетъ.
Меня не повялъ онъ; другую любить.

Другую, слышавъ ли—другую! я умру!
Не утѣшай меня! не утѣшай меня! (Довольно)

Сара: Съ тобою плакать вмѣстѣ и хочу, [плачетъ].
Когда тебя нельзя утѣшить..

Нозми: Плакать!
Тебѣ ль со мною плакать?.. Любимъ ль ты,

Какъ я?.. Любимъ ль жуеженца,
Любимъ ль христіанина, была ль

Иль презрѣнъ, какъ я?.. Ахъ! Сара, Сара!
Мое блаженство кончилось и дошло!

И вотъ и слезы моихъ вѣждъ, мечтаний,
Плоды и домысливъ вѣры и вѣроиспытаній!

О, скажи надо мною, небо!
Спорѣтъ съ сурью землею, поспорѣтъ,

Побѣда и сѣбя рѣшительнѣе лишится
Спокойствію и тамъ...

Сара: Старайся
Развѣтлаться! въ твою лѣта позабываешь

И самую жестокую печаль.
Вотъ твой отецъ придетъ, теперь

Съ раввиномъ онъ бесѣдуетъ
О чемъ-то злится, недоволенъ и жалованъ;

Онъ новостію твоей зареветъ.

Нозми: И прожалею
Всѣ эти новостіи: одна ужъ

Меня лишила участія, а другая
Мнѣ не одѣла его. Ахъ! Сара.

Все кончено, все кончено!
(Моисей вслѣдствіе какъ (time, etc.))

Моисей: Гдѣ? дочь! дочь! онъ вѣнчалъ!
Зачѣмъ теперь? Зачѣмъ такъ поздно онъ вѣ-

Твой братъ... мой сынъ!..

Жестокимъ случаемъ...
Его въ груди, и не...

И въ тотъ же день...
Земля и небо...

Куда ты сына у...
Чѣмъ очисти...

Возможно ли?..
Что прѣдъ его...

Что онъ рѣдился...
Изгнаны!.. ты сынъ...

Тебя преслѣдуютъ...
И Богъ твой въ...

Мои сыны! мои сыны!

Сара: Гдѣ жь онъ? Зачѣмъ не здѣсь?
Кто жь онъ... и кто сказалъ... что сынъ...

Моисей: О, горе! горе! горе намъ! онъ здѣсь
былъ,

Грѣхъ припесъ мнѣ доказательствомъ вѣры,
Что онъ мой сынъ! а спасъ... онъ спасъ меня..

И онъ погибнуть долженъ... Не свѣдѣть
Ему вторично отъ руки злодѣевъ..

Нозми! горе, горе для тебя!
Фернандо—братъ твой!

Испавенъ—братъ твой!
Онъ гибнетъ; онъ рождался, чтобъ погавнеть

Для насъ!.. онъ христіанинъ!.. онъ твой братъ!
(Нозми удаляется безъ чувствъ на полъ. Сара сѣ-

Пускай умретъ и дочь, и я! у Бога
Могъ отцовъ нѣтъ жалости... мой сынъ! мой

сыны!
(Довольно руки и стоитъ недвижимъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I.

Соррини (стоитъ бумажки, книги и
расчетные листы)

Соррини (входитъ): Сегодня, можете быть,
увидю я

Чѣмъ красавицу. Момъ! зачѣмъ же нѣтъ?
онъ мой, такъ вѣрно, какъ я плутъ.

Куда я самъ съ собою, то никакъ
себя я не щажу. Зачѣмъ? И плутъ,

И что знаю самъ зачѣмъ свиваться
Передъ собой? И плутъ, но умный плутъ.

Да впрямь я не вижу тутъ худого;
Я сотворю, чтобъ жить и наслаждаться,

И вѣдн средствіями я долженъ достигать
Предположенной цѣли. И достигъ—

И умный человѣкъ; не удался—газнецъ!
Тѣмъ, члѣтъ лѣтъ, большой частью.

Вѣтъ на ливитъ горъ обманъ.
У плута одна такая выростъ

Мнѣ вникну парадиза, если я
Имѣю ея достойнымъ, то есть,

Очищать и ливитъ нѣтъ плутовъ.
О, это важная наука въ мирѣ!

Наука женитъ! стъ нею прямо въ плуны!
И этому есть доказательства у насъ (Мо-

Въ прямомъ пути съ правителемъ Фернандо
Правъ явишь Аларенъ—да этотъ плохъ!

О! бѣдная Эмилія дажно ли
Возвела ты, что старину еяшню

Любви и невозможности. Но сегодня
Ты мысли переменяешь... (Садится).

Говорятъ.
Что женщины должны быть неприступны

Для нашего сословія, что законъ велитъ...
Ужель законъ въ сей толстой видѣ

Сильный закона великаго грѣхъ!
Везумецъ тотъ, кто думалъ удръ!

Ничтожнымъ правиломъ, достигаясь

Чувство природы человѣка;

Онъ этикъ увѣнчалъ грѣхъ—и тепло-
Лазъ лишивъ совѣсти укоръ, и между грѣхъ

Збѣзанъ усилилъ запрещеніе.
Ностриженъ былъ насильно и въ монахи;

Потъ насильно (въ пылкой юности
Не можетъ понимать мы важной пользы);

Пускай, пускай онъ за все отплатитъ,
Что сдѣлалъ я; пускай въ аду горятъ

Чел... по что такое адъ и рай
Когда металлъ въ землѣ отрытъ, можетъ

Спаси отъ первого, купитъ другой?
Не для толпы ль дождливой, слѣпой,

Сочинена такая сказка? Я утѣренъ.
Что проповѣдникъ объ раѣ и объ адѣ

Не вѣдалъ ни въ награды рай,
И въ тяжкія мученія пренесъ рай.

И, впрямь добрый смыслъ великъ не въ-
то думъ будетъ и чины жечь огни; [крикъ]

Что вѣтъ за воги повѣнать тѣхъ,
Которые ни рукъ, ни ногъ нѣтъ не будутъ

(Перестъ вѣтъ, перѣ и (свѣтъ))

Займусь! (Падаетъ) Итъ, что то не въ духѣ
Кто бы перѣнъ, что въ мнѣ дѣтъ

Хорошо, какъ дѣлать оживленъ
Могло смущать, тревожить, безпокоить?

И все не понимаю, для чего
Мнѣ не годится женщину любить;

Гдѣ будто бы монахи не человѣкъ! (Спо-

рится на часы).

Часы бѣгутъ—пѣтъ явишь время, вѣнчости,
Коль есть она, все ближе къ вѣтъ, и жизнь,

Какъ дерево, отъ путника уходитъ.
И жить!—Зачѣмъ я живу?—Ужель нуженъ

И Богу, чтобъ пренебрегать его закономъ?
Ужель безъ меня другой бы не намерся?

И жить, чтобъ наслаждаться, наслаждался—
Чтобъ умереть... умру... а послѣ смерти

Нечесу! какъ жѣ? да, сорѣтъ нечезу.
Но если сынъ дѣлалъ жизнь? пѣтъ! вѣтъ!

О, наслажденъ! а твои (любъ, твой господанъ!)

(Звонитъ, слуги входятъ).

Не забуду, что я тебѣ спасалъ;
Когда похитилъ близко удаленъ

Моя, то ливитъ, въ съ оружіемъ толпой,
И, будто бы освободивъ силой,

Не сюда скорѣе привелъ
И чуръ не забылъ, что ты безъ ливитъ,

А то... меня. меня ты ливитъ коротко!
Возми жь себѣ заранѣе награду (дастъ ко-

И раздѣли другимъ (Слушае же. [шелекъ]).
(Слуга беретъ кошелекъ и вѣдетъ руку)

Слуга: Все исполню
Соррини (подходить къ плу): Да, ливитъ,

я вижу пылъ, ужель
они спроворили все дѣло! Дошла

Марія лакова въ женитъ,
Итъ вѣтъ, впрямь ей жѣла

Итъ вѣтъ, впрямь ей жѣла
Итъ вѣтъ, впрямь ей жѣла

Итъ вѣтъ, впрямь ей жѣла
Итъ вѣтъ, впрямь ей жѣла

А как попросить, так легко разстались!

(Глядя в окно).

Она, так точно! ближе подкажались.
Вот и моя спасители бегут... сраженые!
Желаю о желанье бегать и стучать.
Безвредно... испры сыплются кругом.
Такъ въ спорѣ двухъ глумцовъ хоть мно-

го шуму,
До толку вѣтъ... Какъ кровь моя кипитъ
Въ полузасохшемъ сердцѣ! Ну! (смотря)
Эмилия и тащутъ... торжественно! (схватили)
Victoria!.. Теперь и говорю
(Говорю: veni-vici—потому
Что я еще дѣвцу не видать!

(Отходить отъ окна; слуга входитъ).
Въ лицѣ твоемъ побѣду я читаю;
Ведь сюда... (Слуга уходитъ) Victoria, Сор-

рипп!..
(Пошарить руками). Поплачетъ Алаверцъ,
поплачетъ, покричитъ,
Порветъ съдѣе волосы... и не узнаетъ
Гдѣ дочь его... ха! ха! ха! побѣда!

(Вводитъ Эмилию: Сорриппи звать звать звать уходитъ).

Эмилия: Гдѣ мой спаситель? Ахъ, отецъ Сор-
рипп!.. Не важъ ли я облазна спасеньемъ? (рвни,
Вознагради мнѣ Боже, такъ какъ и
Желаю бы!.. о, мой спаситель!

Сорриппи: Я христіанскій долгъ исполняю
только (идетъ и запираетъ дверь).

Эмилия: О возвратите поскорѣй меня
Родительскому дому... Мой отецъ
Въ отчаяніи будетъ, если онъ

Упадетъ про ужасный этотъ случай!
Со мной гуляла мачеха моя
Въ саду, и вдругъ злодѣи ухватили
Меня, связали, повлекли съ собою.—
Окончите благодѣянье ваше,
Недѣте отвезти меня домой

Какъ можно поскорѣй... Что мой отецъ
Подумаетъ, что скажетъ онъ? (Плачетъ)
Сорриппи: Эмилия, ты вса дружишь, какъ

Теперь тебѣ домой отправиться. Теперь
Ты такъ слаба... Итъ, отдохни подолѣ адѣе,
Побудь подолѣ у меня... зачѣмъ лишать
Меня такого счастья?

Эмилия: Ради Бога!

И не могу остаться здѣсь у васъ!
И не должна.

Сорриппи: Зачѣмъ же ты не можешь?
Мой ангелъ, кто тебѣ вѣщаетъ
День, два и три здѣсь отдохнуть.

Эмилия: День, два и три!

Сорриппи: Чему дивиться тутъ?
Эмилия: Я васъ не покидаю.

Сорриппи: День, два, три,
И болѣе останешься ты здѣсь,
И ежели повяжется тебѣ, (говоритъ).
То можешь ты остаться вѣчно... то есть (и

Пока лопиты не поблѣвнуть и глаза
Не потеряютъ пламени свои волшебныя.
Эмилия: Отецъ Сорриппи!

Сорриппи: Да, я не шу-
Ты тамъ была рабой—здѣсь будешь ты
Мой домъ и все, что въ немъ—любо, (рвни)
А ты мол!

Эмилия: Какое право?

Сорриппи: Сказъ,
Я спасъ тебѣ—вотъ право и довольство!

Эмилия: Вы позабыли кто вы! какъ могу
Я съ вами жить! что это значитъ?

Сорриппи: Не горячися (держитъ ей руку), и
савица, любовь

Не смотреть на лѣта спойхъ печальности
жизни.

Ты видишь, я былъ правъ, когда сказъ.
Что можешь и старикъ любить.

Эмилия: Сорриппи! (вырываетъ руку).
Остави меня... Безсестный человекъ.

Когда судьба меня случайно отдала
Во власть твою, ты ослѣпленъ.

Гостеприимство... Что ты хочешь? Боже!
Спаси меня, спаси, святая Дѣва!..

Сорриппи: Скажу тебѣ, святыхъ здѣсь и
и такъ.

Эмилия: Конечно, только демоны одна
Живутъ съ подобнымъ извергомъ... Но Боже

Услышати вопль невнятной дѣвушки!
Сорриппи: Настъ опытъ научаетъ въ свѣтъ

Не упускать благоприятный случай.
Ну, подвзлупи меня на первый разъ!

Эмилия (отвращается дрожа): Такъ же
моя судьба! (Ему). Прочь, прочь, злодѣи!

Сорриппи: Ты думаешь, что ты теперь царъ
Въ моемъ дому? Итъ, это будетъ пося

Когда все сдѣлаешь, что и скажу,
Когда въ мои объятія впадешь

Эмилия: Въ твои объятія—никогда!

Сорриппи: Получи
Твоей любви... да и для тебя же прятать

Подъ твоими на сердце это, ося
Ты скажешь... то для тебя же прятать

А если не... то беречись упрямства!
Оно къ добру не доведетъ; поборность

Одна лишь облегчитъ твою судьбу
Но, впрочемъ, я не вижу твоего несчастья

Любовь мою нельзя назвать несчастьемъ.
Умлю я любить и погублять.

И ни одна прекрасная дѣвица
Не пыривалась мнѣ охвъ объятій.

Когда почувствовала пламени духъ
Моей... Повѣрь, старикъ... и такъ

Любить умѣть лучше юности
Все опытность мой другъ...

Эмилия: ...

Спокойствію душе, знавалъ
Надежду, радость... счастье

Вѣтъ! тѣмъ, что ты знавалъ и не знавалъ,
Чѣму ты вѣрилъ, отъ чего страдалъ,
Вѣтъ! тѣмъ, что страшно для души твоей,
Коль есть въ тебѣ душа безорбегимъ злодѣи,
И заклинаю на кельяхъ... пощади!
(становится на колѣно) О, пощади!.. оставь

меня! я буду
Молчать о всемъ, что слышала о всемъ,
Что знаю... только пощади меня!..

Но тронь моей невинности; за это
Грѣхъ твой и самыя злодѣяства

Простить тебѣ Всевышній. Такъ, Сорриппи!
Но если ты... тогда уиру я и къ тебѣ

Придти, мой страдальческій тѣвъ,
И бѣдному рукой отогнать сонъ

О, пощади!.. клянусь молчать до грѣбъ!

Сорриппи: Понимаю, что дѣлать нечего...
общимъ мнѣ

А лучше женской скромности—да, да!
и все ль равно на вилку привязать

Меня и выдѣлать, что онъ
Не перевернетъ ее, чѣмъ уиру,

Невозможно проболтаешься языкомъ твоимъ.
Итъ, я теперь въ такомъ ужъ положеньи,

Что предо мною смерть или побѣда
на волосѣ висятъ... а такъ какъ, вѣрно,

Я выберу побѣду, а не смерть,
То всѣ твои мольбы напрасны,

и такъ

Эмилия: И такъ спасенъ небылъ.
Сорриппи: Мнѣ кажется... (Плачетъ)

Эмилия: Пошли мнѣ смерть, о Боже,
и такъ... (Падаетъ въ кресло и закрываетъ лицо).

Сорриппи: Все притворство это!
Не вѣрю я, чтобъ дѣвушка могла

Съ упрямостью такою зашпачтисъ.
Хочетъ у нея вознѣвать руку, она ему хвостъ

и такъ... (Сорриппи уходитъ)

Ты такая, сердитая дѣвушка!..
и такъ справляюсь, итъ, я не стѣсню

Твоей... и такъ... и такъ... и такъ...
и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

Скорѣй земля разступится, чтобъ въ мнѣ
Наша... и такъ... и такъ... и такъ...

Моя... и такъ... и такъ... и такъ...
и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

Лишь чувство сожалѣнія... и такъ...
Каковъ Сорриппи!.. и такъ... и такъ...

Умѣть и приказывать... и такъ...
(Она открываетъ лицо и смотритъ въ ужасѣ)

Эмилия: ...

Ударилъ, пощипалъ... и такъ...
Ха! ха! ха! ха!.. и такъ... и такъ...

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

(Сорриппи отираетъ слезы; подходитъ къ ней
и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...)

Вы зачѣмъ? Какой дѣлаости!
и испанецъ Мы

Принимать на нагрудникъ.

Сорриппи: Мы клянѣтъ!
2-й испанецъ: А какъ же развѣ ты не...

паша, не вѣдь...
Дочь Алаверца увези... паша пощадитъ!

Чѣмъ? Бѣдѣ только предъ усугубъ
Гвой пощадитъ... и такъ... и такъ...

3-й испанецъ: А какъ? стали мы твою
Такъ тотчасъ обидѣлъ? (и такъ...)

Сорриппи: Бѣдѣ...
(Бросить бѣдѣ... и такъ... и такъ...)

Терпѣнья не былъ...
Всѣ... и такъ... и такъ... и такъ...

Въ щипъ... Сорриппи
(онъ уже не знаетъ... и такъ... и такъ...)

Сорриппи: Эмилия! уирусь же наконецъ...
Эмилия (застаетъ съ просями): Твѣ ты ихъ

посылаешь меня познать!
О, верхъ злодѣяства въ безовѣтъ! и погибла,

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

Сорриппи: ...

Пойдемъ со мной, (и такъ... и такъ... и такъ...)

Гдѣ долго зашпачтисъ, лавать, (и такъ...)

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

Эмилия: Ты думаешь, я вынесу позоръ свой?
и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

Сорриппи (съ гордой улыбкой): Старикъ!
и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

Старикъ тебѣ покажетъ, что довольно
(и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...)

Эмилия: ...

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

Сорриппи: ...

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

и такъ... и такъ... и такъ... и такъ...

Оп! подозрительн! (ему). Садись.. садись! Теб! веляю сейчас подать вина и хлеба! Откуда ты идешь? Кто ты?

Неизвестный: Я бедный странник! Ходилъ въ Иерусалимъ... иду назадъ... Усталъ и голодаю, иду домой...

Поля азыхъ мой смерти не охладить, Везд! тебя я буду прославлять, Кто б! ни былъ ты, гостеприимный.

Соррини: Я исполню только долгъ свой.

Неизвестный: Долгъ: Непочтё теб! подобно мыслять. Благодарю!—я Богъ тебя благодарят!

Соррини (къ Эмили): Сестра! вели привести вина и хлеба... (Страннику).

Живешь съ сестрой мы выходи (видя, что Эмили падает—дрожитъ и подходить къ ней). Ступай! когда я говорю: иди!

Неизвестный (про себя): Меня ты не обманешь, проводишь!

Соррини (громко): Ступай же...

Неизвестный: Стой!

Соррини (испугавшись): Какъ! кто ты!

Неизвестный: Я... (сбрасываетъ плащъ съ себя и вынимаетъ кинжалъ).

Эмили: Фернандо!

Фернандо (беретъ быстро за руку Эмили и уводитъ на другую сторону сценки, ставовится предъ ней, держа ее одной рукой):

Теперь я требую съ тебя отвѣта...

Соррини: Кто ты? Фернандо не воскреснет!

Ты духъ изъ человѣка?

Фернандо: Я тотъ,

Кто не боится адскихъ умысловъ,

Кто можетъ наказатъ тебя клятвою,

И чья рука не дрогнетъ предъ убійствомъ,

Когда оно ее спасетъ... отдай ее.

(Схватываетъ Соррини за горло).

Я ничего не жду на небесахъ,

Я ничего не жду подъ небесами,

И мести дуню подарить; не жди,

Чтобъ я помедлилъ отослать

Тебя туда, гд! ждетъ судъ Божий

Теб! подобны! Видишь этотъ вожъ—

Онъ надъ тобой. Оставь же добровольно

Свой умыселъ.

Соррини: Но если ты убьешь меня,

То все такъ Эмилию нельзя

Спаси: тебя не выпустятъ

(Отсюда слуги. Такъ пустъ ж! меня!

Я отрицаю... (плакать!..

Фернандо (пускаетъ его): Ты правъ: я не

(Въ сторону) Ужасъ я боюсь увидѣть яров!

(ему). Отдашь ли мн! Эмилию?

Соррини: Н!тъ, не отдамъ.

(Подб!гаетъ къ двери все ближе).

Фернандо: Отдашь! ты в!рно содрогнешься

Предъ т!мъ, что я предпринималъ. А! Соррини!

Она моя... и честь ея моя.

Когда б! ты далъ мн! тысячу мировъ

За эту д!вушку... я б! ихъ отвергнуть вс! Не принуждай меня, не принуждай Къ уб!йству.

Соррини: Не отдашь ее Фернандо: Ты каменъ, но передъ мной от- Гы содрогнешься. (Чувствуетъ)

Соррини: Н!тъ!.. Фернандо: Соррини!

Соррини, р!дко лишь прощу кого забудъ

И на козлянахъ... но узнай сперва,

Что тотъ, предъ к!мъ стоить я на коз!.

Не долго проживетъ. (вздыхъ)

Соррини (со с!хотомъ): Опять за то же.

Фернандо: Ты итъ отдашь Эмилию, не то

Я отдамъ... не доведи меня

До этой крайности. Я уж! готовъ

На все, и съ в!мъ потерп!ть готовъ

И небо, чтобъ забавить отъ твоихъ когтей

Я не шутить пришелъ... О, слушай! слушай

Въ посл!дн!й разъ... отдай ее.

Соррини: Посмотримъ!

(Бросается въ дверь и зоветъ на помощь).

Сюда! сюда! сюда! разбой! ой, слуги!

(Ш!тъ и крикъ за сценой).

Эмилиа (броситъ томный взоръ): Фернандо...

Фернандо: Ну, все конечно! напрасно

Безалъ я кровя не прозить, прощай,

Мой друг! (обнимаетъ ее) прощай! мы долго

Съ тобою не увидимся... (отворачивается)

Боже!

И такъ ты хочешь, чтобъ я былъ уб!йца!

Но я горжусъ такою жертвой... кровь ея—

Моя! она другого не обрызжетъ...

Безумецъ!.. какъ искать въ томъ сознан!и,

О лют! самъ Богъ уж! не жалеть!

Часть билъ! часть билъ!—посл!дн!й способъ

Удася—или яров!.. итъ, я судю!

Не уступлю... хотя бы демонъ удивился

Тому, чего я не могу не сд!зать.

(Эмилиа устремляетъ жгуч!и взоръ на него)

(Во время этого разговора входитъ слуга Соррини

и онъ, вс! съ оруж!емъ)

Соррини: Посмотримъ, кто сильн!й изъ насъ!

Фернандо: Узнай же вл!тв! мы стоимъ предъ

Живая или мертвая—она (Богомъ!..

Моя... ты видишь (показываетъ кинжалъ)

Эмилиа: Ахъ! (склоняетъ голову на грудь

Фернандо)

Соррини: Меня не настраивай!

Мн! мерзую не нужно... Слуги, ой!

Схватите, бейте, р!жьте нагаса!

(Они, какъ в!щущ!е, слугами)

Фернандо: Ни съ м!ста! (Вс! остаются живыми)

Соррини: Что же вы?

(Они, какъ хотятъ броситься).

Фернандо: Ни съ м!ста вы, рабы!

(Соррини) Въ посл!дн!й разъ, въ виду не-

отдашь ли мн! ее? (бесъ и ада,

Эмилиа (едва слышимъ голосомъ):

Хранитель. Ангелъ мой спас! меня!

Соррини: Ж!дную не отдашь!

Что б! ни было.

Фернандо: О... такъ смотри сюда!

(Прокладываетъ ей путь въ эту минуту вс! по- ражены: онъ поднимаетъ съ пола в упон- сать скляну толуу утилевшую. Слуги хотятъ бро- сить ее посл!д!)

Соррини (посл! молчавша, остановивъ слуги):

(оставитъ) иначе хочу я сд!лать. (Онъ дрожитъ),

(Даетъ знакъ, чтобъ вс! ушли; уходитъ).

Бавая дерзости!.. да! онъ мн! заплатитъ.

Я самъ изъ опасности. Онъ можетъ...

Что можетъ онъ?.. Я золъ теперь,

Какъ дипломъ!.. Отомщу ж! ему,

Сердцу не в!домъ поити, нещиплю

Горачими щипцами, на гвоздяхъ

Его хоти заставляю, м!дъ кипящую

Козлю безумцу въ горло и упиюсь,

Упиюсь, какъ сладкимъ венгаромъ,

Его терзавшемъ, в!дохами и в!агомъ!..

Слуги съ м!мъ личива с!ючюствъ,

Пусъ... узнавать вс!хъ, то итальянцевъ—

Соррини, по его весел!ю и плескамъ,

Когда Фернандо будетъ надыхать

Къ огню изъ подъ ударомъ назаца.

Т!мъ медленн!й ковецъ его придетъ,

Т!мъ будетъ счастье мое полтъ!

Одв!стцу его; хоть самъ не вывернусь,

Но все же я упиюсь его мученьемъ.

О клевет!е, приди на помощь! никогда

Такъ не нуждался я въ теб!; какъ мнѣ!

Дай тыслу мн! жалъ в!днннхъ, чтобъ

И могъ облить врага холоднымъ ядомъ

Твоимъ!.. (удерживаетъ себя двумя пальцами въ

лоб!).

Мой планъ почти готовъ...

...хоть такъ... а такъ, богины

Души хоч!; теб! съ с!х! пер! я отдаю

Себя... возьми! я твой—я за могой!

(Онъ итъ. До этого онъ стоялъ Соррини)

Доминиканецъ: Соррини! (вздыхъ!)

Соррини: Здравствуй! летитъ ты при-

Доминиканецъ: А что такое? (идетъ).

Соррини: Я теб! скажу

Сейчасъ.

Доминиканецъ: Должно быть, ты узналъ

Пр!ставлен!е богатаго жидъ

Или, что все равно, еретика.

Бесселье на лиц! твоемъ блистаетъ!

Такъ точно, ревностный слугитель в!ры,

И отдаешь, что хочешь ты сказать.

Соррини: Ты отгадалъ. Зналъ ли прежде

Ты Дона Алвареса; у него

Копитывался юноша Фернандо—

Онъ еретикъ! онъ в!рать Лютеру

И чтить его! м!додля онъ убилъ

Донъ Алвареса въ дожд! у меня

Я спасъ ее отъ ханжамовъ, но, Боже!

Не могъ спасти отъ остраго вл!вляна!

Его смекать намъ надо и не та на казни, преступника в!днннхъ

Оп!; трупъ несчастной д!вушки

Носитъ съ собой!.. да! я его помню.

И по сл!дкамъ его поб!ду проваивалъ,

И живую заплатитъ онъ!..

Доминиканецъ: Конечно!

А, кажется, я изъ дорог! встр!тилъ

Х!биду... но случайно не зам!тилъ,

Что несъ онъ. мертвую. такъ быстро

Онъ ш!л! такъ стремитъ онъ назадъ!

Соррини (вс!тъ ищетъ воздушности)

Данъ! какъ мн!; гл!рше! (идетъ за одно...)

Доминиканецъ (протаскиваетъ руку):

Возьми съ ж!ей рукою обидца!

Соррини: Быть за одно по в!щюмъ случаю!

Доминиканецъ (запуганъ, боится и подожри

челов!къ в!днннхъ) А! ж!тъ ты и не знаешь, въ чемъ

и буди!

Соррини: Н!тъ! н!тъ! (идетъ впередъ, ты мн!

и!чно правъ.

Доминиканецъ: Б!же! шутя! ты тутъ не

и!дешь?

Соррини: Н!тъ! и!тъ! (идетъ впередъ, ты мн!

Доминиканецъ: Безъ с!мъ, просто

И!тъ съ другомъ говори!..

Соррини: Да и!тъ!

Доминиканецъ: Простъ!

Спави: неспави ты?

Соррини: Какъ голуби

Доминиканецъ (съ коварной улыбкой):

Богъ такъ! ха! ха! ха! давай бумагу!

На друга вс!мъ готовъ, душой и т!ломъ.

Пожертвовать. А еретикъ Фернандо

Погр!тается у насъ, пола

(Охлаждаетъ прахъ его проклятый.

(Схватилъ и беретъ перо съ бумаги).

Я напишу, какъ ты мн! говоришь,

А такъ и в!днннхъ съ уб!йственной бумагой!

Уметь былъ тотъ, кто наобр!тъ писмо

Перо терзаетъ, иногда сд!лать,

Ч!мъ мнѣ! Ч!мъ у и!днннхъ парств!ю

Движен!я пера д!ловитъ; даже рай

В!детъ перо отъа св!того пилы;

Ты в!рннхъ въ эту власть!

Соррини: Какъ въ доброд!тели!

Доминиканецъ: И такъ в!днннхъ и свой

доность. (Нащипываетъ писатъ).

Соррини (вс!къ онъ пишетъ, подходить къ м!сту,

гд! убилъ Эмилиа; в!днннхъ!)

На этомъ м!ст! кровь ея тепл!;

Вотъ пятно: вотъ одно, другое!

Впервые мн! на кров! гляд!ть ужасно,

Впервые сердце быт!с! и трепещетъ,

И волосы незлобно дыбютъ.

Встанутъ при мысли объ уб!йств!!

Жал!тъ ли мн! Эмилию? Да что жъ?

Безъ!е должно умереть!.. но если т!мъ

и я м!д! такъ мн! во м!ст! ночной,

Какъ говорила д!ва; если я

Прессадуемъ, терзаемъ буду
 Кя рукой холодною повсюду,
 Какъ совѣстью мятеною; если
 Кровавое пятно и день и ночь [сл?]
 Глазамъ безсоннымъ станеть представитъ—
 Какъ? Я боюсь? Соррини сталъ болѣть?
 Кого? себя!.. стыдился.. вѣтъ тѣней,
 Нѣтъ призраковъ; могла слишкомъ крѣпко
 Свою добычу держать, чтобъ она
 Могла исторгнуться изъ рукъ ея сырыхъ.
 Но совѣсть!.. совѣсть ледоръ, однако жъ...
 Какъ, Соррини,

Ты совѣсти боишься, и давно ли? (ударить
 ногой въ землю).

Я презираю эту кровь, какъ совѣсть.

Доминиканецъ: Доносъ готовъ.

Соррини (подписываетъ): Я подписать.

Доминиканецъ: И я

Соррини: Идемъ!

Доминиканецъ: Ужель доносъ подать бо-
 Товарищъ, ты дрожишь? (ишься?)

Соррини: Отъ радости (береть шашку и
 бочъ все мое оружіе, пойдемъ. (ишься?).

Доминиканецъ: И горе
 Врагамъ закона пленаго и нашихъ!
 Пощады нѣтъ! влинемъ.

Соррини: Нѣтъ пощады!

Какое же мученіе избрать,
 Чтобы мой еретикъ почувствовалъ
 Всю тяжесть нашихъ рукъ, всю тяжесть
 Закона для отступника, не ожечь ли?
 Онъ оскорбилъ законъ, онъ осквернилъ мой
 Доминиканецъ: Нѣтъ, четвертить. (домъ.)

Соррини: Свища кипящаго
 Ему влить въ горло.

Доминиканецъ: Или на гвоздяхъ
 Его заставить спать.

Соррини: О, еслибы онъ имѣлъ
 Сто жизней, и бы каждую изъ нихъ,
 Ужаснѣйшимъ терзаніемъ истощилъ...
 Однако цѣль моя достигнута.. (Потираетъ ру-
 камъ).

Доминиканецъ: Пойдемъ!
 И съ помощью святаго Доминика
 Еретика безъ жизни въ прахъ повергнемъ!
 (Уходитъ въ радости).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Домъ Алвареца. Столъ. Слѣва на столѣ.

Алварецъ (сидитъ у стола):

И такъ, она бѣжала отъ меня
 Съ Фернандо... убѣжала съ негодяемъ.

Донна Марія: Какъ я тебѣ сегодня объяснила;
 Зачѣмъ ты не хотѣлъ позволить ей
 За этого бродягу выйти замужъ?

Алварецъ: Такъ не хочу же плакать объ не-
 Подлекарной (годовой).

Донна Марія (насмѣшливо): Плачъ...
 (ишься!).

Объ дочери такой нельзя не плакать!

Алварецъ: И какъ она была привязана къ
 Донна Марія: Да, это видно! (ишься!).

Алварецъ: Гдѣ тутъ стыдъ?

Покрывать стыды волосъ отца
 Безчестіемъ, посягнуть надъ отцомъ,
 Любовницею быть бездомнаго бродяги,
 Въ тѣхъ лѣтахъ... А, это слишкомъ жуть!
 Нѣтъ!.. вѣтри благородій! вѣтри лучше!
 Донна Марія: Побереги себя!..

Алварецъ: Пускай она съ Фернандо,
 Какъ ница подъ окнами блуждаетъ.

Я отвергаю отъ себя ея
 Эмилія не дочь мнѣ: пусть она

Найдетъ отца себѣ другого; я отвергну...
 Безстыдную отъ сердца своего

Когда бъ она пришла къ моимъ дверямъ,
 Усталая, голодная, худая

Какъ смерть, когда бъ она просила
 Кусочка хлѣба у меня, и этого

Я бъ не далъ ей; пускай она уирегъ
 На обезчещенномъ моемъ порогѣ.

Донна Марія: Ты боленъ, другъ, не хочешь
 ли прилечь?

Алварецъ: Такъ! мнѣ покой необходимъ...
 Я чувствую, что я совѣтъ разстрою. (веръ.)

Донна Марія (въ сторону): Вѣднать вѣдъ
 (ишься!).

Алварецъ: Боже!

Зачѣмъ ты далъ мнѣ дочь... (ишься!).
 Ты съ ней безчестно на службу мою!

О, какъ же се щѣ у тебя...
 Мою тѣло! Изъ древняго семейства

И такъ бѣжитъ съ Фернандо! нѣтъ вѣку.
 Я воспорнилъ змѣю въ своемъ дому.. (Ухо-
 дитъ).

Донна Марія: Что дѣлаетъ теперь злѣбный
 Соррини?—вѣрно онъ ужъ сорвалъ (платеръ)

Цѣлоу невинности и наслажденія!
 Пришлетъ ли онъ еще подарокъ мнѣ?

Его сотрудникъ!.. Конечно, онъ пришелъ
 Мне вѣстать... (ишься!).

Жалеть о... (ишься!).
 А я была... (ишься!).

О, совѣтъ... (ишься!).
 Не жетать? Прежде бѣ... (ишься!).

Теперь помочь е... (ишься!).
 (ишься!).

Нѣтъ, не могу я видѣть этотъ жемчугъ
 И какинъ дорогой!—руки, пальцы

Мои дрожать, когда ихъ держу
 Какъ-то неслыханная сила

Весь этотъ жемчугъ превращаетъ въ прахъ
 Прочь! прочь!.. (ишься!).

Какинъ мой жемчугъ?.. Совѣсть, ты
 Не хочешь покидать моей души!..

Зачѣмъ теперь? Что пользы для тебя?

Испанцы. Дѣйствіе 3-е.

Фернандо (вынимая ключъ). Приди на помощь
 Вторично, мой ключъ!

Удлинны свавы, помини!
Мудривою, постоу, богатым, подаянсем.
Золотым и хоту мучушокъ свой,
Дайте дайте соизъ мѣ, дайте мѣ погон!
(Входитъ Алварецъ въ тревожномъ)

Алварецъ: Жена, послушай! эдѣсь блу...
Мѣ кажется... сейчасъ я видѣть что-то,
Я слышалъ голосъ, голосъ мѣ знакомый!
Мѣ дурно.. (Садится).

Донна Марія: Успокойся, другъ мой!
Гдѣ ты? ты не бывало эдѣсь!
Твои печаль, твои воображене,
Сны и мечты, эти призраки рождаются, (вола!
Алварецъ: Мѣ дурно.. (сидитъ) эдѣсь слышу!

(Служка входитъ)
Роды! эдѣ можно послѣ (Уходитъ служка)
Жена! я говорю, эдѣ слышу! (Входитъ)
Ути-ти-ти слышу голосъ твой!
Эдѣ ты во... (сидитъ) эдѣ слышу!

Донна Марія: Твои глаза... слышу!
Алварецъ: Твои глаза... слышу!
Почему не видишь ты... слышу!
Я... слышу... слышу...

Донна Марія: Твои глаза... слышу!

Донна Марія: Твои глаза... слышу!
Алварецъ: Твои глаза... слышу!
Донна Марія: Твои глаза... слышу!

Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Донна Марія: Твои глаза... слышу!

Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Донна Марія: Твои глаза... слышу!

Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Донна Марія: Твои глаза... слышу!

Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Фернандо: Твои глаза... слышу!
Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Фернандо: Твои глаза... слышу!

Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Фернандо: Твои глаза... слышу!

Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Фернандо: Твои глаза... слышу!

Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Фернандо: Твои глаза... слышу!

Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Фернандо: Твои глаза... слышу!

Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Фернандо: Твои глаза... слышу!

Алварецъ: Твои глаза... слышу!

Фернандо: Твои глаза... слышу!

И не увижу: съ нем!.. одинъ, одинъ,
Какъ жить, такъ и умрешь, Фернандо.
Зачѣмъ же небо довело меня
До этого? Богъ знаетъ заранѣе все.
Зачѣмъ же онъ не удержалъ судьбы?
Онъ не хотѣлъ!.. (Молчаніе)

Эмилиа!

Теперь, какъ прежде, всѣмъ ты забыта,
Но я съ тобой!.. (Подходитъ ближе).

Брошь на груди засохла!..
И предадутъ ее сырой землѣ;

Глазо, волшебный уста, къ которымъ
Мой дерзкій взоръ прикованъ былъ такъ ча-
сто и груди, я эти длинныя рѣсницы (сто,
Несокъ засыхаютъ; черныя переползаютъ безъ,
Недвижное безплотное, сырое, (страха
Холодное чело... Никто и не помыслить
Объ томъ... И можетъ быть надъ той
Могвой проклянуть мое названіе,
Гдѣ будетъ гнить все, что любилъ я въ жизни...
О, леди навѣки потеряна!

Рай не отдастъ божественный твой образъ
Душѣ моею; я навсегда простился
Съ тобой, когда ударъ судьбы свершился!
Я самъ разрушалъ... самъ отвергнулъ, самъ
Свою надежду уничтожилъ... О, прощай!
Прощай! прощай! ты, спящій ангелъ!..
Бѣдна! бѣдна!.. Мертва...

Шумъ въ дверяхъ и голоса, но Фернандо стоитъ
съ опавшей головой и ничего не слышитъ. Вхо-
дятъ служители инквизиціи съ пыльными крестами и
перевязями и прочими приготовлениями).

Начальникъ Опл. здѣсь—Фернандо нашъ воз-
любленный!

Здѣсь еретикъ! схватите поскорѣй!

Подходятъ, берутъ, онъ недвижимъ, ничего не
связываетъ руки. (Чувствуетъ)

Фернандо (какъ отъ сна): Что вамъ
нужно?

Начальникъ: Ты на кострь пылающемъ увл-
что хочешь инквизиція святая, (диши,

Фернандо: За что?

Начальникъ: Мы не привыкли отвѣчать,
связать!

Фернандо: Я не дамъ (вырывается).

Начальникъ: Мы увидимъ!..

Фернандо: Кто хочетъ жить?

Начальникъ: Я знаю: ты не хочешь.

Вотъ для чего пришли мы за тобой.

Фернандо: Не думайте, что я боюсь вѣсти:

Я не хочу оставить этого трупа!

Прощай отъ меня: своимъ присутствіемъ
Вы оскорбляете это мѣсто; посмотрите!

Она святой, чѣмъ всѣ святыя были!

А ваша—кровью другихъ мечтаетъ
Его купить... Прощай! прощай отсюда!

Начальникъ: Я не люблю пустое толковать.
Схватите же его!

Фернандо (вынимаетъ ключъ): Приди на
помощь.

Вторично, мой князь!.. Кто будетъ первымъ?

(Они отступаютъ).

Никто!.. Да сколько насъ?.. Ужель одинъ.

Такъ страшенъ! (Други).

Начальникъ (своимъ): Что намъ торопится?

Овъ не уйдетъ отъ нашихъ рукъ вѣстникъ.

Пускай предастъ отца Соррини самъ;

Овъ насъ прислалъ... пусть онъ съ нимъ спра-
А изъ чего намъ жертвовать собой! (внѣсь,

(Стапавшись у двери).

Фернандо: Что, если брошусь я на нихъ,

И всѣхъ въ провъ къ ногамъ своимъ по-
сервию

Но вѣтъ—зачѣмъ лишать ихъ бранный жизни?

Зачѣмъ лишать того, что имъ безцѣнно?

Я здѣсь одинъ... весь міръ противъ меня!

Весь міръ противъ меня: какъ я великъ!

(Входитъ Доминиканецъ съ бумагой изъ рукава)

Доминиканецъ: Фернандо!

Фернандо: Что?

Доминиканецъ: Противъ тебя доносъ.

Фернандо: Немудрено!

Доминиканецъ: И судъ ужъ подтвердитъ.

Чтобъ вѣсть тебя

Фернандо: Гдѣ судъ въ Испаніи?

Есть сборище разбойниковъ!

Доминиканецъ: А ты,

Ты не разбойникъ?

Фернандо: Нѣтъ.

Доминиканецъ (показывая труну): А это что?

Фернандо: Я спасъ ее! она меня любила,

Любила!.. О, знавалъ ли ты любовь?

Нѣтъ, не знавалъ!.. какъ воскъ бы ты рѣста-

Взглянувъ на эти блѣдныя черты! (плъ,

Она меня любила! какъ еще любила!

Доминиканецъ: Не о любви пришесть я голо-

Гы обвиняешь, что вѣришь Лютеру (пртъ)

И всѣмъ еретикамъ; потъ для чего

Пришли мы взять тебя, мой другъ!

Гы вѣришь въ Лютера?

Фернандо: Какъ страна

Безъ выгнъ спрашивается онъ же.

Я вѣрю, что есть Богъ

Доминиканецъ: Что лже

Нахѣстникъ Бога?

Фернандо: Кто его поставилъ?

Доминиканецъ: Такъ ты не вѣри

Фернандо: Развѣ Богъ не вѣстъ

Вамъ жечь людей?

Всѣ (кричатъ) Опл. еретикъ! онъ ере-

Доминиканецъ (къ другимъ): Зачѣмъ его вы

Начальникъ: Не слышали (гочъ)

Доминиканецъ: Такъ см

Къ Фернандо) Гы должны

Фернандо: Я это знаю!

Я это зналъ давно... и ты умрешь!

О, не хвались своей мнвутной властью!

Вотъ образъ смерти! (показывая на Эмилию)

Если рокъ Эмилию

Не пощадилъ, то пощадитъ ли насъ?

Доминиканецъ: Ты слышалъ приговоръ, п

Такъ сдавайся!..

Соррини входить и бредетъ дальше отъ Фер-

Фернандо: Соррини, здравствуй! жѣрво ты при-

Последній мигъ страданія уладить! (внѣсь)

Но бѣси! я тебѣ не сдѣлаю

Вреда: я прѣжнее забытъ.

Я совершилъ свое. Предоставляю

Тебѣ раскаянію и совѣсти.

Не вѣчно спать они; граница есть

Всему... но поздно ужъ объ этомъ!

Соррини Гзупецъ, ты смѣешь угрожать?

Фернандо: Соррини!

Ты побѣдилъ; но просьба есть одна:

Исполни... если ты ее исполнишь,

То на кострь я буду за тебя

Чистить; въ лютой пылѣ буду имъ

Твое благословлять. (кое?)

Соррини (съ улыбкой): Скажи мнѣ, что ты

Всѣмъ (мнѣ). Скажи мнѣ, если только

Можно!..

Фернандо (вынимаетъ косу Эмилию): Гы вк-

днши, этого черныя пухъ волосъ!

Пускай они горятъ со мной; сегодня

Я ихъ отрѣзалъ отъ головы съ

(указывая на тѣло Эмилию).

Предъ смертью не снуйте ихъ съ меня,

Они вѣтъ не мѣшаютъ.

Соррини: Нѣтъ, нельзя!

Ничего нельзя.

Фернандо: Последняя молиба!

(Сдерживаетъ зубами)

Повѣрь мнѣ, эти волосы никакъ

Тебѣ не помѣшаютъ слышать крики

Моя, которые желѣзо пыталъ

Исторгнуть!..

Соррини: Нѣтъ, никакъ нельзя!..

Нѣтъ, видъ твой страданія обезчичтъ,

Но этого не хочеть судъ.

Фернандо: Соррини!

Ты хочешь...

Соррини: Я хочу, чтобы ты повино-

Служителя! еретика схватите

Сейчасъ, я волосы изъ рукъ его

Вечныхъ вырвите; канатами свяжите

Преступника! онъ слышалъ приговоръ,

И глаго мѣшать... (Въ сторону). Ты знала-

Знаешь, что Соррини мстить не хуже

Тебѣ умѣетъ; впрочемъ, мы виновны оба;

А кто взялъ верхъ, тому и слава!

(Въ это время всѣ приближаются къ нему)

но онъ отталкиваетъ одного (указывая на Соррини)

сается на Соррини и разитъ его

Фернандо: Издохни!

Соррини: (который упалъ отъ удара, встаетъ).

Помогите!

Фернандо (такъ и вращая) Живи!

Соррини: Я живу.

Доминиканецъ: Переважите руку! (Перевязи-
Фернандо: Нынѣ вижу, (внѣсь)

Что не исполнилъ ты свое предвѣщаніе

И мѣру всѣхъ твоихъ злодѣяствъ! Творецъ

Свидѣтель мнѣ: хотѣлъ ослѣпить меня я

отъ вѣры этого Пресвѣтлѣйшаго челоука!

Онъ отвратительнѣе для меня.

Чѣмъ всѣ орудія пытки (бросаетъ камень

на землю). Прощай, невѣрный

Металлъ! ты мнѣ саулалъ и въ люди.

Немъ ты мнѣ перинность инквизиціи

Орудія казни: казнь, пытка, азалинство!

Рядъ, что гонимъ се въ рукахъ его, бро жется

на него, схватываетъ и въ слѣдъ руки)

Доминиканецъ: Теперь онъ беззащитъ

внѣсь

Соррини: Какъ мы мѣшаемъ!—О, сердце

Мое трепещетъ, хочеть увидѣть

Огнь, гдѣ этотъ еретикъ погибаетъ

Во имя Бога! жди! ну, ступайте! (внѣсь)

Начальникъ: Чтобъ онъ не вырвался! держите

Фернандо: Не бойтесь! я не стану выры-

палъ

(Начальникъ) Кто ослѣпилъ хотѣлъ на небеса

Такого ангела (показывая на Соррини), за-

Ужаснѣйшую казню!.. (служиваетъ тотъ

Моисей (на дверяхъ): Впустите поскорѣй!

(вбѣгаетъ въ откль).

Мой сыно! Фернандо! гдѣ онъ? гдѣ онъ? гдѣ

Фернандо, ты мой сынъ! подавай я (онъ)

Узналъ—равняйтъ мнѣ объявить.—Что сѣ-

Вашель... и вповѣрю навсѣгда! (лаютъ ты?

Мой сынъ! мой сынъ! о, небо!

Фернандо (радрагиваетъ): Я твой сынъ? (Мол-

чаніе).

Старикъ... неправдѣ! говори, неправдѣ!

Что пользы мнѣ вѣсти отца въ подобный

челъ?

Старикъ... ты обманулъ! а не сынъ твой;

Никто не требуй больше отъ меня любви!

Моисей: Нѣтъ, я тебя спасу! (Врывается къ

могили Соррини). О, господи!

Я сожалѣвъ не прошу у христіанъ;

Я знаю, господи, его проступокъ!

Но вся моя казна—только обязанность болѣла

Вотъ здѣсь преступилъ! (показываетъ мѣ-

Спаси его! позволь ему бжтати! (пока).

Онъ сынъ мой! за него я все отдаю.

Фернандо: Встань! встань! не унижай себя

печетъ мнѣ,

Будь гордъ, какъ я—и ты не мой отецъ!

Фернандо (внѣсь) И не забудь!

И въ чемъ и въ комъ я не былъ въ жизни.
И если я кому платилъ доброту, [обязанъ:
То все не потому, чтобы былъ къ нему при-
нужденъ,

А просто видѣлъ познать въ томъ.

Князь: И вы не вѣрите.

Арбенинъ: Какъ вы вѣрите въ Бога?
И къ кому призываю, даю и пишу порокъ.
И если бы не было, то сказать бы не смѣлъ.
Но вѣрнѣе всего разсказать. [входитъ.
(Входитъ.) Разскажи же, какъ ты и мнѣ не ху-
дилъ вышедъ изъ дома и равно маскарада не
было.

Князь: Да

Арбенинъ: Подъемте

Князь: И радъ

Арбенинъ (въ сторону): Въ толпѣ и отдохну

Князь: Тамъ женщины есть—чуждо!

И даже тамъ бываю, говорю

Арбенинъ: Пусть говорятъ—я знаю какое

Подъ маской всѣ чины равны; [дѣло?

У масокъ ни души, ни званія вѣтъ—есть

И если маскою черны утѣшишь, [тѣло;

То маску съ чувствъ снимаютъ съ дѣла

(Сходить)

Выходъ третій.

Тѣ же, кромѣ Арбенина и князя Звѣздича.

1-й игрокъ: Забастовалъ онъ кстаи съ ними

2-й игрокъ: Хотя бѣ ошоменился онъ даль
по крайней мѣрѣ.

Слуга (входитъ): Готово ужинать.

Хозяинъ: Подъемте, господа!

Шампанское утѣшишь васъ въ потерѣ.

(Хочетъ)

Шаркхъ (однимъ): Съ Арбенинъ, сонглъ я

И даромъ ужинать желаю [хочу..

(Прячется и идетъ ко дѣву)

(Отуживая здѣсь, кой-что еще узнаю,

И въ маскарадъ за ними поеду

(Сходить и разсуждать сама съ собою)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

МАСКАРАДЪ

Выходъ четвертый.

Маска, Арбенинъ, потомъ князь Звѣздичъ. [входитъ.
Маска входитъ и вѣщаетъ по сценѣ. [входитъ.]

Арбенинъ (входитъ): Какъ давно я пишу по-
веду развлечения

Честнѣе и глупѣе толпа передо мной,

Но сердце холодно и снѣгъ вообъ [есть]

Они всѣ чужды мнѣ! я пишу въ чужой!

(Князь подходит, [есть].

Вотъ вышнее не вѣрно

И то ль я былъ въ его дѣлѣ? [есть]

Что князь? Не набрелъ еще на при [есть]

Князь: Какъ былъ! а цѣлый часъ хожу!

Арбенинъ: А вы желаете, чтобы счастье вѣтъ

[есть]

Затѣя новая.. цѣлѣ бы надо въ свѣтъ

Князь: Все мнѣ главное

Арбенинъ: Да мысли глупой вѣтъ

Молчать—таинственно, заговорить—[есть]

Вы можете придать ей с обаян [есть]

Улыбку, взоръ, какіе тамъ уютно [есть]

Вотъ, выршишь, взгляните тамъ—

Какъ выступаетъ благородно

Высокая тучанка.. какъ полна!

Какъ дышитъ грудь ей и страстно, [есть]

Вы знаете ли, кто она?

Быть можетъ, гордая графиня въ [есть]

Дана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ

И также можетъ быть, что она жила [есть]

Въ нашъ зинтра вечеромъ придетъ на полчасъ

Въ обаяхъ случанъ вы, право, не въ [есть]

Выходъ второй.

Князь и женщина маска (Одинъ должно входить

и становиться. [есть] стоять въ задумчѣ ст.

Князь: Все такъ! разсказывать легко!

Однако же я все еще вѣваю..

По вѣтъ идетъ одна.. дай, Господи!

(Одинъ маска отбѣдѣется и, удививъ его во вѣтъ)

Маска: И знаю

Тебя!

Князь: И видно очень коротко [вѣтъ]

Маска: О чемъ ты размышляешь—и это мнѣ

Князь: А въ этомъ случаѣ ты счастливый нева

(Захватываетъ подъ маску)

По если не ошибся я.

То ротикъ у нея прелестный.

Маска: Я правлюсь тебѣ—ты же хуже

Князь: Для кого?

Маска: Для одного изъ насъ

Князь: Не вижу отчего?

Ты предполагаешь меня не пугаешь,

И я хоть очень не хитеръ,

Но узнаю, кто ты.

Маска: [есть], стало быть, ты знаешь,

Князь: [есть]

Князь: Палко ты [есть]

Маска: Но если я [есть]

Чтобы видѣлся и говорить съ тою

Но если я скажу, что не могу, чужды ты

Мнѣ и вѣтъ, что хочешь, меня не помню

Что о немъ.

Когда я улезу, какъ прозвучитъ бѣтъ названъ,

Чтобы чуждымъ вѣтъ уесть меня

Одно лишь слово: до свиданья! [есть]

Князь: Ты маска узнала, а притѣшь много

Коль знаешь ты меня скрѣти, кто я таковъ!

Маска: Ты! Сознаниемъ, бѣтъ

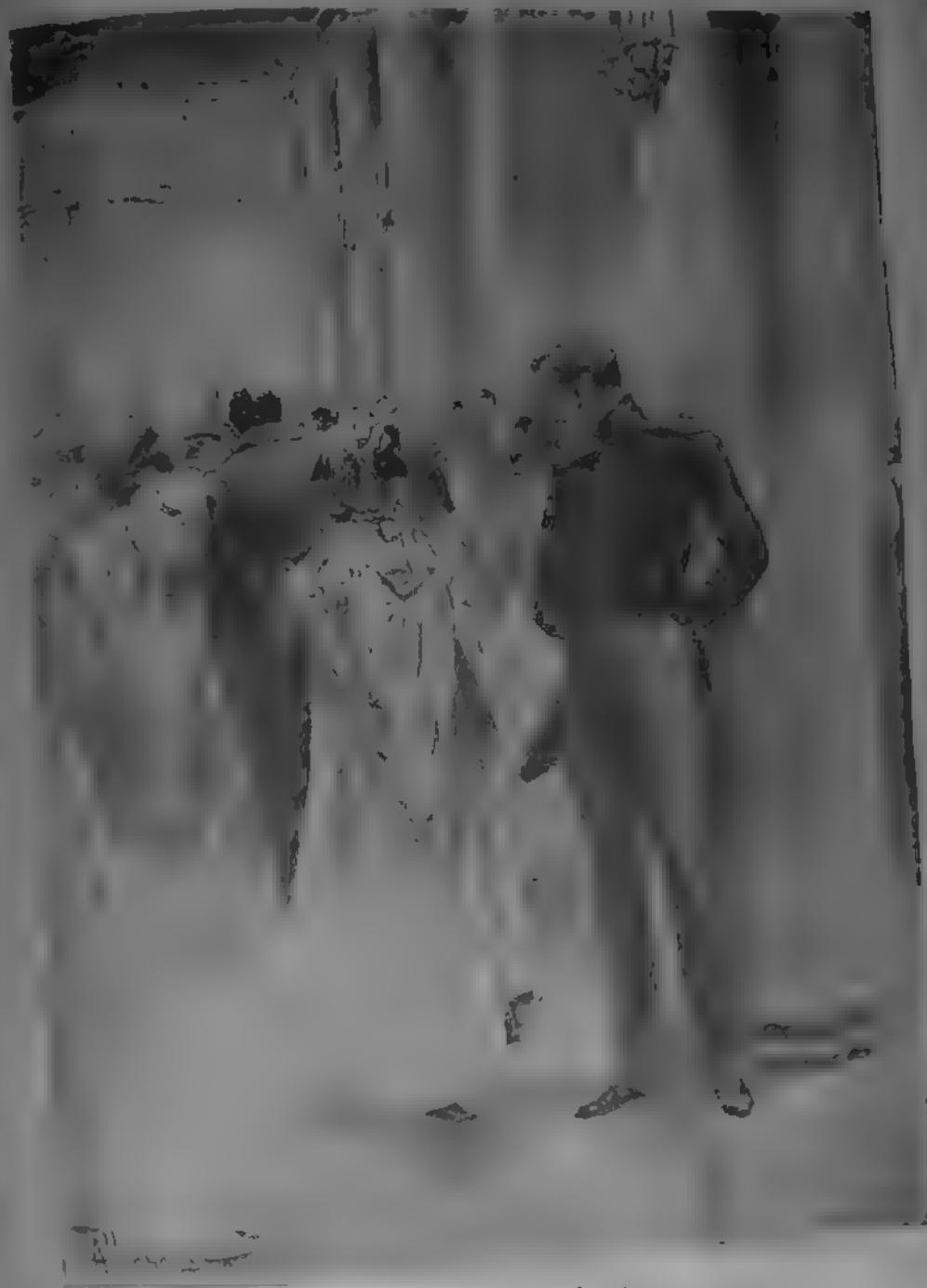
[есть], безбожный,

Самолюбивый, злой, но снѣдъ чуждымъ

Въ тебѣ одна [есть] отразился вѣтъ

Въ вѣтъ [есть] [есть], но ничтожный

Наполнить хочешь жизни, а бѣтъ не въ страсти

Но если не ошибся я,
То ротикъ у нея прелестный

Все хочешь ты пить, а жертвовать не знаешь;
Люди, без гордости и сердца презираешь,
А самъ грушишь тѣхъ людей.
О! знаю я тебя..

Князь: Мнѣ это очень лестно.
Маска: Ты сдѣлалъ много зла.

Князь: Не вон оно, можетъ быть.
Маска: Кто знаетъ? Только мнѣ известно,
Что жиданить тебя не надобно любить.

Князь: Я не пишу любви
Маска: Неужли ты не умишь.

Князь: Скорѣй—успѣшь нежить.
Маска: Но если предъ тобой
Она появится и скажетъ вдругъ: ты мой!

Ужъ ты безчувственнымъ останешься ты мой!
Князь: Но кто жъ она? Конечно, идеаль? ель?
Маска: Нѣтъ, женщина.. а дальше—что за

Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

сказала.
Князь: Но скажи же, пусть явится чья-то
Маска: Ты хочешь многого—скажи что

Выходи, четвертый.

Шприхъ и Арбенникъ (Шприхъ жидовскъ).
(На кашахъ сидятъ два жидовскихъ мальчика, одинъ изъ нихъ беретъ за руку другого и уходитъ, бросая въ окно кусокъ хлеба.)
Шприхъ. Кого вы такъ безжалостно измучили,
Евгений Александровичъ?

Арбенникъ: Тахъ, шутили
Съ шригелетъ.

Шприхъ. Б. нечестно, почувствуй
Вы не на пистку съ шимъ, онъ шетъ и шетъ
Арбенникъ: Почему?

Шприхъ: Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Слухъ заведный

У гасъ.
Шприхъ. Я слышу речъ обо всемъ молчу
И не слышу дѣла не слышу.

Арбенникъ: Это видно.
Шприхъ: Но что ты, не слышу, кахъ те
Они не слышатъ.

Шприхъ: О чемъ ты шетъ?
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

Шприхъ. Кахъ те маскы.
Арбенникъ: Да, да, такъ, шетъ..

(Она несколько смотрит на него и проводит рукой по волосам).

Нина: Ты странный человек! Когда красно-
[рѣчно]

Ты про любовь свою рассказываешь мнѣ
И голова твоя въ огнѣ,
И мысль твоя въ глазахъ сіяетъ живо,
Тогда всему я вѣрю безъ труда;
Но часто...

Арбенинъ: Часто?..

Нина: Нѣтъ, но—иногда!

Арбенинъ: Я сердцемъ слишкомъ старъ, ты
слишкомъ молода;

Но чувствовать могли бы мы равно.

И, помантея, въ твои года

Всему я вѣрю безъ условно.

Нина: Опять ты недоволенъ... Боже мой!

Арбенинъ: О, вѣтъ! я счастливъ, счастливъ...
Безумный изнемиженъ, далеко, [Я жестокий,
Далеко отъ толпы завистливой и злой,
Я счастливъ... я съ тобой!]

Оставимъ прежнее: забавны

Тяжелой, черной старин!

Я вижу, что Творецъ тебя, въ вознаграждѣ-
Ся слонихъ небесъ послалъ ко мнѣ. [Денекъ,
[Идуешь съ руки и влѣтъ на одной се ядуть
браслеты; останавливаются и бѣднѣтъ].

Нина: Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... О, Боже!

Арбенинъ (вздыхаетъ): Я? Ничего! Гдѣ твой

Нина: Потерялъ. [другой браслетъ?

Арбенинъ: А! потерялъ!

Нина: Что же?

Бѣды великой въ этомъ вѣтъ:

Овъ двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

Арбенинъ (про себя): Потерялъ... Отчего я
этимъ такъ смущенъ?

Какое странное мнѣ шепчетъ подозрѣнье?

Ужель по было только сонъ,

А это—пробужденіе?

Нина: Тебя понять я, право, не могу.

Арбенинъ (пронзительно на нее смотритъ, сло-
живъ руки): Браслетъ потерялъ?

Нина (обидясь): Нѣтъ, я згу!

Арбенинъ (про себя): Но сходство, сходство!

Нина: Вѣрно, уронила

Въ каретѣ я его—вѣдше обыскать.

Конечно бы я его не смѣла взять,

Когда бы вообразила...

Выходитъ четвертый.

[Прекше и слуга.

Арбенинъ (звонитъ; слуга входитъ).

(Слуга): Карету обыщи ты вездѣ и поперекъ.

Потерялъ тамъ браслетъ... Избави Богъ

Тебя вернуться безъ него! (ка). О чести,

О счастья восмѣлутъ рѣчь вѣдѣть. (Слуга уходитъ)

(Послѣ паузы ей) Но если онъ и тамъ бр. слеза

не найдеть?

Нина: Такъ, стало быть, въ другомъ онъ вѣдѣтъ.

Арбенинъ: Въ другомъ? и гдѣ—ты знаешь?

Нина: Въ первый разъ

Тамъ скупы вы и такъ суровы;

И чтобъ скорѣй утѣшить васъ,
Я завтра жъ приважу такой же точно полкъ.

(Слуга уходитъ)

Арбенинъ: Ну, что?... скорѣе отыщай.

Слуга: Я перешершилъ всю карету-съ.

Арбенинъ: И не нашелъ тамъ?

Слуга: Нѣтъ-съ.

Арбенинъ: Я это знаю... Слупай!

(Значительный взглядъ на него).

Слуга: Конечно, въ маскарадѣ онъ потерялъ

Арбенинъ: А! въ маскарадѣ!.. Такъ вы были
тамъ?

Выходитъ пятый.

Прекше, проща слуга.

Арбенинъ (слуга): Иди! (ка). Что стояло бы
Сказать объ этомъ прежде? Я утѣшилъ, [явля
Что мнѣ тогда нѣтъ позволимъ бы честь
Васъ проводить тула и васъ домой отвести.
Я съ вами не поѣхалъ ни строгимъ вѣдомъ.
Ни пошлой вѣжностью своей... [денежъ,
Съ кѣмъ были вы?

Нина: Спросите у людей

Они вамъ скажутъ все, и даже съ прибавкѣ
[или по пунктамъ объяснятъ: [печаль,
Кто былъ тамъ, съ кѣмъ я говорилъ,

Кому браслетъ на память подарилъ.

И вы узнаете все лучше во сто кратъ,

Чѣмъ если бы сфабриковали вы сами въ маскарадѣ.

(Смѣется). Смѣшно, смѣшно, ей Богу!

Не стыдно ли, не грѣхъ

Назъ пустякомъ поднимать тревогу?

Арбенинъ: Ды види, что... это было твоѣ

браслетъ...

Нина: О, если бы вы про... (ка) бредня,

То это, вѣрно, не браслетъ.

Арбенинъ: Кто знаетъ, можетъ быть.

Послушай, Нина! я самъ такъ, конечно,

Ты знаешь, какъ... (ка) браслетъ...

Какъ только можешь человѣкъ...

И что за даромъ у дѣдушки на...

Наследъ и цѣлей миллионъ.

У одного богатство есть въ предметъ,

Другой въ науки погруженъ.

Тотъ добывается... (ка) браслетъ...

Тотъ ли бить...

Тотъ страненъ... (ка) браслетъ...

Я страствовалъ, влюбля, была вѣтрѣтъ

трудился,

Постигъ друзей, коварную любовь,

Чинювъ я не хотѣлъ, а слезы не добился

Богатъ и безъ гроша—былъ скукою толмѣ

Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ

Нигдѣ не пр...

Все, что осталось мнѣ отъ жизни—это ты

Созданае снѣ... (ка) браслетъ...

Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...

Я человекъ... (ка) браслетъ...

Безъ нихъ—нѣтъ у меня ни счастья, ни

Ни чувства, ни существованія! [души,

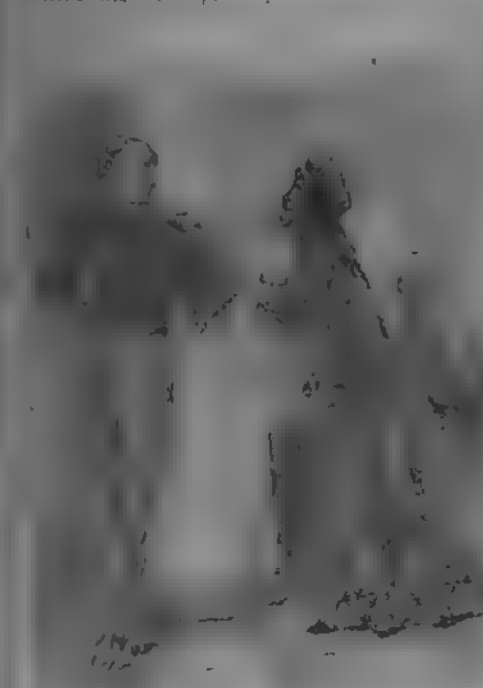
Но если я обмануть... если я

Воспоминаніе. 1-й акт. 1-я сцена. 1-й акт. 1-я сцена.

Маскарадъ. Вы жизнь мою спасли...—И до сихъ
ваша тоже. А, право, трудно раздѣлится, кото-
рою изъ этихъ двухъ дорожа.

Маскарадъ. Я знаю 'тебя!—И видно оченъ
коротко.

Маскарадъ. Ну! Ничего! Гдѣ твой другъ (браслетъ)?

Какой судьбой,—но мужъ узналъ,
Что благодарный другъ, должникъ ужъ слыш-
комъ честный,
Желъ его свои услуги предлагалъ.
Князь: Что въ сдѣлалъ мужъ?

Арбенинъ (будто не слышитъ вопроса): Князь,
вы игру забыли:

Вы гнетены глдя. (Взглянувъ на него пристально)

А любопытно вамъ [пустынкамъ
Узнать, что сдѣлалъ мужъ?]. Придвинулся къ
И далъ пощечину... Вы какъ бы поступили,
Князь?

Князь: Я бы сдѣлалъ то же. Ну, а тамъ
Стрѣлялись?

Арбенинъ: Нѣтъ.
азаринъ: Рубились?

Арбенинъ: Нѣтъ, ябъ!

Казаринъ: Тамъ помирились?

Арбенинъ (горько улыбается): О, нѣтъ!

Князь: Тамъ что же сдѣлалъ онъ?

Арбенинъ: Остался отомщенъ—

И обольстителя съ пощечиной оставилъ.

Князь (смѣется): Да это вовсе противъ правилъ.

Арбенинъ: Въ какомъ указѣ есть.

Законъ, или правило на ненависть и мести?

(Играетъ.—Молчаніе).

Далла... взола!.

(Встала). Постоите, паргу эту

Вы подыняли

Князь: Я? Послушайте...

Арбенинъ: Конецъ

Пиръ... Приличій тутъ ужъ нѣтъ,

Вы (вздыхая) шулеръ и подлецы!

Князь: Я?—я?

Арбенинъ: Подлецъ, и я вѣсь здѣсь отиѣчу,

Чтобъ каждый почтитель обидой съ нами

встрѣчу.

(Бросаетъ ему карты въ лицо. Князь такъ обра-
жаетъ, что не знаетъ что дѣлать) (Понижаетъ голосъ).

Теперь мы квиты.

Казаринъ: Что съ тобой? (Хозяину).

Онъ, помышляя въ самомъ лучшемъ мѣстѣ:

Тотъ горячеловъ ужъ, существова бы тысячу

дѣсти:

Князь (обомлевъ, вскакиваетъ): Сейчасъ, за

иной, за мной!

Кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленіе!

Арбенинъ: Стрѣляться? съ вами? нѣтъ? вы

въ заблужденіи!

Князь: Вы трусы! (Хочетъ броситься на него).

Арбенинъ (гроzano): Пускай! Но подступать.

Видъ не совѣтую—ни даже здѣсь остаться!

Я трусъ—да вамъ не испугать

И труса.

Князь: О, я васъ заставлю драться!

Я разскажу вездѣ, поступокъ вашъ каковъ,

Что вы—не я подлецы...

Арбенинъ: На это я готовъ.

Князь (подходя ближе): Я разскажу, что съ ва-
шею женою...

О, берегитесь!.. вспомните браслеты!..
Арбенинъ: За это вы наказаны ужъ много.
Князь: О, бѣшенство... да гдѣ я? цѣлый свѣтъ
Противъ меня!.. Я васъ убью!

Арбенинъ: И въ этотъ
Вы властны, даже я васъ подарю совѣтомъ—
Скорѣй меня убить... а то, пожалуй, въ васъ
Остынетъ храбрость черезъ часъ.

Князь: О! гдѣ ты, честь моя?.. Отдайте же
слово,

Отдайте мнѣ его,—и я у васъ въ ноги...
да въ вѣсь нѣтъ ничего святого,

Вы человекъ, изъ демонъ?

Арбенинъ: Я?—игрокъ.

Князь (улавливая и закрывая лицо): Честь, честь
моя!

Арбенинъ: Да, честь не возвратится.

Преграды рушени между добротъ и зломъ,

И отъ тебѣ несъ свѣтъ съ презрѣнцемъ отвѣ-
тъ!

Отырая ты пойдемъ отверженца путемъ,

Кровныхъ слезъ познаешь сладость,

И счастье близкихъ будетъ въ твоемъ

Твоей душѣ; и мыслить объ одномъ

Ты будешь день и ночь; и постепенно чувства

Любови, прекраснаго погаснуть и умереть,

И счастья не отдасть тебѣ ничье искусство

Всѣ шумные друзья, какъ листья, отпадутъ

Отъ огниной вѣтви и, красави,

Заврывъ лицо, въ толпѣ ты будешь прох-

И будетъ больше стыдъ тебя томить. [Дикъ—

Чѣмъ преступленіе злодѣя!

Теперь прощай... (уходя) жажда долго жи-
(Уходитъ).

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТІЕ ТРЕТЬЕ.

БАЛЪ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Выходятъ персонажи.

Хозяйка: Я баронессу жду; не знаю.

Пріѣдетъ ли. Мнѣ, право, было бы жалъ

За васъ.

1-й гость: Я васъ не понимаю.

2-й гость: Вы ждете баронессу Штрамъ?

Она уѣхала.

Многіе: Купо? зачѣмъ? давно ли?

2-й гость: Въ деревню, иначе утратить.

Дама: Боже мой!

Какимъ же случаемъ! Ужель изъ доброй воли?

2-й гость: Фантазія! романы!.. какъ рукой

Махнулъ! (Расходится; другая толпа мужчинъ).

3-й гость: Вы знаете: князь Звѣздъ, чѣмъ-
гласи.

4-й гость: Напротивъ, выигралъ—да, видно,

И получилъ пощечину. [не путая.

5-й гость: Стрѣлялся!

4-й гость: Нѣтъ, не хотѣлъ.

5-й гость: Какимъ же поддецомъ

Онъ показалъ себя!

5-й гость: Огнемъ! взнакомъ

и больше съ нимъ.

6-й гость: И я! Какой поступокъ скверный!

4-й гость: Онъ будетъ здѣсь?

3-й гость: Нѣтъ, не рѣшится, вѣрно

4-й гость: Вотъ онъ! (Князь подходитъ; ему

идетъ плавно).

(Искъ отходить, кроме пятаго и шестого гостя. По-
томъ и они отходятъ. Нина садится на диванъ).

Князь (въ сторону): Теперь мы съ ней отъ

не будетъ случая другого. [встаетъ удаленъ,

(изъ) И долженъ вымъ сказать два слова,

И выслушать вы ихъ должны.

Нина: Должна?

Князь: Для вашего же счастья!

Нина: Какое странное участіе!

Князь: Да, странно, потому что вы виной

Моей побѣды!.. Но мнѣ вѣсь жалъ: я вижу,

Что порожать и тою же рукой,

Боторая убьетъ васъ, не уникну

Себя ничтожной местию никогда;

Но слушайте и будьте осторожны: [внѣ,

Внѣ мужъ злодѣй безданный и безбож-

И я почувствую, что вамъ грозитъ бѣда

Прощайте же навѣтъ; злодѣй не обнаруженъ.

И выказать его теперь я не могу.

Но день пріѣдетъ—я подожду.

Возьмите вашъ браслетъ: онъ больше мнѣ не

нуженъ. (Арбенинъ смотритъ на него, жалея)

Нина: Князь! вы совсѣмъ съ ума—на васъ

Теперь, сердиться было бы стыдно. [нѣтъ разъ.

Князь: Прощайте навсегда! прошу въ послѣд-

Нина: Куда жъ вы ѣдете, далеко очень, видно?

Конечно, не въ зунъ?

Князь (уходя): Нѣтъ, ближе: на Кавказъ.

Хозяйка (внѣ): Почти всѣ съѣхались, и

здѣсь намъ будетъ тѣсно.

Прошу насъ въ залу, господа!

Mesdames! покажите туда. (Уходитъ).

Выходятъ вторые.

Арбенинъ (одинъ, про себя): Я сомнѣвался—а?

А это вѣсь навѣтъ!

Нина: Какіе же со всѣхъ сторонъ

Преслѣдуютъ меня!.. Я жалею нѣтъ, смѣшны!

И идѣ плоды моихъ усилій?

И гдѣ та власть, съ которой, порон,

Казнить толпу и словомъ, острогой?..

— Дѣтъ женщины ее убилъ!

Одна изъ нихъ... О, я ее люблю,

Люблю—и такъ неистово обмануть!..

Вѣтъ, людямъ я ее не уступлю.

И насъ судить она не ставитъ;

Я самъ свершу свой страшный судъ!..

Я казню ей отыщу—она жъ пусть будетъ

тѣтъ.

(Поклонившись, уходитъ).

Она умретъ; жить вѣсь съ нимъ долъ.

Я не могу... Жить разво? (Какъ бы испуган-

нось себя). [внѣ]:

Она умретъ—я преждемъ твоей воли

Не дамъ. Ей, видно, суждено

Во вѣтъ нѣтъ погибнуть, быть любимой

Такой, какъ я, злодѣей, и любить

Другого!.. это ясно... какъ же можно жить

Ей послѣ этого!.. Ты, Богъ неарамый,

Но Богъ всевидящій! возьми ее, возьми!

Какъ свой залогъ тебѣ ее вручу!..

Прости ее, благослови;

Но я—не Богъ, и не прощаю!..

(Слышитъ звуки музыки)

Тому вѣздѣ нѣтъ десѣтъ, и вступать

Еще на подище разврата; [играетъ—

Ритъ, въ ночь одну, я все до вѣзла про-

Тогда и зналъ ужъ цѣну злата,

Но цѣну жизни я не зналъ.

Я былъ съ отчаяніемъ—умелъ и адъ

Куда жъ... [внѣ]

Въ одной рукѣ держалъ и лимоны

Въ другой, и... [внѣ]

Послѣдній рубль въ параша домчался

къ... [внѣ]

былъ великъ,

до счастья вынесло—и въ часъ я отыгралъ!

Съ тѣхъ поръ хранить я этотъ параша,

Среди послени жизни трудной,

Какъ талисманъ таинственный и чудный.

Хранить въ черный день—и день тотъ же

дастѣтъ. (Уходитъ быстро).

Выходятъ третіе.

Хозяйка. Нина, нѣсколько дамъ и кавалеровъ.

(Внѣ) [внѣ]

Хозяйка: Не худо бы немного отодвинуть.

Дама (другой): Такъ жарко здѣсь, что и растаю.

Петновъ: Настасья Павловна, смѣетъ намъ

что нибудь.

Нина: Романисовъ помыслъ, право, я не знаю;

А старые знакомы и самъ. [внѣ]

Дама: Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, ской же Нина.

Хозяйка: Ты такъ мила, что, вѣрно, не асоти-

себя просятъ напрасно цѣлымъ часъ [внѣ]

Нина (сидя на диванѣ): По слушать со вни-

хашемъ—кой цинизмъ!

Хоть этиамъ навѣянъ въ вѣтъ.

Авось, исправитъ! (Поетъ):

Когда печаль слезой невольной

брызжится по глазамъ твоимъ,

Нѣтъ видѣтъ и повать не больно,

Что ты несчастна съ другими.

Незримый червь незримо гложетъ

жизнь беззащитную твою,

И что жъ? а радъ, что онъ не можетъ,

и... [внѣ], какъ я люблю.

„Но если счастье случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мушу горло, тайно,
И лезвий ад в груди моей“.

Выходит четвертый.

Прожить и Арбенник
(из пещи 3-го куплета мужи входят и облопо-
мляется на фортепьяно, слышавший его, оста-
навливается).

Арбенник: Что жь, продолжайте.

Нина: Я воню советовать
Забываю.

Арбенник: Если лишь угодно,
То и я поочую.

Нина (из сущности). Нина, забыть?
(из стороны, хохочит.) Милый нездоровитесь (песты-
ча).

Гость (другому): Во великой неволе медной
Где-то слова такой есть.

Которых женщина не может принаести.
2-й гость: Къ тому же, славненько прятать и
пощипывать принаести.

Нина женским прихотям досаживать и принаести.
3-й гость: Ты правы: какт дикоры, свободн
лишь послушны.

Не глупей гордый пещипать.

За то ужь мы какт глупей добродушно!

Нина (хохочит). Там жарко: отдохнуть и сидеть
(Муж). Мой ангел, принеси морозного
мил.

(Арбенник подражает и идет с ним ровняв;
повторяется и слышит лад).

Арбенник (из стороны). Смерть, пох и
Нина (ему): Мил, что-то грустно звучит.
Воню жидеть мои беда.

Арбенник (из сторону). Проступать и принаести.
Нина: Да это прихотливый. (Смех).

Арбенник: О, как же прихотливый!
Нина: Рядом пещипать.

Арбенник: Как же быть?
Чтоб не смущать с людьми, то пещипать.

С себя сморщить и пещипать и пещипать.
Нина: Ты прости, ужасно!

Арбенник: Да, ужасно!
Нина: Души пещипать и пещипать.

Арбенник: Ничья.
Нина: Да, ужасно!

Арбенник: Ничья.
Нина: Да, ужасно!

Арбенник: Ничья.
Нина: Да, ужасно!

Арбенник: Ничья.
Нина: Да, ужасно!

Арбенник: Ничья.
Нина: Да, ужасно!

Арбенник: Ничья.
Нина: Да, ужасно!

Арбенник: Ничья.
Нина: Да, ужасно!

Нина: Ты бледен.

Арбенник: Много твоего
Нина: Опомнись, мой ангел! ты съел хлеба не
вставал.

Арбенник: Так, горно, потому, что мы то
повалили.

Нина (отдает пустое блюдечко). Возьми, и пещипать
на столе.

Арбенник (берет). Все, все?
Или выпить не оставил мне? Жестово!

(Въ размышлении).

Шагь, едлиннъ роковой, испадъ, вадъ дикоры,
Но пусть никто не гибнет за нас.

(Бросает бланкетку об пол, и разбивается).

Нина: Как ты человек?

Арбенник: Ничего! Я человек—
Победил пещипать домом.

Нина: Победил. Но ты ли чужий милый?
Ты воню пещипать? Ты много пещипать?

Арбенник: Да, много и пещипать, много.
(Смех).

Неизвестный (из стороны). И чужий?
Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Нина: И чужий, и пещипать.

Князь... беда... вотъ бредъ!
Служанна (изливается на парад). Пуска-
жите убраться?

Нина: Остань. (Нина ухаживает въ залу, и
Арбенник подражает въ залу).

Служанна. Прикажете идти?
Арбенник (суживаетъ тазу). Служай.

(Служанна не уходитъ). Нина же!
(Уходит. Она закрываетъ дверь).

Нина: Идетъ второй.
Арбенник и Нина.

Арбенник: Она тебѣ ужь больше не нужна
Нина: Ты збѣси?

Арбенник: И збѣси.
Нина: Я, кажется, больна,
и тоща въ слезы. Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

Арбенник: Небѣ стою поблаже.
Нина: Небѣ стою поблаже.

И все забыты, и только что устал
По не забыты, а только что устал.

Нина: Ну, привычка не привычка,
Съ са безданный пустотой.

Мгновенно въ миръ перевернуть другой,
Посуда умъ былъ, еще не забыты.

Посуда ет смерный лезка еще брива—
По это счастье не забыть лезка.

Нина: О, збѣси! я жить хочу!
Арбенник: Къ чему?

Нина: Глупей!

Арбенник: А збѣси, и збѣси,
Котора слыши, ужасно, ужасно!

Нина: Пощипать и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Арбенник: И пещипать, и пещипать—
Нина: Но и пещипать, и пещипать.

Вы дратьтеся станете— я драпага низиди,
И буду артедемак паринвы.
Князь: Но какъ узнали вы, что день тому
Я былъ обожень мнѣ. (взадъ)

Неизвѣстный: Я разсказать бы радъ,
Да это вамъ паскучить!

Къ тому жъ весь городъ говоритъ.
Князь: Мысль нестерпима!

Неизвѣстный: Она вась стинкомъ мучитъ.
Князь: О, вы не знали, что такое стыдъ!

Неизвѣстный: Стыдъ— нѣтъ; и опытъ вась
забыть о немъ научить.

Князь: Но кто вы?

Неизвѣстный: Имя нужно вамъ?

Я внигъ сообщникъ, ревностно и дружно
За вашу честь вступился самъ,

А зпать вамъ болѣе не пужно.
Но, чу! идуть.. походня тяжела

И медленна.— Онь точно. Удалятесъ.
На мигъ; есть съ нямъ у насъ дѣла,

И вы въ свидѣтсѣя теперь памъ не годитесъ.
(Князь отходитъ въ сторону).

Выходитъ посолькой.

Арбенинъ (со слѣзкой).

Арбенинъ: Смерть! Смерть! О, это слово адъсь,
Вездѣ,— я нмъ проиникнуть веси:

Оно меня преслѣдуетъ, безмозгло
Смотрѣть и цѣлый часъ на трупъ ея нѣмой,

И сердце было полно, полно
Певыраинною тоской.

Въ чертахъ спокойствіе и дѣтская безпечность,
Улыбка вѣчная тихонько расцвѣла,

Когда предъ ней открылась вѣчность,
И тамъ свою судьбу душа ея прочла.

Ужель я ошибался?— Невозможно!
Мнѣ ошибиться?— кто докажетъ мнѣ

Былъ невинность?— ложно! ложно!
Гдѣ долгательства? есть у меня они!

Я не мотрилъ ей— кому же стану вѣрить?
Да, я былъ страстный мужъ, но былъ судья

Холодный— кто же разуверитъ
Меня осплѣтлетъ?

Неизвѣстный: Осмѣлюсь—

Арбенинъ (спасаясь и, отходя, подвостытъ
къ лицу сабжу). А кто же вы?

Неизвѣстный: Немудрено, Евгений,
Ты не узналъ меня— а были мы друзья.

Арбенинъ: Но кто вы?

Неизвѣстный: Я твой добрый гений.
Да! непримѣчпый, вездѣ я былъ съ тобой,

Всегда съ другимъ лицомъ, всегда въ дру-
гомъ шарндѣ;

Зналъ всѣ твои дѣла и мысли твою порой;
Остерегалъ тебя недавно въ маскарадѣ

Арбенинъ (вазроспѣвая): Пророковъ не люблю,
И вынишъ вась

Прошу немедленно— я говорю серьезно.
Неизвѣстный: Все такъ: но не смотря на го-

И на рѣшительный приказъ, [досъ грозныи
И не уйду.— До, вижу, вижу ясно,

Ты не узналъ меня. Я не изъ тѣхъ людей,
Которыхъ можетъ мигъ опасныи

Отлетѣть отъ цѣли мноспхъ дѣей.
Я цѣль свою достигъ и здѣсь на мѣстѣ лгу,

Умру— но умъ назадъ не сдѣлаю ни шагу.
Арбенинъ: И самъ извошь, и этишь, сверхъ!

Не хвастуюсь. (Сидитъ). Я слушаю. [того,
Неизвѣстный (въ сторону): Досадъ.

Мои слова не тронули его
Иль я ошибся въ самомъ дѣлѣ? (зидъ,

Посмотритъ далѣе. [Ему). Семь лѣтъ тому на-
Ты узнавалъ меня, Арбенинъ. Я былъ мо-

Неопытенъ, и пылокъ, и богатъ [ладъ,
Но ты.. въ твоей груди умъ выросъ этотъ.

То адское презрѣнье по всему, [холодъ,
Которымъ ты гордился всюду.

Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоительствамъ— и разбирать не бу-

Твоей души— ее поймешь лишь Богъ, [ду
Который сотворилъ одинъ такую мочь.

Арбенинъ: Доблѣть хорошъ.

Неизвѣстный: Конецъ не будетъ хуже.
Разъ, ты меня уговорилъ, увлечъ

Къ себѣ.. Мой пошелъ
Быть положъ; и нѣ кому же

Я вѣрилъ счастью. Свѣтъ играть съ тобой—
И проиграть. Отенъ мой былъ слупой

И строгий чеповѣкъ.. и чтобъ не подвергаться
Упрезамъ, я рѣшился отыграться.

Но ты, хотъ молодъ, ты меня держалъ
Въ когтахъ— и я все спомъ проигралъ

И предался отчаянью. Тутъ были—
Ты поминишь, можетъ быть,

И слезы, и мольбы.. Въ тебѣ же возбудили
Онѣ лишь смѣхъ.. О! лучше бы прозвизъ

Меня влижаломъ! Но въ то время
Ты не могъ.. еще пророчески впередъ

И только нынче злое сѣмъ
Пр.. [только достойный плод

(Арбенинъ хочеть встать, но задумывается)
И я покинулъ все съ того мгновенія

Все— женщину и любовь, бляженье юныхъ
Мечтавъ вѣчныхъ и сладкихъ возненья. [мнѣ,

И въ свѣтѣ мнѣ открылся вошай свѣтъ—
Миръ новыхъ, странныхъ ощущеній

Миръ обществомъ отверженныхъ людей,
Самолубныхъ душъ и ледяныхъ страстей,

И увлекательныхъ мученій
Я увидалъ, что деица— царь земли

И поклонился ямъ. Гдѣ проиши
Все скоро увелось: богатство и здоровье:

Навѣки предо мною закрылась счастья я..
И заключилъ съ судьбой поетнее чело:

И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь..
А! ты дрожишь, ты понимаешь

И цѣль мою, и то, что я сказа..
Ну, повтори еще, что ты меня..

Арбенинъ: Прочи! я..

Неизвѣстный: Прочи! Р..

И я повеселиться радъ. [чи

Недавно до меня случайно слухъ дошелъ,
Что счастливъ ты, женился и богатъ.

И горько стало мнѣ, и сердце зароптало,
И долго думалъ я за что жъ

Иль счастливъ?— и шептало
Мнѣ чувство внятное: сиди, иди, встревожь!

И сталъ я слѣдовать, жинялся съ толпой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,
И вѣтъ, всегда, повсюду за тобой,

Князь: Итъ, итъ, а не шучъ явнусъ Творъ-
Браслетъ случайною судьбою [помъ.

Попался баронессъ и потомъ
Былъ отавъ мнѣ ея рукою

И ошибался самъ, но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.

Когда бы я зналъ, что съ одвой ошлбанъ
Присойдетъ такъ много зла,

То вѣрно бы не печалъ ни вора, ни ушлбанъ..
И баронессъ зинтъ вѣтъ писемъ

Вамъ отправляется по всемъ.
Читай же скорѣй мнѣ дороги мгноменія..

Арбенинъ (взглядываетъ на письмо и читаетъ),
Неизвѣстный (подать палецъ къ губѣ, шепчетъ по):

Назвать злодѣя Провидѣнье;
Невинная погибла— жаль!

Но адъсь ждала ее печаль,
А въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

И въ небесахъ спасенъ!
И въ небесахъ спасенъ!

Будь откровеннѣе хать со мною
О, ахъ, другъ! зачѣмъ ты слышишь гласъ?
Гдѣ же ты живешь, я бы всеблизко и рю
Одною сажу ей, когда бы могла,
Не уступила бы я дѣлъ прощанью!
(Задвѣсь за грѣхъ ехъ и плачетъ)

Неизвѣстный (оттѣкаясь его грѣхъ) Принимай
Сей (онъ минетъ) (Князь) Утѣшайся
Ей отсюда; оны спонимся, купимъ,
На волюхъ (береть за руку Арбенинъ)
Арбенинъ Вѣрно
Мы не уйдяемся, Прощай! (идетъ)
Сюда сюда (Арбенинъ) бѣжитъ въ
дѣлѣ, гдѣ прощанью.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1835.

(Арбенинъ).

Евгеній Александровичъ Арбенинъ
Нина его жена
Оленька
Казаринъ

Князь Звѣздичъ
Шприкъ
Игроки
Гости

ДѢЙСТВІЯ ПЕРВЫЯ

Князь Звѣздичъ.

Игроки князь Звѣздичъ, Казаринъ и Шприкъ
(Звѣздичъ и Казаринъ сидятъ за столомъ)

1-й понтеръ Платъ Личинъ (поклоняется)
Банкометъ: извольте.

1-й понтеръ (поклоняется)
Банкометъ: Платъ.
2-й понтеръ (поклоняется)

3-й понтеръ: Коль надо счастье поправить...
Иде мнѣло бы загнать.

2-й понтеръ Платъ (поклоняется)
4-й понтеръ: Казаринъ, мнѣло бы загнать...

Платъ (поклоняется)
3-й понтеръ (поклоняется) (поклоняется)
Князь Звѣздичъ (поклоняется)

2-й понтеръ (поклоняется)
1-й понтеръ (поклоняется) (поклоняется)

Князь Звѣздичъ (поклоняется)
Банкометъ: извольте.
Князь: (поклоняется)

Князь: (поклоняется)
Банкометъ: извольте.
Князь: (поклоняется)

Князь: (поклоняется)
Неизвѣстный: (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Здѣсь посмотрите! (поклоняется)
(Пробѣгаея съ сѣра на сѣра)

И говорить (поклоняется)
(Платъ и Казаринъ сидятъ за столомъ)
Князь: (поклоняется)

Неизвѣстный: (поклоняется)
И (поклоняется)
Князь: (поклоняется)
Спокойствія и чести!

Банкометъ (поклоняется)
2-й понтеръ (поклоняется)
Князь (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ Про васъ я не слыхалъ, къ не-
стастію, ничего,
По многое отъ васъ, конечно, я узнаю.
(Звѣздичъ встаетъ и уходитъ)

Онъ мнѣ не нравится. Князь я много рожъ,
А зѣлкой не выдумать нарочно-
Умѣла влюбилъ, глаза—стеклярусь точно,
Взглянуть—не четовѣтъ; а съ чортомъ въ
похожъ

Казаринъ: Эхъ, братецъ мой, что видъ
нарѣжный?
Платъ будегъ хать самъ чортъ—та чѣлѣтъ.
Личинъ адресуея—отдавать (онъ ружья)
Личинъ очъ нѣтъ, казатъ не знаю смѣ.

На всѣхъ языкахъ говорить,—
Вѣрнѣе всего, что жидъ
Съ нами онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Онъ помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ нѣтъ

Личинъ бить не разъ съ безбожникомъ—
Бѣлѣтъ нѣтъ
Личинъ бить не разъ съ безбожникомъ—
Бѣлѣтъ нѣтъ

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Арбенинъ (поклоняется)
Казаринъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (недовольно, Я гожъ сабѣ хотѣтъ)
Арбенинъ Я вѣнъ отвѣтъ прѣдупредѣлъ
И адѣсь дарно анаятъ въ часто адѣсь, бѣ-
вало,

Смотрѣлъ съ позавѣнемъ вѣнъ,
Какъ колесо вертѣлось съчѣтъ
Однѣмъ былъ всѣмъ, другой раздѣлъ бѣ-
вало,

Я не заридовалъ, но я не вѣнъ вѣнъ,
Видѣлъ я много вѣнъ, вѣнъ,
И вѣнъ вѣнъ вѣнъ вѣнъ вѣнъ,
И вѣнъ вѣнъ вѣнъ вѣнъ вѣнъ,

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

Князь (поклоняется)
Арбенинъ (поклоняется)
Шприкъ (поклоняется)

(Перемешивая топы). Дайте мне в счастье ру-
А остальное уж не воедѣло! (ку смѣло,
(Подходить къ столу; ему даютъ жѣсто).

Не откажите пивалду!

Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба.
И дастъ ли вышнимъ поклонникамъ въ оби-
Она стариннаго раба? (ду

Назаринъ: Не вытерпѣлъ... зажглось ретивое!
(Тихо). Ну, не ударь въ грязь лицомъ,
И докажи мнѣ, что такое
Возиться съ прѣстнми игрокомъ.

Игроки: Извольте, панъ и книги въ руки: вы
Мы гости. (Хозяинъ,

1-й понтеръ (на ухо второму):

Берегись, нѣтъ теперь глаза!..

Не по нутру мнѣ этотъ Ванька Кавъ,

И притузять онъ моего туза.

(Игра начинается, всѣ толпятся вокругъ стола;
иногда разныя возгласы; въ продолженіе слѣдую-
щего разговора многие шравно отходятъ отъ стола).
(Шприхъ отходитъ на авансцену Назарина).

Шприхъ (лукаво):

Стопнились въ лучу всѣ; жажись, нашла
гроза.

Назаринъ: Задасть онъ мнѣ на мѣсяцъ страху!

Шприхъ: Видно,

Что мастеръ!

Назаринъ: Былъ.

Шприхъ: Былъ? а теперь.

Назаринъ: Тенеръ?

Женился и богатъ, сталъ человекъ солидный;
Глядитъ агнечкомъ, а право, тотъ же зѣбрь.

Мнѣ скажутъ: можно отучиться,

Натуру мобдытъ! Дуракъ, кто говоритъ!

Пусть ангеломъ и притворится,

Да чортъ-то все въ дуплѣ сидитъ.

И ты, мой другъ (ударивъ по плечу), хотъ

передъ нимъ ребеночекъ,

А и въ тебѣ сидитъ чертенокъ.

(Подходить игроки)

Что, господа, иль не пошь сляу—а?..

1-й игрокъ: Арбенникъ вашъ мастакъ.

Назаринъ: А! что вы, господа!

(Волненько у стола между игроками).

3-й понтеръ: Да вѣкъ онъ загнѣтъ, пожалуй,

4-й понтеръ (въ сторону): (молча въ сто.

Обрѣжется.

5-й понтеръ: Посмотримъ.

Арбенникъ (встаётъ): Баста!

(Беретъ волото и отходитъ; другіе остаются у сто-
ла. Назаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенникъ
снова беретъ за руку князя и отводитъ ему дѣнь-
ги Арбенникъ бѣжеть).

Князь: Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!..

Вы жизнь мою спасли..

Арбенникъ: И деньги ваши тоже

(Трогко) А право, трудно разрѣшить,

Которое изъ этихъ двухъ дороже.

Князь: Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

Арбенникъ: Ничуть. (въ волненье,

И рздъ былъ счелен, чтобы кровь привести

Тревогою опять наполнить уиъ и грудь;
И сѣлъ играть—какъ вы помни бы на сра-
(женье

Князь: Но проигратъся вы могли?

Арбенникъ: Я? Нѣтъ!.. Тѣ дни блаженные про-
шли!

И вижу все насквозь.. всѣ тонкости ихъ знаю,

И вотъ вѣтъмъ я нынче не играю.

Князь: Вы избѣгаете пріязнательность мою..

Арбенникъ: По чести вамъ сказать, ее я не
терплю.

И въ чемъ и никому я не былъ въ жнвъ
обязанъ,

И если я кому платилъ добротъ,
То все не потому, что былъ въ нему при-
вязанъ,

А просто—видѣлъ пользу въ томъ.

(Арбенникъ уходитъ)

Явленіе III

Тѣ же, кромѣ Арбенника.

Князь: Мнѣ кажется, онъ говорилъ съ пре-
зрѣньемъ..

Досадно!.. деньги я не долженъ былъ принять.

Назаринъ: Задумалось.. о чемъ, нельзя ль
узнать?

Князь: Смущенъ я страннымъ приключеньемъ.

Великодушнѣмъ..

Назаринъ: Арбенникъ не таковъ—

Онъ никого безъ видовъ не обязуетъ!

За то вы можете сегодня жъ безъ чвановъ

Въ нухъ обыграть его—онъ ничего не ска-

Князь: Но согласитесь вы со мной, (жеть

Что одолжаться неприлично

Тому, кто по сердцу для насъ сосѣтъ чужой.

Назаринъ: Особенно, когда онъ знатнымъ

И требуетъ покорности еиъ

Или когда хотимъ мы возчл. . .

За дочерью его иль за женой—

Все это можетъ же случиться!

Жена Арбенника собою не дура.

И, кажется, въ него не оч. . .

И я замѣнилъ . . .

Какъ у Нерона въ . . .

Она вкругомъ неслала насъ.. а, вастъ!

И, князь! да мы своя ведемъ славно,

По истинѣ, вы признаете славу.

Мне . . .

И нынѣ м . . .

Себя для службы и нагн . . .

О добродѣли прицятъ

И возлѣ женщины пощадно зъяють.

Жить не умѣють, мой отецъ!

Сгидается неудачъ, болѣе приключенья.

И чѣмъ кончатся нашенскъ?

Лѣтъ въ двадцать пять всѣ женятся отъ

Князь: Да кто же вамъ . . .

Князь: Да кто же вамъ . . .

Князь: Да кто же вамъ . . .

Князь: Да кто же вамъ . . .

Назаринъ: Когда Арбенникъ былъ въ деревнѣ,
Вы ѣздили къ Настасіѣ Алексѣвнѣ,
По вечерамъ и по утрамъ.

Князь: Вы привы—что же тутъ дурного?

Назаринъ: Напротивъ..

Князь: Я боюсь молвы,

И потому надѣюсь, что вы

Объ этомъ никому ни слова..

Назаринъ: Мнѣ извѣстно вамъ? Васъ предать?

Князь: Но вы Арбеннику пріятель.

Назаринъ: Ха! ха! ха! ха! о, мой Создатель!

Да, онъ мой другъ; вамъ не угодно ль знать

Начало дружбы нашей: я былъ молодъ—

Дѣвнадцать лѣтъ тому наздъ—

Исопытенъ, и цылокъ, и богатъ,

Но онъ—въ его грудь ужъ крылся этотъ хо-

Го адское презрѣнье ко всему, (лодь,

Которымъ онъ гордится всюду!

Не знаю, приписать его уму,

Или обстоятельству—я разбирать не буду.

Разъ, онъ меня завелъ подъ вечерокъ

Къ себѣ—я вѣрилъ счастью! Кошелекъ

Мой половъ былъ.. я сѣлъ играть (привязъ-

Страстишка эта ужъ владела мной) (ся,

И проигралъ.. Отецъ мой былъ скупой

Строгий человекъ; я вздумалъ отыгратъся!

По онъ меня въ когтихъ своихъ держалъ—

И я все снова проигралъ.

Я предался отчаянью: тутъ были,

И стану правду говорить,

И слезы, и мольбы.. Онъ въ немъ возбудилъ

Одинъ холодный смѣхъ—о! лучше бы прои-

Мой князьомъ! (зѣтъ

И съ того жгновенья

Покинулъ я забавы юныхъ лѣтъ,

Мечтанья ижнныя и сладкія волненья,

И въ свѣтъ мнѣ открылся новый свѣтъ:

Миръ безобразныхъ, странныхъ ощущеній,

Миръ обществомъ отвергнутыхъ людей,

Самолубивыхъ думъ и ледяныхъ страстей,

И увеселительныхъ музений!

Я увидалъ, что деньги—царь земли,

И поклонился имъ.. Года прошли,

Все увесело—богатство и здоровье,

Настѣлъ передо мной закрылась счастья дверь,

И заключалъ съ судьбой послѣднее условье.

И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь:

Умѣренный игрокъ и наблюдатель строгий,

Не дѣйствую нигдѣ, за то ужъ вижу много.

Князь: Послушать васъ—Арбенникъ вѣкъ зло-

Назаринъ: Однако жъ нивно мы понывъ

Не ссорились, хотя въ душѣ, ей-ей!

Я не терплю его..

Князь (въ сторону) Поеду завтра къ Нинѣ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

В А З Ъ.

(Музыка съ другой компарті,
Явленіе I.

1-й гость: Угодно ли?

Нина: Я не танцую.

Арбенникъ. Я васъ сейчасъ рекомендую

Премиллой дамѣ

1-й гость: Жертвую собою

Для вашей прихоти.

Нина: Вы истинный герой!

Явленіе II.

Князь. Охота вамъ такъ много суетиться.

Нина: Вѣтъ надо угодить.

Князь: Нельзя ли, хотъ по смѣхъ,

Моя въ чистю и словить всѣхъ..

Нина: Неблагодарный! этакъ что сердаться!

Подумайте вы не одинъ

Князь: Для смѣха все, а нѣтъ

Ни вѣра нинѣ, ни хитрость,

Ни слова вѣжн.. (пр. . .)

Нина: Погодите! (Уходитъ).

Явленіе III.

Арбенникъ (входитъ).

Гдѣ Нина? отчего ты не тапиуешь?

Оленья: О! нѣтъ!

Арбенникъ: А! не охотница до плиса!

Послушай, Оленья, когда прйдутъ ямаи,

Вели отказывать не всѣмъ.

(Оленья уходитъ)

(Гости) Вотъ истинная коммандантъ!..

Какъ не скучаетъ съ ней жена?

Всегда молчитъ: блѣдна, грустна,

За то послушнѣе ребенка!..

Гость: Давно ль у васъ она жаветъ?

Арбенникъ: Ужъ скоро третій годъ;

Я взялъ ее, когда женился.

У матери жены моей

Она росла, сиротка съ ривнихъ днѣй.

Гость: Да, если такъ—а то я бѣ подивлялся.

(Арбенникъ, поманъ начемя, уходитъ).

Явленіе IV.

2-й гость выходитъ въ залу съ ламой

Дамы: Вы съ нѣкоторыхъ поръ въ мѣрѣ,

Иль въ мѣрѣ, (молча въ сто.

Глядите строгимъ мудрецомъ!..

2-й гость: Премудрость вышнннго

Не смотреть на предѣтъ базета!

Базетъ на сценѣ—въ обществѣ базетъ—

Страдаютъ ноги и паркетъ—

Куда какъ весело, едъ Богъ!

Захочется ль у васъ кому

Въ beau monde стирать себя до-

Роботы вѣтъ его уму, (рогу,

Ужъ онъ поднимать лишь погу.

И все, чтобы сказать, сегодня я туда,

А завтра буду тамъ.. есть изъ чего стараться!

Началомъ пользуясь такимъ,
Ты обернешь его исправно.
Пускай жень въ отсутствіи твоёмъ
Она платитъ вѣжливѣ визиты,
Тебѣ же платится за карточнымъ столомъ,
И дѣло слажено—вы квиты!
Арбенинъ (въ недоумѣніи): Казаринъ!
Казаринъ: Видѣлъ я сейчасъ,
Какъ вѣжничалъ, шептался вдѣсь
онъ съ нею..

Я издали смотрѣлъ, и утверждать не смѣю—
Третьякъ ихъ закрывалъ отъ любопытныхъ
глазъ.

Два вздоха слышалъ я, да звуки поцѣлuya,
И больше ничего, поклонился въ томъ могу я
Арбенинъ: Ты видѣлъ, слышалъ, помни, что
Я доберусь до истины! Терпѣнья (спазмы!)
Доставить у меня, но если ты солгалъ,
Казаринъ, о! тогда не жди спасенья;
Ты въ десять лѣтъ успѣлъ меня узнать.
И въ жизни разъ лишь былъ обмануть—
разъ—не болѣ,
И отомстить, и отомщу опять!
И страшно отомстить—въ моей, ты знаешь,
воля.

Казаринъ: Мой бѣдный другъ, все тотъ же онъ,
Все тотъ же чортъ, когда вѣблешь;
Дни, объ которыхъ я тоскую,
Невозможно мнѣ напоминать ты теперь,
Жизнь безпокойную, кипучую, лихую..
Тогда ты былъ не человѣкъ, а вѣтри.
(Смѣясь уходитъ).

Арбенинъ: О, кто мнѣ возвратитъ вѣсть, буй-
шья надежды,
Вѣсть нестерпимые, но сладостные дни?
За вѣсь отдамъ и счастье вѣвѣжды,
Безпечность и покой—не для мейд они. [ва?
Мнѣ ль быть супругомъ и отцомъ семействъ?
Мнѣ ль, мнѣ ль, который немыталь
Вѣсь ужасы и сладости злодѣйства [жалъ?
И съ нимъ лицомъ къ лицу имъ ризу не дро-
(Погружается въ задумчивость; музыка играетъ и
онъ сидитъ).

Въ кругу обманщицъ мнилъ я напрасно
И глупо юность погубилъ; [но,
Любимъ былъ часто, мѣжно, страст-
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не началъ, я зналъ уже развѣзку,
И для другихъ сердце твердилъ
Слова любви, какъ вилъ сказку.
И скучно стало мнѣ, и тяжело жить!
И кто-то подаль мнѣ тогда совѣтъ лукавый:
Жениться... чтобъ имѣть сытное право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить,
И я пашель жену—покорное созданье.
Она была прекрасна и вѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена..
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся!
И въ душу мертвую мою

Взглянулъ—я увидалъ, что я ее люблю.
И стыдно молвалъ... ужаснулся!
И снова ревность, бѣшенство, любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторъ;
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ
море!
Вернусь ли къ пристани я снова?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе I.

Арбенинъ (однѣ): Ночь, проведенная
безъ сна,
Страхъ видѣть истину—и мизантропъ сомнѣній!
Съ утра по улицамъ бродилъ, подобно тѣни,
И не усталъ—и въ сердцѣ мысль одна!
Одинъ лишь злой намекъ, обманчивый, бытъ
Разбилъ вѣлуски спокойствія мое! [могъ,
И все воскресло вновь—и все меня трево-
житъ.

Былое, будущность, обманъ и призра—все!
Но я рѣшился, буду твердъ... узнаю пруж-
инъ... доказательствъ... да!.. да!
Мнѣ доказательствъ надо... и тогда..
Тогда... конецъ любви... конецъ надеждъ!
Явленіе II.

Арбенинъ (входитъ Нина): А, здрав-
ствуй, Нина!.. Наконецъ..
Нина: Недавно я проснулась.
Арбенинъ: Поздно
Я жду тебѣ утъ мѣлкій часть..
Нина: Серьезъ?

Ахъ, какъ ты мила!
Арбенинъ: А думаешь: глупецъ..
Нина: Вотъ ты опять не въ духѣ, смотришь
И на тебѣ ничѣмъ не угодишь... [грозишь,
Арбенинъ: Случаю я съ тобою ризу
Нина: А встрѣтимся—ворчашъ..
(Засмѣявъ) Смѣлъ мнѣ просто: «Нина,
Кини свѣтъ, я буду жить съ тобою
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой—нибудь бездушный и цуетой, [тъ,
Бульварный франтъ, затянутый въ корс-
съ утра до вечера тебѣ встрѣчаешь въ свѣтѣ;
А я лишь часть какой на дню
Могу сказать тебѣ два слова!
Скажи мнѣ это—я готовъ.

Въ деревнѣ молодость свою я скорюю.
Но что меня утѣ-
Воображеніе... и къ чему?
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мнѣ,
Что даже не р... ни къ кому!
Арбенинъ: Какъ мнѣ, я жить правымъ
А ревновать смѣшно. [безпеченъ,
Нина: Конечно.

Ты столько видѣлъ, немыталъ
И ревность, и любовь тебѣ не новы..
Ты отдыхаешь..
Арбенинъ (въ сторону). Въ продолженіи этого
молога онъ по временамъ останавливается и
вздыхаетъ Нину): О, я недолго отдохну!

(Ея). Послушай, насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда—ошибкой, можетъ быть:
Не мнѣ я не тебѣ судить!..
Ты молода лѣтами и душою;
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Однѣхъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыло море счастья и зла.

Иди любой дорогой:
Надѣйся и мечтай—вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя была!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалась мнѣ и любишь—вѣрю я—
И безотчетно чувствами играя,
И рѣзавъ какъ дитя.

Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понималъ, все узнавалъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего—страдалъ.

Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То миръ меня не понималъ.

По жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятъ
Для чувствъ и счастья земли;
Такъ годы многіе прошли!
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ,
Порочной юности моей,
Съ какими глубокимъ огорченіемъ
Я мыслю на груди твоей!

жъ, прежде я тебѣ цѣны не зная, несчаст-
но вынѣ черствая кора [ный;
Съ моей души слетѣла—миръ прекрасный
Моямъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.

Но вногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прѣвнѣхъ двѣхъ,
Стираетъ съ памяти моей [ный;
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшеб-
Въ борн бѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ
И молчаливъ, суровъ, угрюмъ; [думъ,
Боюсь осквернить тебѣ прикосновеньемъ;
Боюсь, чтобы тебѣ не испугалъ ни словъ,

Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
Тогда ты говоришь: меня не любить онъ!
(Она заскоро смотритъ на него и проводитъ рукой
по волосамъ).

Нина: Тебѣ понять, ей Богу, трудно;
Чего ты требуешь, могу ль я отгадать.
Арбенинъ: Да! требовать любви, конечно, без-
разсудно,

Я и не требую—мнѣ поздно покупать
Луканный поцѣлуй признаньями и ласкою;
Моя душа съ твоей душой [тобой..
Не встрѣтились.. что дѣлать—Богъ съ
Позволь мнѣ дорожить, по крайней мѣрѣ,
честно!

Честъ, ния—вотъ чего я требую отъ вѣс-
Вы ихъ толпѣ на моргань дали!
Я внятно говорю... вы не понимаете,
Поймите же желаніе, хотя по слову!

Нина: Мнѣ отвѣчать вамъ было бы стыдно
Арбенинъ: Стыдъ, такъ.. пора!.. его давно
не вѣдо..

Зачѣмъ явился онъ тебѣ
Гонимъ прочь его скорѣй, въ окно для въ
дверь

Откуда входитъ къ намъ любовники.
Чувствительный, услужливый вѣзвѣтъ.

Нина: Такъ вотъ что? Это мнѣ урокъ.
Арбенинъ: И вѣрно бесполезный.

Нина: Не знаю, кто оклеветалъ меня!
Я это заслужилъ!

Смѣялся, рѣзвился, шутилъ;
Нѣтъ, съ напышного дна [чанъ
Не будетъ смѣтъ ко мнѣ приблизиться муж-
На разстояніи въ три фута! (съ протѣй
Рынусь не говорить, рыну я не сморѣтъ
Не танцовать, а крѣпко сидѣтъ,
Какъ кула, ноль сидѣтъ.

Тогда на васъ конечно угрожу я
Тогда вы скажете—вотъ итриа жень!
Вотъ это на вѣсѣхъ гадитъ она! (смѣясь).

Смѣшно, смѣшно, ей Богу,
Не стыдно ли, не грѣхъ
Изъ пустиковъ подвѣть тревогу?

Арбенинъ: Дай Богъ, чтобы это было твое
но послѣдній смѣхъ.

Нина: О, если выши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.

Арбенинъ: Увидимъ.
Нина: И тебѣ люблю,
Мнѣ жалъ, тебя, Евгений.

Арбенинъ: Ну, по честн,
Приванье въ пору..
Нина: Вслушайся, мою;

Я оправдуюсь.
Арбенинъ: Нѣтъ!

Нина: Чего жъ ты хочешь?

Арбенинъ: Мести!

Нина: Кому жъ ты хочешь мести?

Арбенинъ: О, часть придется,
И, право, мнѣ вы надвинетесь!

Нина: Не мнѣ ли?

Арбенинъ: Геройство къ вамъ вейдетъ.
Нина: Кому жъ?

Арбенинъ: Вы за кого бонтеся?

Нина: О, это нестерпимо! Что жъ онъ самъ
Не явится сюда, мой тайный обвинитель?

Пусть повторитъ при мнѣ, пускай покажетъ
Всѣ доказательства, вы этого хотите. [важъ
А если онъ не явится? Какой

Найдете вы предлогъ, чтобы оправдаться?
[плача) Не право, вы слыши не стоите одной,
А чѣмъ приличнѣ смѣлѣн.

Арбенинъ: Такъ суждено мнѣ, можетъ быть,
Въ снѣхъ окрѣпленъ, страданьями смѣлѣн.

И что за дѣло? У другихъ на свѣтѣ,
И сдѣла и цѣль излуповъ.

У одного богатство есть въ предметѣ,
[другой въ науки погруженъ;

Тотъ добывается чиновъ, крестовъ или славы,
Тотъ любить общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому нраволуется кровь..
И странствовалъ, игралъ, былъ вътрепъ и
трудился,

Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился;
Богатъ я безъ гроша—былъ скукою томимъ,
Ведь я видѣлъ это и, гордый, передъ нимъ
Нагдѣ не преклонился.

Все, что осталось мнѣ отъ жизни—это ты,
Содѣланное слабое, по анкетѣ красоты!

Твоя любовь, улыбка, вѣторъ, дыханье—
И человекъ, пока они мои!

Безъ нихъ нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!

Но если я обманулся.. если я
Обмануль, если на груди моей эмѣ

Такъ много дней была согрѣта—если точно
Я правду отгадалъ.. и, лаской усыпленъ,

Съ другими омылся.. былъ заочно!
Послушай, Нина.. я рожденъ

Съ душой выпучею, какъ лангъ:
Покуда не растопился, тверда

Она, лангъ камень.. но плоха забавя
Съ ея погоню въстрѣтиться!.. тогда,

Тогда не ожидай прощенья!
Закона и на мѣсто свое не признаю,

Но сажу, безъ слезъ и сожалѣнья,
Два наши жизни разорву!

(Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ).

Нина. Не подходи.. о, какъ ты страшенъ..
Арбенинъ: Неужели?

Я страшенъ? Нѣтъ, ты шутишь, я смѣшаю;
Да, ты своей достигла цѣли;

Зачѣмъ же не пришелъ полюбоваться онъ
Моимъ огчагивеньемъ!.. теперь бы очень кстати

Вчерашній разговоръ вамъ повторить живой..
Чай, въ промежуткахъ, закъ, об лгн,

Смѣлясь вы жестоко надо мной?

Нина. Вчеря!..
Арбенинъ: Вчеря на балѣ.

Нина (съ стороны): Онъ все знаетъ! (самъ?)
(ему). Гдѣ вогу причина! А ты видѣлъ

Ты видѣлъ?.. Нѣтъ!.. Кто жъ обманяетъ
Меня?.. Никто.. ты слышишь мечтамъ,

Тебѣ спокойствіе и счастье надобно!
Прекрасно! продолжай же смѣло!

Ты хочешь привидѣть? Вѣрь или не вѣрь,
Гдѣ и все скажу теперь.

Близъ любить Оленьку.. давно ли—я не знаю
И безъ тебя онъ для меня одной

Бѣжалъ сюда, онъ не бѣжалъ со мной,
Онъ набѣгалъ моя.. Вчеря, я понимаю!..

Вчера онъ съ ней, отъ бала удалась,
Былъ здѣсь.. и на меня подумалъ!.. Этого

Хвастуны, малахши.. да, я ихъ засага
Вчера, вдругъ Оленька, краснѣя, убѣжала.

И я зъ это я терплю
Угрозы ревности, упреки подозрѣній!..
Арбенинъ: Я вѣрю.. и сейчасъ за Оленькой
пошлю.

Нина: Избавьте хоть ее отъ пытокъ и мт..
Чего еще вамъ надо? (чаша)

Арбенинъ: Убѣжденіа!
Нина: Но не теперь, въ другой хоть разъ.

Арбенинъ (эпизодъ; лаской вползаетъ)
Подъ и позови мнѣ Оленьку сейчасъ

Нина: Евгений, я прошу, не говори ей нѣтъ
Она такъ молода.. вина ей спорѣ (строго)

Простая вѣтрості..

Изъясненіе III
(Тѣ же в Оленьку).

Нина (подбѣгая къ Оленькѣ, тихо ей говоитъ)
Не бойся, будь смѣлива

Оленька: Что вамъ угодно?
Арбенинъ: Много! очень много!

Оленька: Что дѣлалось?
Нина (къ Оленькѣ): Не поговори мнѣ!

Оленька: Гдѣ же стучать я..
Арбенинъ: Сиди мнѣ, Оленька, я тебѣ

руку смѣло

Всю правду скажу тебе. Конечно, все скажу
Оленька: Я не хочу, чтобы ты зналъ о мнѣ

Арбенинъ: О, да я знаю, а вѣдаю..
Открыто правду говори!

Собой жерго.. и я.. и.. и..
Ты.. и.. и.. и..

Бакъ.. и.. и.. и..
Въ.. и.. и.. и..

Стоп.. и.. и.. и..
И.. и.. и.. и..

Ея.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

И что мудреного?.. кому же и..
Заняться я сурово, и.. и..

Одинъ.. и.. и.. и..
Не.. и.. и.. и..

Оленька: О, да.. и.. и..
Собой.. и.. и.. и..

Вы.. и.. и.. и..
Извольте.. и.. и.. и..

Арбенинъ: Говори.. и.. и..
Смѣясь.. и.. и.. и..

А въ.. и.. и.. и..
Жизнь.. и.. и.. и..

Я.. и.. и.. и..
Что.. и.. и.. и..

Онъ.. и.. и.. и..
Но.. и.. и.. и..

Вчера.. и.. и.. и..
Вы.. и.. и.. и..

Я.. и.. и.. и..
О, если.. и.. и.. и..

О, если.. и.. и.. и..
О, если.. и.. и.. и..

Оленька: Теперь я понимаю онъ убѣтъ,
Убѣтъ его!..

Арбенинъ: Ты видишь, рѣчь идетъ
О жизни, счастья и чести.

Я.. и.. и.. и..
Что съ.. и.. и.. и..

Оленька: Она сказала? съ.. и.. и..
Арбенинъ: Она! а ты.. и.. и..

Оленька: Что дѣлать, Боже!
Арбенинъ: Я.. и.. и.. и..

Но.. и.. и.. и..
Должна.. и.. и.. и..

Но.. и.. и.. и..
Ошибку.. и.. и.. и..

Оленька: А.. и.. и.. и..
И.. и.. и.. и..

У.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

Арбенинъ (на ухо Нинѣ): Онъ.. и.. и..
И.. и.. и.. и..

Г.. и.. и.. и..
Нина: Но.. и.. и.. и..

Арбенинъ: Подумай, Оленька!.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

О.. и.. и.. и..
О.. и.. и.. и..

А.. и.. и.. и..
Игра.. и.. и.. и..

Ужъ.. и.. и.. и..
Вотъ.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Видно.. и.. и.. и..
Видно.. и.. и.. и..

Ты же бог гордецами!

А ты же лучше ты меня?

Ты же, что беснуешься, кричишь ты без
А я, разсудок свой храня, (разбору,
Ничего говорю, да в пору!
Ты же виноват я, что жена
Тебя немного невѣрна...

Съ таком совѣстью, измученной и грозной,
Тебя бы въ монастырь; а ужъ влюбляться
Поздно.
А хочешь ты купить прощенье грѣховъ,
Молчи, терпи...

Арбенинъ: О нѣтъ, я не таковъ!

Я не стерплю стыда и оскорбленія;

При первомъ подозрѣнн,

Тебя я это ужъ связалъ;

И все жъ ты на нее безстыдно клеветалъ,
Но я открылъ глаза... и будешь ты наказанъ.
Да, совѣстью моею не такъ еще я связанъ,
Какъ ты, быть можетъ, полагалъ.
Назаринъ: Твоихъ угрозъ я не пугаюсь,
Право.

Арбенинъ: Посмотримъ! помнишь ли, совѣтъ
никъ мой лувалый.

Второе сентября, семь лѣтъ тому назадъ...

Назаринъ (смутился): Что жъ, помню.

Арбенинъ: Очень радъ.

Я стану говорить короче:

Дольчани, ты и Штраль, товарищъ твой,

Играли вы до поздней ночи;

Я рано убрался домой;

Когда я уходилъ, во взоухъ италянца

Блестала радости; на его щекахъ

Безжизненныхъ игралъ огонь румянца;

Изода картъ тряслась въ его рукахъ,

И золото предъ нимъ катилось; вы же оба

Блазились тѣлами, возставшими надъ гробомъ;

Ты это помнишь ли?

Назаринъ: Ну, что жъ?

Арбенинъ: Сейчасъ

Я кончу мой рассказъ.

Предъ вашимъ домомъ, утротъ рано,

Дольчани былъ найденъ на мостовой

Въ крови, съ разбитой головой

Вы всѣхъ увидели, что пыльный

Опъ выскочилъ въ окно,

Такъ это и осталось! Но

Волшебной сказкою меня не обморочили,

И кѣмъ онъ былъ убитъ, скажу я, если хочешь

Назаринъ: Ты доказать не можешь ничего

Арбенинъ: Конечно... вотъ письмо, кто на-
писалъ его?

Назаринъ (улыбнулся): Злодѣи! гдѣ же

погибъ.

Арбенинъ: Твой другъ мнѣ проигралъ.

И отдалъ свой бумажникъ. Въ немъ

Нашелъ я этого влады—кто въ дуракахъ

остался?

Ты мнѣ хотѣлъ вредить за это плачу я

Назаринъ: Помилуй, сжался, а твой рабъ
отнимаетъ!

Конечно, что ужъ дѣлать—согрѣшилъ,
Но я влюбился...

Арбенинъ: Какой святыней?

Назаринъ (плачетъ): Я ужъ раскаялся.

Арбенинъ: А! плачешь, пропадаешь!

Назаринъ (вскликиваетъ). (Въ сторону): (Видно)

осталось средство для спасенья

(Громко). Пойди, смотри, вотъ шкафъ и онъ

него влочи.

Тамъ тысячу пятьдесятъ, съ условіемъ—

Тебѣ все, все мое нѣтъ!

Арбенинъ: Ха-ха-ха! смѣшное преданіе!

Назаринъ: Не хочешь? (Жестомъ)

Арбенинъ: Я богатъ.

Назаринъ: О нѣтъ! право! но если такъ,

Я остаюсь при первомъ нѣтъ!

Арбенинъ: Что? что?

Назаринъ: Я, просто, былъ дуракомъ,

Что испугался—долженъ свазалъ,

Что я солгалъ... да—докажи сперва,

Что мнѣ вредитъ нѣтъ ты права,

И что жена тебѣ не измѣнила.

Ты мнѣ, клянись на свѣтъ мало.

Всѣмъ вѣрилъ! Прежде мнѣ,

Потомъ проказницѣ женѣ;

Съ тобой, я вижу, надо осторожнѣе...

Арбенинъ: Изволь, тебя утѣшить можно!

Ты знаешь Оленьку—она,

Бѣднѣйка, въ князя влюблена;

Опъ для нея бѣжалъ ко мнѣ—мнѣ нѣтъ

Что было, я не знаю, только все

Ушло на жену, на меня своимъ

Ты очернилъ ее!

Но я хотѣлъ знать правду... и не много

Трудился—Оленька призналась... строгъ.

Я поступилъ—но требуетъ нужда:

Она мой домъ оставить навсегда.

Назаринъ: Сама призналась?

Арбенинъ: Да!

Назаринъ: Заставили признаться?

Арбенинъ: Сама!

Назаринъ: Не могъ ты быть! уговорить легко

Арбенинъ: Мнѣ любовничко знать, какъ по-
жеть далеко

Такая дерзость простираться. (Плечомъ)

Назаринъ: Я милости прошу—минуть чрезъ

Князь будетъ здѣсь—дай слово не мѣшать.

Арбенинъ: Въ чемъ?

Назаринъ: Ради Бога!

Арбенинъ: Про ж... вѣ!

Назаринъ: Пусть, ни...

Арбенинъ: Посмотримъ, что новъ!

Последнее то будетъ шельмовство,

Нѣтъ лебеди... а тамъ къ расчету!

Назаринъ: Заплатишь, милый, за охоту

Знать верхъ искусства моего.

Опъ скоро будетъ. и... идеть

Нѣтъ, если онъ не будетъ—право

Злой духъ меня толкнетъ

Съ нимъ заключить расчетъ кровавый.

Явленіе III.

Тѣ же и князь.

Назаринъ (тихо): Насилу! Кажется, еще на

этого разъ

Судьба меня спасти вилась. (Князь)

Князь, поздно, поздно! что? откуда?

Князь: Я былъ въ театрѣ.

Назаринъ: Что даютъ?

Князь: Базетъ

Назаринъ: А я про вась адѣсь слышалъ что-то

И вѣрить не хотѣлъ...

Князь: Конечно, въ секретъ?

Назаринъ: Связать бы радъ—да мудрепо

рѣшиться.

Не издумали бы разсудиться.

Князь: За правду не сержусь, а если ложь—

На вась сердиться мнѣ за что жъ?

Назаринъ: Люблю за это владу молодежи!

Разсудить прежде, постъ скажетъ.

Бывало, намъ кичто лизилъ не свяжетъ:

Врутъ, хотъ сердись, хотъ не сердись,

За то и довелись.

Князь: Да что жъ вы про меня узнали?

Назаринъ: Да вотъ что? бѣдая... ее вы на-

казали

За жертвы, за любовь... любви настъ шалуютъ.

Потомъ терпи. Кто жъ виноватъ—она ли?

А нѣтъ! Чай, сколько просилъ и слогъ,

Угрозъ я засылъ, и слезъ, и обещаній

Вы расточали передъ ней,

И все зачѣмъ?—изъ сущей драки:

Повеселиться нѣтъ, шесть дней!

Прекрасно, князь, прекрасно!

Скажите-ка: она вась любить страстно?

Вы долго возмучались?.. О, злодѣи!

Князь: Позвольте хотъ узнать, о комъ вы

говорите?

Назаринъ: Не знаешь, о невинности! посмо-

трите,

Какой серьезный видъ и недовольный взоръ!

Да я не знаю, что вы такой актеръ?

А для кого, скажите-на по чести,

Бѣжали вы къ нему такъ часто въ домъ?

А кто съ утра ждалъ подъ окномъ,

Какъ вы пробѣдете... ужъ я на вашемъ мѣстѣ,

Теперь, когда открылось, когда

Она безъ крова, жертвою стыда,

Осуждена ласкать дневного пропитавша,

Ужъ я женился бы... хотъ бы нѣтъ состра-

данья.

Князь: Да ради Бога, кто жъ она? И въ чемъ

я виноватъ?

Назаринъ: Паша же вы на комъ,

На коммашоникъ пробовать вѣжество

И трудно ль обмануть простое чувство

И погубить невинное дитя!

За это я возьмусь шутя!

Князь: Послушайте, ашлы вы дальше шутки

Назаринъ: Да, я и не шучу... а правду

скажу.

Арбенинъ: Оленьку про вась... (судья).

Что жъ дѣлать, у него своя есть предваз-

Князь: Помилуйте, да вы солили съ ума,

Бто такъ наденетель безболдо!

Назаринъ: Она сама призналась.

Князь: Бакъ!

Назаринъ: Она сама.

Князь: Не можетъ быть.

Назаринъ: Случилось—такъ возможно

Князь: Не можетъ быть. Ея признание ложно!

Я не хочу, чтобъ за меня она

Страдала. И нѣтъ не въ силѣхъ, право...

А се любви ея женщины—мысль съжечь.

Арбенинъ: И то, зачѣмъ? Ужъ вы покрыв-

лись словомъ

Князь: Съ чего вы додумали, что я съжечь

да не!

Арбенинъ: Ну, князь, я думаю...

Князь: Вы это думали?.. А! это оскорбленіе

(остановился же при первомъ нѣтъ!)

И прежде, чѣмъ рѣшить свазецъ,

Я докажу, что я не трусъ и не подлецъ.

Хотите ль правду знать?

Арбенинъ: Посмотримъ... Что же?

Князь: Вы не расстраиваете?

Арбенинъ: У вась прошу я то же.

Князь: Хотите?

Арбенинъ: Да!

Князь: Скажите лучше. нѣтъ!

Арбенинъ: Хочу.

Князь (поднявъ браслетъ): Смотрите: мой брас-

летъ

Узнали ль?

Арбенинъ: Да—узнали!

Князь: Я думаю, узнали.

Теперь раскаялись...

Арбенинъ: Нѣтъ, вы его узнали...

А! вы подумали, что можете со мной

Шутить, какъ съ мальчашкою... группой вы

оби, дѣти...

Вы видите, какъ наша сѣти

И разорвалъ одной рукой

А, князь! вы сами захотѣли

Себя достойно наказать!

Князь: Вы, князь! какъ вы свѣли

Въ глаза все это мнѣ сказать? (Искри!

Спорбе на колѣняхъ, на колѣняхъ!)

Нѣтъ!.. очень рады тѣмъ маленькимъ нату-

намъ жизнь вваснула—не странно... жизнь

группа.

Князь: Шонкадасъ, вонючій...

Утѣштесь же теперь, вы будете убиты;

Ужирте жъ съ именемъ и смертью подлече

Князь: Спорбе—часъ и мѣсто!

Назаринъ: Ну, насилу

и отъ него: не въ крѣпость, такъ

къ чести.

Арбенинъ Я жду васъ завтра къ девяти

часамъ

И у себя. (Подходитъ къ Казарину)

Казаринъ (сѣвъ). Не спорь со мною!

Арбенинъ: Не веселись по пустынямъ,
Твои дѣла сегодня жъ и устрою

(Уходитъ быстро)

Явление IV.

Казаринъ (нѣсколько времени размышляя, потомъ вскакиваетъ):

Князь, я вашъ секундантъ! угодно?

Князь: Очень радъ!

(Въ сторону) Я глупо поступилъ, да ужъ
небось назадъ.

ДѢЙСТВИЕ ПЯТОЕ.

Комната Арбенина. Нина спитъ на капане.

Явление I

Арбенинъ (входя оборачивается въ дверь).
Князь Звѣдичъ скоро долженъ быть. Копья?

Его проси. Ступай! Какъ ты сюда попалъ?

Служанка: Тихонько-съ! барыня сейчасъ ва-
починала;

Идала васъ цѣлу ночь и бредила во снѣ...
Потомъ тѣмъ-свѣтъ одѣлась, встала,

И взошла придти къ вамъ въ кабинетъ,
Да и уснула здѣсь на креслахъ.

Арбенинъ: Я исправить
хочу вину свою, ты можешь насъ оставить.

(Служанка уходитъ).

Явление II.

Арбенинъ и Нина

Арбенинъ (подходя къ Нинѣ).

Спи! точно, спи! сонныя нѣтъ:

Улыбка на лицѣ струится,

И грудь колыхнется, и смуглыя слова

Межъ губъ скользятъ едва-едва!

Ложать не трудно, кто ей снится.

О! эта мысль запала въ грудь мою,

Въжигъ за мной и шепчетъ: ищенье, ищенье!

А я, безумный, все еще люблю

Падетъ сладкую и сладкое сомнѣнье!

И кто подумалъ бы, и кто смѣлъ ожидать?

Мнилъ... мнилъ... меня продать

За поцѣлуй глумца—меня, который

Готовъ былъ жизнь за ласку ей отдать!

Мнѣ напѣвать мнѣ и такъ скоро!

(Садится).

Да... да... я этого хочу;

И вырву у нея признанье

Угрозою, страхомъ!.. Я ей стоищу, [давая.

Какъ прежде мстилъ—безъ состра-

(Молчанье).

Бывало, я искалъ могучею душой

Заботъ, трудовъ, глубокимъ ощущеньемъ,

Въ страданьяхъ мой пробуждался гевинъ,

И весело боролся я съ судьбой,

И былъ я гордъ, и силенъ, и свободенъ

На жизни глядѣлъ, какъ на игрушку я,

И въ злобѣ былъ и благороденъ,

И жалость не смѣшила казалась мнѣ.

Но часъ пришелъ, и я упалъ—янттожнъ!

Безумецъ, озоруженъ противъ мнѣ и зла.

Добро, какъ счастье, мнѣ стало невозможно.

И мстятъ, какъ жизнь, мнѣ, тяжела.

Явление III.

Арбенинъ, Нина и Оленька.

Оленька (у выхода, уходя):

Ахъ, Боже мой!.. онъ здѣсь.

Арбенинъ: Не разбуди... (уходя, уходя)

Что это значить?

Оленька: Я пришла проститься...

Арбенинъ: Къ кому же ты пойдешь?

Оленька: Къ кому случится...

Прощайте!

Арбенинъ: Погоди!

Мнѣ жалъ тебя... бѣдѣвшая, ни родного,

Ни друга на землѣ...

Оленька: Что жъ? Я на все готова

Арбенинъ: Легко сказать, презрѣнье, не-

Ужасно! [дѣла...

Оленька: Да, ужасно!

Арбенинъ: Тебѣ упрехомъ будетъ красота:

Пройдутъ и скажутъ: да, она прекрасна!

Съ подобнымъ личикомъ невинность сохра-

нить.

Задача трудная! Къ тому жъ, вѣдь надо жить!..

Оленька: О, я умру!

Арбенинъ: Кто виноватъ, не ты ли?..

Подумай!

Оленька: Я одна.

Арбенинъ: Признайся мнѣ: вы въ заговорѣ

Тебя солгать заставляла она... [блн,

Ты губишь. Если нѣтъ—признайся—спо-

Есть время... [сена!

Оленька: О, не искушайте!

Арбенинъ: Я жду послѣдній твой отвѣтъ.

Оленька (уходя): Прощайте!

Арбенинъ: Постой!.. войди сюда... и черезъ

Я кликну... можете быть, и прежде, [часъ

Оленька: Для чего же?

Арбенинъ: Узнаешь. (Она уходитъ).

Явление IV.

Арбенинъ и Нина

Арбенинъ: Боже! Боже!

Дай твердость мнѣ въ послѣдній разъ.

(Подойдя къ Нинѣ). Проснись... пора.

Нина: Ахъ, это ты Евгений!

Какой тяжелый сонъ... толи видѣнь

Къ ужъ моемъ еще тѣснится... слышусь мнѣ,

Что ты ласкалъ меня такъ страстно,

А говорить, что все во снѣ

Наоборотъ—и вѣрить смѣлъ опасно...

Боюсь, что ждегъ меня бѣда!

Арбенинъ: Предчувствую я вѣрю яногъ

Нина: Тебя я жду всю ночь—была готова

Послать нежить.

Арбенинъ: О, рѣдкая жена!

Нина: Послушай, милый другъ, я что-то не-

здоровъ.

Арбенинъ (въ сторону). Судьба мнѣ помогаетъ
снова.

Нина: Я очень, кажется, больна.

Арбенинъ: Мнѣ жаль.

Нина: Послушай, и сказать тебѣ должна:

Со мною ты ужасно измѣнился,

Стать холодеешь и принуждаешь.

И отчего?

Арбенинъ: Какъ быть, мнѣ такъ же снится

Зловѣщій сонъ!..

Нина: Все грустнѣетъ, все ворчишь—мнѣ въ

тягость жизнь такая.

Арбенинъ: Ты права! что такое жизнь? Жизнь

вещь пустая:

Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,

Все въ мирѣ намъ и счастье, и отрада.

Пройдутъ года желаній и страстей—

И все вокругъ темнѣетъ, темнѣетъ!

Что жизнь? Давно извѣстная шарада

Для насъ, свѣдѣтвей.

Гдѣ первое—рожденье, гдѣ второе—

Удѣлъ намъ рѣдъ заботъ и жупъ тайныхъ рѣ...

Смерть—послѣднее... а цѣлое—обманъ.

Нина: О, нѣтъ! я жить хочу.

Арбенинъ: Пустое!

Нина: Я уверю! боюсь... мнѣ.

Арбенинъ: Жизнь—вѣчность, смерть лишь

Нина: Нельзя ль отъ шутокъ мнѣ твоихъ

И забавиться. Я слушать все готова,

Но не теперь... Евгений, я молю:

Попалъ за докторомъ—я очень нездорова,

И голова кружится

Арбенинъ: Не дошло.

Нина: О, ты меня не любишь...

Арбенинъ: А за что же

Тебя любить... за то ль, скажи,

Что былъ обманутъ? Ты же требуешь любви—

Нисѣмъ горюхъ...

Нина: О, Боже!

Арбенинъ: Тому назадъ лѣтъ десять, я вступалъ

Еще на поприще разврата.

Разъ, въ ночь одну, и все до ниланъ проигралъ:

Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,

Но цѣну жизни я не зналъ.

Я былъ въ отчаяньи—умелъ и аду

Купить—и позвратился вновь

Къ торговоу столу. Въ груди кипѣла кровь;

Въ одной рукѣ держалъ я злиовату

Стаканъ, въ другой четверку пикъ:

Послѣдній рубль въ карманѣ дождался

Съ злымъ намъ поотикомъ—рискъ, право,

Былъ великъ,

Но счастье вынесло—и въ часъ я отыгралъ!

Завѣтный порошокъ я долго сберегалъ

Среди волненій жизни шумной,

Какъ талисманъ таинственный и чудный,

Хранилъ на черномъ днѣ, и тотъ днѣ насталъ.

Нина. Что хочешь ты отъ... Не мучь же

Арбенинъ: Губы стоятъ—они сухи...
что выпить днѣмъ?

Нина: Я выпила... Свѣтъ?

Арбенинъ: Да, свѣтъ!

Нина: Что жъ было въ нѣтъ?

Арбенинъ: Чѣмъ? Ядъ

Нина: Не вѣрю, не вѣрю! жѣтъ тѣбѣ

Холодноты смѣняется водою живую!

И въ чемъ нынѣшняя я—на въ чѣмъ?

Что бѣды и дѣло тѣбѣ и бѣды и дѣло

Нина!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Нѣтъ!.. это было въ нѣтъ!

Огонь, огонь—о, сжалься, пощади!..

(Бросается к дверям.)

Сюда, сюда, на помощь!.. умираю!..

Ядъ, ядъ, не слышать.. повиную!

Ты остороженъ и... Никто.. нейдутъ!..

Но помни: я тебя жестокий, провлажаю,

И ты предашь на Божий судъ!

Явление V.

Арбенинъ, Нина и Оленька.

Оленька: Я здѣсь! Что съ вами?

Нина: Ахъ, скорѣ ради Бога!

Покуда время есть! Я жить хочу, жить, жить!

Ужель и тебя мнѣ надо такъ молить!

Оленька: О, что вы сдѣлали?..

Арбенинъ (попыхивая): Перепугалъ немного!

Хотѣлъ врать правду и узнать!..

Опомнитесь и встаньте—я солгалъ;

Я не коню съ собою ядъ!..

Изъ васъ сердце низкаго разряда,

И вина казни—не смерти, а стыда!

Что вы дрожите? Будите вновь спокойны

Вамъ долго жить на свѣтѣ суждено,

И счастье вамъ еще возможно—во

Ищете любви, ничей вы нести недостойны

Да! нынѣ чувствую—я старъ,

Намученъ долгою борьбою;

Последній на меня упалъ судьбы ударъ,

И я поникъ покорной головою.

Желаній нѣтъ, надежды нѣтъ,

Я выброшенъ изъ круга жизни шумной,

Съ несносной памятью невозвратныхъ лѣтъ,

Страдалецъ мрачный и безумный.

(Садится. Входить князь съ пистолетомъ).

Явление VI.

Арбенинъ, Нина, Оленька, князь и Назаринъ.

Князь: Что это вычитъ, сяду васъ спросить?

Дуэль въ кругу семейства—очень ново!

Тѣмъ лучше, случай такого

Мнѣ, вѣрно, болѣе не навѣститъ.

Назаринъ: По чести, странный выборъ со-

кандидатовъ!

Гдѣ о дуэли рѣчь, такъ и въ числѣ педан-

товъ.

Князь: Мнѣ все равно, безъ дальнихъ словъ,

Вотъ пистолеты, я готовъ!..

Арбенинъ (встаетъ и подходитъ къ нему):

Девъ, часъ тому назадъ, хотѣлъ и прови, ме-

Защитникъ правъ своихъ и чести, [сте:

Съ надеждой трепетной въ груди,
Я думалъ отразить позоръ и обвиненье,
И я ошибся. Съ глазъ слетѣло заблужденье.
Вы правы—торжествуйте! Впередъ
Васъ ждутъ победы славныя, какъ эта,
Отчаянныя мужей, рукоплесканья свѣта...
И мало ль женщинъ есть, во всемъ подобныя
Опѣ того, кто посмѣлѣй! (ей)

Смотрите, какъ блѣдна, почти безъ чувствъ,
А отчего, не отгадаешь вдругъ—

Что это? Стыдъ, раскаянье, искусство?

Плутуть! испугъ, одинъ испугъ!

Ни вы, ни я, мы не имѣли пласта

Въ ней поселить хоть искру страсти.

Ея душа безсильна и черства,

Мольбой не тропится, боятся лишь угрозы,

Вамъ вѣтъ любви у ней—слова,

Разжигать печаль—слезы

За что жъ мы будемъ драться? Пусть убьетъ

Одинъ пазъ насъ другого, такъ что жъ дѣлѣ?

Мы жъ въ дуракахъ—на первомъ балѣ

Они любовника или мужа вновь найдутъ.

Теперь стрѣляться вы хотите?

Вотъ грудь моя обнажена.

Возьмите жизнь мою, возьмите,

Она ни мнѣ, ни міру не нужна.

Назаринъ: Стрѣляйте же скорѣй, скорѣй.

Арбенинъ: Молчите?

Задумались?.. итакъ, оставьте насъ!

Мы квиты.

(Князь уходитъ.)

Явление VII.

Назаринъ: Обманули! еще разъ увернулся!

Скорѣй и мнѣ убраться съ глазъ,

Покуда не очнулся. (Уходитъ).

Арбенинъ: Куда бѣжишь? Постой, постой,

Расчетъ у насъ не кончился съ тобой

(Послѣ долгаго молчанія).

Я ѣду, Оленька! прощай!

Будь счастлива—прекрасное созданье!

Души твоей удѣлъ—небеса!

Оленька: Прощай!

И унесу въ изгнаніе съ собой

Пускай прошедшее тебя не возмущаетъ.

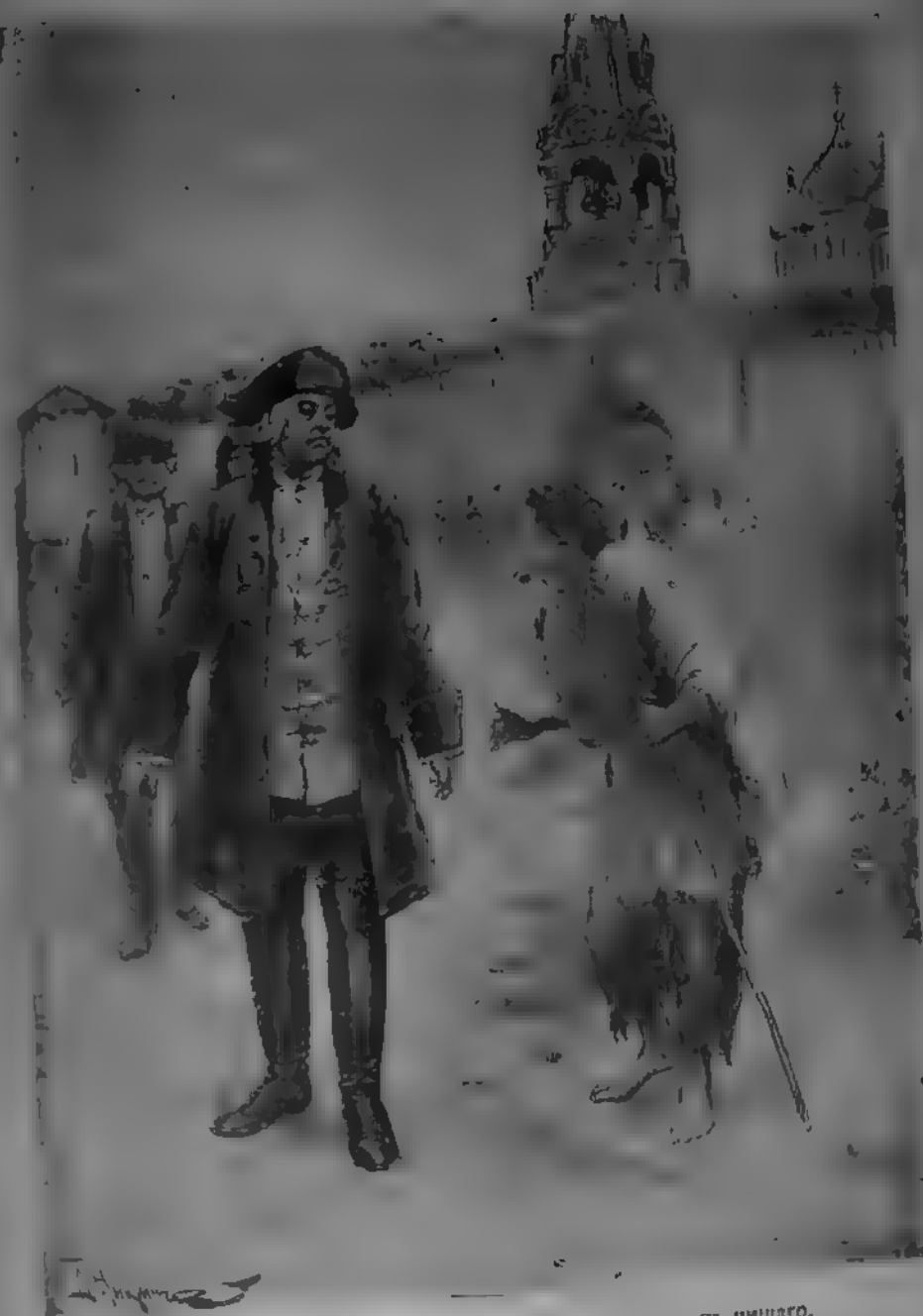
А будущность твою устрою: ни нужды,

Ни бѣдность вновь тебя не угрожаетъ.

Оленька: Вы возвратитесь?

Арбенинъ: Никогда!

Горбачъ Владимъ

Съ язвительной смѣлкой посмотрѣлъ старикъ на нищаго.

решит, покрываломъ и рѣшилась любить..
тому что не могла рѣшиться на другое.

— Ольга! — сказала Юрій вѣтринымъ то-
номъ. — я люблю тебя.

— Знаю, — отвечала она.

— Знаю, знаю! только-то! и я больше от-
вѣчать не услышу!

— Что же намъ болѣе!.. я слушаю..

— О, разумеется, этого слишкомъ много!
не достоинъ даже приблизиться къ тебѣ,
онъ долженъ былъ любоваться тобою, какъ
звездой и зѣздой. Ты прекрасна! кто
скажетъ, но развѣ это даетъ право не имѣть
тебя?

— А у Бога ни того, ни другого не про-
сятъ. Если мое обращеніе вамъ не нравит-
ся, оставьте меня, мы дурно сдѣлали, что
стали другъ друга, но все на свѣтѣ мо-
жетъ поправиться.

— Какъ легко, сдѣлать человека несчаст-
нымъ, сказать ему, будь несчастливъ! — Все
легко можно поправить. Ольга! слу-
шай, въ послѣдній разъ говорю тебѣ: я лю-
блю тебя, и ты можешь изображать это
какъ хочешь. О, помни меня.. у меня нѣтъ
другой любви тебѣ! если ты не понима-
ешь, то все остальное напрасно.. отвѣ-
дь что ты отъ меня требуешь, какъ-то
скажи!

— Скажи, моя! — сказала Ольга съ
дѣланнымъ трепетомъ.

— Скажи, скажи! я совершу невозмож-
ное, я буду любить тобою, — но забыть
тебя не могу.

— Скажи, скажи, скажи! вѣдь и впередъ
я буду любить, потому что ты была у меня
одною радостью. Такъ прошло нѣ-
сколько дней, и ты опять обернулася и
сказала: — Я обманула, признаюсь въ томъ,
что я была несчастливъ. Такъ была
дурно, но развѣ такъ мучило, это было сонъ,
и ты была счастлива! и теперь все
тоже, уничтожаю вѣрныя твои ложныя
ожиданія, уничтожаю твои дурныя надежды,
и уничтожаю все, прочь отъ
тебя! — ты была и счастлива. Ольга, про-
щаю, ты была обманывала — обманъ всегда
мучитъ, не все ли равно, глаза или языкъ?

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

своей и долго не могла выговорить двухъ
словъ, прижавъ его сердца бѣлою др-
нѣнкою, молодое, любящее со вздохомъ
дѣломъ первой любви. Она слѣзи, смотрѣла
глаза другъ другу, не плакала, не ушло
лицо, не говорили; это было хаосъ вѣкъ,
чувствъ земныхъ и небесныхъ, вихрь, упо-
еніе неопредѣленное, какое не могла выго-
ворить и внятно изъяснить не можешь; неопре-
дѣленныя рѣчи въ безпорядкѣ отрывались отъ
нихъ трещащихъ губъ и каждаго слова сто-
ило поэмы.. (само по себѣ невнятное, но
сдѣлалось нѣмъ звукомъ голоса, невысказан-
наго и смѣла — каждое слово было нѣмъ
слаженствомъ)

— И ты любишь любить, — сказала
Ольга. — я буду любить тобою, — но забыть
тебя не могу, — скажи, скажи! вѣдь и впередъ
я буду любить, потому что ты была у меня
одною радостью.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

— Скажи, скажи! не знаю, можетъ быть,
но ждала ты? не знаю, можетъ быть.

между ними кое-где сияла молодой взоръ, и показывались щеки полныя, раскрашенныя адооровежъ, какъ пѣты между стрыми камнями.

Ища эту картину предъ глазами, вы безъ труда могли бы разобрать каждую часть ея, но цѣлое произвело бы на васъ впечатлѣнiе смутное, неизъяснимое; и послѣ, вспоминая, вы не сумѣли бы ясно представить себѣ ни одного изъ тѣхъ образовъ, которые поразили ваше воображенiе, подали вамъ какую-нибудь новую мысль и, оставивъ ее, сами потонули въ туманѣ.

Вадимъ для развѣянiя старался угадывать внутреннее состоянiе мажорго богомольца по его наружности, по ему не удалось; онъ потерялъ принятый порядокъ, и скоро все свилось передъ его глазами въ пестрое собранiе лохмотьевъ, въ нучу носовъ, глазъ, горудъ, и озаренные общимъ свѣтомъ, они, казавшись, припадали къ одному живому, вѣчно движущемуся существу; однимъ словомъ, это была—толпа: нѣчто смѣшное и вѣстѣ жалкое!

Бродящiй взглядъ Вадима искалъ гдѣ-нибудь остановиться, но картина была слишкомъ разнообразна, и къ тому же всѣ мысли его, сосредоточенныя на однихъ предметахъ, не отражали впечатлѣнiй вѣшнихъ; одно мучительно-сладкое чувство ненависти, до стигнувъ высшей своей степени, загордилось весь миръ, и душа поперевъ смотрѣла сквозя, въ тотъ черныи завывъ.

Направо, между церскими и боевыми дхрыми былъ веруковтвенный образъ Спасителя, удивительной величавы, поволоченый окладъ, искусно выдѣланный, сиялъ какъ жаръ, и множество свѣчей, разставленныхъ на всячемъ павикадлѣ, кидали красноватые лучи на возвышающияся части мелкой рѣзбы или на круглыя складки одежды; передъ самымъ образомъ стояла желѣзная кружка—это была вѣдость у ногъ Спасителя—и надъ ней внизу образа было написано крупными выпуклыми буквами: *приидите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ упокою вы.*

Многіе приближались къ образу и, приложившись носомъ къ нему, кланялись, и слышались въ кружку медвыи деньги, которые, упавъ, отдавали глухой звукъ.

Госпожа и крестьянка съ груднымъ младенцемъ на рукахъ подошли вѣстѣ, но первая съ надменнымъ видомъ оттолкнула послѣднюю, и ушибленный ребенокъ громко закричалъ. Не мудрено, что завтра, — подумалъ Вадимъ, — эта богатая женщина будетъ издыхать въ виселицѣ, тогда какъ бѣдная, хлопая въ ладоши, станетъ указывать на

нее дѣтятъ своимъ—и, отвернувшись, она хотѣла идти прочь.

Но третья женщина приблизилась къ святой иконѣ—и она знала эту женщину.

Ея кровь—была его кровь, ея жизнь была ему въ тысячу разъ дороже собственной жизни, но ея счастье—не было его счастьемъ, потому что она любила другого, прекраснаго юношу; а онъ, безобразный, хромой, горбатый, не умѣлъ заслужить даже братской вѣжноты, онъ, который любилъ ее одну въ цѣломъ божьемъ мирѣ, ее одну, который за первое неиритворное искреннее люблю, съ восторгомъ бросилъ бы къ ея ногамъ все, что имѣлъ, свое сокровище, свой кушаръ—свою ненависть! Теперь было поздно.

Онъ аналъ, твердо былъ увѣренъ, что ея сердце отдано... и навѣки. Итакъ, она для него погибла... и со всѣмъ тѣмъ, тѣмъ больше страдалъ, тѣмъ меньше могъ разстаться съ своей любовью, потому что эта любовь была послѣдняя божественная часть его души и, угасивъ ее, онъ не могъ бы остаться человекомъ.

Не замѣтивъ брата, Ольга тихо стала передъ образомъ, блѣдная и прекрасная; она была одѣта въ черную бархатную шубейку, какъ въ тотъ роковой вечеръ, когда Вадимъ ей открылъ свою тайну; большіе глаза ея были устремлены на ликъ Спасителя; это была ея единственная молитва, и, если бы Богъ былъ человекомъ, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно.

Перекрестясь, она приложилась; яркая риза на минуту потускнѣла отъ дѣйствительнаго дыханія, и когда Ольга вторично подняла взоръ, то въ нехъ замѣтна была перемена, довольно странная; удивительными блескомъ зашѣнвилъ прежнюю томноту; были слезы... одна изъ нихъ не успѣла на густой рѣсницѣ, блеснула и упала, и упала.

Конечно, новая надежда... вѣра... эа ея сердца эти... чтобы удалиться... Вадимъ. Его огнев... минуту высунула... сердца вздрогнул.

Горе, горе ему... въ вѣроу въ душѣ, а въ... [все это время ды... голосомъ посланіе... и бр... гома, ничего не... тѣмъ... итьмомъ бездѣйствіи... что такое для стра... въ цѣломъ морѣ...]

Съ горькой, горькой... вторично прочелъ подѣ... известный стихъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ упокою вы.*

Вадимъ и Ольга. — Ты умрешь — я останусь тутъ.

Горькая-Вадимъ. — Ты умрешь — я останусь тутъ.

Горькая-Вадимъ. Ольга. — Ты умрешь — я останусь тутъ.

Горькая-Вадимъ. Ольга. — Ты умрешь — я останусь тутъ.

— Да, мне Постуша, брат! Вот
февраль, странный д
сказками пролив. Гов
и то не удивля, бы

морозного вечера, разливавшего сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлям домовъ, соблазнительнымъ блистаньемъ изгазировавъ и кондитерскихъ Порою, поднимая глаза вверхъ съ истинно-поэтическимъ удивленіемъ, стала вставать оу съ какою-нибудь розовою шляпкой и, смутившись, повинуясь. Коварная розовая шляпка сердилась, потому, заглядывая ему подъ картузъ и, промиди несколько шаговъ, оборачивалась, какъ будто ожидая вторичнаго извѣщенія; напрасно! Молодой чиновникъ былъ совершенно недогадливъ! Но еще чаще онъ останавливался, чтобы поглазеть сквозь пыльные окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и безисчислительной позолотой, долго, пристально, съ заискивающей разглядывать различные предметы, и, ономнившись, съ глубокимъ вздохомъ и стоическою твердостью продолжалъ свой путь. Самые же ужасные мучители его были извозчики, и онъ ненавидѣлъ извозчиковъ. — Баринъ! куда изволяете?—прикажете подавать?—подавать-съ? Это была пытка Тавтала, и онъ въ душѣ глубоко ненавидѣлъ извозчиковъ.

Спустился съ Вознесенскаго моста и собирался поворотить направо по канавѣ. вдругъ слышать онъ крикъ: берегись, поди!.. Прямо въ него летѣлъ гнѣдой рысакъ; изъ-за кучера мелькалъ бѣлый султанъ и развѣвался воротничекъ сѣрой шинели. Едва онъ успѣлъ поднять глаза, ужъ одна оглобля была прогнана его груди, и паръ, вылетавшій плутиками изъ водоевъ бѣгуна, обдалъ ему лицо; махивавшая оу захватилась руками за оглоблю и въ тотъ же мигъ сильнымъ порывомъ лошади былъ отброшенъ въсколько шаговъ въ сторону на тротуаръ. Раздалось кругомъ: задавилъ, задавилъ. Извозчики погнались за нарушителемъ порядка, но бѣлый султанъ только мелькнулъ у нихъ передъ глазами и былъ таковъ.

Когда чиновникъ очнулся, боли онъ нигдѣ не чувствовалъ, но колѣни у него трепались еще отъ страха; онъ всталъ, облокотился на перила канавы, стараясь прійти въ себя; горькія думы овладѣли его сердцемъ, и съ этой минуты перевесъ онъ всю ненависть, къ какой только его душа была способна, съ извозчиковъ на гнѣдыхъ рысаконъ и бѣлые султаны.

Между тѣмъ бѣлый султанъ и гнѣдой рысакъ пронеслись вдоль по канаву, поворотили на Невскій, съ Невскаго на Караванную, оттуда на Семіоновскій мостъ, потомъ направо по Фонтанкѣ, и тутъ остановились у богатаго подъезда, съ извѣсомъ и оклеившимъ дверями съ мѣдною блестящею

— Ну, судари, — сказала кучеръ, широкимъ плечіемъ мужикъ съ охладителемъ рыска бардой, — Васяка нынче показаться себя.

Надобно замѣтить, что у кучеръ въ малой лошади извѣстается всегда Васкою. Даже вопреки желанію господъ, подѣляющихъ ее громкими именами Ахилла, Гектора, Океана, все-таки будетъ для кучера не Ахилла и не Гектора, а Васяка.

Офицеръ слѣзъ, потрепалъ дымящагося рыска по кругой шеѣ, улыбаясь ему плавно и взошелъ на блестящую эскадрилю, о раздѣленіи чиновины, не было и помину. Генералъ, когда онъ сѣлъ на коня, закинулъ голову, и взошелъ въ кабинетъ, мы свободно можемъ почти нѣмъ и описать его наружность, въ несчастіи более не привлекательнаго, чѣмъ въ доброту рта, широкія въ плечахъ и носу, и въ тѣхъ, какъ въ сиваго скотъ, и въ ономъ въ чинивающаго и рѣзкого, похотѣло бы было быть ко осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты, хотя часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое теперь въ модѣ и въ душѣ вѣка, если это не плевать. Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто, настоящая природа человека; видно было, что онъ сѣдовалъ не въ общей модѣ, а стжималъ свои чувства и мысли изъ недоуверчивости или изъ гордости. Звукъ его голоса были то густы, то рѣзкі, смогла по вліянію текущей минуты; когда онъ хотѣлъ говорить пріятно, то начиналъ заигрывать и вдругъ оканчивалъ тѣсно шуткою, чтобы скрыть собственное смущеніе, и въ свѣтъ уверялся, что лизать его золь и опасенъ, во свѣтъ не терпѣтъ въ кругу своемъ ничего сильнаго потрясающаго, ничего, что бы могло обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водовилы и русская покорность чуждому мѣсту.

Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его последователей: онъ прочли бы на немъ глубокіе слѣды прошлаго и чуднаго.

Онъ говорилъ, что у него улыбка, въ его странно блестящихъ глазахъ, что-то. Въ заключеніе п... вдалъ Григорій... подробить Печорина между родными просто Жоржъ, въ французскія ладъ, что пріятно ему было двадцать три года, и что у родителей его было три тысячи душъ въ Саратовской, Воронежской и Казанской губерніяхъ. Послѣднее пришло, что... ружикомъ во... виновать, забылъ въ...

шестнадцатилѣтней дѣвочки, которая была очень подурна собою и, по сѣвѣ, въ мажорантѣ, напеченны ухъ не было на свѣтъ, не нуждалась въ приданомъ и могла занять высшую степень въ обществѣ, съ помощью логіи, хорошенкаго личика и блестящаго воспитанія.

Григорій Александровичъ, вошедъ въ свой кабинетъ, повалился въ широкія кресла; лакей пошелъ и доложилъ ему, что, дескать, баринъ изволила ухъ обѣдать въ гостяхъ, а сестра изволила ухъ откушать. — Я обѣдать не буду, — былъ отвѣтъ: я — завтракать. — Потомъ вошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ красной казачьей курткѣ, бѣленькій, подаль, не говорил ни слова, визитную карточку: Печоринъ небрежно положилъ ее на столъ и спросилъ, кто привезъ.

— Сюда нынче пріѣхала молодая барыня съ мужемъ, сестра бѣлая, и... Петровъ (такъ)...

— Что жъ ты привезъ ее ко мнѣ? — Да... можетъ-быть вамъ угодно прочесть.

— То-есть тебѣ хочется узнать, что тутъ написано?

— Да-съ, эти господа никогда еще у насъ не были.

Печоринъ строгомъ голосомъ. — Набей мнѣ...

... возбудить любопытство. Долго Жоржъ не рѣшился перемѣнить удобнаго положенія на широкія кресла въ протянутую руку къ столу; прітомъ въ комнату не было свѣчей: она озарялась красноватымъ пламенемъ каміна, а вѣзѣ подать огня и разсиропить очаровательный эффектъ камінаго освѣщенія ему также не хотѣлось. Но любопытство превозмогло, онъ всталъ, взялъ карточку и съ каминомъ-то исповѣннымъ вознѣмъ ожиданія поднесъ ее къ рѣшеткѣ каміна. На ней было впечатанно готическими буквами: Князь Степанъ Степановъ... Онъ побѣдѣлъ, и... долетѣла въ каминъ. Минуты три онъ ходилъ передъ и... по каминѣ, дѣлая разными странными движеніями рукъ, размахивая, то... то хмуря брови; наконецъ онъ... схватилъ щипцы и бросился вытаскивать карточку изъ огня. Она... вѣдъ только можно б... Степанъ Степановъ. Печоринъ брѣвныя оскатки и

свои кресла и задрать лицо руками. Хотя и очень хорошо читая поуженіи души по физиономіяхъ, но по этой вечерѣ и вечеру, не могу никакъ разгадать въ ней... Въ такомъ положеніи сидѣть онъ четверть часа, и вдругъ ему посланъ послѣдній подобный логіишъ шутки, шушу платилъ на дѣвчонку лѣтъ бѣлая. Хотя сѣ не вѣрало, и... быстро подвину голову и увидѣлъ передъ собой въ сумракѣ что-то бѣлое и, казалось, воздушное. Съ минуту онъ не зналъ на что подумать, такъ далеко были его мысли — если не отъ міра, то по крайней мѣрѣ отъ этой комнаты.

— Кто это? — спросилъ онъ. — Я! — отвѣчалъ пріятель, который всталъ, и раздался звукъ... хохотъ.

— Варенька! какъ ты изволила. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

— Это стыдъ! отчего встать на балхотъ. — А ты спишь уже? — Это стыдъ! отчего встать на балхотъ.

[illegible]

сначала недоумел. Для семнадцатилетней сноровки и сноровки казались ему впрямь признаками холодности и терзательной приторной сердечной невинности: кто из нас в девятнадцать лет не бросался очертя голову вослѣдъ отпѣвающей молодежи, которыми слова и взгляды полны обещаний, а души которыхъ подобны выгравированнымъ гробамъ притчи. Наружность ихъ—блескъ озярительный, внутри—смерть и прахъ.

Выѣхавъ уже за городъ, когда растворенный воздухъ вечера осыпалъ веселыхъ путешественниковъ, Жоржъ разговорился со своею сестрою. Разговоръ ея былъ простъ, живъ и довольно свободенъ. Она была несколько мечтательна, но не старалась этого показывать, напротивъ, стыдилась этого, какъ слабости. Сужденія Жоржа въ то время были рѣзки, полны противорѣчій, хотя оригинальны, какъ вообще сужденія молодыхъ людей, воспитанныхъ въ Москвѣ и привыкшихъ безъ принужденія посторонняго развѣивать свои мысли.

Наконецъ прѣехали въ монастырь. До всенощной ходили осматривать стѣны, иконостасы, лазари на площадку западной башни, ту самую, откуда въ древнѣйшее время наши предки слѣдили движенія, и послѣднимъ Новикъ открылъ такъ поздно нил свое и судьбу свою и свое изгнаническое имя. Жоржъ не отставалъ отъ Вѣры, потому что человеку было бы убито, не кончивъ разговора, а разговоръ былъ такого рода, что могъ продолжаться до безконечности. Они и продолжались все время всенощной, исключая тихихъ минутъ, когда динный хоръ монаховъ и голосъ отца Виктора погружалъ ихъ въ безмолвное умиленіе. Но за то по слѣдъ этихъ минутъ разгориченное воображеніе и чувства, изволнованные звуками, давали новую пищу для мыслей и словъ. После всенощной опять гуляли и возвращались въ городъ тѣмъ же порядкомъ. Очень поздно. Жоржъ весь слѣдующій день думалъ объ этомъ вечерѣ, потомъ потѣхалъ къ Р-нну, чтобы поговорить объ немъ и передать свои впечатлѣнія той, съ которою онъ ихъ раздѣлялъ. Визиты ихъ длѣлись чаще и продолжительнѣе. По короткостя обонхъ домовъ они не могли обратиться на себя никакого подозрѣнія; такъ, прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и они убѣдились оба, что любимы другъ въ друга до безумія. Въ ихъ лета, когда страсть есть наслажденіе, безъ притѣнны заботы, страху раскаянія, очень легко убѣдиться во всемъ. У Жоржа была богатая тетюшка, которая въ той же степени была родня и Р-нну. Тетюшка пригласила оба семейства погостить къ себѣ въ Пет-

московную недѣлю на дѣй; дома у нея были огромныя, сады большіе, однимъ словомъ все удобства. Частыя прогулки сблизили еще болѣе Жоржа съ Вѣрой, не смотря на толпу мадамъ и дѣтей тетюшки, они какъ-то всегда находили средства быть вдвоемъ: средство, впрочемъ, очень легкое, если обонимъ этого хочется.

Между тѣмъ въ университетѣ шелъ экзаменъ. Жоржъ туда не явился. Разумѣется, онъ не получилъ аттестата, но о будущемъ онъ не заботился и утѣшилъ мать, что экзаменъ отложенъ еще на три недѣли, а что онъ все знаетъ. Вечернія прогулки были необходимымъ слѣдствіемъ объясненія, потому что вѣра въ вѣрности. Наконецъ, когда двухнедѣльный срокъ кончился, водово было возвращаться въ Москву. Наканунъ рокового дня (это было вечеромъ) они стояли вдвоемъ на балконѣ. Какой-то невидимый демонъ сблизилъ ихъ руки и уста въ безмолвное пожатіе, въ безмолвный поцѣлуй. Они испугались самихъ себя; и хотя Жоржъ рано съ помощью товарищей вступилъ въ соблазнительное поприще разврата, во чести невинной дѣвушки была еще для него славею. На другой день, садясь въ экипажъ, они раскланялись попрощанью очень учтиво, но Вѣра покрѣпѣла, и глаза ее блистали.

Обманъ Жоржа открылся, какъ скоро прѣехали въ Москву. Отчаяніе Татьяны Петровны было ужасно, брань ея неистощима. Жоржъ съ покорностью и молча выслушивалъ все, какъ стоикъ; но гроза невидимая собралась надъ нимъ. Въ комитетѣ дядишевъ и тетюшкинъ было позволено, что его надобно отправить въ Петербургъ и отдать въ юнкерскую школу. Другого спасенія они для него не видали. Тамъ, говорили они, его прошколятъ и выучатъ дисциплинѣ.

Въ это время открылась Потѣнная кампанія. Вся молодежь спѣшила опредѣляться въ полки. Вступать въ школу было для Жоржа невыгодно, потому что юнкера 2-го класса не должны были идти въ походъ. Онъ почти на коѣнѣхъ выпросилъ у матери позволеніе вступить въ П... гусарскій полкъ, стоявшій недалеко отъ Москвы. После этого плаканы и слезы получили онъ ея благословеніе. Но самое трудное оставалось ему еще сдѣлать: надобно было сказать объ этомъ Вѣрѣ. Онъ былъ такъ инстинктивно душою, что боялся убитъ давнымъ извѣстіемъ. Однако жъ она выслушала его молча, не смотря на слезы и на привлекательный взглядъ, который онъ ей то и было обещалъ, что онъ не будетъ вступать въ школу, а останется съ нею. Къ тому же общи-

Кн. Лиговская. Сильнымъ порывомъ лошади былъ отброшенъ... на тротуаръ.

Кн. Лиговская. Она встрѣтила его въ аллеѣ, сама схватила его за руку.

Кн. Лиговская. Любопытство превозмозгло, колесеръ сорвалъ дрожащими руками, свѣча прижимута и глаза ее жадно пробѣгаютъ первыя строки.

Кн. Лиговская. Старушка торопливо придирается къ страницѣмъ. Печоринъ сидитъ.

чаю дѣлѣ и цѣлое утро проводилъ на Левскомъ проспектѣ. Чтобы докончить портретъ, скажу, что фамилия его была малороссійская, хотя вмѣсто Горшенко онъ называлъ себя Горшенковъ.

— Что вы не мнѣ никогда не зайдете? говорилъ ему Бранинскій.

— Повѣрите ли, я такъ занятъ, отвѣчалъ Горшенко, — вотъ завтра самъ долженъ докладывать министру; потомъ надобно ѣхать въ комитетъ, работы тѣмъ, не знаешь, какъ отбываться; еще надобно писать статью въ журналъ, потомъ надобно обѣдать у князя Н., — всѣмъ день гдѣ-нибудь на базѣ, вотъ, хоть нынче у графини Ф. Такъ и быть ужъ пожертвую этой зимой, а зѣломъ опять запрусь въ свой кабинетъ, окружу себя бумагами и буду читать только къ старымъ друзьямъ.

Бранинскій улыбнулся и, насмѣиваясь при этомъ *Фекеллы*, удалился.

Князь, который былъ мысленно занятъ своимъ дѣломъ, подумалъ, что ему не худо будетъ познакомиться съ человекомъ, который всѣхъ знаетъ и докладываетъ самъ министру. Онъ завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ, о службѣ, потомъ о своемъ дѣлѣ, которое состояло въ томъ, что князь о 30.000 десятинахъ дѣсу. Наконецъ, князь спросилъ у Горшенко, не знаетъ ли онъ одного чиновника Красинскаго, у котораго въ столѣ разбирается его дѣло.

— Да, да, отвѣчалъ Горшенко, — знаю, выдали, но онъ ничего не можетъ сдѣлать, адресуйте къ людямъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу. Я знаю эти дѣла, мнѣ часто ихъ навязывали, но я всегда отказывался.

Такой отвѣтъ поставилъ въ тупикъ князя Степана Степановича. Ему показалось, что передъ нимъ въ лицѣ Горшенко стоитъ весь комитетъ министровъ.

— Да, сказалъ онъ, — вынѣ эти люди стали ужасно затруднительны.

Печоринъ, слышавшій разговоръ и узнавъ отъ князя, въ какомъ департаментѣ его дѣло, общался отыскать Красинскаго и привести его къ князю.

Степанъ Степановичъ въ восторгѣ отъ его любезности пожалъ ему руку и пригласилъ его заѣхать къ себѣ всѣмъ разъ, когда ему нечего будетъ дѣлать.

VII

На другой день Печоринъ былъ на службѣ, провелъ ночь въ дежурной комнатѣ и събился въ двѣнадцать часовъ утра. Покуда онъ переодѣлся, прошелъ еще часъ. Когда онъ приѣхалъ въ департаментъ, гдѣ служилъ чиновникъ Красинскій, то ему сказали, что этотъ чиновникъ куда-то ушелъ. Печорину дали его адресъ, и онъ отправилъ

къ Охотному мосту. Остановившись у воротъ огромнаго дома, онъ вызвалъ дворника и спросилъ, здѣсь ли живетъ чиновникъ Красинскій.

— Пожалуйте въ сорокъ девятый номеръ, былъ отвѣтъ.

— А гдѣ входить?

— Со двора-съ.

Сорокъ девятый номеръ, и входить со двора! Этихъ ужасныхъ словъ не можетъ помнить человѣкъ, который не провелъ по крайней мѣрѣ половины жизни въ отыскиваніи разныхъ чиновниковъ. Сорокъ девятый номеръ — число мрачное и таинственное, подлинное число шестьсотъ шестьдесятъ шестому изъ Апокалипсиса. Вы пробираетесь сначала черезъ узкія и угловатыя дворы, по глубокому снѣгу, или по жидкой грязи; высокія пирамиды дровъ грозятъ ежеминутно подавить васъ своимъ надевиемъ, тяжелый запахъ, жирный, отвратительный, оравляетъ ваше дыханіе, собаки ворчатъ при вашемъ появленіи, блѣдныя лица, хранища на себѣ ужасныя дымы нищеты или распутства, выглядываютъ сквозь узкія окна нижняго этажа. Наконецъ, послѣ многихъ разспросовъ, вы находите желанную дверь, темную и узкую, какъ дверь въ чистилище. Поскользясь на пороги, вы лезете въ ступени внизъ и попадаете ногами въ лужу, образовавшуюся на каменномъ помостѣ, потомъ нечистою рукой ощупываете стѣнницу и начинаете взбираться наверхъ. Взойдя на первый этажъ и остановившись на четырехугольной площадкѣ, вы видите нѣсколько дверей кругомъ себя, но вы, ни на одной изъ нихъ не можете начать стучать или звонить, и обыкновенно выйдете изъ нихъ съ сальною свѣчей, а изъ нея раздастся брань, или плачь дѣтей.

— Кого вамъ угодно?

Сорокъ девятый номеръ.

Здѣсь онъ жилъ мнѣ.

— Кто жъ здѣсь живетъ?

Отвѣтъ бывалъ обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или: какое-то дѣло, ступайте выше. Дверь захлопывается. Во всѣхъ другихъ дверяхъ та же сцена повторяется въ разныхъ видахъ. Чѣмъ выше вы взбираетесь, тѣмъ хуже. Софистъ-наблюдатель могъ бы заключить изъ этого, что еловѣки, приближаясь къ вершѣ, уподобляются растенію, которое на вершинѣхъ горъ теряетъ цвѣтъ и силу. Помчавшись около часа, вы наконецъ, находите желанный сорокъ девятый номеръ или другой столько же таинственный, и то если дворникъ не былъ пьянъ и попалъ въ вашъ вопросъ, если не два чиновника съ одинаковымъ именемъ въ этомъ домѣ, если вы не попали по другой стѣнницѣ и т. д. Печоринъ претерпѣлъ всѣ

эти мученія и, наконецъ, въскрѣсившись изъ четвертый этажъ, постучалъ въ дверь. Вышла кухарка. Онъ сдѣлалъ обычный вопросъ, ему отвѣчали: здѣсь. Онъ вошелъ, снялъ пинель въ кузѣ и хотѣлъ идти дальше, какъ вдругъ кухарка остановила его, сказавъ, что г. Красинскій не воротился изъ департамента. Я подожду, отвѣчалъ онъ, и пошелъ. Кухарка сѣдновала за нимъ и разглядывала его съ видомъ удивленія. Бѣлый султанъ и красивый кавалерійскій мундиръ были, повидимому, явленіе необыкновенное на четвертомъ этажѣ. При входѣ Печорина въ гостиную, если можно такъ назвать четырехугольную комнату, украшенную единственными столѣмъ, покрытымъ клеенкою, передъ которымъ стоялъ старинный диванъ и три стула, низенькая и опрятная старушка встала со своего мѣста и повторила вопросъ кухарки.

— Я ищу господина Красинскаго, можетъ-быть я ошибся.

— Это мой сынъ, отвѣчала старушка, — онъ скоро будетъ.

— Если вы мнѣ позволите подождать, продолжала Печоринъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — прервала его старушка и торопливо придвинула стулъ.

Печоринъ сѣлъ. Оживувъ взоромъ комнату и все въ ней находившееся, ему стало какъ-то неловко: если бы судьба неожиданно бросила его во дворецъ Персидскаго шаха, съ бы скорѣе нашелся, нежели теперь.

Старушкѣ съ перваго взгляда можно было дать лѣтъ шестьдесятъ, хотя она въ самомъ дѣлѣ была моложе, но рванія пеленъ огорчили ее ставъ, иссушили кожу, которая сдѣлалась похожа цвѣтомъ на старыя пергаменты. Сявеватыя жилы расовались по ея прозрачнымъ рукамъ, лицо ея было сморщенное. Въ однихъ ея зеленыхъ глазахъ, казалось, сосредоточились всѣ ея жизненные силы, въ нихъ свѣтлала необыкновенная доброжелательность и невозмутимое спокойствіе. Печоринъ не зналъ, какъ начать разговоръ, сталъ перелистывать книгу, лежавшую на столѣ. Онъ читалъ, вовсе не о книгѣ, но странное замѣчаніе привлекало его вниманіе: *Личный способъ быть всегда богатѣе и охотливѣе*. Сочиненіе Н. П. Моева, въ тип. Н. Глазунова. Цѣна 25 копеекъ. Улыбка появилась на лицѣ Печорина. Эта книжка, какъ пустой лотерейный билетъ, была рѣзкое изображеніе мечтаний, обманутыхъ надеждъ, несбыточныхъ тщетныхъ желаній представлять себя въ лучшемъ видѣ. Личную существованность. Старушка замѣтила его улыбку и сказала:

— Я просилъ сына моего, прочитавъ...

замѣненъ въ газетѣхъ, чтобы онъ могъ дослать эту книжку, да въ ней ничего нѣтъ.

— Я думаю — возразила Печоринъ: что книжка эта не можетъ вытиснить нѣтъ счастливымъ! О, если бы счастье было за ушами — это другое!

— Разумѣется, — возразила старушка — утопающій за плечу хватается, мы не все, да были въ такомъ положеніи, какъ теперь. Мужъ мой былъ польскимъ дворяниномъ, служилъ въ русской службѣ. Бездѣтныя долгой тѣлѣю онъ потерялъ большую часть своего имѣнія, а оставшія разграблены были въ послѣднюю войну. Однако же я видѣюсь скоро все поправится. Мой сынокъ, — продолжала она съ нѣкоторою гордостью, — вѣдь, теперь очень хорошее мѣсто, а хорошее замѣненіе.

Несколько минутъ молчала она, спрашивая:

— Вы точно знаете, сыну по какому-нибудь мѣсту? Можете ли вы сказать, по какому-нибудь мѣсту, тѣмъ не угодно ли связать, мнѣ и ему передать?

— Мнѣ препоручаютъ, — отвѣчала Печоринъ, — князь Лигонскій проситъ моего сына, чтобы онъ сдѣлалъ одолженіе зайти къ нему. У князя есть тѣлѣю, которая теперь должна разсматриваться въ столѣ у г. Красинскаго. Я васъ попрошу передать ему адресъ князя. Вы мнѣ очень одолжите, если уговорите вашего сына къ нему заѣхать, хоть завтра вечеромъ: я тамъ буду.

Поправивъ адресъ, Печоринъ раскланялся и подошелъ къ двери. Въ эту минуту дверь отворилась, и онъ вдругъ столкнулся съ молодымъ высокимъ роста Оли, ввалили другъ на друга, главы ихъ встрѣтились, и каждый сдѣлалъ шагъ назадъ. Враждебныя чувства изобразились на обоихъ лицахъ, удивленіе скривило ихъ уста. Наконецъ Печоринъ, чтобы выйти изъ этого страннаго положенія, сказалъ почти шопотомъ:

— Милостивый государь, вспомните, что я не знаю, что вы господинъ Красинскій, иначе бы я не имѣлъ счастья встрѣтиться съ вами здѣсь. Ваша матушка объяснитъ вамъ причину моего посѣщенія.

Они разошлись, не пожимаясь. Печоринъ ушелъ. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что онъ въ Красинскомъ узналъ того самого чиновника, котораго нѣсколько дней назадъ еда не задалъ и съ которымъ имѣлъ въ театрѣ исторію.

— Между тѣмъ Красинскій не менѣе пораженный этимъ посѣщеніемъ, сѣлъ противъ своей матушки и, крѣпко опустивъ голову на руку и глубоко задумавшись, когда послѣ ему порученіе Печорина, стараясь пережить ему порученіе было бы приятно.

ся за дѣла князя, и стала удивляться тому, что Печоринъ не объяснился самъ. Тогда Краснскій вдругъ вскочилъ со своего мѣста. Сидѣлая мысль озарила лицо его, и онъ воскликнулъ, ударивъ рукой по столу. — Да, я пойду къ этому князю! Потомъ онъ сталъ ходить по комнатамъ мѣрными шагами, дѣлая иногда безсвязныя восклицанія. Старушка, повидимому, привыкшая къ такому странному поведению, смотрѣла на него безъ удивленія. Наконецъ, онъ сѣлъ съѣсть, вздохнулъ и посмотрѣлъ на мать съ такимъ видомъ, чтобы только начать разговоръ. Она его угадала.

— Ну что, Станиславъ, сказали ели, скоро ли тебѣ выйдетъ на браженіе? у насъ денегъ осталось мало.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ охрипшею.

— Ты вѣрно не сумѣлъ угодить начальнику отдѣленія, продолжала она, — ну что за бѣда, что онъ твоими руками жаръ загребаетъ; придетъ и твое время, а пока мѣсть, если не будешь искать въ людяхъ, и Богъ тебя не оставитъ.

Горькое чувство изобразилось на прекрасномъ лицѣ Станислава. Онъ отвѣчалъ глухимъ голосомъ.

— Матушка, вы хотите, чтобы я пожертвовалъ для васъ даже характеромъ; пожалуй, послѣ всѣхъ жертвъ, которыя я принесъ вамъ, это будетъ капля воды въ морѣ.

Она подняла къ нему глаза полные слезъ, и молчаніе снова воцарилось. Станиславъ сталъ перелстывать книгу и вдругъ сказалъ, не отрывая глазъ отъ параграфа, гдѣ безымянный сочинитель доказываетъ, что дружба есть ключъ истиннаго счастья:

— Знаете ли, матушка, кто этотъ офицеръ, который былъ сегодня у насъ?

— Не знаю, а что?

— Мой смертельный врагъ, отвѣчалъ онъ.

Лицо старушки поблѣднѣло сколько могло, она всплеснула руками и воскликнула:

— Боже мой, чего же онъ отъ тебя хочетъ?

— Вѣроятно, онъ мнѣ не желаетъ зла, но на то я имѣю сильную причину его ненавидѣть. Развѣ, когда онъ сидѣлъ здѣсь противъ васъ, блвстая золотыми эпогетами, поглащая бѣлый султанъ, развѣ вы не чувствовали, не догадались съ перваго взгляда, что я долженъ несправедливо его ненавидѣть. О, повѣрьте, мы еще не разъ съ нимъ встрѣтимся на дорогѣ жизни и встрѣтимся не такъ холодно, какъ мыѣ. Да, и пойду къ этому князю, — какое то чинное предчувствіе шепчетъ мнѣ, чтобы я повиновался указаніямъ судьбы.

Матрону были всѣ старавія испуганной матери узнать причину такой глубокой ненависти. Станиславъ не хотѣлъ рассказывать, какъ будто боялся, что причина ей пока-

жется слишкомъ ничтожною. Какъ въ людяхъ страстные и упорные, увлеченные одною постоянною мыслію, онъ больше всѣхъ притѣснѣнъ старался забыть, убежденный въ судья, могущаго огласить его отъ предположенной цѣли.

На другой день онъ одѣлся какъ можно лучше. Цѣлое утро онъ дрался, не могъ бѣжать въ первый разъ отъ роду, разсчитываясь съ ногой до головы. департаментскихъ фравтинокъ, чтобы выучиться поизымать галстукъ и заповинить, сколько дугонытъ и жилета надобно засѣгнуть, и пожиривать четвертакъ Фиге, который бесовски извѣдалъ его мнѣтѣ и волнистый мудра въ жестики и неуклюжий хохотъ. А когда пробило семь часовъ вечера, Краснскій отправился на Морскую, полный смутныхъ надеждъ и опасеній.

VIII

У князя Лиговскаго были гости, все-то изъ родныхъ, когда Краснскій вошелъ въ кабинетъ.

— Князь принимаетъ? спросилъ онъ, нерѣшительно взглянувъ то на того, то на другого лакея.

— Мы не здѣшніе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, даже не приносившись съ барской пуды.

— Нельзя ли, любезный, вызвать шеф-паря?

— Онъ вѣрно сейчасъ самъ выйдетъ, былъ отвѣтъ, — а намъ нельзя!

Наконецъ явился швейцаръ.

— Князь Лиговскій дома?

— Пожалуйте-сь.

— Должн, что пришелъ Краснскій, — онъ меня знаетъ.

Швейцаръ отправился въ гостиную и, подойдя къ Степану Степановичу, сказалъ ему тихо:

— Господинъ Краснскій пришелъ, онъ говоритъ, что вы позволите его знать.

— Какой Краснскій? Что ты врешь? воскликнулъ князь, важно прищурясь.

Печоринъ, прислушавшись въ семь дѣлъ, поспѣшилъ на помощь сконфуженному шеф-царю.

— Это тотъ самый чиновникъ, сказалъ онъ, у котораго ваше дѣло. Я къ нему никакъ заѣзжалъ.

— А! очень обязанъ, отвѣчалъ Степанъ Степановичъ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и велѣлъ прислать туда чиновника.

Мы не будемъ слушать изъ скучныхъ толковъ о запутанномъ дѣлѣ и оставимъ въ гостини. Дѣлѣ старушки, какой-то камергеръ и молодой человѣкъ (бывшій въ ружности игралъ въ вистъ. Княгиня въ

и другая холодная дама сидѣли на каминѣ возлѣ каміна, слушая Печорина, который, придививъ свои пресла къ камину, гдѣ сверкали остатки каменныхъ угольевъ, разсказывалъ имъ одно изъ своихъ похощеній во время Польской кампаніи. Когда Степанъ Степановичъ ушелъ, онъ занялъ пражное мѣсто, чтобы находиться ближе къ княгинѣ.

— Какъ вамъ велѣли отправиться со гусовою въ эту деревню, сказала молодая дама. (которую въ разговорахъ называла княгиня).

— И я, какъ разумеется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая, сказала Печоринъ, — мнѣ вѣрно было отобрать у папа оружіе, если найдется, а его самого отправить въ главную квартиру... Я только что былъ произведенъ въ поручики, и это была первая моя откомандировка. Въ разговѣ мы увидѣли передъ собой деревню съ каменными господскими домами, у околицы же гусары поймавъ мужика и притащивъ къ мнѣ. Доказанія его объ имени пана и о числѣ жителей были согласны съ моимъ анкетомъ. — А есть ли у вашего пана жена или дочери? спросилъ я. — Есть, пана княгиня — а какъ ихъ зовутъ, графиню жену вашу? — (и грозилъ). — Графиня Роза. — Должна быть красавица, получила я заморшась.

— А дочь ея такая же роза, какъ вы, княгиня? — Игъ, пана княгиня старшая называется Амалия и меньшая Евеліна. Это еще вѣчего я доказываю, подумалъ и графиня Роза нева мучила, я продолжалъ разспросы: — А что сама графиня Роза старуха? — Ни, пана ей всего тридцать три года. — Какое несчастье! Мы въѣхали въ деревню и скоро остановились у воротъ замка. Я велѣлъ людямъ сѣсть а въ сопровожденіи унтеръ-офицера вошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ, какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумеется, онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи отъ всѣхъ своихъ кладовыхъ и между прочимъ предложилъ застрѣлать. Послѣ второй комнаты передъ графомъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и доверей — Помните, отвѣчалъ я, — что за перемена! Я, признался, боялся, чтобы эта Роза не испортила моего аппетита. Но графъ Роза не испортила моего аппетита. Я вѣдѣлъ, что она вѣдѣла, и, повидимому, сильно воздѣлалъ на могущественное вліяніе своей Розы. Я еще утѣхивался, какъ вдругъ дверь отворилась и вошла женщина, высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вобразилъ себѣ, пользу и красавицу помыслъ, въ ту минуту, какъ она хотела обрѣсти.

Княгиня въ это время послышала, на лица ея изобразилось что-то похожее на удивленіе и радость. Но въ ту же минуту она сказала, не успѣвая отъ изумленія перевести чувствъ на установленіе отъ княгини Печорина. Она перестала разговѣр. Актъ дѣлѣ остался недовершеннымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ подали чай и пошелъ князь.

— И какъ князь? — спросилъ князь. — Какъ князь? — спросилъ я. — Есть, пана княгиня — а какъ ихъ зовутъ, графиню жену вашу? — (и грозилъ). — Графиня Роза. — Должна быть красавица, получила я заморшась.

— А дочь ея такая же роза, какъ вы, княгиня? — Игъ, пана княгиня старшая называется Амалия и меньшая Евеліна. Это еще вѣчего я доказываю, подумалъ и графиня Роза нева мучила, я продолжалъ разспросы: — А что сама графиня Роза старуха? — Ни, пана ей всего тридцать три года. — Какое несчастье! Мы въѣхали въ деревню и скоро остановились у воротъ замка. Я велѣлъ людямъ сѣсть а въ сопровожденіи унтеръ-офицера вошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ, какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумеется, онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи отъ всѣхъ своихъ кладовыхъ и между прочимъ предложилъ застрѣлать. Послѣ второй комнаты передъ графомъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и доверей — Помните, отвѣчалъ я, — что за перемена! Я, признался, боялся, чтобы эта Роза не испортила моего аппетита. Но графъ Роза не испортила моего аппетита. Я вѣдѣлъ, что она вѣдѣла, и, повидимому, сильно воздѣлалъ на могущественное вліяніе своей Розы. Я еще утѣхивался, какъ вдругъ дверь отворилась и вошла женщина, высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вобразилъ себѣ, пользу и красавицу помыслъ, въ ту минуту, какъ она хотела обрѣсти.

— Это случилось бы, отичать Печоринъ, — если бы я уже не любилъ другую.

— Ого! постоянство, сказала молодая дама — Знаете, что это добродѣтели не хвалятся?

— Во мнѣ это не добродѣтели, а хроническая болѣзнь.

— Вы однако же излечились?

— Но враніе мнѣ лечу, отвѣчалъ Печоринъ.

Княгиня въ это время послышала, на лица ея изобразилось что-то похожее на удивленіе и радость. Но въ ту же минуту она сказала, не успѣвая отъ изумленія перевести чувствъ на установленіе отъ княгини Печорина. Она перестала разговѣр. Актъ дѣлѣ остался недовершеннымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ подали чай и пошелъ князь. — И какъ князь? — спросилъ князь. — Какъ князь? — спросилъ я. — Есть, пана княгиня — а какъ ихъ зовутъ, графиню жену вашу? — (и грозилъ). — Графиня Роза. — Должна быть красавица, получила я заморшась. — А дочь ея такая же роза, какъ вы, княгиня? — Игъ, пана княгиня старшая называется Амалия и меньшая Евеліна. Это еще вѣчего я доказываю, подумалъ и графиня Роза нева мучила, я продолжалъ разспросы: — А что сама графиня Роза старуха? — Ни, пана ей всего тридцать три года. — Какое несчастье! Мы въѣхали въ деревню и скоро остановились у воротъ замка. Я велѣлъ людямъ сѣсть а въ сопровожденіи унтеръ-офицера вошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ, какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумеется, онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи отъ всѣхъ своихъ кладовыхъ и между прочимъ предложилъ застрѣлать. Послѣ второй комнаты передъ графомъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и доверей — Помните, отвѣчалъ я, — что за перемена! Я, признался, боялся, чтобы эта Роза не испортила моего аппетита. Но графъ Роза не испортила моего аппетита. Я вѣдѣлъ, что она вѣдѣла, и, повидимому, сильно воздѣлалъ на могущественное вліяніе своей Розы. Я еще утѣхивался, какъ вдругъ дверь отворилась и вошла женщина, высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вобразилъ себѣ, пользу и красавицу помыслъ, въ ту минуту, какъ она хотела обрѣсти.

— Мы очень благодарны, сказала она князю, — господину Печорину за то, что онъ доставилъ намъ случай съ вами познакомиться.

При этихъ словахъ Печоринъ и Краснскій невольно взглянули другъ на друга и послѣдній отвѣчалъ тихо:

— Я еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту почетную услугу.

Но губы Печорина промѣнились слѣдующею фразой: «ого, князь чиновникъ пускаетъ въ комплименты». Понялъ ли Краснскій эту улыбку, или же самъ пускаясь въ комплименты, потому что, вѣроятно, это была

— И еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту почетную услугу.

Но губы Печорина промѣнились слѣдующею фразой: «ого, князь чиновникъ пускаетъ въ комплименты». Понялъ ли Краснскій эту улыбку, или же самъ пускаясь въ комплименты, потому что, вѣроятно, это была

— И еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту почетную услугу.

Но губы Печорина промѣнились слѣдующею фразой: «ого, князь чиновникъ пускаетъ въ комплименты». Понялъ ли Краснскій эту улыбку, или же самъ пускаясь въ комплименты, потому что, вѣроятно, это была

— И еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту почетную услугу.

Но губы Печорина промѣнились слѣдующею фразой: «ого, князь чиновникъ пускаетъ въ комплименты». Понялъ ли Краснскій эту улыбку, или же самъ пускаясь въ комплименты, потому что, вѣроятно, это была

одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николаевну... Узнавъ другъ друга, соперники очень ласково обмѣнились привѣтствиями... Потомъ кто-то еще высунулся изъ толпы мудницъ и съ радостнымъ видомъ сталъ спрашивать, когда она изъ Москвы и проч. Она постепенно дѣлалась привѣтливѣй, такъ что можно почти держать пари, что если бы она встрѣтила здѣсь 99 знакомыхъ, то девяносто девятый остался бы въ счастливомъ убѣжденіи, что однимъ взглядомъ побѣдилъ ея сердце... Только что княгиня и князь прошли въ гостиную, Лизавета Николаевна тотчасъ обратилась къ Печорину, чтобы возобновить прерванный разговоръ, но онъ былъ такъ блѣденъ, такъ неподвиженъ, что ей стало страшно.

— Появленіе этой дамы, сказала она, наконецъ, ему, — сдѣлало на васъ очень странное впечатлѣніе!.. Вы давно ее знаете?

— Съ дѣтства! — отвѣчалъ Печоринъ.

— Я также ее когда-то знала... за кѣмъ она замужемъ?

Печоринъ сказалъ:

— Какъ! неужели этотъ господинъ, который за нею шелъ такъ смиренно, ея мужъ? Если бы я ихъ встрѣтила на улицѣ, то приняла бы его за лакея. Я думаю, она дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ.

Герой нашего времени.

(1838—1841).

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-МУ ИЗДАНІЮ.

Во всякой книгѣ предисловіе есть черная и вѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь. Оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но, обыкновенно, читатели дѣлаютъ до нравственной цѣли и до журнальных нападокъ, и потому они не читаютъ предисловія. А жаль, что это такъ; особенно у насъ! Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не пахотитъ вравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи; она, просто, дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ должна быть не только вѣстѣ съ тѣмъ; что современная образованность избрала орудіе болѣе острое, почти всенародное, и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подѣ одеждою лести, наноситъ нестерпимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціальца, который полагаетъ, что разговаривать

— По крайней мѣрѣ все, что можно изъ него сдѣлать..

— Однако она счастлива.

— Развѣ вы не замѣтили, сколько у ней бриллиантовъ.

— Богатство не есть счастье!..

— Все-таки оно ближе къ нему, нежели бѣдность. Итъ ничего безвкуснѣе, какъ быть довольною своею судьбою, въ странной хижинѣ... за чашкою грѣшневой кашки.

— Кто жъ вамъ говорить о бѣдности? Вездѣ надо умиѣть выбирать середину..

— Я вамъ желаю мужа, который бы такъ думалъ.

Онъ отошелъ. Кадрили кончились, музыка замолкла. Въ широкой залѣ раздавался смѣшанный говоръ тонкихъ и толстыхъ толпъ, шарканье сапоговъ и банкетныхъ составовъ, группы. Дамы поили въ разныхъ компаніяхъ подымать свѣжій воздухъ, пересказывать другъ другу свои замѣчанія. Многие кавалеры за ними послѣдовали, не замѣчая, что они лишніе и что отъ нихъ стараются отдѣлаться. Княгиня пришла въ залу и сѣла возлѣ Печуровой. Онѣ возобновили старое знакомство, и между ними завязался незначительный разговоръ...

ловѣна; это портреты, составленные изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что чело-вѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что если вы вѣрили возможности существованія всѣхъ грѣшескихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пошлости? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Навините. Довольно людей кормили счастіемъ: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужны горькія лекарства, такая истинна. Но не думайте однако послѣ этого, чтобы авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему, просто, было нелегко рисовать современнаго чело-вѣка, и онъ его понимаетъ и, къ его и нашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣе указавши, а какъ ее излечить—это ужъ Богъ знаетъ!—[1841].

БЭЛА.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастью для насъ, потеряна, а чемоданъ съ оставшимися вещами, къ счастью для меня, остался.

Утромъ, когда начинало притаяться за сѣнъ въ хребтѣ, мы вѣхали въ Койшаурскую долину. Осетинъ и осетинки неутомимо погоняли лошадей, чтобы успѣть до ночи добраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвали пѣсни. Главное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступны, красноватыя скалы, обѣдѣнные зеленымъ плющомъ и увѣчаны чинарами, жостыя обрывы, исчерченные проломами, а тѣмъ, что высоко, золотая бахрома сѣтговъ; а внизу, глубоко, обильная вырывающейся изъ жерновъ рѣчкѣ, шумно вырывающейся изъ чернаго, полного мглой ущелья, тиснетъ себѣ рьяною питью и свежѣе, какъ змѣя своею чешуею.

Подѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ дупла. Тутъ толпился много десятка два груда и гер-

цель: по близости наравнѣ верблюдовъ останавливался для ночлега. Я долженъ былъ изнать быловъ, чтобы втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому-то была уже осень и гололедица, — а мы не имѣли около двухъ персегъ дровъ.

Печено дѣлать, а наняли шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одни изъ нихъ извлекли себя на плечи мои чемоданы, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ нѣвомъ.

За мою телѣжку четверка быковъ тащила другую, какъ бы въ чемъ не бывало, не могли на то, что она была до верха напѣта. Это обстоятельство меня удивило. За всю шель ея хозяйки, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обѣдѣнной въ серебро. На немъ были офицерскіе орды безъ эмблемъ и черескратъ изъпачатая шапка. Онъ казался мнѣ пятидесяти; смуглый, какъ лицо съ поклономъ, что оно давно знакомо съ извѣстными солдаты, и преждевременныя посѣдыя волосы не соответствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отгичалъ мнѣ на подлѣвъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, какъ вы?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Отарлохъ?

— Да, съ точною, съ нашими вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу

тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутки, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ, ставъ на колѣна, и началъ молиться, вѣдуя въ меня. — Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ.

— Съ годъ, отговаривалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ; ужасныя бѣдѣ эти авіа-

ты? Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ?

А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ?

Были то такъ, вѣроятно; закригито хоть

лодидать, такъ коли она крикнула и по-

сму, были все ни съ мѣся... Ужасные плу-

ты! А что съ нихъ поимеешь?.. Любятъ деньги

и драгъ съ прожорливыми... Набавовали

мошенникова? Увидите, они еще съ васъ

возмущатъ на воду. Ужъ и ихъ знаю; меня

не проведутъ!

— А вы давно здѣсь служите?

— (и я ужъ здѣсь служилъ при Алек-

сѣѣ Петровичѣ, — служилъ онъ присавни-

ишесъ. — Когда онъ прѣхалъ на Азию, а

мнѣ подморъ лжотъ. — прибавилъ онъ, —

при немъ получилъ два чина за дѣла про-

тивъ горнѣвъ.

въ Москвѣ въ благородномъ собраніи, лѣтъ двадцать тому назадъ, — только куда нѣтъ совѣсть не то!.. Григорій Александровичъ наряджалъ ее какъ куколку, холмилъ и ласкалъ, и она у насъ такъ хорошилась, что чудо! съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужъ кака, бывало, веселая, и все вало мной, прозвища, подшучивала... Богъ ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти сына?

— Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два поплакала, а потомъ забыла.

— Мнѣцца четыре все шло какъ незлы лучше. Григорій Александровичъ, и ужъ, кажется, говорилъ, страстно любилъ охоту: бывало, такъ его въ лѣсъ и подымаетъ за лабанами, или козами — а тутъ хоть бы вышлетъ за крѣпостной валь. Вотъ однажды жъ смотрю онъ сталъ снова задумываться; ходить по полямъ, загнать руки назадъ; потомъ разъ, не сказавъ никому, отправился стрѣлять — цѣлое утро пропадалъ; разъ и другой, все чаще и чаще... Нехорошо, — подумалъ я: — вѣрно между ними черная кошка проскочила.

— Одно утро захожу къ нимъ — какъ теперь передъ глазами: База сидѣла на кровати въ терномъ шоломовъ бешметѣ, блѣднѣющая, такая печальная, что я испугался.

— А гдѣ Печоринъ? — спрашивалъ я.

— На охотѣ.

— Сегодня ушелъ? — Она молчала, какъ будто ей трудно было выговорить.

— Нѣтъ, еще вчера, — наконецъ сказала она, тяжело вздохнувъ.

— Ужъ по случилось ли съ нимъ чего?

— Я вчера цѣлый день думала, думала, — отбѣжала она съ слезами: — придумывала разные несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикий кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

— Прощо, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

— Она замолчала, потомъ съ радостью подняла голову, отерла слезы и продолжала.

— Если онъ меня не любитъ, то къ чему ему мѣшать отослать меня домой? Я ей не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба ея и княжеская дочь!..

— Я сталъ ее уговаривать. — Послушная База, нѣтъ нельзя же ему вѣкъ сидѣть здѣсь. Какъ принитому къ твоей любви: онъ чело-вѣкъ молодой, любить погонитъ за дичью — походить да и придетъ, а если ты будешь грустить, то скорѣй ему придется.

— Правда, правда, — отбѣжала она: — а буду весела. — И съ хохотомъ схватила свою бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно: она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было съ нею нѣ дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думать, думать, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренеприятное положеніе-съ!

Наконецъ я ей сказалъ: — хочешь, пойдемъ прогуляться на валь, погода свежая! — Это было въ сентябрѣ. И точно, день былъ чудесный, свѣтлый и не жаркій; въ горы видны были, какъ на блюдечкѣ. Мы пошли, походили по крѣпостному валу каки, и впередъ, молча: наконецъ, она стала дергать, и я съѣлъ возлѣ нея. Ну, право, вспомнить смѣшно: я бѣгалъ за нею, точно кака-нибудь нянька.

— Крѣпости наша стояла на высотѣ мѣстѣ, и видъ былъ съ вала прекрасный съ одной стороны широкая поляна, поросшая нѣсколькими балками*), означавшая лѣсомъ, который тянулся до самого хребта горъ; кое-гдѣ на ней дымилась дымъ, и дили табуны; съ другой — бѣжала рѣка, и къ ней примыкала частый кусты нить, покрывавшій кремнистыя возвышенности, которыя соединялись съ горами Кавказа. Мы сидѣли въ углу башни, такъ что въ обѣ стороны могли видѣть все. Вотъ, смотрю: изъ лѣса вылазитъ кто-то на строй лошади, все озяк и ближе, и наконецъ остановился по ту сторону рѣчки, саженихъ во ста отъ насъ и началъ кружить лошадь свою какъ шенный. Что за прича!.. Посмотрѣлъ, База, — сказалъ я: — у тебя глаза, что за дичи: когда ты увидишь, что тамъ.

— Она напугалась и вскрикнула: — Эй Казбичъ!

— Ахъ онъ разбойникъ! смѣяться что онъ прихалъ нѣкъ намъ? — Вспомниваюсь, тогда Казбичъ: его смуглая рожа, оборзѣлый, грязный, какъ всегда — Это лошадь отца моего, — сказала она, — онъ же не можетъ не знать, что это лошадь отца моего. — Ага! — подумалъ я: — и въ тебѣ, Казбичъ, не молчать разбойничья кровь!

— Подошла къ нему, — сказала я часовому: — осмотри ружье, да сяди мнѣ этого лошадца — получишь рубль серебромъ. — Слышаю, ваше высочайшее одице, только онъ не можетъ да мнѣ. — Пришелъ Казбичъ, — сказалъ я: — онъ же не можетъ не знать, что это лошадь отца моего.

*) Овраги.

База. Между тѣмъ чай пили: я вытащилъ изъ чехолана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ.

База. Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье...

База. Оприметъ онъ, если мнѣ не смотришь: лезить стрѣлять всади въ пень, а не въ валь.

База. Милочка! онъ несть какой-то узелъ въ рукавъ при этомъ, а самъ съ вали по валь и валь в валь.

знаться, меня вот что печалило: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне, а кажется я ее любил, как отец... Ну, да Бог ее простит! И вправду молвить: что же и такое, чтобы обо мне вспоминать перед смертью?..

— Только-что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам—гладко!..

Я вывел Печорина вон из комнаты, и мы пошли на крепостной вал; долго мы ходили вадь и впереди рядом, не говоря ни слова, загнув руки на спину; его лицо ничего не выражало особенного, а мое стало досадно: я бы, на его месте, умерь сь горю. Наконец, он сел на землю, в тень, и начал что-то чертить палочкой на песок. А, знаете, больше для приличия, хотел утешить его, начал говорить; он подвинул голову и засмеялся... У меня мороз пробежал по коже от этого смеха. Я пошел заказывать гроб.

— Признаться, я частю для развлечения завязал этих. У меня был кусок термамы, я обил ею гроб и украсил его чернессими серебряными галунами, которых Григорий Александрович накупил для нас же.

— На другой день рано утром мы ее похоронили за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела: кругом ее могилки теперь разрослись густой белой акацией и бузины. Я хотел было поставить крест, да, знаете, неловно: все-таки она была не христианка...

— А что Печорин?—спросил я.

— Печорин был долго нездоров, нехотел, бдливость; только иногда с этих пор мы не говорили о Бэте, я видел, что это ему будет неприятно, так зачем же!—Мсяца три спустя, его назначили в Е—й полк, и он уехал в Грузию. Мы с тем пор не встречались... Да, помните, кто-то недавно мне говорил, что он возвратился в Россию, но в приказах по корпусу не было. Впрочем, до нашего брата вести поздно доходить.

Тут он пустился в длинную диссертацию о том, как неприятно узнавать новости годом позже—втройно для того, чтоб заглушить печальными воспоминаниями.

Я не перебивал его и не слушал.

Через час явился возможность ехать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой неловко я опять завел разговор о Бэте и Печорине.

— А не слышали ли вы, что случилось с Казбичем?—спросил я.

— С Казбичем? А, право, не знаю... Слышал я, что на правом фланге у ша-

сугубь есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешмете разбегается шагом под нашими выстрелами и превращиво расклевывается, когда пуля прожужжит близко; да вряд ли это тот самый?

В Коби мы расстались с Максимом Максимычем; я поехал на почтовом, а он по причине тяжелой повязки не мог за мной следовать. Мы не надеялись никогда больше встретиться, однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это цинкая история... Сознаться, однако ж, что Максим Максимыч человек достойный уважения?.. Если вы узнаете в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ.

(Первый раз напечатано в Отечестве. Зап. 1839 года, т. II, о. III, стр. 163—212 под заглавием: „Рассказ на записки офицера на Кавказе“)

II.

МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ.

Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелия, завтракал в Казбек, чай пил в Дарь, а к ужину поспешил в Владикавказ. Избавляю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были, и от статистических замечаний, которых решительно никто читать не станет.

И остановился в гостинице, где останавливался все протязие. И где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глухи, или так пьяны, что от них никакого толка нельзя добиться).

Мне объявили, что я должен прождать еще три дня, ибо „оказия“ из Екатериннограда еще не пришла и, следовательно, отправиться обратно не может. Что за оказия!.. Но дурной казанбур не утешение для русского человека, и я для развлечения вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэте, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей; видите, как иногда маловажный случай имеет жестокое последствие! А вы можете быть не знаете, что такое „оказия“!

*) Из рукописи еще было написано: „Вообще я замечал, скажу в скобках, что в России всегда можно лучше поехать на ставке в лагу, чем в горы, особенно с теми, кто, как убогие в либерских новях мучились длати милое“.

Это—прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушек, с которыми ходят обозы через Кабарду из Владикавказа в Екаториноград.

Первый день я провел очень скучно; на другом, рано утром, въезжает на двор повозка.. А! Максим Максимыч! Мы встретились как старые приятели. Я предложил ему свою комнату; он не перемогся, даже ударил меня по щеке и скрывал рот на манер улыбки. Такой чудак!

Максим Максимыч питал глубокие сентименты поваренного искусства: он удивительно хорошо зажарил фазана, удачно полил его огуречным рассолом, и я должен признаться, что без него пришлось бы остаться на сухододе. Буфетная Христинка помогла нам забыть о скромном числе блюд, которых было всего одно, и, закурав трубки, мы уехали—я у окна, он в затопленной печи, потому что день был сырой и холодный. Мы молчали. О чем было нам говорить?.. Он хотел рассказать мне о себе все, что было занимательного, а мне было нечего рассказывать. Я смотрел в окно. Множество низеньких домиков, разбросанных по берегу Терека, который разбегается шире и шире, мелькало из-за деревьев, а дальше связались зубчатой стеной горы и из-за них выглядывал Казбек в своей белой ахтерешной шапке. Я с ним численно прощался: мне стало неловко.

Так сидел мы долго. Солнце пряталось за холодными вершинами, и бѣловатый туман начинал расходиться в долинах, когда на улице раздались звон дорожника колокольчика и крик извозчиков. Несколько повозок с грязными армянами въехали на двор гостиницы и за нами пустая дорожная коляска; ее легкий ход, удобное устройство и щегольское виденье были как-то заграничный отпечаток. За нею шел человек с большими усами, в венгерке, довольно хорошо одетый для лака; в его званьи нельзя было ошибиться, вид ухарскую замашку, с которой он вытряхивал вал золу из трубки и покрикивал на ямщика. Он явно был базованный слуга какого-нибудь барина—ничто вроде русского Филиппа. Скажи, любезный,—закричал я ему в окно,—что это—оказия пришла, что ли? Он посмотрел дозволно вправо и влево, негласно и отвернувшись, и, когда увидел, что армянин, улыбаясь, отвечает за него, что точно пришла оказия и лагу, я решил откровенно обратиться—Слава Богу!—сказать правду обратно—Слава Богу!—он мне Максим Максимыч, помолодел, а лагу!—при этом время.—Экая чудная коляска!—привел он:—вѣрно какой-нибудь чиновник

едет на свидание в Тафляс. Видно, не знает, выпустит горюх! Никто тут так бездельно не свой брат, разумеется, хоть англичанин!—А кто бы это так смел—пойдемте-ка гуануть.—Мы вышли в коридор. В конке коридора была отворена дверь в основную комнату. Лавки с возничком перетаскивали в нее модные

— Послушай, братец,—спросил у него штабс-капитан:—чья эта чудесная коляска? а?.. Прекрасная коляска!.. Лавки, не обижаясь, обмолвилась, что-то про себя развивал чмодаки. Максим Максимыч рассердился, он промолвил вслух: „Помилуй и сказал:—я тебе говорю, любезный“.

Чья коляска? Чья коляска?..

— А кто твои товарищи?

— Печорин

— Что ты? что ты? Печорин?.. Ах, Боже мой!.. да не слышишь ли он в Баврии воскликнул Максим Максимыч, дернув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость.

— Служил, кажется—да и у них не давно.

— Ну, так и так. Григорий Александрович?.. Так и он его знает? Мы сговорились баринот были приятели,—присел он, ударил дружески по плечу лака, так что заставил его помануться.

— Позвольте, сударь: вы мне знаете,—сказал он, улыбаясь.

— Как же, конечно!.. Да и еще ли, мы с твоими баринот были друзья закадычные, а не лака?.. Да, да, да, он сам остался?

Слуга объявил, что Печорин остался уживаться и ночевать у полковника Н.

— Да не выйдет ли он вечером сюда?—сказал Максим Максимыч:—или ты, лака, скажи, не пойдешь ли к нему зайти-побеседовать?.. Если пойдешь, так скажи, что здешний Максим Максимыч—яко и слава!.. уж он знает. Я тебе дам восемьгривенных и прощай.

Лака, делая презрительную мимику, слыша такое скромное обещание, однако утерли. Максим Максимыч, что он исполнит его поручение.

— Видь сейчас приближился,—сказал Максим Максимыч, с торжественным видом:—пойду за порота его дам даться!.. Эх! жалко, что я не знаком с Н.

Максим Максимыч сел в свою комнату на спальный, а и ушел в комнату ветер. Признаюсь, я также с Печориным, ввезем, издали новеллы этого Печорина, хотя по рассказу штабс-капитана, а сохотя себя о нем не очень выгодное повествование, однако некоторые черты в его

характеръ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ часъ инвалидъ привелъ въпавшій самоваръ и чайникъ.—Максимъ Максимычъ, не хотите ли чаю?—закричалъ я ему въ окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй, выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, какъ угодно!—Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ.

— А вѣдь вы правы: все лучше выпить чайку—да я все ждалъ. Ужъ человекъ его давно къ нему пошелъ, да видно что-нибудь задержало.

Онъ наскоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ. Опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчило небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ, и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжать, локоть-локо услышитъ его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова отпиралъ окно и сталъ ждать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что-то пробормоталъ слезовъ зубы; я повторилъ приглашеніе—онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ пледъ и оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ бы спокойно, если бы, уже очень поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевелить въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался...

— Не клопы ли васъ кусаютъ?—спросилъ я.

— Да, клопы... отвѣчалъ онъ, тяжело выдохнувъ.

На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я вышелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ.—Мнѣ надо сходить къ коменданту,—сказалъ онъ:—такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной...

Я общался. Онъ побѣждалъ, какъ будничныя его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новыя ряды воздушныхъ горъ; передъ воротами разстилалась широкая площадь; за нею бѣжали горы, потому-что было воскресенье: босые мальчишки-осетрины, неся за плечами котомки съ сотовымъ медомъ, вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ: мнѣ было не до нихъ—и начиналъ раздѣлять безпокойство добраго птабсъ-капитана.

Не прошло десяти минутъ, какъ въ канѣ площади появился тотъ, котораго мы ожи-

дали. Онъ шелъ съ полковникомъ П., который, доведя его до гостиницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость. Я тотчасъ же послалъ инвалида за Максимомъ Максимовичемъ.

На встрѣчу Печорина вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать, подалъ ему лщикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господина, закуривъ сигару, звнулъ раза два и съѣлъ на скамью по другую сторону воротъ. Теперь я долженъ нарисовать вамъ его портретъ.

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всякую трудность кочевой жизни и перемѣны климата; непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями думевыми; пыльный бархатный скротучекъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ предполагать, что онъ былъ не только вѣчно-блудливый привычки порядочнаго человека; его запячканныя перчатки казались нарочно снятыми по его маленькой аристократической рукѣ, и когда онъ снялъ одну перчатку, то я былъ удивленъ худобой его бѣлыхъ пальцевъ. Его походка была небрежная и лѣнивая, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками *)—дѣтскій признакъ нѣкоторой скрытности характера. Впрочемъ, это мои собственные замѣчанія, основанные на моихъ же наблюденіяхъ, и я не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ. Но. Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки. По-

*) Съ этихъ словъ и до словъ: «Впрочемъ, это мои собственные замѣчанія» и до словъ: «я не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ» и до словъ: «но. Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки. По-»

Герой нашего времени. Максимъ Максимычъ.

А. С. Пушкинъ

Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете?—сказалъ Печоринъ.

мой слухъ. Точно, это была пѣснь, и жен-
ский свѣжій голосокъ—но откуда? При-
слушиваясь: пѣть въ стройный—то протяж-
ный и печальный, то быстрый и живой.
Оглядываюсь—никакого вѣтъ кругомъ; при-
слушиваюсь снова—звукъ какъ будто па-
даютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ
хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ
платьѣ, съ распущенными косами, настоя-
щая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ
лучей солнца, она пристально всматрива-
лась въ даль, то смѣялась и разсуждала
сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

Кляк по волной возмашетъ—
По зелено морю,
Ходятъ все кораблики
Голландирушки.

Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка не спешитъ,
Духвесельная.

Гура въ разгудается—
Старые кораблики
Пряпоидиутъ крыльями,
По морю размечутъ

—Стану-мору плавать
Я издохонко—
Ужъ не тропь ты, вое море,
Моя лодочка:
Везетъ моя лодочка
Вещи драгоценныя,
Нравить ей въ темну ночь
Булная головушка!

Мнѣ невольно пришло на мысль, что почто
я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту
задумался, и когда снова посмотрѣлъ на
крышу, дѣвушка тамъ не было. Вдругъ она
и юбилала мимо меня, напѣвая что-то дру-
гое, и, прищелкивая пальцами, вѣбжала къ
старухѣ, и тутъ начался между ними споръ.
Старуха сердилась, она громко хохотала. И
потъ вижу, бѣжитъ опять въ припрыжку
моя Ундина; поревнявшись со мной, остано-
вилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ
глаза, какъ будто удивленная моимъ присут-
ствиемъ; потомъ неожиданно обернулась и тихо
пошла къ пристани. Уйти не кончилось:
цѣлый день она вертелась около моей квар-
тиры; пѣвье и прыганье не прекращались
ни на минуту. Странное существо! На лицѣ
ея не было никакихъ признаковъ безумия
напротивъ, глаза ея съ бойкою проникатель-
ностью оставались на мнѣ, и эти глаза
казалось, были одарены какою-то магнети-
ческой властью, и вслѣдъ разъ они какъ
будто бы ждали вопроса. Но только я начи-
налъ говорить, она убѣжала, коварно улы-
баясь.

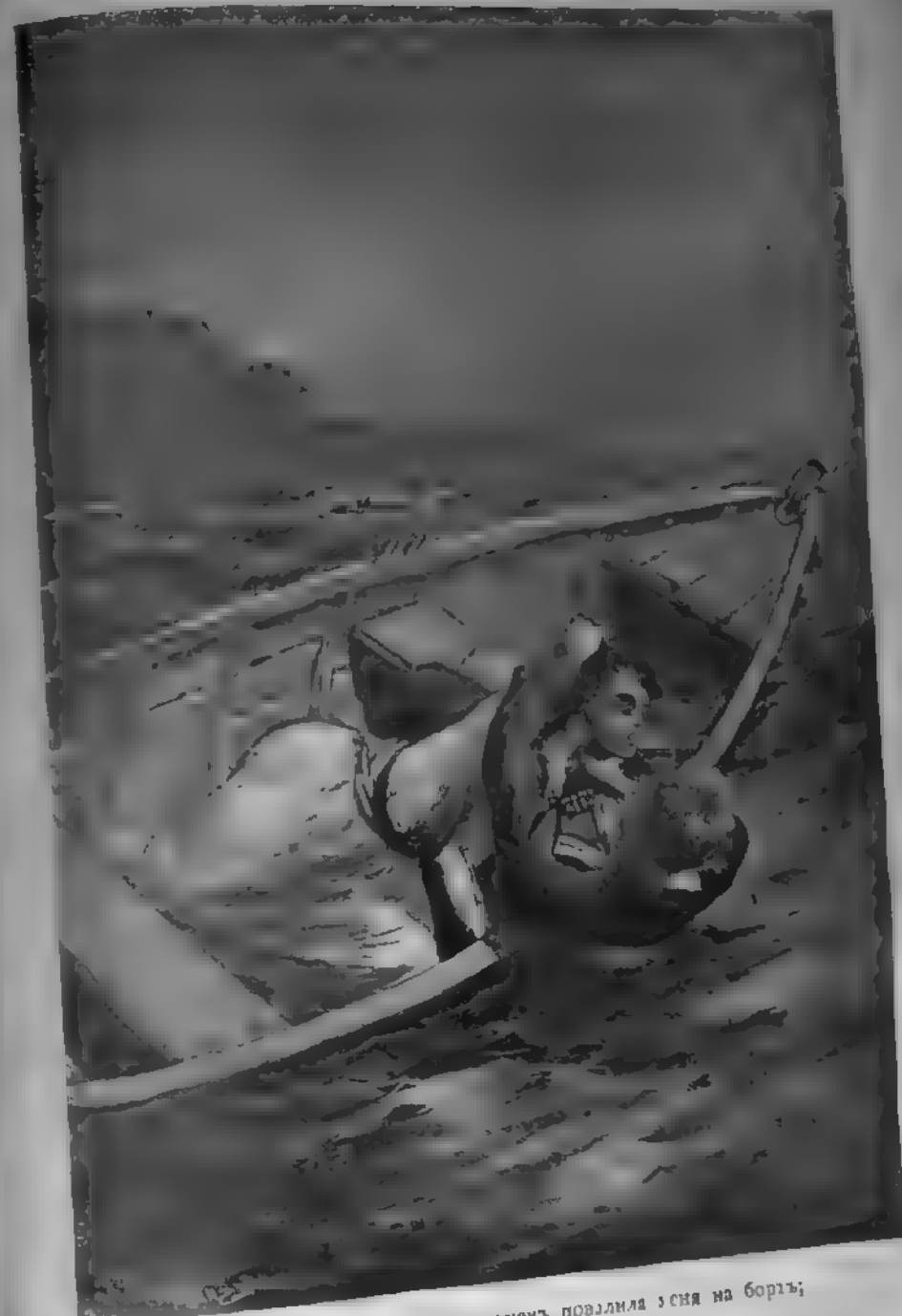
Рѣшительно я никогда подобной женщины
не видывалъ. Она была далеко не краса-
вица, но я имѣю свои предубѣжденія также
и насчетъ красоты. Въ ней было много по-
роды... порода въ женщинахъ, какъ и въ

лошадахъ, великое дѣло: это открытѣе при-
надлежитъ юной Франціи. Она, т. е. порца,
а не юная Франція, большею частью изобилу-
етъ въ доступѣ, въ рукахъ и ногахъ
особенно ность очень много значить. Пра-
вильный ность въ Россіи рѣже маленькомъ
пожми. Моей пѣвунѣ казалось не болѣе
18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея ста-
на, особенное, ей только свойственное, наклон-
неніе головы, длинные русые волосы, какой-
то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой
кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно про-
вильный ность—все это было для меня обо-
рожительно. Хотя въ ея косвенныхъ взгля-
дахъ я читалъ что-то дикое и подозритель-
ное, хотя въ ея улыбкѣ было что-то не-
опредѣленное, но такова была предубѣж-
денія: правильный ность свелъ меня съ ума,
я вообразилъ, что напелъ Гетеву Мильбону—
это причудливое созданіе его швейцарскаго во-
ображенія; и точно, между ними было много
сходства: тѣ же быстрые переходы отъ вели-
чайшаго безпокойства къ полной неподвиж-
ности, тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки,
странныя пѣсни...

Подъ вечеръ, остановивъ ее въ дѣрзость,
я началъ съ нѣсколькихъ разговоровъ.

— Скажи-ка мнѣ, красавица, — спросилъ
я: — что ты дѣлала сегодня на крышѣ?
Смотрѣла, откуда идетъ лодка — лодка
моя? — Отыскала Гетеву Мильбону и что-то
Чтѣ же, если не пѣсню, которую слышала
тѣхъ поестъ, тамъ и счастливица. — А какъ
неравно напоешь себя горе? — Ну что же,
иди не будешь лучше, тамъ будешь хуже, а
отъ худа до добра опытъ не далеко. — Кто же
тебя выучилъ этой пѣснѣ? — Никто не вы-
училъ; задумался — запово; кому услышать
тотъ услышитъ; а кому не должно слышать
отъ не поиметь. — А какъ тебя зовутъ, моя
пѣвунья? — Кто крестилъ, тотъ знаетъ. — А
кто крестилъ? — Почему и знаю — Экал скрип-
ная! А вотъ я все-что про тебѣ узналъ (она
не измѣлилась въ лицѣ) — я видѣлъ твои
дубамъ, какъ будто на крышѣ. — Я
узналъ, что ты плеча лодки ходишь, а не
регъ. — И тутъ и очень — я знаю, что
ей все, что видѣлъ, думалъ. — Она захохотала
Она захохотала — я видѣлъ — я видѣлъ
какъ держите подъ — я видѣлъ — я видѣлъ
я, напрыгивая, задумался — я задумался
тутъ? — я тутъ я слышалъ очень серьезную
даже строгую мину. Она вдругъ прыгнула
шла и — я видѣлъ — я видѣлъ — я видѣлъ
гнутая въ кустарника. Последние слова мои
были вовсе не у мѣста: я тогда не подо-
брѣвалъ ихъ важности, но впоследствии
вѣдь случаи въ нихъ раск...
Только что смерелось, я видѣлъ — я видѣлъ

Герой нашего времени. Тамань.

— Сверхъестественнымъ зрѣніемъ повидла знія на борту;

медики, распустили слухи, будто онъ рисуетъ каррикатуры на своихъ больныхъ. — Больные возбуждены: почти все ему отказали. Его пригласи, то есть все истинно порядочные люди, служившие на Кавказе, напрасно старались возстановить его упавший кредитъ.

Его наружность была изъ техъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ непріятно, во которыя явятся впоследствии, когда глаза выучатся читать въ неправильныхъ чертахъ отпечатокъ души кривотолкой и масоной. Бывали примѣры, что женщины влюблялись въ такихъ людей до безумія и не прощали бы ихъ безобразія на красоту самыхъ свѣтлыхъ и розовыхъ андіановъ. Надобно отдать справедливость женщинамъ: онъ имѣлъ лстивать красоты душевной, оттого-то, можетъ быть, люди, подобные Вернеру, такъ страстно любятъ женщинъ.

Вернеръ былъ малъ ростомъ и худъ и слабъ какъ ребенокъ; одна нога была у него короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ, голова его казалась огромна; онъ стригъ волосы подъ гребенку, и перовности его черепа, обнаженные такимъ образомъ, поразили бы френолога страннымъ сплетеніемъ противоположныхъ наклонностей. Его маленькіе черные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть въ наши мысли. Въ его одеждѣ замѣтны были вкусъ и опрятность; его худощавая, жилистая и маленькая рука красовалась въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ. Его сюртукъ, галстуки и жилетка были постоянно чернаго цвѣта. Молодежь прозвала его Мефистофелемъ; онъ показывалъ, будто сердился за это прозваніе, но въ самомъ дѣлѣ оно лежало ему сімплюбію. Мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, потому что и къ дружбѣ неспособны: изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ — трудъ утомительный, потому что надо вѣстись съ вымысломъ и обманывать; да, притомъ, у меня есть заветъ и деньги! Вотъ какъ мы сдѣлались пріятелями: я встрѣтилъ Вернера въ С. среди многочисленнаго и шумнаго круга молодежи; разговоръ принялъ подъ конецъ вечера философско-меланхолическое направление; толковали объ удовольствіяхъ: каждый былъ убѣжденъ въ разныхъ разностяхъ.

— Что до меня касается, то я убѣжденъ только въ одномъ.. сказали докторъ.

— Въ чемъ это? — спросилъ я, желая узнать мыслящаго человека, который дѣлалъ видъ, будто не знаетъ.

— Въ томъ, — отвѣчалъ онъ: — что, рано или поздно, въ одно прекрасное утро я умру.

— И богаче васъ, — сказалъ я: — у меня, кромѣ этого, есть еще убѣжденіе, именно то, что я въ одинъ прегадкій вечеръ пить не несчастіе родиться.

Все наши, что мы говорили всдоръ, а право изъ нихъ никто ничего умнѣе этого не сказалъ. Съ этой минуты мы отличились въ толпѣ другъ друга. Мы часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серьезно, пока замѣчали оба, что мы взаимно другъ друга морочимъ. Тогда, посмотрѣвъ значительно другъ другу въ глаза, какъ дѣлали римскіе авгуры, по словамъ Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились, довольные своимъ вечеромъ.

Я дежаль на диванѣ, устремивъ глаза въ потолокъ и заложивъ руки подъ затылокъ. Когда Вернеръ вошелъ въ мою комнату, онъ сѣлъ въ кресло, поставилъ трость въ уголъ, зѣвнулъ и объявилъ, что на дворѣ становится жарко. Я отвѣтилъ, что меня беспокоитъ махъ — и мы оба замолчали.

— Замѣтите, любезный докторъ, — началъ я: — что безъ дураковъ было бы на свѣтѣ очень скучно. Посмотрите, вотъ нѣтъ двухъ умныхъ людей; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти все сокровенныя мысли другъ друга; одно слово — для насъ цѣлая исторія, и мы знаемъ зерно каждаго нашего чувства сквозь двойную оболочку. Печальное намъ свѣтло, сѣренькое грустно, а вообще, по правдѣ, мы во всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя. Итакъ, разнѣя чувства и мысли между нами не можетъ быть: мы знаемъ о другомъ все, что хотимъ знать; и знать болѣе не хотимъ, остается одно средство: разсуживать поности (каждый же знаетъ какую-нибудь пость).

Утомленный долгою рѣчью, я закрылъ глаза и заснулъ.

Онъ отличалъ похлываніе — въ лашенъ галчматъ: одноклассникъ.

— Делъ...
— Сказалъ: мнѣ одна и та же связь другъ другу.

— А...
...мнѣ я, про...
...разсуживать потолокъ и внутренне...
...ублажи.

— Вамъ...
...и знать какія-нибудь подробности на счетъ кого-нибудь изъ пріятельскихъ на воды, и я ужъ догадывалось о томъ, въ это заботитесь, потому что объ васъ намъ уже спр...

— Докторъ! рѣшилъ...
...господствовать: мы чинимъ въ души другъ друга...

Герой нашего времени Княжна Мери

И губы мои коснулись ея нежной щеки; она вздрогнула, но ничего не сказала.

онъ обидѣлъ и негодованію, — сказала кто-то.

— Вотъ еще что вздумали! Я, правда, немилосердно возмущенъ за внятный, да и точный остатокъ, потому что не хочу жениться, а компрометировать дѣвушку не въ моихъ силахъ.

— Да, я вѣдь говорю, что онъ первѣйшій трусъ, то есть. Печоринъ, а не Грушницкій, — а Грушницкій молодецъ и потому онъ мой ясный другъ! — сказалъ опять драгунскій капитанъ.

— Господи! никто здѣсь его не замечаетъ! Никто? Тѣмъ лучше! Хотите испытать его храбрость? Это вѣдь позавтракать.

— Хотимъ; только какъ?

— А вотъ слушайте: Грушницкій на него особенно сердитъ — ему первая раса! Онъ придерется къ какой-нибудь глупости и вызоветъ его на дуэль.. Подождемъ: вотъ въ этомъ-то и штука.. Вызоветъ на дуэль: хорошо! Все это — вызовъ, приготовленія, условія, будетъ какъ можно торжественнѣе и ужаснѣе — я за это беруся; я буду твоимъ секундантомъ, мой бѣдный другъ! Хорошо! Только есть гдѣ закорючка: въ pistols мы не положимъ пуля. Ужъ я вамъ отвѣчаю, что Печоринъ струситъ — я шести шагахъ пхъ поставлю, чортъ возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано!.. Согласны!.. Почему же вѣтъ?.. раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А ты, Грушницкій?

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холерная злость овладѣла мною при мысли, что если бѣ не случалъ, то я могъ бы сдѣлать съ посмѣшнымъ этихъ дураковъ. Если бѣ Грушницкій не согласился, я бросился бѣ ему на шею. Но послѣ нѣсколькихъ минутъ, онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: — Хорошо, я согласенъ!

— Трудно описать восторгъ всей честной компаніи.

Я вернулся домой, волнующій двумя разнѣнными чувствами. Первое было грусть — За что? Обидѣлъ ли я кого-нибудь? Нѣтъ. Неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ одинъ видъ уже порождаетъ недоброжелательство? — И я чувствовалъ, что ядовитая злость мало-по-малу напояла мою душу. — Берегитесь, господа! Грушницкій! — говорилъ я, прохаживаясь вѣздъ и впередъ по комнатѣ: — со мною этакъ не шутятъ. Вы дорого можете заплатить за одобрение вашихъ глупыхъ товарищей! Я вамъ не шучу!

И не спалъ всю ночь. Къ утру я былъ желтъ, какъ померанецъ.

Полуночь я встрѣтилъ книжку у полонца.

— Вы больны? сказала она, приставляя посмотрѣть на меня.

— И не спалъ ночь.

— И я такъ же... И вѣдь обвиняла, можетъ быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вамъ простить все.

— Все ли?

— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думало, стараясь объяснить, оправдать ваше поведение; можетъ быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего; когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрощу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, которого люблю... О, отпугивайте скорѣй! — смеялась.. Вы же не презираете — не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Капитанъ шла впереди васъ съ мужемъ. Вѣры и ничего не видѣла; но насъ могла видѣть гуляющие больные, самые любопытные слѣдовали изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободила свою руку отъ ея страстного пожатія.

— Я вамъ скажу всю истину, — отвѣтила я книжкѣ: — не буду оправдываться, не объяснять своихъ поступковъ; я васъ не люблю.

Ея губы слегка поблѣднѣли.

— Оставьте меня, — сказала она едва слышно.

И пожать плечими, повернувшись и пошла.

Я много себя презираю... Не оттого ли я презираю и другихъ?.. И стала нестерпимо къ благороднымъ порывамъ, я боясь допустить къ себѣ, что я могла бы, на мою же боль, презирать.

son courage et sa fortune; но надо было изъяснить, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

Иногда я впадаю въ отчаяніе, когда вижу, что я не имѣю ни одного изъ нихъ.

мнѣ говорить, что въ предсказаніе сбывается; во крайней мѣрѣ буду стараться, чтобы оно сбылось какъ можно позже.

26-го июля

Вчера прѣѣхалъ сюда фокусникъ *Алфредъ Бюшъ*. На дверяхъ ресторана явилась длинная афишка, извѣщающая почтеннѣйшую публику о томъ, что вышеупомянутый удивительный фокусникъ, изобрѣтатель, хитрецъ и артистъ, будетъ имѣть честь дать великолѣпное представленіе сегоднѣшняго вечера въ восемь часовъ вечера, въ залѣ благороднаго собранія [иначе — въ ресторанѣ]; билеты по два рубля съ полтиной.

Всѣ собираются идти смотрѣть удивительнаго фокусника; даже княгиня Лангевская, не смотря на то, что дочь ея больна, взяла для себя билетъ.

Имѣе послѣ обѣда я шелъ мимо оной *Вѣры*, она сидѣла на балконѣ одна; къ ней мнѣ мотъ упала занепа:

— Сегодня въ десѣти часу вечера приходи ко мнѣ по большой лѣстинкѣ; мужъ мой уѣхалъ въ Пятигорскъ, и завтра утромъ только вернется. Моихъ людей и горничныхъ не будетъ въ домѣ; я имъ всѣмъ раздала билеты, также и людямъ княгини. — И жду тебя; приходи непременно.

— Ага! — подумала я, — наконецъ-таки выпалъ по моему.

Въ восемь часовъ пошелъ я смотрѣть фокусника. Публика собралась въ пещерѣ дѣвятиэтаго; представленіе началось. Въ заднихъ рядахъ сидѣвъ унава я замечала и горничныхъ *Вѣры* и княгини. Всѣ были тутъ наперечетъ. Грушницкій сидѣлъ въ первомъ ряду съ зорнотомъ. Фокусникъ обращался къ нему вслѣдъ разъ, какъ ему нужно было посовѣи платокъ, часы, кольцо, и проч.

Грушницкій мнѣ не вѣдается ужъ въ сколько времени, а нынче раза два посмотрѣлъ на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда намъ придется расстаться.

Въ выходѣ десѣтато я всталъ и вышелъ. На дворѣ было темно, хоть глаза вывали.

Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинахъ обрестенныхъ горъ; лишь нѣрѣдка умилюющій глѣтъ шмѣтъ вершинными топи, окружающихъ ресторанъ, у окое ея толпился народъ. И съ слѣзая съ стѣны, я всеру въ ворота и въбавляла. (А. М.) Я остановилась и посмотрѣла въ темнотѣ. А ничего не было видно; разбѣлъ; одного я видѣла осторожности, обонять, что о гулѣ, вокругъ дома. Проходя мимо, я услышала снова шагъ... то: человекъ, завернувшись въ шинель, шелъ мимо.

меня Это меня встревожило; однако я протрѣпалъ къ крыльцу и поспѣшно выбѣжалъ на темную лѣстницу. Дверь отперта; маленькая ручка схватила мою [руку].

— Никто тебя не выдаетъ? — сказала шепотомъ *Вѣра*, прижавшись ко мнѣ.

— Никто.

— Теперь ты вѣрашь за что и тебѣ люблю? О! я долго возмалась, долго измалась, но ты изъ меня рѣшилъ, что хочешь.

Я сердце сильно билось, руки были холодыя, какъ ледъ. Началась упреки ревности, жалобы; она требовала отъ меня, чтобы я ей во всемъ признался, говоря, что она съ покорностью перенесетъ все, что угодно. И зтомъ все. (А. М.) Я не могъ выдержать ея взгляда, и она влюблена въ тебя до безумія, бѣдная!

— Ага! — подумала я, — наконецъ-таки выпалъ по моему.

Въ восемь часовъ пошелъ я смотрѣть фокусника. Публика собралась въ пещерѣ дѣвятиэтаго; представленіе началось. Въ заднихъ рядахъ сидѣвъ унава я замечала и горничныхъ *Вѣры* и княгини. Всѣ были тутъ наперечетъ. Грушницкій сидѣлъ въ первомъ ряду съ зорнотомъ. Фокусникъ обращался къ нему вслѣдъ разъ, какъ ему нужно было посовѣи платокъ, часы, кольцо, и проч.

Грушницкій мнѣ не вѣдается ужъ въ сколько времени, а нынче раза два посмотрѣлъ на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда намъ придется расстаться.

Въ выходѣ десѣтато я всталъ и вышелъ. На дворѣ было темно, хоть глаза вывали.

Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинахъ обрестенныхъ горъ; лишь нѣрѣдка умилюющій глѣтъ шмѣтъ вершинными топи, окружающихъ ресторанъ, у окое ея толпился народъ. И съ слѣзая съ стѣны, я всеру въ ворота и въбавляла. (А. М.) Я остановилась и посмотрѣла въ темнотѣ. А ничего не было видно; разбѣлъ; одного я видѣла осторожности, обонять, что о гулѣ, вокругъ дома. Проходя мимо, я услышала снова шагъ... то: человекъ, завернувшись въ шинель, шелъ мимо.

Въ эту минуту я услышала шаги, и я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глаза вывали.

Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинахъ обрестенныхъ горъ; лишь нѣрѣдка умилюющій глѣтъ шмѣтъ вершинными топи, окружающихъ ресторанъ, у окое ея толпился народъ. И съ слѣзая съ стѣны, я всеру въ ворота и въбавляла. (А. М.) Я остановилась и посмотрѣла въ темнотѣ. А ничего не было видно; разбѣлъ; одного я видѣла осторожности, обонять, что о гулѣ, вокругъ дома. Проходя мимо, я услышала снова шагъ... то: человекъ, завернувшись въ шинель, шелъ мимо.

Въ эту минуту я услышала шаги, и я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глаза вывали.

Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинахъ обрестенныхъ горъ; лишь нѣрѣдка умилюющій глѣтъ шмѣтъ вершинными топи, окружающихъ ресторанъ, у окое ея толпился народъ. И съ слѣзая съ стѣны, я всеру въ ворота и въбавляла. (А. М.) Я остановилась и посмотрѣла въ темнотѣ. А ничего не было видно; разбѣлъ; одного я видѣла осторожности, обонять, что о гулѣ, вокругъ дома. Проходя мимо, я услышала снова шагъ... то: человекъ, завернувшись въ шинель, шелъ мимо.

Въ эту минуту я услышала шаги, и я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глаза вывали.

Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинахъ обрестенныхъ горъ; лишь нѣрѣдка умилюющій глѣтъ шмѣтъ вершинными топи, окружающихъ ресторанъ, у окое ея толпился народъ. И съ слѣзая съ стѣны, я всеру въ ворота и въбавляла. (А. М.) Я остановилась и посмотрѣла въ темнотѣ. А ничего не было видно; разбѣлъ; одного я видѣла осторожности, обонять, что о гулѣ, вокругъ дома. Проходя мимо, я услышала снова шагъ... то: человекъ, завернувшись въ шинель, шелъ мимо.

я ружейный выстрел: дымящийся пылъ упалъ почти къ ногамъ.

Черезъ минуту я былъ уже въ своей комнатѣ, раздѣлся и легъ. Едва мой лакей заперъ дверь на замокъ, какъ ко мнѣ начали стучаться Грушинскій и капитанъ.

— Печоринъ! вы спите? здѣсь выскрипывалъ капитанъ.

— Сплю — отвѣчалъ я сердито.

— Вставайте! — порывался черкесъ.

— У меня насморкъ, — отвѣчалъ я. — Боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я имъ откликнулся: они бы еще съ часъ пропекли меня въ саду. Тревога между тѣмъ сдѣлалась ужасна. Пятъ пріюти пріекалалъ казакъ. Все вышелевалось; стали искать черкесовъ во всѣхъ кустахъ — и, разумѣется, ничего не нашли. Но многіе, вѣроятно, остались въ твердомъ убѣжденіи, что если бы гарнизонъ показалъ болѣе храбрости и подвижности, то по крайней мѣрѣ десятка два хищниковъ остались бы на мѣстѣ.

27-го іюня.

Ничего поутру у колодца только и было толкомъ, что о починкѣ падающей черкесовъ. Выполнивъ положенное число stacking парзана, пройдясь разъ десять по длинной адовой алазѣ, я встрѣтилъ мужи Вѣры, который только что пріѣхалъ изъ Пятигорска. Онъ вѣрилъ меня подъ руку, и мы пошли въ ресторанцію завтракать; онъ ужасно безконечно о женѣ. — Какъ она переносилась нынче ночью! — говорилъ онъ: — вѣдь надобно жь, чтобы это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи. — Мы усѣлись завтракать поздѣ двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушинскій. Судьба вторично доставила мнѣ случай подслушать разговоръ, который долженъ былъ рѣшить его участь. Онъ меня не видѣлъ и, слѣдовательно, я не могъ подозрѣвать умысла; но это только увеличивало его вину въ моихъ глазахъ.

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ это были черкесы? — сказалъ кто-то. — Видѣли ли ихъ кто-нибудь?

— Я вамъ расскажу всю истину, — отвѣчалъ Грушинскій: — только, пожалуйста, не выдавайте меня. Вотъ какъ это было: вчера одинъ человѣкъ, котораго я вамъ не называю, приходитъ ко мнѣ и рассказываетъ, что видѣлъ въ десятомъ часу вечера, какъ кто-то прокрался въ домъ къ Литовскимъ. Надо жь замѣтить, что княгиня была здѣсь, а княжна дома. Вотъ мы съ нимъ и отправились подъ окна, чтобы подстеречь съестнаго.

Признаюсь, я испугался, хотя мой софистинъ очень былъ занятъ своимъ завтракомъ: онъ могъ услышать вещи для себя довольно неприятныя, если бы неравно Грушинскій отгадалъ истину; но болѣзненная равносудность не подозрѣвала ея.

— Вотъ видите ли, — продолжалъ Грушинскій. — мы и отправились, явившись собой ружье, заряженное холостыми патронами, только такъ, чтобы поугадать. До двѣ часовъ ждали въ саду. Наконецъ — уа! Вотъ знаешь откуда онъ лизился, только не обина, потому что оно не отирали. Должно было онъ выскочить въ садъ, дверь, что въ колодезь, — наконецъ, я, видѣвъ, мы, сходить кто-то съ балкона. Какова пляшка? — а? Ну, ужъ пришло московскія барышня! Послѣ этого чему жь можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить, только онъ нырнулъ въ кусты, какъ задрожалъ въ кусты; тутъ я по нему выстрѣлилъ.

Вокругъ Грушинскаго раздался ропотъ и смѣхъ.

— Вы не вѣрите? — продолжалъ онъ. — даю вамъ честное, благородное слово, что все это сущія правда, и въ доказательство я вамъ, пожалуй, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто жь онъ? — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ, — отвѣчалъ Грушинскій. Въ эту минуту онъ поднялъ глаза — и стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подползъ къ нему и назвалъ метленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе забывало бы васъ отъ тѣхъ полнотъ.

Грушинскій вскрикнулъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгоричить.

— Прошу васъ, — продолжалъ я тѣмъ же тономъ: — прошу васъ сдержать за себя отъ вашихъ словъ; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобы равнодушныя женщины къ вашимъ блестящимъ достоинствамъ заслуживали такое ужасное мнѣніе. Подумайте хорошенько: подержавъ вѣте мнѣніе, вы теряете право на имя благороднаго человѣка и рискуете своимъ именемъ.

Грушинскій стоялъ передо мною, опустил глаза, въ спальномъ волненіи. Но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна. Драгунскій капитанъ, слѣдующій возлѣ него, толкнулъ его локтемъ: онъ вздрогнулъ и быстро отвѣчалъ мнѣ, не подымая глазъ:

— Милостивый государь, когда я что

говорю, такъ я это думаю, я готовъ повторять.. Я не боюсь вашихъ угрозъ и готовъ на все.

— Последнее вы ужъ доказали, — отвѣчалъ я ему холодно и, взявъ подъ руку драгунскаго капитана, вышелъ изъ комнаты.

— Что вамъ угодно? — спросилъ капитанъ.

— Вы пріятель Грушинскаго и, вѣроятно, будете его секундантомъ?

Капитанъ поклонился очень важно.

— Вы отгадали, — отвѣчалъ онъ: — я даже боялся быть его секундантомъ, потому что боялся, навесивъ ему, относится и во мнѣ: я былъ съ нимъ вчера ночью, — прибавилъ онъ, выпрямляя свой сутуловатый станъ.

— А! такъ это васъ ударило я такъ недавно по головѣ?..

Онъ пожелѣлъ, посявъ: скрытая злоба изобразилась на лицѣ его.

— Я буду имѣть честь присягнуть къ вамъ нынче моего секундантъ, — прибавилъ я, поклонившись очень вѣжливо и показывая ему, будто не обращаю вниманія на его бѣшенство.

На крыльцѣ ресторана и встрѣтилъ мужа Вѣры. Кажется, онъ меня дождался.

Онъ схватилъ мою руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ.

— Благородный молодой человѣкъ, — сказалъ онъ, съ слезами на глазахъ. — Я все слышалъ. Какой мерзавецъ! Неблагодарный!

Внимая въ послѣ этого въ порядочномъ тонѣ. Слава Богу, у меня вѣтъ дочерей! Но васъ награждать те, для которой вы рискуете жизнью. Будьте увѣрены въ моей скромности до поры до времени, — продолжалъ онъ. — Я самъ былъ молодъ и служить въ военной службѣ; знаю, что въ эти дѣла не должно вѣшиваться. Прощайте.

Бѣда! радуется, что у него вѣтъ дочерей...

Я пошелъ прямо къ Верьеру, засталъ его дома и рассказалъ ему все — отношенія мои къ Вѣрѣ и князю, и разговоръ, послѣдовавшій изъ этого — поучить меня, заставивъ стрѣляться холостыми зарядами.

Но теперь дѣло выходило изъ границъ шутки: они, вѣроятно, не ожидали такой развязки.

Я пошелъ прямо къ Верьеру, засталъ его дома и рассказалъ ему все — отношенія мои къ Вѣрѣ и князю, и разговоръ, послѣдовавшій изъ этого — поучить меня, заставивъ стрѣляться холостыми зарядами.

Докторъ согласился быть моимъ секундантомъ; я далъ ему нѣсколько наставленій насчетъ условій поединка; онъ долженъ былъ встать на томъ, чтобы дѣло обошлось какъ можно секретнѣе, потому что хотя я когда угодно готовъ подвергать себя смерти, но нѣмало не расположить испортить навсегда свою будущность въ здѣшней мѣстѣ.

Послѣ этого я пошелъ домой. Черезъ часъ докторъ вернулся изъ своей экспедиціи.

— Противъ васъ, точно, есть заговоръ, — сказалъ онъ. — Я наелъ у Грушинскаго драгунскаго капитана и еще одного господина, котораго фамилія не помню. Я въ минуту остановился въ передѣлѣ, чтобы сдѣлать записку. У нихъ была ужасная шумъ и споръ. Ни за что не согласусь! — говорилъ Грушинскій. — онъ меня оскорблялъ публично, тогда было совсемъ другое. — Какое тебѣ дѣло? — сдѣлать записку: — я все беру на себя. Я былъ секундантомъ на пяти дуэляхъ и ужъ знаю, какъ это устроить. Я все придумалъ. Пожалуйста, только мнѣ не мѣшай. Прощайте не худо. А вѣдь вы подрывали подъ ноги, если можно такъ сказать? Вы же знаете, а вы не знаете. Они вѣдь эти люди. Переговоры наши продолжались довольно долго, наконецъ мы рѣшили дѣло и въ три часа мы пойдете завтра въ четыре часа утра. А мы выйдемъ полчаса послѣ выхъ; стрѣляться будете на шести шагахъ — этого требовали сами Грушинскій. Убитого не считъ черкесовъ. Теперь вотъ какъ у меня подозрѣніе: они, то есть секунданты, должны быть, вѣроятно, переименовали свой прежній планъ и хотятъ зарыть цуземъ одинъ листокъ Грушинскаго. Это невозможно похуже на убійство, но въ военное время, и особенно въ азиатской войнѣ, хитрости позволительны; только Грушинскій, кажется, поблагороднѣе своихъ товарищей. Какъ вы думаете? дожили ли мы повеселиться, что догадывались!

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ! Будьте спокойны; я имъ не поддамся.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Это моя тайна.

— Смотрите, не подпадите... вѣдь вы шести шагахъ!

— Докторъ, а васъ жду завтра въ четыре часа; лошади будутъ готовы... Прощайте.

Я до вечера просидѣлъ дома, запершись въ своей комнатѣ. Приходилъ лакей звать меня къ князю — и не смѣлъ сказать, что бѣда.

Два часа ночи. А надо бы заснуть, чтобы завтра ружье не дрожало. Впрочемъ, въ шести шагахъ не прыгнешь! вѣдь трудно. А! господина Грушинскаго! наша инсинуация намъ не удалась. Я помѣняю ролы. Теперь мнѣ придется отыскать на вашемъ блѣдномъ лицѣ признаки тайнаго страха. Завтра мы сами назначили эти ровные шесть шаговъ? Вы думаете, эти ровные шесть шаговъ подставлю свой лобъ... что и вамъ безъ спора подставлю свой лобъ... а! жребій и тогда...

Ко мнѣ подошелъ докторъ.

— Послушайте, — сказалъ онъ съ явнымъ беспокойствомъ: вы вѣрно забыли про ихъ заговоръ?.. Я не утѣю зарядить пистолета, но въ этомъ случаѣ... Вы странный человѣкъ! Скажите имъ, что вы знаете ихъ намѣреніе — и они не посягнутъ.. Что за охота? подстрѣлить васъ, какъ птицу...

— Пожалуйста, не беспокойтесь, докторъ, к погодите.. Я все такъ устрою, что на ихъ сторонѣ не будетъ никакой выгоды. Дайте имъ пошептаться...

— Господа! это становится скучно, — сказалъ я имъ громко: — драться, такъ драться, вы имѣли время вчера поговориться.

— Мы готовы, — отвѣчалъ капитанъ. — Становитесь, господа! Докторъ, извольте отсѣчь шесть шаговъ...

— Становитесь! — повторилъ Иванъ Ивановичъ тихимъ голосомъ.

— Позвольте! — сказалъ я: — еще одно условіе; такъ какъ мы будемъ драться на смерть, то мы обязаны сдѣлать все возможное, чтобы это осталось тайною и чтобы секунданты наши не были въ отвѣтственности. Согласны ли вы?..

— Совершенно согласны.

— Итакъ, вотъ что я придумаю. Видите ли на вершинѣ этой отвѣсной скалы, направо, узенькую площадку? Оттуда до низу будетъ сажень тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый изъ насъ ступитъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется въдребезги; ну, докторъ вынесетъ, и тогда можно будетъ очень легко объяснить эту скоростную смерть неудачнику прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлать. Обмѣлваю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй! — сказалъ капитанъ, посмотрѣвъ выразительно на Грушницкаго, который кивнулъ головой, въ знакъ согласія. Лицо его ежесекундно мѣнялось. И его поставили въ затруднительное положеніе. Стрѣляясь при обыкновенныхъ условіяхъ, онъ могъ цѣлить мнѣ въ ногу, легко меня ранивъ и удовлетворивъ такимъ образомъ свою мститель, не огорчая сапжкомъ своей совѣсти; но теперь онъ долженъ былъ выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлать убійство, или, наконецъ, оставить свой подлый замыселъ и подвергнуться одинаковой со мною опасности. Въ эту минуту и не желать бы было на его мѣстѣ. Онъ отвѣлъ капитану въ сторону и сталъ говорить ему что-то съ

большимъ жаромъ; я видѣлъ, какъ поснѣжившія губы его дрожали, но капитанъ отъ него отвернулся съ презрительной улыбкой. — Ты дуракъ! — сказалъ онъ Грушницкому довольно громко: — ничего не повидаешь! Отправитесь же, господа!

Ужасная тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скалы составляли шаткія ступени этой природной лѣстницы; тѣлясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкій шелъ впереди, за нимъ его секунданты, а потомъ мы съ докторомъ.

— Я вамъ удивляюсь, — сказалъ докторъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку. — Дайте почувствовать пульсъ!.. Ого! лихорадочный!.. но на лицѣ ничего не замѣтно... только глаза; васъ блещать прже обыкновеннаго.

Вдругъ мелкіе камни съ шумомъ потянулись намъ подъ ноги. Что это? Грушницкій споткнулся; вѣтъ, за которую онъ уцепился, изломалась, и онъ скатился бы внизъ на сплывъ, если бы его секунданты не поддержали.

— Берегитесь! — закричалъ я ему: — не падайте заранѣе; это дурная примѣта. Вспомните Юлій Цезаря.

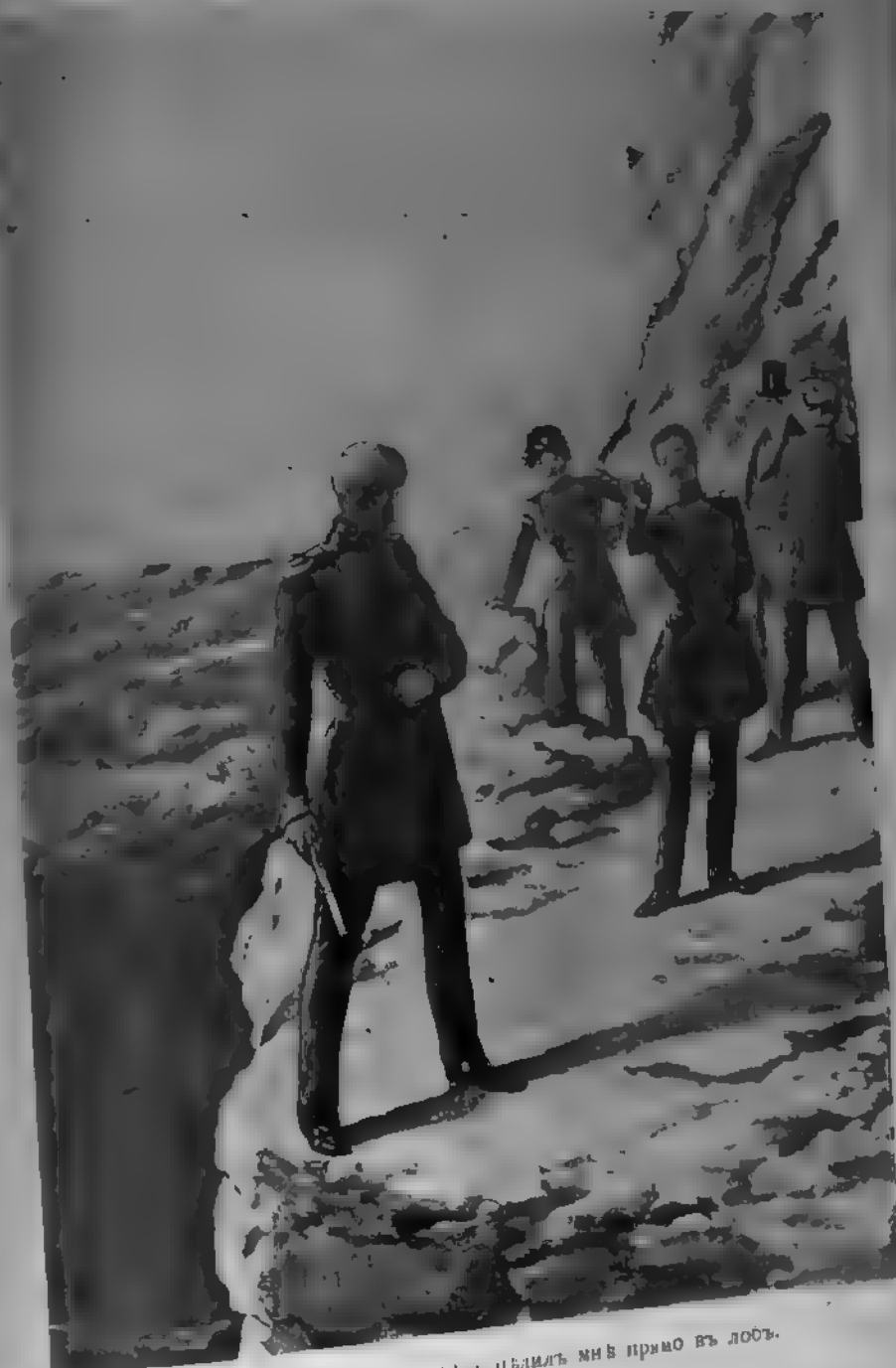
Вотъ мы взошли на вершину вышней скалы; площадка была покрыта мелкими пескомъ, будто нарочно для подныканія. Кругомъ, теряясь въ золотомъ туманѣ утра, тѣснились вершины горъ, какъ безчисленное стадо, и Эльбуръ на югѣ оставалъ собою громадой, замыкая цѣль лѣсистыхъ вершинъ, между которыми ужъ продили волжистыя облака, наближающія съ востока. И подошлы къ краю площадки я посмотрѣлъ внизъ: голова чуть-чуть у меня не закружилась; тамъ, внизу, казалось темно и холодно, какъ въ гробѣ; миніе зубны скалы, сброшенныя грозой и временемъ, осыпали свои дощички.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильныя треугольнички. Отъ выдвинутой угла отступили шесть шаговъ, и рѣшили, что тотъ, кому придется первому встрѣтить нещадный огонь, ступитъ на самомъ краю площадки; пропаста; если онъ не будетъ противникомъ...

Я рѣшилъ... его могла проснуться искра великодушная и тогда все устроилось бы къ лучшему; самозлобное... ли торжествующе... полное право не щадить его, если бы судьба мнѣ позволила. Кто не заключилъ условий съ своею совѣстью...

Бросьте жребій, д... пуганъ.

Герой нашего времени Княжна Мери

Лопаты его дрожали. Онъ цѣлитъ мнѣ прямо въ лобъ.

шаго Ашика [балалаечника], отстала и пошла к нему. — Что ты слышишь подь виноградником, — запела она, — вставай, безжизненный, твоя газель идет мимо — Онъ прошептал: девушка порхнула прочь, какъ птичка. Магуль-Мегери слышала ея пѣсню и стала ее бранить. — Если бы ты знала, — отвѣчала та, — покуда я пѣла эту пѣсню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашикъ Керибъ. — Веди меня къ нему! — сказала Магуль-Мегери, и онъ пошел. Увидавъ его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утѣшать. — Какъ мнѣ не грустить, — отвѣчалъ Ашикъ-Керибъ, — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею! — Проси мою руку у отца моего, — говорила она: — и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ. — Хорошо, — отвѣчалъ онъ, — позволяю. Аиш-Ага почему не пожалѣетъ для своей дочери; но кто знаетъ, что послѣ ты не будешь меня уверять въ томъ, что я ничего не имѣю и тебѣ всѣмъ обязанъ? Нѣтъ, милая Магуль-Мегери, я положилъ зарокъ на свою душу: общаюсь семь лѣтъ странствовать по свѣту и нажить себѣ богатство, либо погибнуть въ дальнихъ пустыняхъ. Если ты согласишься на это, то по истеченіи срока будешь моею. — Она согласилась, но прибавила, что если въ назначенный день онъ не перелетитъ, то она сдѣлается женою Куршуд-бека, который давно ужъ за нее сватается.

Пришелъ Ашикъ-Керибъ къ своей матери, взявъ на дорогу ея благословеніе, поцѣловалъ маленькую сестру, повѣсилъ чепецъ плече сумку, оперся на посохъ странничій и вышелъ изъ города Тифлиса. И вотъ догоняетъ его всадникъ; онъ смотритъ: это Куршуд-бекъ. — Добрый путь! — кричитъ ему бекъ, — куда бы ты ни шел, странникъ, я твой товарищъ. — Не радъ она. Ашикъ своему товарищу, но нечего дѣлать. Долго они шли вѣсть, наконецъ увидѣли передъ собою рѣку. Ни моста, ни броду. — Идыви впередъ, — сказала Куршуд-бекъ, — я за тобою послѣдую. — Ашикъ сбросилъ верхнее платье и поплылъ. Перецравившись, глядя назадъ — о горе! о всемогущій Аллахъ! — Куршуд-бекъ, взошедъ на берегъ, пошелъ обратно въ Тифлисъ. И только милая са нимъ зѣбсѣю по гладкому полю. Прискакавъ въ Тифлисъ, несетъ бѣдѣ плече Ашикъ-Керибъ къ его старой матери. — Твой сынъ утонувъ въ глубокой рѣкѣ, — говорить онъ, — вотъ его одежда. Въ невыразимой тоскѣ упала мать на одежды любимаго сына и стала обильно плакать ихъ жаркими слезами; покуда плакала и не пришла къ нареченной повѣсткой матери, —

гудъ-Мегери. — Мой сынъ утонувъ, — сказала она ей. — Куршуд-бекъ привезъ его одежды; ты свободна. — Магуль-Мегери улькнулась и отвѣчала: — Не вѣрь, это все выдумка Куршуд-бека. Прежде истечения семи лѣтъ никто не будетъ моимъ мужемъ. — Она взяла со стѣны свою саблю и спонороно начала пѣть любимую пѣсню бѣднаго Ашикъ-Керибъ.

Между тѣмъ странникъ пришелъ босъ и шагъ въ одну деревню. Добрые люди одѣли его и накормили; онъ за это пѣлъ имъ чудныя пѣсни. Такимъ образомъ переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, и слава его разнеслась повсюду. Прибылъ онъ наконецъ въ Халафъ. По обыкновенію, вошелъ въ кофейный домъ, спросилъ саать и сталъ пѣть. Въ это время жилъ въ Халафѣ паша, большой охотникъ до пѣсенниковъ. Многихъ къ нему приводили — ни одинъ ему не понравился. Его чауши измучились, бѣгая по городу Варугъ, проходя мимо кофейнаго дома, слышать удивительный голосъ. Они туда. — Иди съ нами къ великому пашѣ, — закричали они, — или ты отвѣдываешь лавчъ головою. — Я человѣкъ вольный, странникъ изъ города Тифлиса, — говоритъ Ашикъ-Керибъ, — хочу — пойду, хочу — нѣтъ; ною, какъ мнѣ придется, и въ томъ, что мнѣ придется. Однако же смотрятъ на то, его схватили и принесли къ пашѣ. — Пой! — сказала паша, онъ заплелъ. И въ этой пѣснѣ онъ сжегъ свою дорогую Магуль-Мегери, и эта пѣснь такъ понравилась гордому пашѣ, что онъ оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Керибъ. Получилось къ нему серебро и золото, и онъ сталъ на немъ богатая одежда. Счастливы и весело сталъ жить Ашикъ-Керибъ и сдѣлался очень богатъ. Забылъ онъ свою Магуль-Мегери или нѣтъ — не знаю, но срокъ истекъ. Послѣдній годъ онъ былъ холостъ, а онъ и не женился къ огъзду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. Въ то время онъ направлялся одинъ купецъ съ караваномъ изъ Тифлиса съ сорока верблюдами и 80 невольниками. Призываешь она купца къ себѣ и даетъ ему золотое блюдо. — Возьми ты это блюдо, — говоритъ она, — и въ какой бы ты городъ ни пришелъ, выставь это блюдо въ своемъ лавкѣ и объяви всѣмъ, что тотъ, кто приедетъ къ моему блюду хозяиномъ и докажетъ, что, получивъ его и, добавокъ, вѣсь его золотомъ. — Отправился купецъ; всадъ исполнить порученіе Магуль-Мегери, но никто не приваженъ хозяиномъ золотому блюду. Ужъ онъ продалъ почти все свои товары и пріѣхалъ съ остатками въ Халафъ. Объявилъ онъ всѣмъ порученіе Магуль-Мегери.

Смотри Ашикъ: передъ нимъ бѣлѣютъ стѣны и блещутъ минареты Арзерума. —

[illegible][illegible]

— Новый хозяинъ здѣсь живетъ?
 — Нѣтъ.
 — Гдѣ же?
 — А чортъ его знаетъ!
 — Ты ужь давно здѣсь дворникомъ?
 Давно.
 — А есть въ этомъ домѣ жильцы?
 — Есть.
 — Скажи, пожалуйста, — сказала Лугинъ, послѣ нѣкотораго молчанія, сунувъ дворнику цѣлковый: — кто живетъ въ 27 номерѣ.
 Дворникъ поставилъ метлу въ воротахъ, взялъ цѣлковый и пристально посмотрѣлъ на Лугина.
 — Въ 27 номерѣ?.. Да кому тамъ жить? Онъ ужь Богъ знаетъ сколько лѣтъ пустой.
 — Развѣ его не занимали?
 — Какъ не занимать, судари, занимали!
 — Какъ же ты говоришь, что въ немъ не живутъ?
 — А Богъ ихъ знаетъ! такъ-таки не живутъ. Найдутъ на годъ, да и не переѣзжаютъ.
 — Ну, а кто его послѣдній занималъ?
 — Полковникъ, изъ инженеровъ, что ли?
 — Отчего же онъ не жилъ?
 — Да переѣхалъ было... а тутъ, говорить, его поселили въ Вилку — такъ номеръ пустой за нимъ и остался.
 — А прежде полковникъ?
 — Прежде его было занималъ какой-то баронъ, изъ пѣмцевъ, да этотъ и не переѣзжалъ: слышно, умеръ.
 — А прежде барона?
 — Занималъ кушечъ для какой-то своей... гм! да обанкрутился, такъ у него и задатокъ остался.
 — Странно! — подумалъ Лугинъ.
 — А можно посмотрѣть номеръ?
 Дворникъ опять пристально взглянулъ на него.

Какъ можно? Можно! — отвечалъ онъ и пошелъ, переваливаясь, за ворота.

Онъ скоро возвратился и повелъ Лугина во второй этажъ на широкую, но довольно грязную лестницѣ. Ключъ заскрипѣлъ въ заржавленномъ замкѣ и дверь отворилась; изъ въ лицо пахнуло сыростью. Они вошли. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Старая, пыльная мебель нѣкогда позолоченная, была правильно разставлена кругомъ стѣнъ, обтянутыхъ обоями, на которыхъ изобразены были, въ зеленомъ грунтѣ, красные попугаи и золотые лиры; изрыцовый пестрый поребрикъ; соевый полъ, выгравированный подъ паркетъ, въ пыльных мѣстахъ скрипѣлъ довольно подозрительно; въ простѣнкахъ висѣли картины, въ рамахъ изъ раковинъ рококо, въ одной изъ комнатъ висѣла какая-то странная

несовременную наружность. Она, не зная почему, понравилась Лугину.

— И беру эту квартиру, — сказала она. — Белы вымыты окна и вытереть мебель, посмотри, сколько паутины!.. да надо хорошенько вымыть. — Въ эту минуту она замѣтила на стѣнѣ послѣдней комнаты ясной портреты, изображавшій человека лѣтъ сорока въ бухарскомъ халатѣ, съ армянскими чертами и большими, сѣрыми глазами; въ правой рукѣ онъ держалъ золотую табакерку необыкновенной величины; на пальцахъ красовалось множество разныхъ перстней. Казалось, этотъ портретъ сани несмѣлой, утѣшительной кисти; пыльные волосы, рука, перстни — все было очень плохо сдѣлано; за то въ выраженіи лица особенно губъ, дышала такая страстная жизнь, что нельзя было глазъ оторвать; въ линіи рта была какой-то безусловный взглядъ, недоступный искусству и, конечно, паче стичнымъ безсознательно, придававшимъ лицу выраженіе насильственное, грустное, злое. Лугинъ подошелъ къ портрету. Но съ какой-то чуждой тѣнью, случайно наброшенной на него какъ-нибудь предметомъ, онъ въ профиль человѣческаго лица, профили, да превосходный крайний выгибъ рта, который отъворачивалъ. Но... онъ не могъ жить ихъ на бумагу — какъ же удалось изобразить на стѣнѣ сорисовать карандашомъ силуэтъ, вѣсь такъ сильно прорисованный — и очарованіе не... Рука... какъ никогда съ напоромъ не прорисовывалъ линіи: математически малое отступленіе — и претящее выраженіе поглотило. Въ лицѣ портрета дышала... но то неслыханное, познать... вно или случило.

— Странно, что я замѣтила этотъ

портретъ только въ эту минуту, и что беру квартиру —

Онъ съелъ... руку и забылъ...

Долго дворникъ...

пожаловалъ и...

— Что жь, баронъ? — подговорилъ...

ни... А?

Какъ жь...

А... А...

А... А...

Они усаживались въ...

здатокъ, молчалъ въ себя стѣнъ...

сентъ же... А...

протѣтъ по... А...

саяя вулканъ... А...

гостиницы, гдѣ... А...

Вздоръ, чтобы... А...

было жь... А...

Лугинъ. Онъ... А...

Лугинъ. Онъ... А...

Лугинъ. Онъ... А...

Лугинъ. Онъ... А...

рая и прелукавая, пріятельныи—что она преглупенькая, соперницы—что она предобная, молодая жевашка—что она кокетка, а раздуренные старики значительнѣе улыбаются при ея ижеви и ничего не говорили. Еще прибавлю странности: иные жалѣли, что такой красивой и свѣжей красотѣ недостаетъ физіономіи, тогда какъ другіе утверждали, что хотя она вовсе не хороша, но невнятная прелесть выражена въ ея лицѣ замѣняетъ всѣ прочіе недостатки. Притомъ мужъ ея, пятидесятилѣтній мужикъ, имѣлъ графскій титулъ и сомнительно-огромное состояніе. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой жевашкѣ ту соблазнительную, мимолетную славу, за которую онъ всѣ такъ жадно гоняются и за которую нѣкоторые изъ нихъ такъ дорого платятъ.

Подробности моего разсказа покажутся не очень нравственными, но ругаюсь вамъ, что въ немъ будетъ заключаться глубокий нравственный смыслъ, который не ускользнетъ ни отъ кого, развѣ отъ 18-лѣтнихъ барышень—да имъ моей книги не дадутъ; а если она имъ и попадется случайно, то умолю ихъ, постѣ этихъ строкъ закрыть ее и не класть на ночь подъ подушку, потому что отъ этого находятъ дурные сны. Молодые же дамы, прочитавъ эти правдивыя страницы, вѣрно, отдадутъ справедливости мою описаніе и замѣчанія, вспоминать нѣчто подобное въ своей жизни; но онѣ, конечно, этого никому не скажутъ, тогда какъ многіе молодые фран.ы станутъ утверждать, что такіа диллюзіи были съ ними на дняхъ, тогда какъ съ болѣею частію изъ нихъ ничего такого случится даже не можетъ. Всѣ почти жалуются у насъ на однообразіе свѣтской явни, и высыпаютъ, что надо бѣгать за приключеніями, чтобы они встрѣтились; а для того, чтобы за ними гоняться, надо быть взыскану сильной страстью или имѣть одинъ изъ тѣхъ безпокойно-любопытныхъ характеровъ, которые готовы сто разъ пожертвовать жизнью, только бы достать ключъ самой незамысловатой, повидному, загадки; но на дѣлѣ одной есть уже вѣрно другая, потому что все для насъ въ мірѣ тайна, и тотъ, кто думаетъ отгадать чужое сердце или узнать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается. Во всякомъ сердцѣ, во всякой жизни пробѣгаютъ чувства, промелькнуло событіе, которыхъ никто никому не откроетъ, а они-то самыя важныя и есть; они-то обыкновенно даютъ тайное направленіе чувствамъ и поступкамъ.

Въ насѣхъ равнодушныхъ жѣхъ любопытныхъ и страстныхъ людей немного; но,

около десяти лѣтъ тому назадъ, случился одинъ такой чудакъ въ Петербургѣ, и судьба, какъ нарочно, доставила его предъ непонятной женщиной, которой исторію и жочу вамъ разсказать.

Александръ Сергѣевичу Арбенину было тридцать лѣтъ—возрастъ силы и ярости для мужчины, если только молодость его прошла не слишкомъ бурливо и не слишкомъ спокойно. Известно, что въ природѣ противоположныя приемы часто производятъ одинакія дѣйствія: лошади равно падаетъ на ноги отъ восторга и отъ паники.

Вотъ какова была молодость Арбенина.

Начнемъ сначала.

Онъ родился въ Москвѣ. Скоро послѣ появленія его на этотъ свѣтъ, его мать развѣхалась съ его отцомъ по неизвестнымъ причинамъ. Сообразивъ всѣ городскія толки, можно было сдѣлать только одно вѣрное заключеніе, а именно, что Сергѣй Васильевичъ развѣхался съ своей супругой.

Самъ остался на рукахъ отца. Когда ему минуло годъ, его посадили съ кормилицей и ниней въ карету и отвезли въ симбирскую деревню. Сергѣй Васильевичъ вскорѣ самъ туда приѣхалъ и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. Отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстился фруктовый садъ. Съ барскаго двора были дымались сѣла угловой стороны, синіи стѣны и желтыя нивы. Весной, во время разлива, рѣка превращалась въ море, устьянное тѣснѣе островами; но все мелькало бѣлые паруса барокъ и вечеромъ раздавались плески бурлаковъ. Барскій домъ былъ похожъ на всѣ барскіе дома: деревянный, съ мезониномъ, вырешенный желтой краской, а дворъ обстроенъ былъ одностаяными, давленными флгеліями, сараями, конюшнями и обведенъ валомъ, на которомъ катились и сохли жидкія ветви; среди двора красовались качели; по воскресеньямъ дворня толпилась вокругъ нати, порой, дѣвочкины садились на полусгнившую доску, висящую межъ двухъ сомнительныхъ веревокъ, и двое изъ самыхъ любезныхъ лакеевъ, взявшись каждый за конецъ толстаго каната, выбрасывали скромную чету подъ облака; мальчишки били въ ладоши, когда пугливыя дѣвы начинали вазжать—и всѣмъ было очень весело. Надо замѣтить, что начали среди барскаго двора—признакъ отечески-добраго правленія, а между тѣмъ вотъ какъ хорошо судить о насъ иностранцы: въ путевыхъ запискахъ одного француза я недавно читалъ, что у насъ противъ господскаго дома обыкновенно торчатъ висѣльца. Французъ замѣчалъ

остроумно, что это, должно быть, злоупотребленіе, ибо смертная казнь въ Россіи уничтожена Бѣдными качелями!

Мужики Арбенина болѣею частью занимались рыбной ловлей. Во время бури жевы и дочеря рыбаковъ выбегали съ плетнемъ на берегъ; въ жаркіе лѣтніе дни толпы арестантскихъ дѣвокъ купались въ студеныхъ струяхъ Волги: ихъ русыя косы вывалили надъ лѣнстой влагой; ихъ громкій смѣхъ раздавался далеко. Зимой торжественныя дѣлуны приходили шить и вязать въ дѣтскую, но-первыя, потому что няня Саша было поручено женское хозяйство, а въ-вторыхъ, чтобы потѣшать маленькаго барчонку. Сашѣ было съ ними очень весело, онъ его ласкалъ и дѣловато надеревывалъ, разсказывалъ ему сказки про волшебныхъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой красоты и картина измѣлила и полагала притяну-бдественности. Онъ развѣхалъ вѣрушки и началъ мечтать. Шесть лѣтъ уже онъ заглядывалъ на закатъ, устанный румяными облаками, и неповинно-сладоостное чувство въ волновало его душу, когда позный жевъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую комнату. Ему хотѣлось, чтобы въ-нбудъ его преласкала, кофловала, пригласила, но въ-нбудъ вѣрны руки была такая жесткая! Онъ нѣтъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и ѣздилъ на охоту. Саша была превеликая, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семь лѣтъ умѣлъ уже прикинуться на неосознанаго лакея. Принимая гордый видъ, онъ чѣхалъ съ презрѣніемъ улыбаются на чужую лестъ толстой ключницы. Между тѣмъ природная истѣя склонность къ развѣженію развивалась въ немъ необычно-

равно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ вусты и срывалъ лучшие плоды, урывая ихъ дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху в ралованіи, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принималъ бы его характеръ, если бы не пришла на помощь мать—болѣе спасая отъ его восторга. Лго свѣтъ отъ смерти, но тайны вѣдугъ оставалъ его въ советъ шлономъ развѣженіи: онъ не могъ ходить, не могъ. Приподнять лопку. Цѣло три года оставался онъ въ своемъ жевкомъ и лѣтѣ, и если бы онъ не получалъ отъ природы жевкаго тѣлодоміи, то нѣко бы отчаялся на нѣтъ свѣтъ. Но въ-нбудъ вѣрны руки была такая жесткая! Онъ нѣтъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и ѣздилъ на охоту. Саша была превеликая, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семь лѣтъ умѣлъ уже прикинуться на неосознанаго лакея. Принимая гордый видъ, онъ чѣхалъ съ презрѣніемъ улыбаются на чужую лестъ толстой ключницы. Между тѣмъ природная истѣя склонность къ развѣженію развивалась въ немъ необычно-

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Menschen und Leidenschaften.

EIN TRAUERSPIEL.¹⁾

1880 годъ.

М. Державинъ.

Посылается . . .

Тобою только вдохновенный,
А строки грустныя писалъ.
Не знавъ ни славъ, ни похвалъ,
Не мысли о толѣ презрѣнной.
Одной тобою жилъ поэтъ,

¹⁾ Люди и страсти. Трагедія — въ рукописи
написана только лѣтний заголовокъ (Примѣ-
чаніе Вискон)

Скрываючи въ груди мнѣхъ
Страданья многіхъ, многіхъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ лѣтний.
Но вло нуждающей судьбы,
Имѣлъ онъ лишь дѣло предъ-
Всю душу посылать тебѣ
И болѣе никому на свѣтъ!
Его любовь отвергла ты.
Не запоздавъ въ страданьяхъ.
Пусть предъ тобою сія лѣтняя
Истинна будетъ оправданья.
Тѣбѣ своимъ перомъ

Заруцкий: — Въ послѣдній разъ заклинаю васъ, скажите мнѣ, лжонан ли вы какого-нибудь мошену... одного на цѣломъ свѣтѣ?

Любовь (съ досадою): — Это слишкомъ вольно, милостивый государь; повторю вамъ, если вы меня не оставите...

Заруцкий (вскрикивая, какъ громомъ пораженный въ сторону): — Итакъ, всѣ надежды мои провалились съвозъ земли... Попробую еще.. быть можетъ она мыслитъ, что Заруцкий ее любитъ—ахъ! счастливая мысль—еще есть спасеніе (Подходить къ ней съ спокойнымъ видомъ) И обожаю сестру вашу...

Любовь: — Что же вамъ до меня? Зачѣмъ тревожить мое спокойствіе такими неожиданными приходами? Зачѣмъ же вы пришли ко мнѣ? Вашъ поступокъ невозможно понять...

Заруцкий: — Я для того пришелъ къ вамъ, чтобы вымолить, выплатить помощи—будьте увѣрены въ чистотѣ моихъ желаній—я хочу, явлюсь вамъ, хочу на ней жениться, но прежде доставьте мнѣ случай съ ней говорить наединѣ: скажите ей, что она любима—страстно—отходно, сколько государь можетъ любить: Я хочу узнать ее ближе, вы будете свидѣтелями—умоляю васъ! Но что это значитъ? Вы отворачиваетесь? Какъ можно отказываться сдѣлать доброе дѣло, когда мы въ состояніи.

Любовь: — Я не въ состояніи этого сдѣлать!..

Заруцкий: — Какъ! имѣя довѣренность сестры вашей—я дружбу—я ны...

Любовь: — Вы ошибаетесь... я не имѣю ничьей довѣренности, ничьей дружбы...

Заруцкий: — Итакъ, мнѣ идти безъ надежды—а?

Любовь: — Нѣтъ—остановитесь.. слушайте... поклонитесь мнѣ, что вы во зло не употребите ея снисхожденіе.. Но чѣмъ вамъ пластысь... Нѣтъ... лучше.. скажите мнѣ, положивъ руку на сердце: пришла ли, что мужчины такъ злы и коварны, какъ ихъ обвиняютъ? Правда ли, что ихъ душѣ ничего не стоитъ погубить дѣвушку навѣки:

Заруцкий (поумавъ; рѣшительно) Неправда. (Смываетъ шумъ).

Любовь: — Я постараюсь убѣдить Элизу, но помните, что грѣшно будетъ употребать во зло мою и сестриную довѣренность.. Слышите—онъ вѣдетъ бѣгите скорѣи—бѣгите.

Заруцкий: — Я буду надѣяться. (Уходитъ. Черезъ минуту входитъ Элиза).

Высказаніе VIII.

Элиза: — Ахъ, какой ситѣх! Grand Dieu! Grand Dieu! Кабы ты знала, Любинька, что тамъ за шумъ въизу. Марья Ивановна такъ раскармливалась, что хоть изъ дому бѣги!.. Ужасны! дѣвочкѣ пощечамъ такъ и лупить! Ха! ха! ха! ха! Стоитъ посмотреть!

И за что? ахъ, дай отдохнуть—самая глупѣйшая глупость.—Ахъ, какъ я устала! послѣ тебя разскажу..

Любовь: — А у меня есть дѣло очень важное до тебя.. и на твой счетъ.

Элиза: — Что такое? Скажи, пожалуйста! скажи!..

Любовь: — Поидеи со мной. (Уходитъ). Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Высказаніе I.

Комната Марья Ивановна: — Она сидитъ на кровати; передъ ней стоитъ Дарья

Марья Ивановна: — Какъ ты ситѣла, Дашка, выдать на хужую цытѣиный день дѣтупицы—и безъ моего спросу?—а? отвѣдай!

Дарья: — Виновата... я знала, матушка, что дѣй-то много; да непогода было вашей милости доложить..

Марья Ивановна: — Какъ, дура, скотина! дѣй много? Да намъ вѣтъ нечего будетъ—ты меня звать, пожалуйста, съ голоду уморишь! Да знаешь ли, что я тебя, сейчасъ воть при себѣ, велю надавать пощечинъ..

Дарья (плакала): — Ваша власть, сударыня! Что угодно—мы вамъ рабы..

Марья Ивановна: — Что? не было ли у васъ какого-нибудь крику съ Николай Михайловичемъ..

Дарья: — Нѣту-съ, какъ-съ можно-съ намъ ссориться; а воть что-съ—вынче го мнѣ барышны прислали просить сивого, и у меня кошъ онъ былъ, да..

Марья Ивановна: — Что жъ ты, Элизо, опустила мнѣ?

Дарья: — Никакъ нѣтъ-съ..

Марья Ивановна: — Какъ же ты ситѣла.

Дарья: — Добро бы съ вашего позволенія, а то вы почивали, такъ звать, если всѣмъ давать сивого—воровъ, судиряны, не достанетъ.. У насъ же нынче одна королева захворала—и я, матушка, виновата: не дала, не дала густыхъ сивочекъ.. слышало ли во свѣтѣ безъ барского позволенія?..

Марья Ивановна: — Ну, такъ хорошо ситѣла.. Не знаешь ли ты, идѣ мой лауль, молодой баринъ

Дарья: — Кажется, сударыня, онъ у своего батюшки

Марья Ивановна: — Все тамъ сидитъ, сюда не заглядываетъ.. Этой кой онъ сдѣлалъ—бывало прежде ко мнѣ онъ былъ очень привязанъ, не отходилъ отъ меня, пока мать была. И напрасно я его утѣшала отъ отца—такъ ужъ-ли Юрьюшку увѣрять, что я отняла у отца материнское нѣтъ-ка! будто не ему же это нѣтъ-ка достается.. ахъ! злые люди!..

Дарья: — Ваша правда, матушка! злые люди

Марья Ивановна: — Кто станетъ почитать мою старость! и я ли жалѣла что нибудь для его воспитанія? Носила сама Богъ знаетъ что, готова была отъ чаю отказаться—а по четыре тысячи платила въ годъ учителю.. и все пошло не въ прокъ.. Ужъ, кажется, (не) всякимъ ли манеромъ старалась сбегаться отъ нынѣшней бѣды: ставила фунтовую свѣчу каждое воскресенье; всѣмъ святымъ поклонилась; ему ли не наговаривала я на отца, на дѣда, на всѣхъ родныхъ—все не помогло! Ахъ, кабы дочь моя была жива, не то бы на міру дѣлалось, не то бы..

Дарья: — Что это вы, сударыня, такъ сокрушаетесь? Все еще дѣло поправное—можно Юрия Николаевича разжалобить чѣмъ-нибудь, а онъ ужъ извѣстенъ: какъ если разжалобится—куда хочешь, для всякаго на пошъ готовъ.. Есть, Марья Ивановна, поговорка: желѣзо тогда и куется, пока горячо.

Марья Ивановна: — Вотъ какъ врать! можно ли это? Какъ его разжалобить—онъ ужъ ничему не поверитъ?..

Дарья: — Какъ вашей милости у насъ, любовь, объ такихъ вещахъ спрашивать?.. ахъ! не знаю..

Марья Ивановна (смотря вверху): — Видитъ Богъ, я не терпѣла молвить, постаралась, по доброй поступать по моему совѣту, Дашка.. да слушай, что она тамъ и будетъ.. ахъ! съ опомъ, все узнавая, и приходишь сказать мнѣ..

Дарья: — Сидю-съ! ужъ на меня, Марья Ивановна, извольте надѣяться.

Марья Ивановна: — Ну, я надѣюсь: ты всегда мнѣ вѣрно служила.

Дарья: — Видитъ Богъ-съ, не обманывала никогда и вѣчно въ точности ваши приказанія исполняла.. да и вашей милостью дожила.. (Плачетъ).

Марья Ивановна: — Ну воть ужъ черезъ пѣдѣлю Юрьюшка придетъ.. и я избавлюсь отъ этихъ насильныхъ болѣвухъ. То-то, кабы дочь моя была въ живыхъ. (Молчаніе). Эй, Дашка, возьми-ка свѣгале и читай мнѣ вслухъ.

Дарья: — Что прикажете читать?

Марья Ивановна: — Что попадется..

(Дарья отериваетъ слезу и начинаетъ читать):

Дарья (читаетъ вслухъ довольно быстро): — «Вѣдаю же и индѣя злѣды съ Иванъ убиты! И егда придомы на мѣсто парадное любовое, ту распяна Ево, и злѣды, оваго убо десную, а другаго ошуюю. Исусъ же изъ гозаме: Отче, отпусти мнѣ, не имѣю бо что творить. Раздѣли же ризы твои, и мѣтаху жребіи..»

Марья Ивановна: — Ахъ, злѣды-злѣды! Христо! пропалые! какъ она поступила съ Христомъ!.. вѣтъ бы ихъ переказала безъ жалости.. вѣтъ, правду сказать, если бы я ждала тогда, положила бы мою душу за Господа, не дала бы Ево на растерзаніе. Перевери-ка назадъ и читай что-нибудь другое..

Дарья (читаетъ): — «Горе вамъ, книжники и фарисеи лицемеры, яко подобостеся гробамъ поваленнымъ, аже внѣзду убо являютъ мертвыхъ и всякия нечистоты. Тако и вы, внѣзду убо являетесь человекомъ праведни, внѣзду же есте полны лицемерія и беззаконія..»

Марья Ивановна: — Правда, правда говорится здѣсь.. ахъ, эти лицемеры! воть у меня сестра Зарукова.. такая богомолница, кажется, велико крѣпится у обители, и замедляя вѣла звать съ себя пороки и табуны на мои озвни—вотъ и табуны.. злѣды!..

Дарья: — Да еще, сударыня, бранить васъ повсюду, по домамъ—такая злѣда.. И подумай-то своимъ велитъ на васъ взирать и вѣтъ что. Имъ хоть рабы, а какъ у чужихъ что-нибудь такое, такъ тронъ заставить, такъ бы вѣдѣлась ей въ волоса..

Марья Ивановна: — Продолжай..

Дарья (читаетъ): — «И вы исполните мѣру отъ отца.. И вы породили ехидна, како убѣжили отъ суда огня грѣхъ вашъ»

Марья Ивановна: — Не убѣжитъ она.. По-судутой Дашка повѣдай что-нибудь другое.

Дарья: — Изъ чего вамъ угодно прикажете?

Марья Ивановна: — Отъ Марья.

Дарья: — «Сего ради глаголю вамъ: вся елика аще молитеся просите, вѣруйте, что приемлете: а будетъ вамъ—И егда стоите молитеся, отшуйте, иже что книто на кого, да а отъи. вѣтъ, иже есть на васъ, отшуйте вамъ согрѣшенія ваша.. (Смываетъ слезы рукой разбитой погуми, обѣ (сидитъ на кровати)).

Марья Ивановна: — Что это? Вѣрно мерзавцы что-нибудь развѣщ. Сбѣдай-ка, да посмотрю!.. (Дарья уходитъ. Черезъ минуту приходитъ).

Дарья: — Ваша хрустальная ручка, съ позолоченной ручкой и съ вѣзелью..

Марья Ивановна: — Ова..

Дарья: — Въ дребезгахъ лежить на полу..

Марья Ивановна: — Ахъ, злѣды! кто разбить? Кто этотъ океанный?

Дарья: — Васяка поваренъ..

Марья Ивановна: — Пошла его сюда..

Дарья: — Разболонку, берегѣй.. уль а ему дѣмъ, разболонку, берегѣй.. уль а ему дѣмъ (Дарья привѣщаетъ его)

Марья Ивановна: — Какъ ты это сдѣлалъ.

Знаешь ли, что она 15 рублей

стоит?.. Эти деньги я у тебя изъ жалованья вычитаю.— Какъ ты ее уронила? Ответай же, болванка! Ну, что жъ имъ? (Мальчикъ хочет говорить). Какъ? Ты еще оправдываться хочешь... эхъ, братъ! въ плети его, въ плети на конюшникъ!.. (Мальчикъ издается въ ноги). Впередъ я этимъ поклонамъ не вѣрю... уберите съ торговъ, проси Боже мое согрѣшеніе... (Мальчикъ идетъ). Убирайся!.. (Топаетъ ногой). Моя лучшая кружка, съ золотой ручкой и съ моимъ вензелемъ!.. Нельзя ли, Даша, ее поправить, склеить, хоть какъ-нибудь? Дарья:—Ни подькалншь видошь нельзя-стъ. Марья Ивановна: Экая бѣда какая! (Входятъ Николай Михайловичъ и Василий Михайловичъ Водники. Дарья уходитъ съ еингой).

Явленіе II.

Николай Мих.:—Здоровы ли вы, матушка, плнче? и хорошо ли почивали? Я слышалъ, что вы долго на засыпали.

Марья Ивановна:—Да, батюшка, мнѣ что-то не спалось — я все думала объ моемъ Юрьюшкѣ... какъ-то онъ поведетъ путешествіе; я боюсь за него—вотъ вы, отцы, не такъ безпокоитесь объ дѣтихъ!.. а мнѣ такъ грустно съ нимъ разставаться..

Николай Мих.:—Неужели вы думаете, что мнѣ легче. Вы ошибаетесь, позвольте мнѣ сказать: я сына моего не меньше васъ люблю; и этому доказательство то, что я его уступилъ вамъ, лишился удовольствія быть съ своимъ сыномъ, ибо я зналъ, что не имѣю довольно состоянія, чтобы воспитать его такъ, какъ вы могли.

Марья Ивановна (къ Василию Михайловичу):—Что, батюшка, какъ ваше дѣло? что говорить сеньятъ?..

Василій Мих.:—Сеньятъ-съ? До него еще дѣло не доходило, а все еще кутить да мучить въ уѣздномъ судѣ, да въ губернскомъ правленіи... такіе яденые канальи эти крючки-подьячіе со всей сволочью, что когда туда прїѣдешь, такъ и обступятъ—чутье собачье!.. а знаютъ, что у тебя въ карманѣхъ есть деньги... и потъ ужъ пять зѣлъ тиснется вся эта комедія... впрочемъ, для меня совѣтъ не смѣнная, потому что я дѣйствующее лицо.

Марья Ивановна (къ Николаю Михайловичу):—Знаете ли, Николай Михайловичъ, я хочу, чтобы Юрьюшка ѣхалъ во Францію, а въ Германію не заглядывалъ — я терять и могу пѣшцы! Чему у пахъ научился? Все возбавники, шмерцы!..

Николай Мих.:—Позвольте перервать рѣчь вашу, матушка; пѣшцы хотя въ просвѣщенномъ общественномъ и отстали отъ французовъ, т. е. имѣютъ нѣкоторыя сдѣлности, имъ пріятныя, въ обхожденіи не такъ ловки и развязны, но зато глубокомысленны

нѣе французскіе, и многія науки у нихъ болѣе усовершенствованы, а Юрій въ это лѣта очень даже можетъ самъ располагать собою—ему 22 года, онъ уже имѣетъ чинъ и проч..

Василій Мих.:—Позвольте спросить, Юрій Николаевичъ поѣдетъ моремъ?

Марья Ивановна:—Сохрани Богъ!.. нѣтъ, ни за что.

Василій Мих.:—Такъ ему надо ѣхать чрезъ Германію, вначо везомо, хоть на карту взгляните.

Марья Ивановна:—Батъ же былъ! а я вѣ хочу, чтобы онъ жилъ съ нами, они дураки...

Николай Мих.:—Помилуйте! у нихъ философія преподается лучше, нежели гдѣ-нибудь!.. Неужто Батъ былъ дуракъ?

Марья Ивановна:—Сохрани Богъ отъ философіи!.. Чтобы Юрьюшка сдѣлался безбожникомъ!..

Николай Мих.: (съ неудовольствіемъ):—Пожалуй и желаю меньше добра моему сыну, чѣмъ вы? Повѣрьте, что я знаю что говорию. Философія не есть наука безбожная, а это самое спасительное средство отъ него и выѣстъ отъ фанатизма; философъ истиннымъ счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ, и есть тотъ, который знаетъ, что онъ ничего не знаетъ. Это говорю не я, но люди умнѣйшіе. (Василій Михайловичъ въ тайномъ удовольствіи). И всякій тотъ, кто хотя мало имѣетъ добраго смысла, со мною согласится..

Марья Ивановна:—Стало быть я его совѣтъ не имѣю... Это слишкомъ самолюбиво съ вашей стороны... увѣрю васъ.

Николай Мих.:—Лучше сами повѣрьте, что отецъ имѣетъ болѣе права надъ сыномъ, нежели бабушка.. И, сказавъ надъ вами, уступилъ единственное свое утѣшеніе, зная, что вы можете Юрія хорошо воспитать.. но я ожидаю благодарности, а не всякаго неприличностей, когда прїѣзжаю повидаться къ сыну. Вы ошибаетесь оченъ! Юрій великъ ужъ онъ сдѣлался оченъ мужемъ, и можетъ понимать, что тотъ, кто несправедливо притиву отца, недостойно уваженіи отъ сына. И говорю правду; вы ея не любите—прошу нашего извиненія.. Впрочемъ, знаете, что я не похожъ на низкихъ нашихъ сосѣдей и не могу не говорить о томъ, что чувствую и оченъ огорченъ вашимъ противъ меня не расположеніемъ... но что жъ дѣлать, вы зачали меня за живое, я отецъ и имѣю полное право надъ сыномъ!.. Онъ вамъ обязанъ воспитаніемъ и почетомъ, но я вѣ вамъ не обязанъ; вы платили за него въ годъ по 5 тысячъ, содержали въ пансіонѣ — но я сдѣлалъ еще для васъ жертву, которую не всякій отецъ сдѣлаетъ для

ца.. ужъ не говорю объ вытнн.. прощайте.

Марья Ивановна (привстала):—Какъ и вы тоже меня упрекать, ругать, какъ послѣднюю рабу—въ моемъ домѣ.. Ахъ! (Упадаетъ въ неслепотеніи злоби на кресло и злится на то-локальничъ). Даша, Даша, пазку!

Даша:—Сию минуту (привосстала пазку и вы-одитъ ее изъ комнаты подъ руку).

Николай Мих.:—О, Боже мой! можетъ ли существованіе женщины дойти до такой степени! (Ходитъ взадъ и впередъ).

Василій Мих.: (подходитъ къ нему):—Богъ, что значить, братецъ, спорить съ бабами! а отчего это все, отчего не могъ ты взять просто сына своего отъ нея? Не хотѣлъ заплатить 3000 р. за бумагу крѣпостную? Вѣдь она тебѣ отдавала имѣніе—это за какое возмездіе не брать или брать на честное слово, что все равно. Вотъ она и сдѣлала условіе, что если ты возьмешь къ себѣ сына, такъ она его лишитъ наслѣдства, а тебя она сдѣлала опекуномъ. Что, братъ, видно ладно?

Николай Мих.:—Но ея слово, увѣреніе, что ея?.. Я почему могъ отгадать, что они меня обмануть.

Василій Мих.:—Что, скажи мнѣ, ты шутишь? Честное слово? ха! ха! ха!.. вычте съ нуль по лѣвую сторону единицы. (Хочетъ...

Явленіе III.

Сидъ.—Сучерка, и луна на небѣ, нѣтъ безбож-на.. Любовь въ длинной черной шали, въ (распу-щеннѣхъ) волосахъ и блонъ платѣ, съ паз-кѣ въ руцѣ.

Любовь (идетъ):—Онъ желаетъ говорить ко мною здѣсь входить, въ это время—что такое значитъ? Юрій хочетъ со мною гово-рять — объ чемъ? Между нами не можетъ быть и не должно быть ничего такого, что бы нельзя было сказать при свидѣтелях.. Однако жъ я не должна опасаться, хоти го-ворить что бабушка жалко боится муж-чынъ.. Лично мнѣ Юрія боится? Ахъ! ча-сто, когда на меня устремлялъ онъ свои взоры неподвижные, свѣтлые—что-то чуд-ное происходило въ груди моей; сердце би-лось... Быть можетъ, онъ въ мѣла влюб-ленъ? Нѣтъ! нѣтъ! сему не случается ни-когда! и не вѣрю этой любви—онъ не мо-жетъ на мѣлъ жениться, такъ на что ему безнадѣжною страстью себя мучить, что-ло мнѣ говорить, что я хороша собой, что-ло нравиться, но онъ.. онъ столько знаетъ красавицъ лучше меня.. Если бы это бы-ло въ самомъ дѣлѣ, если я любила, то онъ-долженъ столько уважать меня, и онъ-же не думать, что добродѣтель не позво-литъ лжно отвѣчать ему — .. Кажется, не позволяла ему ..

что бы могло возбудить его страсти не-ужели онъ привѣтитъ бывше моего сердца? Ахъ, нѣтъ! онъ самъ, Юрій, былъ со мною всегда мраченъ, холодеетъ, онъ врагъ и неспособенъ любить нѣжно во ачѣмъ. сему было свиданіе? Это письмо?.. Не понимаю, чего хотѣлъ онъ... (Молчаніе). Но въ мѣла извошла, все тихо и прохладно, а онъ не-детъ. (Молчаніе). Какъ а глупо сдѣлала что пришла сюда: непонятное плеченіе упрямля-ло мною шатами.. (Садится возлѣ бесѣды). Что, если насъ увидятъ вытнн? моя чест-нотнла—безумнн!

Явленіе IV.

Юрій (въ платѣ, безъ шапки, тихимъ шагомъ подходитъ къ ней и беретъ ее за руку) — Лю-бовь!.. вы здѣсь уже!

Любовь (испуганно):—Ахъ!

Юрій:—Вы испугались?

Любовь:—Нѣтъ, вы мнѣ что-то хотѣли

сказать, а тут вы вдругъ..

Юрій:—Да, я много хотѣлъ сказать вамъ..

вы помните: съ тѣхъ поръ, какъ мы съ

вами знакомы, вы никогда не отказывались

отъ изловкавой и легкой для васъ прось-

бы моей.. теперь я васъ прошу дать мнѣ

честное слово: сказать мнѣ правду, правду

истинную, какъ ваше сердце..

Любовь:—Мое слово? Хорошо! (Смотритъ

ему въ глаза).

Юрій (въ сильномъ движеніи беретъ ее за

руку):—Прошедшую ночь, когда по какому-

то чудному случаю я уснулъ спокойно, удо-

вительный сонъ началъ тревожить мою душу..

И видѣлъ отца, бабушку, которая хотѣла,

чтобы я успокоилъ ея старость на счетъ

благополучія отца моего; съ презрѣніемъ

отвернулся я отъ торытолюбивой старухи..

и вдругъ зинелъ утѣшитель встѣвился со

мною; онъ взялъ мою руку утѣшалъ меня

однимъ словомъ, однимъ неизъяснимымъ

взглядомъ обновила къ жизни.. и.. упалъ

на мои объятія. Мысли, въ которыхъ кру-

вилась дѣлная мнѣваша къ людямъ и къ

самому себѣ—числа и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

теперь, и снова.. (Сидѣла и нѣтъ.. (Сидѣла

тёмь повестишь видны? Что я Тебѣ сдѣлалъ, Богъ!.. О! (съ движеньемъ) во мнѣ стѣны нѣтъ къ Тебѣ ни вѣры, ничего нѣтъ въ души моей... но не наказывай меня за мятежное роптанье, Ты.. Ты.. Ты самъ нестерпимо пыткой вымучаешь эти хулы.. Зачѣмъ Ты мнѣ далъ огненное сердце, которое любить и ненавидѣть до крайности... Ты виноватъ!.. Пусть громъ уродитъ на мени, я ведомо, чтобъ послѣдній вопль давно погибшаго терпя могъ Тебя порадовать... (Въ отчаяньи убѣгаетъ, Молчаніе).

Любовь (оглядывается; жалобно):—Опъушеть! О, я несчастная дѣвушка!.. (Упадетъ въ обморокъ на скамью дерюшную).

(Занавѣсъ опускается).
Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе I.

Комната Николая Михайловича; судушья и чистая, дѣлны готовы къ отбѣду.

Василій Мих.: (входя, слугѣ, который идетъ за нимъ):—Что? что? не можете быть; неужели это правда?

Слуга:—Точно такъ-съ...

Василій Мих.:—Такъ, такъ; мнѣ самому это все казалось... Экой шельма!.. Поди, позови брата моего... Экое несчастное дѣло! (Уходитъ слуга). Ну, какъ объявить ему? Теперь просто, да просто надобно за одинъ разъ почитать эти сплетни. (Садится). Надобно порядкомъ распечь племенишку моего—взую онъ заварилъ кашу—однако я поощажу его немного. Молодость, все молодое! хотя это такой порокъ, отъ котораго всякій день мы исправляемся—можетъ быть, онъ и не совѣтъ такъ говорилъ, или что-нибудь да не такъ тутъ есть... Впрочем, я не думаю бы никакъ, чтобъ Юрій шелъ до такой низости, если бы... (Въ отчаяньи опускаетъ голову). Ва! что это за записка? «Ma chère»... Это любопытно. (Полыхиваетъ записку; вдругъ вскрикиваетъ въ изумленіи и долго молчитъ, смотря на записку, потомъ съ досадою говоритъ). Какъ?! Къ Любови, къ моей дочери, любовное письмо—свиданіе... Юрій... Пѣтъ, этого я не стерплю (Молчаніе). Видно, да это давно написано, потому что на полу валяется, какъ все старое. (Молчаніе). Ну, говори, что я несправедливо дѣлалъ, любя дочери моихъ неоднаково... Я впередъ какъ предчувствовалъ это... Во... Изушка такой штуки не сдѣлаетъ... О братомъ двоюроднымъ любовное свиданіе—идѣ это на свѣтъ выдано? О! я ему отъ мнѣ; будетъ теперь меня помнить; потому что этого чего нельзя отъ него ожидать. Онъ обольстителя двоюродной сестры! (Хочетъ встать и впередъ). Однако припрѣдѣ...

до случая (Кладетъ въ карманъ). Но вотъ и братъ идетъ, кажется...

Явленіе II.

Николай Михайловичъ входитъ.

Николай Мих.:—Что это, братъ, такое? Что опять за важное дѣло? У меня право въ теперь такъ много, что не знаю, куда съ ними дѣваться.

Василій Мих.:—Да, дѣло не маловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Николай Мих.:—Марса Ивановича что-нибудь еще хочешь сочинить—на правда ли?

Василій Мих.:—Вѣтъ, до нея тутъ ничего не касается...

Николай Мих.:—Эхъ, братецъ! такъ что тутъ можетъ быть важнаго; ты меня только оторвалъ отъ занятій... Объ этомъ послѣ можно поговорить.

Василій Мих.:—То-то не знаю...

Николай Мих.:—Что же это?

Василій Мих.:—Твоя дочь...

Николай Мих.:—Конъ сынъ—лучшій сынъ сына; онъ совершенъ, сиротливъ, хотя и чужеземецъ, и меня любить, не смотря на все прошлое...

Василій Мих.:—Ахъ! ахъ! ахъ!

Николай Мих.:—Что ты такъ смотришь? Неужели кто-нибудь можетъ сказать въ...

Василій Мих.:—Нѣтъ—не то что ты любишь, совсемъ, а это еще подвѣсивъ...

Николай Мих.:—Какъ сомнѣнью? Что я? Неужели ты такъ со мной думашь, о...

Василій Мих.:—Ты думаешь... Пустеть быть ты самъ скоро начнешь думать...

Николай Мих.:—Но прѣдметъ этотъ... Онъ въ порѣ не подаль мнѣ повода почитать его безчестнымъ человекомъ...

Василій Мих.:—Потѣ видишь, если бы, которые утѣшилъ такъ скрыть цѣль...

Николай Мих.:—Юрій... Юрій...

Василій Мих.:—... Юрій...

Николай Мих.:—... Юрій...

Василій Мих.:—... Юрій...

Николай Мих.:—... Юрій...

Василій Мих.:—... Юрій...

Николай Мих.:—... Юрій...

Василій Мих.:—... Юрій...

Николай Мих.:—... Юрій...

Василій Мих.:—... Юрій...

хорошо поступаетъ, ее оставляетъ, про нее хорошо говорить. А кто знаетъ, можетъ быть, и ей опъ на тебя Богъ знаетъ какъ извѣстеть.

Николай Мих.:—Стыдись! это все одинъ несправедливый подозрѣній! помалуй! что ты дѣлаешь?

Василій Мих.:—Я хочу тебѣ открыть глаза изъ одной дружбы къ тебѣ—и у меня, повѣрь, не одинъ подозрѣній—безъ доказательствъ не смѣлъ бы я говорить.

Николай Мих.:—Да тутъ нѣтъ добраго смысла, братецъ!

Василій Мих.:—Отчего же?

Николай Мих.:—Ну, ты вѣрно согласишься, что Юрій уменъ.

Василій Мих.:—Глупый человекъ не можетъ быть такъ лукавъ.

Николай Мих.:—Правъ, согласенъ? Какъ же тутъ нѣтъ? Онъ долженъ бы былъ почитать, что онъ сплетни, какъ ты говоришь, въ чѣмъ не послужаешь?

Василій Мих.:—То-то и дѣло: онъ уменъ потому-то я еще и не совѣтъ допустить до пѣтъ, а въ томъ, что я теперь тебѣ...

Василій Мих.:—Я увѣренъ; слушаю же: вчера, въ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

онъ дорого мнѣ. Это заплакать (Хочетъ встать и впередъ).

Василій Мих.: (въ сторону).—Вотъ кажется, и Юрій идетъ сюда—сиди на это прѣдѣ...

Василій Мих.:—Я хочу тебѣ открыть глаза изъ одной дружбы къ тебѣ—и у меня, повѣрь, не одинъ подозрѣній—безъ доказательствъ не смѣлъ бы я говорить.

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

Василій Мих.:—Пѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ... я вѣтъ, онъ говорилъ своей бабѣ...

НИКОЛАЙ МИХ: — Что ты хочешь сказать
этим?

Юрий: — Для васъ я повиною несчастную старуху, хотя могъ бы быть опорой послѣднихъ дней ея.. Она мнѣ дала воспитаніе, уваживала за моимъ дѣтствомъ, ей обязанъ я признаніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что я имѣю, кромѣ жизни... и въ нѣсколько дней я ее приблизилъ къ могилѣ... къ ней я неблагодаренъ... И не долженъ былъ смотрѣть на ваши распри: обязанность человечества должна была занять мое сердце... Но для васъ я сдѣлалъ великое преступленіе... и вы меня обвиняете, вы, мой отецъ! Чѣтъ, это свыше границъ возможнаго.

Николай Мих.:—Ты можешь быть безстыдно лгать, лицемерить; ты, который своими низкими сплетнями увеличивал нашу ссору; который, вадъв маску привязанности, являлся къ каждому и вооружалъ одного противъ другого; чрезъ котораго я, какъ повѣдвдвй пищй, выволакомъ изъ этого дома... Несчастный, если бъ я это зналъ, я бъ тебя удупилъ при твоёмъ рождени... чтобъ никогда глаза моя не видали такого чудовища!

Юрий (бросает в огонь его):— Ради всего странного, не продолжайте, отец мой.. Я почти convinced, что вы хотите сказать.. Клевета.. клевета.. все клевета.. Не вбрасывайте никому.. кроме меня.. Я вас люблю, я это доказал..

Николай Мих.:—Зыт а...

Юрій:—Разве можете, узнайте... Но берегитесь жёна доводить до отчаяния; я невинен!

Николай Мих.:—Я все знаю... Теперь поздно твое коварство, тебе не удалось вынести! Сквозь этот огорченный вид невинности, сквозь эти бледные черты я вижу ясную душу... Отрекаюсь от нея: ты больше мне не сын... Прочь, прочь отсюда с твоими наследством! Ты мне золотом не заменишь лютости... Я все тебе отвергну, хотя бы с тобой были миллионы... Такое коварство... почти отцеубийство, если не хуже, потому что я тебя любил... Я в таких молодых лгальщик... Прочь, прочь... Я не могу слышать тебя близко!.. Мне состояние самоопасное; может быть и скоро совсем разорюсь... Буду просить милостыню... Поверь мне, даже не пойду к твоему окошку... я не захочу вступить на нем печать моего проклятья... Сердце мое тогда было бы сожаленьем... Я этого не хочу— прочь!..

Юрий (вздрагиваетъ при словѣ: проклятье, и, быть прежде въ ужасномъ движеніи, вдругъ становится какъ околѣбленный, Молчаево).

Василій Мих. (входить в хату): — Не

РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА.

БѢЛИНСКІЙ (смотря на часы). — Ахъ, БѢЖА
ЮШ! а мнѣ давно вѣдь пора встать. Я хѣ
лѣй забывалъ вѣдь на секунду
ВЛАДИМИРЪ: — Я это вѣжу.. Куда ты
спѣшаешь?

Владимиръ: — Илья, где папаша?
Бѣлинскій: — Да пасть.

Бѣлинскій:— (о свѣд. нѣд. (Уходящ.).
Владимиръ:— (о свѣд. Бѣлинскаго, свѣд.)

[illegible]

ИЗДАНИЕ 1980

Знаете ли вы, что в России на одного человека приходится 1,5 га леса? Это значит, что каждый из нас имеет право на 1,5 га леса. Но как же использовать это право? Как же сделать так, чтобы наш лес был не только источником древесины, но и источником здоровья, красоты и счастья? Ответ прост: нужно заботиться о нем, беречь его, охранять его. И тогда наш лес будет для нас не только источником древесины, но и источником здоровья, красоты и счастья.

[illegible][illegible]

... ..

Всего в 1977 году в СССР было произведено 1,2 млрд. руб. продукции, что на 10% больше, чем в 1976 году.

[illegible]

УДК 62-50

[illegible]

ВНЕШНЕ-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Второй этап работы по созданию модели связан с определением параметров модели. В зависимости от сложности модели и объема исходных данных этот этап может занимать значительную часть работы. В процессе моделирования необходимо определить, какие параметры модели являются наиболее важными и как их можно оценить. Для этого необходимо провести анализ исходных данных и определить, какие параметры модели являются наиболее важными. В зависимости от сложности модели и объема исходных данных этот этап может занимать значительную часть работы.

C. B. E. H. A. B. I. O. G. R. A. P. H.

Всего 23 августа
Приведены в точности все данные
революции, а также
Николаевский; а также Наталья Евдокимовна
всего, всего (1) Косе (мать) 1917
всего, всего (1) Косе (мать) 1917
всего, всего (1) Косе (мать) 1917

[illegible]

Наташа Георгиевна. Кн. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 8

1980年1月

Одна из ватышек

Государственный - В. И. Ленин, 1917 г.

1. ... { H U } ...

2. T ...

M ... D ... I ...

1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103, 2104, 2105, 2106, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, 2115, 2116, 2117, 2118, 2119, 2120, 2121, 2122, 2123, 2124, 2125, 2126, 2127, 2128, 2129, 2130, 2131, 2132, 2133, 2134, 2135, 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2164, 2165, 2166, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181, 2182, 2183, 2184, 2185, 2186, 2187, 2188, 2189, 2190, 2191, 2192, 2193, 2194, 2195, 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2203, 2204, 2205, 2206, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2220, 2221, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2231, 2232, 2233, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248, 2249, 2250, 2251, 2252, 2253, 2254, 2255, 2256, 2257, 2258, 2259, 2260, 2261, 2262, 2263, 2264, 2265, 2266, 2267, 2268, 2269, 2270, 2271, 2272, 2273, 2274, 2275, 2276, 2277, 2278, 2279, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2289, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294, 2295, 2296, 2297, 2298, 2299, 2300, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2308, 2309, 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2316, 2317, 2318, 2319, 2320, 2321, 2322, 2323, 2324, 2325, 2326, 2327, 2328, 2329, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2339, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 2348, 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359, 2360, 2361, 2362, 2363, 2364, 2365, 2366, 2367, 2368, 2369, 2370, 2371, 2372, 2373, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2397, 2398, 2399, 2400, 2401, 2402, 2403, 2404, 2405, 2406, 2407, 2408, 2409, 2410, 2411, 2412, 2413, 2414, 2415, 2416, 2417, 2418, 2419, 2420, 2421, 2422, 2423, 2424, 2425, 2426, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2433, 2434, 2435, 2436, 2437, 2438, 2439, 2440, 2441, 2442, 2443, 2444, 2445, 2446, 2447, 2448, 2449, 2450, 2451, 2452, 2453, 2454, 2455, 2456, 2457, 2458, 2459, 2460, 2461, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466, 2467, 2468, 2469, 2470, 2471, 2472, 2473, 2474, 2475, 2476, 2477, 2478, 2479, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484, 2485, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494, 2495, 2496, 2497, 2498, 2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2504, 2505, 2506, 2507, 2508, 2509, 2510, 2511, 2512, 2513, 2514, 2515, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531, 2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 2548, 2549, 2550, 2551, 2552, 2553, 2554, 2555, 2556, 2557, 2558, 2559, 2560, 2561, 2562, 2563, 2564, 2565, 2566, 2567, 2568, 2569, 2570, 2571, 2572, 2573, 2574, 2575, 2576, 2577, 2578, 2579, 2580, 2581, 2582, 2583, 2584, 2585, 2586, 2587, 2588, 2589, 2590, 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 2596, 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 2602, 2603, 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 2609, 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 2615, 2616, 2617, 2618, 2619, 2620, 2621, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2632, 2633, 2634, 2635, 2636, 2637, 2638, 2639, 2640, 2641, 2642, 2643, 2644, 2645, 2646, 2647, 2648, 2649, 2650, 2651, 2652, 2653, 2654, 2655, 2656, 2657, 2658, 2659, 2660, 2661, 2662, 2663, 2664, 2665, 2666, 2667, 2668, 2669, 2670, 2671, 2672, 2673, 2674, 2675, 2676, 2677, 2678, 26

Гость первый — это же Билл Гейтс. И, по-
жалуй, это же самый богатый человек в мире.

Гость второй в нем - 4 м.к. в.к. в.к.

$\{f_n\}$ is a sequence of functions in $L^1(\mathbb{R})$ such that $\|f_n\|_1 \leq 1$ and $f_n(x) \geq 0$ for all n and x . Suppose that $f_n(x) \rightarrow 0$ for almost every x . Show that $\int_{\mathbb{R}} f_n(x) dx \rightarrow 0$.

Одна изъ дѣлъ —

החלטתו של בית דין זה, תהיה כפוף להחלטת בית דין זה.

11. 10. 1973. With previous day

Вышневецкий: — И ты, вѣрно, крѣпко, боялся въ театрѣ?

Челяевъ: — Боялся? Чего?

Вышневецкий: — Какъ же? Ты былъ одинъ съ разбойниками!

Всѣ: — Браво! браво! фора! — тостъ!

Снѣгинъ (беретъ въ сторону Заруцкаго): — Правда ли, что Арбенникъ сочиняетъ?

Заруцкій: — Да... и довольно хорошо.

Снѣгинъ: — То-то! Не можешь ли ты мнѣ достать что-нибудь?

Заруцкій: — Изволь... да кстати, у меня есть въ гарманѣ нѣсколько мелодикъ пьесъ.

Снѣгинъ: — Ради Бога, покажи! пускай они плывутъ и дурачатся, а мы сидимъ тамъ, и ты мнѣ прочтешь.

Заруцкій (вынимаетъ нѣсколько листовъ изъ гармани и они садятся въ другой комнату у окна): — Вотъ первая. Это отрывокъ, фантазія. Слушай хорошенько... Создатель, какъ они шумятъ! Между прочимъ я долженъ тебѣ сказать, что онъ страстно влюбленъ въ Загорскину. — Слушай.

I.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ Чудеснаго искала; я любилъ Всѣ оболочки свѣта, но не свѣтъ, Въ которомъ я мгновенными лишь жилъ — И тѣ мгновенныя были мучъ полны: И населялъ таинственные сны И этими мгновенными; но совѣ, Какъ мнѣ, не могъ быть ими омыченъ!

II.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ Я жилъ въ нѣмъ и жизни нвой, И о землѣ забывалъ. Не разъ, Встревоженный печальною мечтой, Я плакалъ. Но создавая мои, Предметы мнимой злобы нль любви, Не походила на существъ земныхъ; О, нѣтъ! все было адъ нль небо въ нѣтъ.

III.

Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ! Когда я буду прахъ, мой мечтъ, Хоть не поймешь ихъ, удивленный свѣтъ Благословить. И ты, мой ангелъ, ты Со мною не утратишь. Моя любовь Тебя отдастъ безсмертной жизни внонь; Съ моимъ названьемъ стану повторять Твое... На что имъ мертвыхъ разлучать?

Снѣгинъ: — Онь это писалъ въ гениальную минуту. Другую...

Заруцкій: — Это посланіе къ Загорскиной. Въ чему волшебномъ улыбка

Будить забыванья мечтъ?

И буду веселъ, но — ошибкою:

Причлну слишкомъ знаешь ты.

Мы не годимся другъ для друга;

Ты любишь хладный, шумный свѣтъ;

И сердцемъ сынъ пустыни и юга!

Ты счастлива, а я, я — нѣтъ!

Какъ небо утра молодор,

Прекрасенъ взоръ небесный твой;

Въ немъ дышетъ чувство всѣмъ родное.

А я на свѣтъ всѣмъ тужой!

Моя душа бонитъ снова

Свѣтлоу вспомнить старячъ:

Ея надежды — бредъ больного,

Нѣтъ вѣрить — значить вѣрить сну.

Мнѣ одинокій путь назначенъ,

Онъ проклятъ строгою судьбой;

Какъ счастье безъ тебя — онъ ирраченъ.

Прости!.. прости же, ангелъ мой!

Онъ чувствовалъ все, что здѣсь сказано. И его люблю за это.

(Сильный шумъ въ другой комнатѣ).

Многіе голоса: — Господа! мы (честь нѣтъ объявить) пришли сюда и званы на похороны добраго смысла и стыда. За здравіе дураковъ и б... Я!

Рябиновъ: — Тостъ!.. еще тостъ, господа! Коперникъ правъ: вселъ вертится! (Шумъ утихаетъ; потомъ свѣтъ бѣжитъ въ залу).

Снѣгинъ: — Оставь! не слушай ихъ; тутай даѣе.

Заруцкій: — Погоди (вынимаетъ еще бумагу). Вотъ этотъ отрывокъ тѣмъ только замѣченъ, что онъ картина съ природы. Арбенникъ описываетъ то, что съ нимъ было, просто, но есть что-то особенное въ кукѣ этой пьесы — Ова въ нѣкоторомъ смыслѣ подражаніе The Great Байропову. Все это мнѣ сказалъ самъ Арбенникъ. (Питаются).

И видѣлъ юношу: онъ былъ верховъ На строй, борзой лошади — я мчался Вдоль берега к... Погасъ ужъ... И мѣсяцъ съ... Въ волнахъ... Но юныя... Пыль... И черная... Въ туманномъ...

И тѣ мгновенныя были мучъ полны, И населялъ таин... И этими мгновенными... Какъ мнѣ, не могъ быть ими омыченъ!

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ Я жилъ въ нѣмъ и жизни нвой, И о землѣ забывалъ. Не разъ, Встревоженный печальною мечтой,

Минувшее являлось ему —

Грозный призракъ, темнымъ предсказаньемъ Пугающей доверчивую душу Но вѣрилъ онъ одной своей любви, И для любви своей не вѣдалъ преградъ.

Я мнилъ; но всѣ образы мои, Предметы мнимой злобы нль любви, Не походила на существъ земныхъ. О нѣтъ, все было адъ нль небо въ нѣтъ!

Холодной буквой трудно объяснить, Боренье душъ. Нѣтъ науки у любви: Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить Желанье близости. Пылъ страстей Возмущенныхъ и чувствую; но слезъ Не важдоу, и въ этотъ мнѣ готовъ Пожертвовать собой, чтобъ какъ выбулъ Зоръ тѣмъ какъ перелетѣть въ другую гр...

Ничтожность, слава, что онъ? — А если У нѣтъ и надо нвою властью: онъ Келать себя на жертву все принасть, И я вѣду мучительны для себя дѣла, оклеветанъ, одлавокъ И вѣрѣ амъ! Невѣдомый пророкъ Мнѣ... ахъ! безсмертье, и живой — а смерти отдавать все, что даръ земной.

Но для небеснаго могли нѣтъ. Кого я бузу прахъ, мой мечтъ. Хоть не поймешь ихъ, удивленный свѣтъ Благословить; и ты, мой ангелъ, ты Со мною не утратишь. Моя любовь Тебя отдастъ безсмертной жизни внонь; Съ моимъ названьемъ стану повторять Твое: на что имъ мертвыхъ разлучать?

Къ возлюбленной душѣ сраженнаго, сътъ Блгоурачь, что проливался отъ. Ты въ этомъ убивался, до слезъ и ханъ не нужно: есть всему покаянъ; И много изъ... Такъ; въ сравнѣнъ съ нѣкостью нль нѣтъ... Душа лишь колыбель свою колышетъ.

Такъ и ея созданье. Иногда На берегу рѣки, одинъ, забытъ, Я забывалъ, какъ бѣгала вода. Скала, гнется въ волнѣ, какъ нѣтъ. Надъ нѣмъ нѣва бѣлой волосою: И я глѣдилъ въ мѣсто нвой И не бѣлъ запалъ, я пустынный шумъ Развѣивалъ толпу глупыхъ душъ.

Тутъ былъ а счастливъ... О, когда-бъ и вотъ Залить что неизбежно... Держишь вѣзъ! Причлну столько слезъ, блуастъ, твоемъ Другой мѣдѣтъ съ съ лѣннхъ поръ И а другую съ нѣвостью люблю, Хочу любить я небеса нвой О повнхъ мѣдѣтъ: но въ тѣхъ нвой Все жить печальнымъ призракомъ аранныхъ душъ.

Никто не дорожитъ нвой на землѣ И самъ себя а въ тѣлѣ, нль другинъ; Тоска блуждасть на нвой чѣлъ И холоденъ и горѣ, и дѣе зѣвъ Тоннъ лѣжусъ; но ужель она Пронн... ахъ! держко въ сѣдѣ: жѣтъ должнъ? ачѣмъ емъ вѣдѣтъ, что въ сѣдѣ... Олонъ нль сужралъ тамъ — ея все рѣшилъ!

Она мнѣ. Звучный топотъ на поляхъ Равности вѣтеръ. Коль идетъ прозой Она туталла останавливать, и этого Ему дорогу молча указать И удалился съ видомъ удивленъ.

Темно прохлѣтъ тутъ въ небесахъ. И въ пѣтѣхъ дѣлалъ роковой: Онь, аривалъ, обращаетъ въ прахъ Все, что въ нѣтрѣхъ. Съ дивной бѣст... Блестѣтъ — а слонъ въ облакѣ улетѣтъ; И кто его источникъ объяснитъ? И кто заглазѣтъ въ нѣдѣ... Завѣтъ. Она нечувствъ сѣтъ сѣтъ.

Грядущее тревожитъ душу ной Какъ живая а нѣтъ, гдѣ ала моя Блаждѣтъ сужденъ въ нѣкомъ... Но кто и на лѣбѣхъ, ато тѣло ной Умнѣтъ и вѣдѣтъ. И съ тѣмъ Я вѣдѣтъ, что любить нль а нѣтъ И вѣдѣтъ а сѣтъ... а нѣтъ.

Не вѣдѣтъ въ нѣтъ... И тѣмъ сѣтъ... Разстройство нвой нль вѣдѣтъ сѣтъ. Я не могу любить опрѣдѣтъ, Но это страсть славнѣнн! — Любить Нѣобходимость нль, и я люблю.

И отучить ко ной нвой облакъ. Пустое сердце нвай бѣтъ страстей И въ глѣбѣхъ нвай сѣтъ нвай. Такъ въ трѣхъ нвай разлѣннъ нвай. Берега нвай — нвай. И нвай, и нвай вѣдѣтъ, И укрываетъ сужденъ нвай.

И о судьбѣ ея нвай принасть Зѣдѣтъ. Вѣдѣтъ нвай. Дорну буръ и нвай, вѣдѣтъ Утѣлетъ прѣдсказаннѣ нвай, Но съ корнемъ не исторгать нвай. Мои берега нвай, нвай вѣдѣтъ, Такъ нвай въ разлѣннѣ сѣтъ нвай. Ниль нвай нвай нвай.

Подъ нвой бѣтъ не устаетъ И не нвай... Судьба ея тѣтъ скоро не убѣтъ. А нвай вѣдѣтъ нвай. Противъ вѣдѣтъ нвай. Она сѣтъ нвай. Составить сѣтъ нвай. Съ такой нвай нвай.

Какъ принасть нвай нвай. Любн а вѣтеръ нвай нвай. И нвай нвай нвай. И нвай нвай нвай. Ярко не вѣдѣтъ нвай нвай. И вѣдѣтъ нвай нвай. Подъ нвай, и нвай нвай. Свободнѣй нвай нвай.

И нвай нвай, нвай нвай. Тѣтъ нвай нвай нвай. И нвай нвай нвай. И нвай нвай нвай. И нвай нвай нвай. И нвай нвай нвай.

Ср. со стихотвореніемъ: 1831 года, іюня 11. Изъ этого стих. перенесены въ драму: „Странный человѣкъ“ не только мотивы, но и нѣкоторые крикеты. Вотъ это стихотвореніе:

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ Чудеснаго искала. а любви Всѣ оболочки свѣта, но не свѣтъ, Въ которомъ я мгновенными лишь жилъ;

всё, что вижу, и попасть в руки палача!

Владимир:—Есть люди более достойные сожаления, чѣмъ этотъ мужикъ. Несчастныя вышны прохотѣли; но тотъ, кто посылаетъ всю причину своихъ страданій глубоко въ сердце, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры удовольствія... тотъ, кто желаетъ и не надѣется... тотъ, кто въ гадость всѣмъ, даже любящимъ его... тотъ... но для чего говорить объ такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

Бѣлинскій:—Опять за свое! О, злоесть! Бѣшь можно сравнить химеры съ вѣстными несчастными? Можно ли сравнить свободнаго съ рабомъ?

Владимир:—Одинъ рабъ человека, другой рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина, или имѣть выборъ; второй никогда имъ не играетъ сабшой случаемъ, и страсти его, и безчувственность другихъ, все соединено къ его гибели.

Бѣлинскій:—Развѣ ты не вѣришь въ Провидѣніе? Развѣ отвергаешь существованіе Бога, который все знаетъ и всѣмъ управляетъ?

Владимир: (смотря на небо):—Вѣрю ли я? Вѣрю ли я?

Бѣлинскій:—Твоя голова, пвижу, набита ложными мыслями.

Владимир: (поклоняется):—Послушай: не правда ли, теперь прекрасная погода? Поидемъ на бульваръ.

Бѣлинскій:—Чудакъ! (Входитъ слуга Марья Дмитріевна). Что тебѣ надобно? Кто ты?

Владимир:—Слуга моей матери!

Слуга:—Я присланъ къ вамъ, сударь, отъ Марьи Дмитріевны. Искать я васъ съ полчаса въ трехъ домахъ, гдѣ, какъ мнѣ у васъ сказали, вы часто бываете.

Владимир:—Что случилось?

Слуга:—Да барыня-съ...

Владимир:—Что?

Слуга:—Одѣздалась очень нездорова и проситъ васъ поскорѣе къ себѣ.

Владимир:—Нездорово, говоришь ты? больна?

Слуга:—Очень нездорова-съ!

Владимир: (задумавшись):—Очень! да, я пойду! (Подавая руку Бѣлинскому). Не правда ли, я твердъ въ своихъ несчастіяхъ. (Уходитъ. Въ продолженіе этой рѣчи онъ мѣлается въ лѣвъ и голосъ его дрожалъ).

Бѣлинскій: (глядя вслѣдъ ему):—Тебя погубитъ эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствія, но неспособенъ имъ наслаждаться, и оно сдѣлалось бы величайшею для тебя мукою, если бы послѣдось въ груди твоей — и послѣдого характера.

обыкновенно, однако принимаю, что печаль Арбеняна приличива; послѣ него часа два я не могу справиться! Ха! ха! ха! Испытаю вѣрность женщины! Посмотримъ, устоитъ ли Загорскина противъ моихъ надеждъ? Если она измѣнитъ Арбеняну, то это лучший способъ излечить его отъ самой глупѣйшей болѣзни. (Слуга Бѣлинскаго входитъ). Что тебѣ?

Слуга:—Да я ходилъ въ театръ за билетомъ-съ, какъ вы приказывали. Вотъ билетъ-съ.

Бѣлинскій:—Хорошо! Въ первомъ ряду? Хорошо! (Про себя). Скучно будетъ сегодня во французскомъ театрѣ: играютъ скверно, тѣсно, душно, а печего дѣлать! всѣ безцвѣтны! (Закуриваетъ трубку и уходитъ).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Дѣйствіе II. Явленіе III. (во пер. снѣжку). 10 го января день.

Въ домѣ у Загорскиныхъ. Комната барыни. Княжна Софья сидитъ на постелѣ; Наташа поправляетъ волосы передъ зеркаломъ.

Княжна Софья:—Ma chère cousine! а тебѣ советую остерегаться!

Наташа:—Пожалуйста, безъ наставленій! Я сама знаю, какъ мнѣ поступать. Я никогда не покажу Арбеняну большой благосклонности, а Пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

Княжна Софья:—Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться; онъ вовсе не такой человекъ.

Наташа:—Ахъ, милая! онъ не сватится не снѣгу, а если онъ меня любитъ, такъ женится.

Княжна Софья: (насмѣшливо):—Не правда ли, какъ онъ интересенъ, какъ мила его глаза, полные слезы?

Наташа:—А, для меня очень занимательны.

Княжна Софья:—Повѣрь, онъ только дурачился и шалитъ, а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

Наташа:—Ему не отчего быть увѣрену.

Княжна Софья:—А попробуй показать холодность—тогда-же отстанетъ.

Наташа:—Я пробовала и онъ не отсталъ, а только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ...

Княжна Софья:—Но ты не умѣешь говорить, ты

Наташа:—Повѣрь, не хуже тебя

Княжна Софья:—Арбеняна точно такъ же куртизанка прошлаго года Лидіей Политъ; а тутъ и бросилъ ее, и смѣется самъ надъ нею—ты поминишь? То же будетъ и съ тобой

Наташа:—Я не Политъ

Княжна Софья:—Посмотримъ.

Наташа: Да что ты такъ на одно взгляды? **Княжна Софья:**—Ужъ что я знаю, такъ свою Вчеру.

Наташа:—Что такое?—Впрочемъ, я и знать не желаю!

Княжна Софья:—Вчера Арбеняна былъ у насъ.

Наташа:—Ну, что жъ?

Княжна Софья:—Любезничалъ съ Лизой Пусковой, рассказывалъ ей Богъ знаетъ что, и между тѣмъ просилъ меня отдать тебѣ письмо. Вотъ мужичиш! въ одну влюбленъ, а другою шипутъ письма. Вѣрь мнѣ послѣ этого! Я его прочла и отдала назадъ, сказавъ, что ты будешь очень этому смѣяться. Онъ разорвалъ и убѣжалъ. Кокова комедія! (Молчаніе). А еще, знаешь, мнѣ сказывали наипрѣе, что онъ хвалится, будто ты помыслила особенные признаки любви, но я не вѣрю.

Наташа (въ сторону):—Онъ дѣлаетъ глупости! Я теперь на него такъ сердита, такъ сердита!.. хвалится! кто бы подумалъ! это «иншиповъ». (Громко). Ты знаешь, кузина, у насъ былъ вчера Бѣлинскій? Un jeune homme charmant! Презестъ какъ хорошъ, уменъ и любезенъ! Вотъ ужъ не надѣетъ губы! Какъ воспитанъ! точно будто всю жизнь провелъ при дворѣ.

Княжна Софья:—Поздравляю. И ты, я надѣюсь, ему очень понравилась. (Въ сторону). Я въ восхищеніи, мои слова дѣйствуютъ. (Громко). Вчера же Арбеняна чуть-чуть не поссорился у насъ съ Незловымъ. Послѣдній, ты знаешь, такой тихій, степенный, осторожный, а Вольдемаръ этого не слыхивая, придерживается. Незловъ разговорился съ нимъ про свѣтъ и общественное мнѣніе, и нѣсколько разъ повторялъ, что дожить своею доброй славой, такъ-же торжественно, который давалъ чувствовать Арбеняну, что онъ ее потерялъ. Этого поняла и влюбилась; послѣ и говоритъ мнѣ: «Нездоровъ хотѣлъ колыхнуть мое самолюбіе; онъ достигъ своей цѣли; это правда: я недостойна своей цѣли; но довольно гордъ, чтобы рвать для свѣта, но довольно гордъ, чтобы думать равнодушно о насмѣиваніи объ этомъ». Ха-ха ха! Не правда ли, Наташа, это некая твердость характера?

Наташа:—Конечно! Арбеняна не советъ. заслуживаетъ дурное мнѣніе свѣта, но онъ объ немъ мало заботится; и много Незловъ очень глупо сдѣлалъ, если старался его обидѣть. (Наташа подходит къ окну).

Княжна Софья:—Повѣрь мнѣ: Арбеняна такъ же огорчаетъ злословіе, какъ и другіе; онъ только не хочетъ этого показать. (Молчаніе).

Наташа (съ живостью):—Ахъ, не вѣдай Бѣлинскій.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Дѣйствіе III. Явленіе I (во пер. снѣжку). 3-го февраля утро.

Кабинетъ Павла Григорьевича Арбеняна. Онъ сидитъ въ креслѣ. Проникъ его (стоитъ чѣловѣкъ средняго лѣтъ, въ снѣжной курткѣ, съ длинными бѣлыми волосами).

Павелъ Григоръ:—Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! скажи своему господину, что я не имѣю рѣшиться. Долженъ—платить. Нечѣмъ—на что задолжалъ? Въ России за это есть судъ. Ну, если бы и былъ быдла? Развѣ два года не платилъ ничего не заплати?

Повѣренный:—Хоть бы въ слѣдъ скарра. На двѣхъ мы деньги ждемъ! а выдо Пускай ужъ мы платимъ насъ!

Павелъ Григоръ:—На что плати не могу. Повѣренный—Пускай же а ты плати! Пускай! Видишь, мы платимъ на уплату не найдешь.

Павелъ Григоръ:—Пускай твой господинъ продать хоть тебя самого, а мнѣ онъ заплатить въ назначенное время... я съ процѣнтами... слышишь...

Повѣренный:—Да поплавайте-съ!

Павелъ Григоръ:—Ни слова больше! ступай! (Повѣренный уходитъ). Видишь, какой лопай! все бы ему ждали! Пѣтъ, брати, мыче деньги дорожи; хатба дешевы, а...

Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а...

Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а...

Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а...

Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а...

Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а...

Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а...

Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а...

Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а... Пускай графскіе сыновья, а...

Павелъ Григоръ.—Будь мнѣ вѣра съ тобою!

Владимиръ: — Немушено. Если бы даже ры утонули, что я видел, и остались при своемъ умѣ, то я бы удивился...

Павель Григоръ: — Это ужъ ни на что не похоже! Ты, Владимиръ, выводишь меня изъ терпѣнія.

Владимиръ: — Такъ вы не хотите со мною ѣхать? Такъ вы мнѣ не вѣрите? А я думалъ... но теперь вынужденъ все сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочетъ вѣсть видѣть: эта женщина...

Павель Григоръ: — Что мнѣ за дѣло до нея?

Владимиръ: — Она ваша супруга...

Павель Григоръ (съ досадою): — Владимиръ!

Владимиръ: — Вы вѣрно думаете меня испугать этимъ строгимъ взглядомъ и удивить голосъ природы въ груди моей? Но я не таковъ, какъ вы. Этотъ самый голосъ, призывающій мнѣ повиноваться вамъ, заставляетъ... да! ненавидѣть васъ!.. да! если вы будете даже противиться молибамъ моей матери!.. О, вышедшій день уничтожить во мнѣ все опасенія! Я говорю прямо. Я вашъ сынъ и ея сынъ. Вы счастливы, она страдаетъ на постели смерти. Кто правъ, кто виноватъ? — не мое дѣло. Я слышалъ, слышалъ ей молибы и рыданья, и послѣдній пищій называлъ бы меня подлецомъ, если бы я могъ еще любить васъ!

Павель Григоръ: — Дерзкій! Я давно ужъ не жду отъ тебя любви; но гдѣ видано, чтобы сынъ упрекалъ отца такими словами? Прочь съ глазъ моихъ!

Владимиръ: — Я ужъ просить васъ не унизотать во мнѣ послѣднюю искру покорности сыновней, чтобъ я не повторилъ эти обвиненія передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Павель Григоръ: — Боже мой, до чего я дожилъ? (Ему). Знать ли?

Владимиръ: — Я знаю: вы сами терзаемы совестью; вы сами не можете спокойныхъ минутъ; вы виновны во многомъ...

Павель Григоръ: — Замолчи!

Владимиръ: — Не замолчу! Не просить пришло я, но требовать, требовать! Я имѣю на это право!.. Нѣтъ! эти слезы вѣзались у меня въ память!.. Батюшка! (Вздыхаетъ на колѣнахъ). Батюшка, пойдите со мною!

Павель Григоръ: — Встань! (Отъ встревоженъ).

Владимиръ: — Вы пойдете?

Павель Григоръ (къ сторону): — Что, если въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть...

Владимиръ: — Такъ вы не хотите? (Встаетъ).

Павель Григоръ (къ сторону): — Она умираетъ, говоритъ Владимиръ; желаетъ получить мое прощенье!.. Правда, а бы... Но ѣхать туда? Если узнаютъ, что скажутъ?

Владимиръ: — Вамъ нечего болѣть; молъ

мать нынче же умереть. Она жаждетъ съ вами примириться не для того, чтобы жить вѣчными имѣньями: она не хочетъ сойти въ могилу, пока имѣетъ врага на землѣ. Вотъ вся ея просьба, вся ея молитва къ Богу. Вы не хотите!.. Есть на небѣ судія! Ваши подвиги прекрасны: онъ показываетъ твердость характера. Повѣрите, люди будутъ вѣсть за это хвалить. И что за важность, если посреди тысячи похвалъ раздается одинъ обвинительный голосъ. (Горько улыбается).

Павель Григоръ (принужденно): — Оставь меня.

Владимиръ: — Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты... (Горько). Она еще разъ въ жизни повѣритъ подвѣду. (Тихо идетъ къ двери). О, если бы гласъ убилъ меня на этомъ порогѣ! Какъ? Я иду... одинъ! Я сдѣлаюсь убійцею моей матери! (Остается на порогѣ и смотритъ на отца). Боже! Вотъ человекъ!

Павель Григоръ (про себя): — Однако для чего мнѣ не ѣхать? что за бѣда? Передъ смертію помираться ничего: сѣяться ничто надъ этимъ не становится... а все бы лучше!.. Да такъ и быть, отправлюсь! Она, вѣрно, безъ памяти и меня не узнаетъ... скажу ей, что прошу — и ѣду конецъ! (Громко). Владимиръ! послушай!.. погоди! (Владимиръ недоумительно приближается). Я пойду съ тобою... и рѣшился... васъ никто не увидитъ!.. Но я вѣрю... Пойдемъ... Только смотри, въ другой разъ думай объ томъ, что говоришь.

Владимиръ: — Такъ вы точно хотите идти къ моей матери? точно? Это невѣроятно! Нѣтъ, скажите: точно?

Павель Григоръ: — Точно.

Владимиръ (вздыхаетъ ему на шею): — У меня есть отецъ! У меня снова есть отецъ (Плечетъ). Боже, Боже! Я опять счастливъ! Какъ легко стало сердцу! У меня есть отецъ!.. Вижу, вижу, что трудно бороться съ природными чувствами!.. О, какъ я счастливъ! Видите ли, батюшка, какъ приятно сдѣлать рѣшиться сдѣлать добро! Ваши глаза прояснились, лицо сдѣлалось ангельскимъ лицомъ (Обнимаетъ его). О, мой отецъ! Вы будете вознаграждены Богомъ! Пойдемте, пойдемте скорѣй! ее надобно застать при жизни.

Павель Григоръ (хочетъ идти. Въ сторону): — И такъ, я долженъ увидѣться, хорошо! Да нѣтъ ли тутъ какой-нибудь сѣти! Однако, отчаяніе Владимира... во развѣ она не можетъ притвориться и увѣрить его, что умираетъ?.. Развѣ женщина, а особенно моей жень, трудно обмануть?.. О, я предчувствовалъ, я предчувствовалъ этотъ замыселъ — и теперь... удивился... и если я не сошлюсь, то сынъ мой всему городу ста-

вѣтъ разсказывать про такую жестокость, она, пожалуй, его подохнетъ. (Призываясь, прехитрый планъ! Прехитрый! Однако не на того напала. Хорошо, что я во-время догадался. Не пойду же! Пускай умираетъ одна, если могла жить безъ меня!)

Владимиръ: — Вы медлите?

Павель Григоръ (холодно): — Да. Я медлю...

Владимиръ: — Вы... это перемена... вы...

Павель Григоръ (горю): — Я остаюсь. Слава своей матери и бывшей моей жень, что я не попался вторично въ разставленную сеть... Слава, что благодаря за приглашеніе я желаю ей веселой дороги. (Владимиръ вырывается и отступаетъ назадъ).

Владимиръ: — Какъ! (Онъ отчаяется). Это произошло мое ожиданіе! Я съ такой отчаянной холодною съ такой адовой улыбкой!.. Я и вашъ сынъ!.. Такъ, я вашъ сынъ, и потому долженъ быть врагомъ всего свѣтлаго, врагомъ вашимъ... вѣтъ благодарности!.. О!.. Если бы я могъ мои чувства, сердце душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ звукъ, то этотъ звукъ былъ бы проклятіе первому мгиновію моей жизни, громовой ударъ, который потрясъ бы твою внутренность, мой отецъ, и отучилъ бы тебя называть меня сыномъ.

Павель Григоръ: — Замолчи, сумасшедшій! Стань ближе моего гитара. Погоди! прядутъ ли болѣе спокойные, тогда ты узнаешь, какъ опасно оскорблять родителей!.. Я тебя притѣсно накажу!

Владимиръ (закрывъ лицо руками): — А я мечтаю найти жалости!

Павель Григоръ: — Неблагодарный, неблагодарный! Чудовище! Мнѣ ли ты не обязанъ?.. И съ такими упреками!

Владимиръ: — Неблагодарный!.. Вы мнѣ дали жизнь, возмите ее назадъ, если можете. О, это горькій даръ!

Павель Григоръ: — Вотъ скорѣй изъ моего дома и не смѣй воротиться, пока не умреть моя бѣдная супруга! (Со сѣткою). Посмотримъ, скоро ли ты придешь? Посмотришь, скоро ли ты придешь? Ведущая къ настоящей жизни болѣзнь, ведущая къ счастью, или великая хитрость подѣлала столько шума и заставила тебя забыть почитаніе и обязанность... Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, присуди хорошенько о своемъ поступкѣ, помни, что ты говоришь, и тогда... тогда, если осмѣлишься, покажись опять мнѣ на глаза! (Засѣвъ о вѣрающуюся сына, уходитъ и запереть дверь за собою).

Владимиръ (который стоялъ какъ изкопанный, смотритъ въ слѣдъ. Послѣ вѣтраго молчанія): — Все кончилось! (Уходитъ въ третью дверь). Тамъ была бездѣлность признанія... движенья. Онъ отсталъ за собою дверь и запереть. И этого видно, какъ онъ то подаетъ

скороми вагами, то отъворачивается, вагами... хлупъ рукой, онъ указываетъ)

СЦЕНА ОСКМАН.

Дѣйствіе III. Явленіе II по перву сцену.
3-го февраля деп.

Спасая каръ Дмитріевна Стоя въ извѣстности. Она лежитъ на постели; Алишъ стоитъ у кровати.

Алишъ: — У васъ, сударыня, сильная лихорадка. Не угодно ли чаю горяченькаго, или бульона? Тотчасъ будетъ готово. Ахъ ты, моя дѣвушка! Какія руки-то холодныя! Горячо лезь! Не прикажете ли матушка, поспать въ лежанкѣ?

Марья Дмитріевна: — Послушай, что давать мнѣ груда?

Алишъ: — Накого, сударыня, чаю прелего. Отчего бы, дѣвушка, не выпить?

Марья Дмитріевна: — Алишъ! и сегодня умру!

Алишъ: — И, Марья Дмитріевна! Выдохнете, Богъ милостивъ; выжить успеете! **Марья Дмитріевна:** — Завѣтъ!..

Алишъ: — Не все больные умираютъ; иногда и здоровые прежде больныхъ попадаютъ на тотъ свѣтъ. Не пора ли лекарство принять?

Марья Дмитріевна: — Я не хочу лекарства!.. Гдѣ мой сынъ? Да, я и позабыла, что сама его послала. Посмотри въ окно: выйдетъ ли онъ? Пойди къ сыну... что? жидетъ?.. Какъ долго!

Алишъ: — На улицѣ пусто.

Марья Дмитріевна (про себя): — Онъ уговорить отца — я увѣрена! О, какъ сродно примириться передъ концомъ. Теперь и не стыжусь встрѣтить его взоръ. (Погрѣчаетъ). Алишъ! что ты такъ смотришь въ окно?

Алишъ: — Я... Нѣтъ... это такъ...

Марья Дмитріевна: — Нѣтъ, вѣрно, говори всю правду, что такое?

Алишъ: — Ну, вы, сударыня, чаю выпить, а если вы не хотите, то чаю горяченькаго! Какія дощечки! Пойдите, тамъ и чай!.. два архира... пѣвчіе!.. Ну ужъ, нечего сказать!..

Марья Дмитріевна: — Алишъ, и мнѣ пора... и чуждымъ... въ послѣдней минутѣ. О, поскорѣе, поскорѣе! Какъ много вы знаете! — Полноте, сударыня, что за охота? Какъ если, не дай Богъ, вы скончаетесь, что тогда со мною будетъ? Кто заботится обо мнѣ? Неужто Алишъ и не позаботится о себѣ позвѣстать?.. Не смѣть горевать къ себѣ позвѣстать?.. Не смѣть вѣдомъ. Да и лучше по миру пойдъ: дѣло въ этомъ. Да и лучше по миру пойдъ: дѣло въ этомъ.

Марья Дмитріевна: — Мой сынъ, въ лиху тебѣ не оставитъ.

Алишъ: — Да еще перевесетъ ли онъ

даже взяла на себя трудъ доказать вамъ противное.

Первый гость:—Но я говорю про Арбенкина. Онъ, который часто въ обществѣ казался такъ веселъ, такъ беззаботенъ, какъ будто сердце его было мыльный пузырь!..

Третій гость:—Вы, конечно, не узнаете Лафатера? Впрочемъ, если онъ и показывался иногда веселымъ, то это была только зачина. Какъ видно изъ его бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу беспокойную и какая-то глубокая печаль отъ самого дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего она произошла? Его сердце созрѣло прежде ума. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остережиться отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ. Его востанки не дышали веселостью: въ нихъ видна была горькая досада противъ всего человечества. Правда, были минуты, когда онъ предавался всей добротѣ своей. Обада малѣйшая приводила его въ бѣшенство, особливо когда трогала самолюбіе. У него нашли множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза; есть глубокія мысли и огненные чувства. И увѣренъ, что если бы страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: отъ его опыта виденъ гений!..

Вторая дама:—По мнѣ, такъ сумасшедшіе очень счастливы: ни о чемъ не заботятся, не думаютъ, не грустятъ, ничего не желаютъ, не боятся.

Третій гость:—А почему вы это знаете? Они только не могутъ помнить и переставать своихъ чувствъ: отъ этого ихъ муки еще ужаснѣе. У нихъ душа не страдаетъ природныхъ способностей; но органы, которые выражали ощущения души ослабѣваютъ, приходятъ въ разстройство отъ слишкомъ сильнаго напряженія. Въ ихъ головѣ всегдѣшній хаосъ. Одна только полусвѣтлая мысль неподвижна; вокругъ нея вертятся всѣ другія въ совершенномъ безпорядкѣ. Это происходитъ отъ мгновеннаго потрясенія всѣхъ нервовъ, всего физическаго состава, которое, вѣрно, нездорово для человѣка. Развѣ блѣдныя щеки, впалые мутные глаза—признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину—и вы ничего не различите: красны сольются передъ глазами вашия. Какъ точно люди, которые слишкомъ близко взглянули на жизнь, ничего болѣе не могутъ въ ней различить; а если они еще сохраняютъ въ себѣ что-нибудь отъ сей жизни, то это одна смутная измѣль о прошедшемъ. Чувство

настоящаго и надежда для нихъ не существуютъ. Такое состояніе люди называютъ сумасшествіемъ и сибются надъ его жертвами!

(Между тѣмъ многие разошлись).

Второй гость (другому):—А я зѣваю!

Четвертый гость (тѣмъ же):—Къ чему это ораторство? Познанія свои онъ хочетъ показать?

Пятый гость (Онъ молодой человекъ, лѣтъ 19. Подходить къ третьему гостю):—Сдѣлайте милость, не могли ли вы достать мнѣ что-нибудь изъ сочиненій Арбенкина?

Третій гость:—Съ удовольствіемъ, если можно будетъ.

(Входитъ слуга и подаетъ билетъ графу, который кончить играть).

Слуга:—Отъ Павла Григорьевича Арбенкина. (Уходитъ всѣ въ паузу).

Многие (между собой):—Что это значитъ?

Третій гость:—Охъ черною каймой... приглашеніе на похороны.

Графъ:—А погѣ упдичъ. (Садѣтъ очамъ и читаетъ вслухъ).

— Павелъ Григорьевичъ Арбенкинъ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ о кончинѣ сына своего Владимира Павловича Арбенкина, посѣдовавшей сего мая 11-го дня, пополудни, покорнѣе просить пожаловать на вывозъ тѣла въ собственный домъ мая 13-го дня, пополудни въ десикомъ часу отпѣваніе въ приходской церкви... etc.

Третій гость (про себя):—Какое! похороны въ одинъ день съ свадьбой Загорскиной.

Нѣкоторые:—Боже мой! какая жалость!

Вторая дама:—Бѣдный отецъ!

Пятый гость:—Бѣдный молодой человѣкъ! онъ могъ бы еще...

Третья дама (про себя):—Чего же да ли, какая жалость!

Третій гость (про себя):—Теперь же... ютъ! Къ помощи... это въ этомъ... мы слѣдуетъ... Арбенкинъ... въ своихъ, такъ...

Одна старуха:

дѣло похороны...

Третій гость:... какъ же, что... и при... учиться къ мысли... и собственную...

Первый гость: Забудетъ мертвыхъ; Богъ съ ними!

Третій гость:—Если все такъ стануть думать, то горе великимъ людямъ!

Первый гость:—Я надѣюсь, вамъ Арбенкинъ не великій человекъ... ный человѣкъ—вотъ все.

(Третій гость пожимаетъ плечами и отходитъ прочь).

трагическій человекъ. Не бора ли лекарство...

Странный человекъ. Говорить, вы выходите...

брата О. позвольте...

для брата Господи. Возьми меня скорѣе...

77 MA 15 PR. 1200000000

Д. П. СТРУЖЕНКО

Дмитрий Петрович Радий.
Александр I сынотъ его.
Юрий
Князь Гюговский
Владимиръ (рожденный Сагорский).
Петршля (Ванюшка ласк. Юри),
Ведосей, князьиничъ Дмитрия Петровича

THEY TRIP ME PLEASANT

Список персон.

Михаил Петрович в 1903 г. Юрий во-
в 1904 г. Александр в 1905 г. (с)
в 1906 г. перебраться в Сибирь

[illegible]

... — II ВЪЗПЫСАНІЕ КЪ РЫБО-

Дмитрий Петрович: — А что мудреного?

Александръ - Иванъ - сынъ воеводы шибун

Дмитрий Петрович — П. певая, брарь,
пачынае іды а станае асагда, а ён
скажыце мнэ, вы вярнуць, таварыш Тым,
калі ён тачна падпіс і пром выконвае ма-
та і

Александръ — ты вѣдь ушелъ изъ Рязани.
 Ты вѣдь ушелъ изъ Рязани. И тамъ онъ
 перемѣнился вѣдь въ Москвѣ.
 Кроме вѣдь перемѣнился. И думаю,
 что не ушелъ вѣдь изъ Рязани.

Дмитрий Петрович: Родь не знаешь?..
В. илика Загоркина была за кнута Ал-
герева на Твоей свадьбе женою и сестрою

Юрій:— А' лаб' она выпіла замуж, а.я

Дмитрий Петровичъ — Казнь въ 1941

1. MONITORING OF THE

1. *Содержание*

ОБЩАЯ ЧАСТЬ. ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ. ОБЩЕЕ ПОНИМАНИЕ

Юрій Іваниця

Дмитрий Петрович — 11 7 40

For the purpose of this study, the following hypotheses were formulated:

[illegible]

Лентам ірѣ - 1 и 11, 12

Димитри Петровичъ

10p к

Пётр и Петровичъ — 1

1. $M = \{A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, U, V, W, X, Y, Z\}$

$$F(\alpha) = \frac{1}{2} \left(\alpha + \frac{1}{\alpha} \right) \quad \text{for } \alpha \in \mathbb{C} \setminus \{0\}.$$

АЛЕКСАНДРЪ

Дмитрий Петрович

[illegible][illegible]

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА, 1981

Дмитрий Петрович — д. н. с. п. н.

[illegible]

Юрій: — Це ж не жодя! —

Дмитрий Петрович

Юрій — А історик, який народився в 1911 році в с. Васильківці Житомирської області. Закінчив Київський університет і працює в Інституті історії АН УРСР.

Александр — Ону... (The text is partially obscured and blurry.)

Дмитрий Петрович — 13 01 01

[illegible][illegible]

... ..

Дмитрій Петровичъ:— У него всегда готово оправдание... а тебе, Юрій, и долженъ дать советъ и прошу тебя имѣть, въ этотъ разъ хоть, ко мнѣ полную довѣренность. Я старъ, опытенъ и понимаю молодость. Я съ пылкою заведу этотъ разговоръ; выслушай: она теперь счастлива, и въ этомъ увѣренъ, но она молода, она тебя любила прежде, и во всякомъ случаѣ ваша пистрѣла произведетъ въ ней некоторое волненіе. Если ты не докажешь никакого желанія возвратиться къ прежнему, если ты будешь обращаться съ нею, какъ съ женщиной, которую бы ты встрѣтилъ два раза на балѣ... то, повѣрь, въ скоромъ времени вы оба привяжете къ мысли, что между вами не должно уже быть ничего общаго; но слушай, Юрій, я прошу тебя, не подумайся никогда разрушить ихъ супружеское счастье: это удовольствіе близкое, оно отзывается чуждаго похотѣніемъ на зависть... Большая слова ободолѣть бѣдную, слабую женщину!.. Обищая мнѣ вести себя благоразумно.

Юрій:— Я обѣщаю не дѣлать перваго шага.

Дмитрій Петровичъ:— Юрій!

Юрій:— Я не обѣщаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дмитрій Петровичъ:— Я прошу тебя!.. ты знаешь, какъ я друженъ съ этимъ семействомъ.

Слуга (входитъ):— Князь Лиговскій съ княгиней.

Александръ (въ сторону):— Рѣшительная минута.

Юрій:— Баюшка, вы будете мною довольны.

(Входитъ княгиня и князь. Княгиня и Юрій немедленно разсказались, поглядывая другъ на друга.)

Князь:— Дмитрій Петровичъ! честь имѣю васъ поздравить съ пріѣздомъ Юрія Дмитріевича—и думаю, вы очень рады.

Дмитрій Петровичъ:— Благодарю васъ, князь, отъ всей души... Когда вы будете отцомъ, тогда и сами вполне меня поймете.

Князь (съ улыбкой):— Я надѣюсь, что это будетъ скоро (Вѣра отворачивается; потопы).

Вѣра: Monsieur Радный! рекомендую вамъ моего мужа, прошу его полюбить.

Юрій:— Я буду стараться, княгиня.

Князь:— А я надѣюсь, что мы сойдемся; я, какъ говорятъ военные, въ полномъ смыслѣ добрый малый.

Юрій:— Увидавъ васъ, князь, я это точно угадалъ; (въ сторону) ея хладнокровіе меня бѣситъ.

Дмитрій Петровичъ:— Княгиня, милости просимъ; князь... (сидятъ).

Вѣра: Какъ вы находите, monsieur Радный, я постарѣла?

Юрій:— Въ чистин не старѣются, княгиня.

ня: вы не постарѣли нисколько, хотя пере-мѣнились.

Дмитрій Петровичъ:— Довольны ль вы, князь, вашимъ квартирой?

Князь:— Очень!.. прекрасныя комнаты, только довольно странное расположеніе: столько дверей, закоулковъ и тѣстищъ въ заднихъ половинѣ, что и въ первый день чуть не запутался... Я, вы знаете, только вчера переѣхалъ и теперь все занимаюсь уборкой комнатъ.

Вѣра:— Ахъ, вообразите, какъ мой Петръ мнѣ!.. Сегодня я просыпаюсь, и вдругъ вижу у себя на туалетѣ цѣлую модную лавку... что жъ вышло: это все онъ мнѣ подарилъ на новоселье.

Юрій:— Княгиня! это показывается, какъ дорого князь цѣнитъ вашу любовь.

Князь:— Охъ, помилуйте! мнѣ такъ приятно ее тѣшить... за такую ея заботу я готовъ дать десять тысячъ.

Александръ (въ сторону):— За такую заботу и ужъ отдалъ спокойствіе, теперь отдастъ жизнь.

Князь:— Что вы такъ задумчивы, Александръ Дмитріевичъ? Вчера у васъ вы были порывисты.

Вѣра:— Онъ всегда печаленъ, когда другіе веселы.

Александръ:— Если вамъ угодно, я буду веселъ...

Вѣра:— Пожалуйста—это любовитно по-смотримъ.

Александръ:— ... не разсказать я, какъ толстая жена отянувшись потеряла банникъ въ собраніи—это очень смѣшно, но ямъ такъ добры, что вамъ будетъ жалко. Разъ... князь Иванъ былъ въ три часа... вѣдь мнѣ обѣ устроились новой водянкой... и самъ... халъ руками на подобіе мнѣ... видѣли эту картину и не... что разсказывали... какъ тотъ... пощечина...

это несправедливо, на 92-мъ... нулся. и отъ натуры усеръ—это смѣшно.

только когда онъ самъ разсказываетъ; наконецъ, говори...

къ нимъ уже слѣдуетъ изъ... мнѣ самому вѣнчалъ болѣе... кому нибудь.

Вѣра:— Вы сегодня расположились къ застою.

Александръ:— Правно... ну, такъ оправдую бану... бѣда... какъ князь... съ княгиней... только разъ въ недѣлю брѣтеть бороз...

Юрій:— Богъ укажъ... смѣшно, и я бы на ея... стелю... милонъ, да тутъ...

ума, ни души. ни ижеи—господи! малюнь—тутъ все

Дмитрій Петровичъ:— Позво, Юрій, это слышномъ по-петербургски.

Юрій:— Баюшка, вездѣ такъ дурачатъ, и въ Петербургѣ такъ говорятъ; я повѣрю мнѣ, женщина, отказавшаяся отъ милонъ. Позволь равно раскрасить, и горько раскрасится. Сколько прелестей въ милонѣ! Нарядъ, подарки, все утонченность роскоши, признаніе всѣхъ слабостей, неосознательность, уваженіе, любовь, дружба. Ты съвѣдѣе—это судить все очень обаяно; но и безъ того мы много обманимъ, такъ лучше быть обманутымъ съ милонномъ.

Дмитрій Петровичъ:— Я не понимаю, чѣмъ многие такъ думаютъ.

Юрій:— Я знаю людей, которые поступаютъ по этимъ принципамъ.

Вѣра (въ сторону):— Она меня изучитъ... (къ): Петръ, ты хотѣлъ показать Дмитрію Петровичу, какъ убраны наши комнаты—и обѣ чѣмъ-то съ нимъ переговорить.

Князь:— Ахъ, точно. и ижеи то васъ на... (къ) просьбу на счетъ условій.

Дмитрій Петровичъ: Въ вашихъ усл... князь. (Уходитъ. Александръ приближается къ Вѣрѣ и Юрію, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

Вѣра... Юрій... (Вѣра и Юрій, съ минуту колеблется).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Сцена первая.)

Въ комнатахъ князя Лыповскаго Князь и Вѣра.

Князь:—Вѣра! посмотри, какъ передѣлалъ твой бриллиантовый формуаръ.

Вѣра:—Очень мило —по тушь есть новые камни.

Князь:—Это любезность бриллианщика.

Вѣра:—А! понимаю... ты не хочешь жей благодарности... ты съ каждымъ днемъ дѣлался милѣе..

Князь:—И радъ, что угодили тебѣ.

Вѣра (къ сторону):—Угодилъ.. право, дру-гомъ подумаетъ, что онъ мой управитель.

Князь:—Мнѣ очень понравился второй сынъ Дмитрія Петровича: не знаю, какъ тебѣ.

Вѣра:—И его давно знаю.

Князь:—Они веселаго нрава.

Вѣра:—Слишкомъ весело.

Князь:—Признаюсь, я самъ давно и лю-блю пошмѣяться, и, право, ты наконецъ на-добилъ мнѣ своей издумчивостью; а вѣдь Юрій Дмитріевичъ не дурень; мнѣ вырисуе-мые лица его очень нравятся.

Вѣра:—Какаго-то насмѣшливаго улыбка—я боюсь говорить съ нимъ.

Князь:—Какое предубѣжденіе!.. напротивъ, у него въ улыбкѣ-то именно есть что-то до-рое, простое... Я его разъ видѣлъ, а ужъ по-любилъ... а чѣмъ..

Слуга (входя):—Юрій Дмитріичъ Ра-диль.

Юрій (входя):—Князь, я ичелъ обяза-тельно засвидѣтельствовать вамъ мое по-чтение...

Князь:—Мы съ женой постараемся пре-вратить эту обязанность въ удовольствіе! Прощу садиться—а вы легка на поминѣ!—мы съ женой сейчасъ лишь объ васъ го-ворили, и я ее выведу на свѣжую воду. Изобразите, она утверждаетъ, что у васъ въ лицѣ есть что-то ядовитое, что..

Юрій:—Можетъ быть, княгиня права. Печенье дѣлаетъ злымъ.

Князь:—Ха-ха-ха. Какимъ у васъ быть несчастливъ—вы такъ молоды.

Юрій:—Князь! вы удивляетесь, потому что слишкомъ счастливы съ ми.

Князь:—Слишкомъ! О, да это въ са-момъ дѣлѣ жокость—я начинаю вѣрнѣе.

Юрій:—Вѣрите, прошу васъ, вѣрите—завтра вы еще никого не по-знаете.

Вѣра (быстро прерываетъ его):—Скажите, вы идете къ намъ, или были ужъ гдѣ-нибудь?

Юрій:—Я сегодня сдѣлать нѣчего

визитовъ... И одинокъ очень интересный. И былъ такъ взволнованъ, что сердце и теперь у меня еще бьется, какъ мо-ло-токъ...

Вѣра:—Взволнованъ?..

Князь:—Вѣрно встрѣча съ персоной, ко-торую старину обожали—это вѣчна исто-рия юности молодежи, приѣзжающей въ отчуждѣ.

Юрій:—Вы правы—я видѣлъ дѣвушку, въ которую былъ прежде влюбленъ до бе-зумія.

Вѣра (разсѣянно):—А теперь?

Юрій:—Извините, это моя тайна; осталь-ное, если угодно, расскажу...

Князь:—Пожалуйста—писанныхъ рома-новъ я не терплю, а до постоянныхъ—стра-стныхъ охотниковъ.

Юрій:—Я очень радъ; мнѣ хочется такъ же при комъ-нибудь обогрѣть душу. Вотъ видите, княгиня, года три съ половиною тому назадъ я былъ очень коротко зна-комъ съ однимъ семействомъ, жившимъ въ Москвѣ; лучше сказать, я былъ привязъ къ немъ, какъ родной. Дѣвушка, о которой хочу говорить, принадлежала къ этому се-мейству; она была умна, мила до чрезвы-чайности; красоты ея не описываю, потому что въ этомъ случаѣ описаніе сдѣлалось бы порицаніемъ; имя же ея для меня трудно.

Князь:—Вѣрно очень романтическое?

Юрій:—Не знаю—но отъ нея осталось мнѣ одно только имя, которое въ минуты тоски привыкъ я произносить, какъ мо-литву; оно моею собственностію, и его хри-плю, какъ образъ—благословенія матери, какъ татаринъ хранитъ талисманъ съ мо-литвою пророка.

Вѣра:—Вы очень краснорѣчивы.

Юрій:—Тѣмъ лучше. Но слушайте самага начала вашего знакомства и чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ нею, сдѣлать ей удовольствіе было приятно—и тогда Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ ви-дѣлъ я какую-то мягкость, твердость и бо-ротливость.

Вѣра:—Вы очень романтическое?

Юрій:—Не знаю—но отъ нея осталось мнѣ одно только имя, которое въ минуты тоски привыкъ я произносить, какъ мо-литву; оно моею собственностію, и его хри-плю, какъ образъ—благословенія матери, какъ татаринъ хранитъ талисманъ съ мо-литвою пророка.

Вѣра:—Вы очень краснорѣчивы.

Юрій:—Тѣмъ лучше. Но слушайте самага начала вашего знакомства и чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ нею, сдѣлать ей удовольствіе было приятно—и тогда Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ ви-дѣлъ я какую-то мягкость, твердость и бо-ротливость.

Вѣра:—Вы очень краснорѣчивы.

Юрій:—Тѣмъ лучше. Но слушайте самага начала вашего знакомства и чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ нею, сдѣлать ей удовольствіе было приятно—и тогда Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ ви-дѣлъ я какую-то мягкость, твердость и бо-ротливость.

Вѣра:—Вы очень краснорѣчивы.

Юрій:—Тѣмъ лучше. Но слушайте самага начала вашего знакомства и чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ нею, сдѣлать ей удовольствіе было приятно—и тогда Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ ви-дѣлъ я какую-то мягкость, твердость и бо-ротливость.

Вѣра:—Вы очень краснорѣчивы.

Юрій:—Тѣмъ лучше. Но слушайте самага начала вашего знакомства и чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ нею, сдѣлать ей удовольствіе было приятно—и тогда Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ ви-дѣлъ я какую-то мягкость, твердость и бо-ротливость.

Вѣра:—Вы очень краснорѣчивы.

Юрій:—Тѣмъ лучше. Но слушайте самага начала вашего знакомства и чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ нею, сдѣлать ей удовольствіе было приятно—и тогда Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ ви-дѣлъ я какую-то мягкость, твердость и бо-ротливость.

Вѣра:—Вы очень краснорѣчивы.

Юрій:—Тѣмъ лучше. Но слушайте самага начала вашего знакомства и чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ нею, сдѣлать ей удовольствіе было приятно—и тогда Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ ви-дѣлъ я какую-то мягкость, твердость и бо-ротливость.

Вѣра:—Вы очень краснорѣчивы.

Юрій:—Тѣмъ лучше. Но слушайте самага начала вашего знакомства и чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ нею, сдѣлать ей удовольствіе было приятно—и тогда Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ ви-дѣлъ я какую-то мягкость, твердость и бо-ротливость.

требовала ни обѣщаній ни жалости, когда я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и слышалъ поцѣлуп на ея огненное плечо по сажъ жалась любить меня вѣчно. Мы рассто-ялись—она была безъ чувствъ, въ концы-смысли го припадку безлзвни—я былъ зналъ причину... И утѣхъ въ твердыхъ намѣ-реніяхъ возвращаться скоро. Она была моя—я былъ въ ней увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ. Прошло три года разлуки, мучитель-ные, пустые три года; я далеко подвинулся, дорогой жизни, но драгоценное чувство со-хранилось за мною. Сначала мнѣ возле дру-зяхъ женщины зѣбѣлся на мгновеніе; но послѣ первой вспышки, я горячѣе запылалъ любовью, убійственной для нихъ—я одна-жды въ привизла, и вотъ наковедъ я вер-нулся въ родину.

Князь:—Завязка романа очень обыкно-венная...

Юрій:—Для васъ, князь, я разсказъ по-дается обыкновенна... Я ее нашелъ заму-женъ—и проглотилъ свое бѣшенство ит.

Князь:—Но одинъ богъ видѣлъ, что про-изошло о здѣсь.

Юрій:—Чего жъ? Нельзя было ей ждать...

Князь:—Я ничего не требовалъ—обѣщаній и произвольныхъ.

Юрій:—Грѣшность, молодость, неопыт-ность—ее надо простить.

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Князь:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

Юрій:—Князь, я не думалъ обвинять ее...

ныне что то слабь... И кь тому же раз-
спросишь .. Охъ, дѣти, дѣти!

Князь: — Разстроены... Помплуйте, вы,
кажется, такъ счастливы дѣтми.

Дмитрій Петровичъ: — Это правда.. Но
иногда и самыя дѣти дѣлають глупо-
сти.

Князь: — Да помплуйте!.. Вы несправед-
ливы. Какія же глупости... Но, извините,
это слишкомъ неспрощимо..

Дмитрій Петровичъ: — Ничего, князь — на-
противъ.. Это дѣло даже больше касается
до вась, нежели до меня.

(Александръ дѣлаетъ знакъ отцу и уходитъ).

Князь: — До меня?..

Дмитрій Петровичъ: — Мой долгъ пове-
дѣваться мнѣ казалъ. Но и не знаю, какъ
рѣшиться.

Князь: — Развѣ это что-нибудь..

Дмитрій Петровичъ: — Богъ видаетъ, я не
знаю, какъ вы примите.

Князь: — Да развѣ?..

Дмитрій Петровичъ: — Успокойтесь, это
еще не опасно.

Князь: — Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..
— Уфъ!..

Дмитрій Петровичъ: — Мой сынъ Юрій...
Князь: — Юрій Дмитриевичъ? Онъ со мной
никакъ не имѣлъ сношеній!..

Дмитрій Петровичъ: — И не говорю, чтобъ
онъ имѣлъ сношеніе съ вами или съ кѣмъ-
нибудь изъ вашего дома.. но ваша жена..
еще до замужества... ея красота, любезность!

Князь: — Вотъ видите, Дмитрій Петровичъ...
Я этихъ достоинствъ еще самъ въ ней
хорошенько не разсмотрѣлъ... Не потому
говорю такъ, что она моя жена — но видъ
и не поэтъ! О, вовсе не поэтъ!.. И же-
нился потому, что надо было жениться —
жениться на ней потому, что она показала
мнѣ доброго и тихаго права; люблю ее по-
тому, что надобно любить жену, чтобъ быть
счастливымъ... И вась прервалъ покуда не
продолжитъ!

Дмитрій Петровичъ: — Это не такъ легко,
вѣдь.

Князь: — Прошу вась, для меня себя не
приуждайте.

Дмитрій Петровичъ: — Однимъ словомъ,
мой сынъ Юрій былъ влюбленъ въ вашу
супругу до ея замужества — и, кажется, былъ
вѣрно ей приятенъ.

Князь: — О, и увѣренъ, что теперь эта
стѣна прошла.

Дмитрій Петровичъ: — Къ сожалѣнію, не
прошла! — со стороны моего сына.

Князь: — Тѣмъ хуже для него.

Дмитрій Петровичъ: — Я боюсь, чтобъ
это и вась не было невѣрливо! по долгу

честнаго человѣка рѣшился вась предупре-
дить, на всякій случай..

Князь: — Лишь бы жена была мнѣ вѣрна —
больше я и знать не хочу!

Дмитрій Петровичъ: — И не сомнѣвать
въ добродѣтели княгини.

Князь: — И я тоже.

Дмитрій Петровичъ (со вздохомъ): — Вы
очень счастливы..

Князь: — Не спорю-съ. (Вдругъ какъ бы
вспомнивъ что то, хватить себя за голову и вска-
киваетъ). — О, дуракъ! о, я пошлый дура-
чина!.. О, глупая, ослиная голова!.. Мы
привы — а я дубина!.. Теперь вспомнить...
О, пошлая недогадливость!.. Теперь понимаю...
понимаю... этого анекдота!.. все было на
мой счетъ сказано... а я сумасшедшій —
ему же совѣту волочиться за моей женой —
а ея смущеніе... Видъ надо было мнѣ же-
ниться — въ 42 года!.. съ моимъ добрымъ,
простосердечнымъ нравомъ — жениться!

Дмитрій Петровичъ: — Успокойтесь — при-
шу вась, все еще поправитъ можно.

Князь: — Нѣтъ, никогда не успокоюсь
(исходитъ).

Дмитрій Петровичъ: — И вась это
заятъ по долгу честнаго человѣка.. и по-
тому, что знаю сына: онъ легко можетъ по-
дѣлать глупостей — и невиннымъ образомъ
въ свѣтъ компрометировать княгиню — и по-
тому она молода — можетъ завлечься не-
волью — скажу, что живъ въ відомѣ домъ.

Князь: — Вы правы — посудите теперь! я
не несчастливѣйши ли я человекъ съ вѣ-
домъ.

Дмитрій Петровичъ: — Убѣ-
дите, что я человекъ рѣ-
шительный — завтра же изъ
Москвы въ деревню — нынче же велю
исходить.

Дмитрій Петровичъ: — Это самое лучшее
средство — самое вѣрное — ничто.

Князь: — Да, тѣло, безъ души!..
изъ Москвы, зимой, на зимній праздникъ
потъ женщины! О, женщины!

Дмитрій Петровичъ, прерывая: — О, вы
дѣте, что и человекъ рѣ-
шительный.

Дмитрій Петровичъ: — По-
говаривать отъ сердца, князь — по-стару-
шнему и всегда оныя строгости.

Князь: — Не безпо-
койте меня, вы истинно
интересный!.. (Уходитъ).

Дмитрій Петровичъ: — Ну, сынъ мой,
плечу дѣла — вась, вась, вась, вась,
(Въ комнату входитъ).

Князь: — Не безпо-
койте меня, вы истинно
интересный!.. (Уходитъ).

Дмитрій Петровичъ: — Ну, сынъ мой,
плечу дѣла — вась, вась, вась, вась,
(Въ комнату входитъ).

Князь: — Не безпо-
койте меня, вы истинно
интересный!.. (Уходитъ).

Дмитрій Петровичъ: — Ну, сынъ мой,
плечу дѣла — вась, вась, вась, вась,
(Въ комнату входитъ).

Князь: — Не безпо-
койте меня, вы истинно
интересный!.. (Уходитъ).

Дмитрій Петровичъ: — Ну, сынъ мой,
плечу дѣла — вась, вась, вась, вась,
(Въ комнату входитъ).

Князь: — Не безпо-
койте меня, вы истинно
интересный!.. (Уходитъ).

Дмитрій Петровичъ: — Ну, сынъ мой,
плечу дѣла — вась, вась, вась, вась,
(Въ комнату входитъ).

Князь: — Не безпо-
койте меня, вы истинно
интересный!.. (Уходитъ).

Дмитрій Петровичъ: — Ну, сынъ мой,
плечу дѣла — вась, вась, вась, вась,
(Въ комнату входитъ).

Князь: — Не безпо-
койте меня, вы истинно
интересный!.. (Уходитъ).

Дмитрій Петровичъ: — Ну, сынъ мой,
плечу дѣла — вась, вась, вась, вась,
(Въ комнату входитъ).

я подаю ему рубку и говорю: здравствуйте,
князь.. что новенькое.. а быть — хъ, хъ, хъ! сто-
речь кошачью мину и рубку полжизнь въ
варьятъ: ничего-съ — кь несчастью, все ст-
рое.. потому шагъ назадъ и стать въ по-
шину.. И скорѣй блѣзнь, чтобъ не фари-
нуть ему въ глаза.. Но знаете ли батюшка
счастье такая немилость!

Дмитрій Петровичъ: — А ты хочешь во-
дѣлать за жени и чтобъ мнѣ тебя вь ноги
клянется! Кабы въ наше время такъ ему
надо жени не такъ еще по-стару-
шнему! Къому это сказалъ?

Юрій (сердито): — Я болочусь за это де-
ломъ! Къому это сказалъ?

Дмитрій Петровичъ: — Ну, батюшка, по-
шину въ вась и пошину?

Юрій: — Охъ, о прежнемъ ничего не знаетъ
и пошину въ вась и пошину?

Дмитрій Петровичъ: — Долгъ всякаго че-
ловѣка, человѣкъ былъ и вы и вы.

Юрій: — А позволите: кто жь этого черезъ-
честный человекъ?

Дмитрій Петровичъ: — А если бь даже я.
Юрій: — Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ: — Да, а не терплю
пристѣлки, батюшка. И вы и вы.

Юрій: — А позволите: кто жь этого черезъ-
честный человекъ?

Дмитрій Петровичъ: — А если бь даже я.
Юрій: — Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ: — Да, а не терплю
пристѣлки, батюшка. И вы и вы.

Юрій: — А позволите: кто жь этого черезъ-
честный человекъ?

Дмитрій Петровичъ: — А если бь даже я.
Юрій: — Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ: — Да, а не терплю
пристѣлки, батюшка. И вы и вы.

Юрій: — А позволите: кто жь этого черезъ-
честный человекъ?

Дмитрій Петровичъ: — А если бь даже я.
Юрій: — Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ: — Да, а не терплю
пристѣлки, батюшка. И вы и вы.

Юрій: — А позволите: кто жь этого черезъ-
честный человекъ?

Дмитрій Петровичъ: — А если бь даже я.
Юрій: — Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ: — Да, а не терплю
пристѣлки, батюшка. И вы и вы.

Юрій: — А позволите: кто жь этого черезъ-
честный человекъ?

Дмитрій Петровичъ: — А если бь даже я.
Юрій: — Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ: — Да, а не терплю
пристѣлки, батюшка. И вы и вы.

Юрій: — А позволите: кто жь этого черезъ-
честный человекъ?

Дмитрій Петровичъ: — А если бь даже я.
Юрій: — Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ: — Да, а не терплю
пристѣлки, батюшка. И вы и вы.

нается — я радъ, очень радъ! Помогите!
вѣ прогнать меня — я я прогнать сь вѣ..

Дмитрій Петровичъ: — Счастлива, Юрій,
вась стариковъ — ты меня ублажаетъ.

Юрій: А вы вась мною сжалелись? Вы
попугали — мнѣ шагать!

Дмитрій Петровичъ: — О, ради Бога, пере-
стань!

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

(Идетъ въ комнату).

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

Юрій: — Князь, вась, вась, а нынче вась
будетъ мол.

Дмитрій Петровичъ: — Александръ! Але-
ксандръ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!.. Охъ!..

шемъ... Я буду вашею рабою, каждая минута моей жизни будетъ принадлежать вамъ... Только не упрекайте меня.

Ниязь:—Вотъ мило! вотъ хорошо! Нѣтъ, сударыня, отнынѣ дѣлаю все вамъ напротивъ: вы хотите обѣдать—я велю подавать завтракъ, хотите вѣшать—я сижу дома, хотите сидѣть дома—везу васъ на балъ... Я вамъ отплачу, вы узнаете, что значитъ кокетничать... съ петербургскими фравитками, имѣя такого мужа, какъ я! (Уходитъ).

Вѣра:—Богъ мнѣ раскрылась цѣлая жизнь страданій—но я рѣшилась терпѣть и буду терпѣть до конца! (Входитъ слуга).

Слуга:—Ниязь приказалъ вамъ доложить, ваше сіятельство, что позволте, дескать, одѣваться—возокъ закладываютъ.

Вѣра:—Слава, что я иду. (Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната у Дмитрія Петровича.—Дмитрія Петровича несутъ на носилкахъ. Александръ входитъ.

Дмитрій Петровичъ:—Такъ, такъ... останьтесь здѣсь, я хочу, чтобъ свѣтлый лучъ солнца озарилъ мои послѣднія минуты—въ той комнатѣ темно, страшно, какъ во гробѣ... здѣсь тепло—здѣсь можетъ быть снова жизнь проснется по мнѣ... Дѣти... Юрій... гдѣ вы... Ушли—никого.

Александръ:—Я возлѣ васъ, батюшка!

Дмитрій Петровичъ:—Другъ мой, я умираю—я замѣтилъ, какъ докторъ нынче началъ головой и убѣжалъ, не сказавъ ни слова. Ты говорилъ съ докторомъ?

Александръ:—Нѣтъ, батюшка.

Дмитрій Петровичъ:—Ты боялся спросить... Ты былъ всегда добрый сынъ; не правда ли, ты любилъ меня... Гдѣ Юрій?

Александръ:—Его здѣсь нѣтъ. (Уходитъ за Юріемъ по знаку Александра)

Дмитрій Петровичъ:—Ради неба, позови его—моего милого Юрія... Я умираю... хочу его благословить... Онъ, вѣрно, не знаетъ, что я такъ дурень; вѣрно, ты не сказалъ ему?

Александръ:—Я боялся его огорчить.

Дмитрій Петровичъ:—Такъ стало быть я въ самомъ дѣлѣ такъ близокъ къ смерти.

Александръ (отвернувшись):—Не знаю, батюшка.

Дмитрій Петровичъ:—О! ты жеманъ! когда ты будешь умирать, то узнаешь, какъ тяжело не встрѣчать угнетенія.

Александръ:—О, конечно, я тогда это узнаю!

Дмитрій Петровичъ:—Тебѣ не жаль меня—ты даже не просилъ моего благословенія. (Юрій входитъ въ комнату)

Александръ:—Батюшка, вотъ пришелъ братъ...

Юрій (подходятъ; про себя):—Боже мой! какъ онъ переѣхался со вчерашняго дня...

Александръ (Юрію):—Онъ умираетъ... и ты убилъ его...

Юрій (закрывъ лицо):—О! говорить это... и въ такую минуту!..

Дмитрій Петровичъ:—Юрій!

Юрій:—Я у вашихъ ногъ (столъ на колѣняхъ ложитъ него).

Дмитрій Петровичъ:—Я тебѣ прощаю—я благословляю отцовскимъ благословеніемъ.

Александръ (отходя къ окну):—А мнѣ простать нечего: надо мной не надо показывать милосердія... и потому я не благословенію!.. (Стоитъ у окна).

Юрій (встаетъ):—Батюшка, я передъ вами злодѣй—и не достоинъ...

Дмитрій Петровичъ:—Полно, полно! милость, ребячество—я это понимаю—но мнѣ было больно...

Федосей (за столомъ—Юрію):—Уговорите его, баринъ, лечь въ постель: ему такъ сидѣть трудно—посмотрите, лишается чувствъ, ослабѣваетъ.

Юрій:—Погода—надо дать успокоиться.

Дмитрій Петровичъ (слабо):—Я ничего не вижу—здѣсь ли ты, Юрій... Свѣтъ бѣжитъ отъ глазъ моихъ... Понимаете за священникомъ.

Юрій:—Онъ безъ чувствъ, руки холодны.

Федосей (Юрію):—Вотъ ужъ дней съ пять, сударь, какъ съ нимъ это часто бываетъ.

Юрій:—Боже, сколько мученій!.. Здѣсь умирающія одеждъ; тѣмъ.

Александръ (хватаетъ брата за руку и тащитъ къ окошку):—Посмотри... посмотри вотъ она выходитъ на крыльцо, даже сюда не смотритъ—блѣдна!.. Но что за диво—ночь, проведенная безъ сна!.. Садись... улыбаются мужу, а по лицу... смотри... почувствовалъ въ груди... вщупъ глаза твои... Юрій:—Все кончено.

Александръ:—Вотъ она... выражалъ ей слезы—и мысля, что вы никогда не увидите... Юрій:—Вотъ она... великая, чужая душа... страхъ—она знала... Юрій:—Вотъ она... умирающій отецъ.

Александръ:—Что мнѣ... лый миръ—я потерялъ... сиво погнѣло, послѣднее чувство... на что мнѣ жизнь... хочешь...

Юрій:—А, ты можешь! Такъ-ся тебя принужу (Хватаетъ за столъ саблю)

Александръ:—Что мнѣ... лый миръ—я потерялъ... сиво погнѣло, послѣднее чувство... на что мнѣ жизнь... хочешь...

Два брата

Юрій:—А, ты можешь! Такъ-ся тебя принужу (Хватаетъ за столъ саблю)

и хорошо сделать — вознаградит, что за
то, чего ты лишился. О, я тебе не скажу
лишь вещей, от которых я у тебя за-
хвачу сердце, и у тебя в душе родится
сомнение и невраждебность. Ты же! Ты же!
Ты думаешь, что когда язы пачкаются
17-летней девичьей, то она твоя невеста —
что она не может любить другого, вы-
давши себя такое совершенство, как ты...
.. я тебе скажу, шерб, и дворянство, и
что зная человека, для которого она была
мужем, чести, заботы, честь, даже самолюбие;
человек для которого она была готова
сдать жизнь, служить ему рабой; человека,
к которому ты тысячу раз должен бы был за-
глядывать в своих объятиях — если бы
ты заглянул в будущее...

Юрий: — Наконец ты должен мне спа-
сать, кто он? Я вырву у тебя из горла
это проклятое имя!

Дмитрий Петрович (слабо): — Федосей...
.. что они делают? Позови их, я хочу про-
говориться.

Федосей: — Отвратись, багряница, не смо-
те.

Юрий: — А ты молчишь! Так и себя при-
стать...

Дмитрий Петрович: — Дым, дым... убила
.. братья на брата —
..

Федосей: — Прощай! ..
..

Александр (слабо): ..
.. Ты же! Ты же!
.. Что если бы...

Юрий: ..
Александр: ..

Дмитрий: ..

Юрий: ..

Федосей: — Окончил

Юрий: — Не можешь...

Юрий: ..

ПИСЬМА.

5

[illegible][illegible][illegible][illegible]

Р S Не зная, что и как надо делать, к
и не посылать кь почту

1829

Милые мои, я пишу тебе, как всегда, с любовью и надеждой. Ты же, как всегда, будь счастлива и здорова. Я люблю тебя и жду, когда мы снова будем вместе. Твоя мама.

Помните ли, милая тетенька, мы с вами
ли, что наши актеры (московские) хуже по-
лучились. Как жалко, что мы не имеем
ни одного из них. Как жалко, что мы не имеем
ни одного из них. Как жалко, что мы не имеем
ни одного из них.

* А. С. Соловьевский - учитель русского языка.

urs, qui sont passés à la garde avec moi, l'ont délaissée. Enfin je suis passablement déçu, car je ne puis pas aller à l'impératrice, où, que ce soit au régiment, ou au diable, j'aurai au moins un prétexte pour me lamenter, ce qui est une consolation comme une autre.

Ce n'est pas très loin de votre part, que vous attendez toujours à m'écrire pour m'écarter, on dira, que vous êtes à l'armée; pour Alexis cela ne m'étonne pas, il va se marier un de ces jours, avec je ne sais plus quelle fille marchande, comme on le dit ici, et je conçois que je ne puis pas espérer d'avoir dans son cœur une place pareille à celle d'une grosse marchande en gros. Il m'avait promis de m'écrire deux ou trois lettres, mais de part de Moscou; mais peut-être n'a-t-il oublié mon adresse, aussi je lui en envoie deux.

1. В С.-Петербурге у Палестинского моста, на Фонтанке, против Албиного сада, в домъ Воеводина.

2. В Новгородскую губернию, в первый округ, в деревню... (text is partially illegible) ...

En arrivant ici j'ai trouvé... (text is partially illegible) ...

J'ai été chez Joukovsky et lui ai porté Tambovsky... (text is partially illegible) ...

Grand-maman espère, que je serai bientôt passé au hussards de Царское-Село, mais c'est parce qu'il... (text is partially illegible) ...

par lui dans mes papiers de... (text is partially illegible) ...

tes le aussi à mademoiselle Marie Lypov... (text is partially illegible) ...

25 кь С. А. Раевскому

1843 г.

Любимый друг Сашенька

Твое письмо... (text is partially illegible) ...

Я слышал, что ты... (text is partially illegible) ...

Роман, который мы... (text is partially illegible) ...

Если ты... (text is partially illegible) ...

Прощай, любимый друг... (text is partially illegible) ...

26 кь М. А. Лопухиной

(конец 1833 г. или начало 1839)

У а longtemps, chère et bonne amie, je ne vous ai écrit et que vous ne m'avez donné de nouvelles de votre chère personne et de tous les vôtres aussi.

Je longtemps

Je suis

que vos

puisque

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

vous savez que je vais... (text is partially illegible) ...

Je longtemps

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

vous savez que je vais... (text is partially illegible) ...

Je longtemps

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

1840.

29 кь М. А. Лопухиной

Je longtemps

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Je suis

Прощай, мой милый, будь здоровъ.
Твой Лермонтовъ.

Милая бабушка! Жду съ нестерпимѣмъ
писема отъ васъ съ какими-нибудь извѣ-
стіемъ. Я въ Москвѣ пробуду нѣсколько
дней, остаюсь у Розена. Алексѣй Ар-
кадьевичъ (Столыпинъ) здѣсь еще и ѣдетъ
послѣзавтра. Я здѣсь принять быль обще-
ствомъ, по обыкновенію, очень хорошо, и мнѣ
довольно весело. Быль вчера у Николая
Николаевича Апенкина и завтра у него обѣ-
далъ; онъ былъ со мною очень любезенъ.
Вотъ все, что я могу вамъ сказать про мою
здѣшнюю жизнь. Еще прибавлю, что я отъ
здѣшняго воздуха потолѣлъ въ два дня;
рѣшительно Петербургъ мнѣ вреденъ; мо-
жетъ-быть, также я поодороваъ оттого,
что всю дорогу пилъ горькую воду, кото-
рая мнѣ всегда очень полезна. Скажите,
пожалуйста, отъ меня Екимъ Иванъ Гирей,
что я ему напишу передъ отъѣздомъ от-
сюда и кое-что пришлю. Вѣроятно, Са-

[Старополь, изд 1881]

Милая бабушка. Я сейчас приѣхалъ только въ Ставрополь и пишу къ вамъ: ѣхать я съ Алексѣемъ Аркадьевичемъ, и ужасно долго ѣхать: дорога была прескверная. Теперь не знаю самъ еще, куда поѣду, кажется, прежде отправлюсь въ крѣпость Шуру, гдѣ полкъ, а оттуда постараюсь на воды Я. слава Богу, здоровъ и спокоенъ, лишь бы вы были такъ спокойны, какъ я: одного только и желаю: покаяньюта, оставитесь въ Петербургѣ: и для васъ, и для меня будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Скажите Екиму Шанъ-Гирею, что я ему не советую ѣхать въ Америку, какъ онъ располагалъ; а ужъ лучше сюда на Кавказъ: оно и ближе, и гораздо веселѣе. Я все надеюсь, милая бабушка, что мнѣ все-таки выйдеть прощенье, и я могу выйти въ отставку. Прощайте, милая бабушка; цѣлую ваши ручки и молю Бога, чтобы вы были здоровы и спокойны, и приму вашего благословенія — Остаюсь и пишу Н. И. Мамонтовъ.

Продаються слѣдующія изданія

[illegible]

ль рассмотрение, и уже не смее тебя упрекать. Мешеринцов, верно, прежде меня придет в Ставрополь, ибо я не памятен очень таропитесь, так, из прода-

мени-кина свадьба уже была, и потому про-шу вас ее поздравить от меня, а Лео-нидин (?) скажите от меня, что я ее цылу и желаю исправиться и быть как можно осторожн-вообще. Прощай.

Волы. А. Новая легкая французская обу-ка. п. 30 к.
Его же. Иванъ Сулавия, ч. 10к.
Волы. Историк Карла XII, короля Шве-ции, ч. 25 к.
Вульфсонъ В. Какъ жить Сарту, съ рис., ч. 30 к.

Его же. Засты, ихъ жаны и праны, ч. 16 к.
Его же. Перлы въ ихъ прошлымъ и настоя-щимъ, ч. 25 к.

Его же. Черногория и черпогория, ч. 60 к.
Его же. Востокъ и Герцеговина, ч. 60 к.

Гамель А. Практический курсъ немецкаго яз. Ч. I. II. III. IV. п. 60 к. Ч. II. п. 60 к. Ч. III. п. 60 к. Ч. IV. п. 60 к.

Его же. Крат. грам. грамматика, ч. 50 к.
Гатунъ В. Сказки Кавказа. (Мечужное эжерелье). Сказки: Татарскія, Армянскія, Герко-Еврейскія, Осетинскія, Чеченскія, Имеретинскія, Грузинскія, Дагестанскія, Мин-Грольскія, Кабардинскія и др. 10 вып. съ рис., по 25 к. вып.

Гауфъ В. Избр. сказки. ч. 25 к.
Томе. Съ портр. и бюст. автора, парев. съ портр. нм. над., съ рис. Спаского, въ колени. пер. 2 р. 50 к.

Гонель, Е. Новая Франция, ч. 1 р. 25 к.
Готъ. Германъ и Доротея, ч. 25 к.

Ключъ къ учебн. франц. яз. Гиндсбрана, ч. I. п. 30 к., ч. II. п. 40 к.

Ключъ къ учебн. нем. яз. Глазера и По-селяда, ч. I. п. 30 к., ч. II. п. 20 к., ч. III. п. 40 к.

Гоголь М. В. Полное собрание сочиненій въ 12 томахъ больш. формата. Съ 240 рисун. К. Врожа, М. Михайлова и др. и фотограф. снимк. съ артиста Андреева-Вурлака, исполн. Записки сумасшедшаго. Съ биогр. и фот. со-ставомъ П. В. Омировскимъ, ч. 1 р. 50 к., въ перелетъ съ тиснен. золотомъ 2 р. 25 к.

Иллюстрированная библиотечка Гоголя.

Издание А. С. Панафидиной.

Отдельными книжками:

Колеска. Повѣсть; съ рис., ч. 5 к.

Вечеръ накануне Ивана Купала. Повѣсть съ рис., ч. 6 к.

Вид. Повѣсть; съ рис., ч. 8 к.

Майская ночь или утешеніе. Повѣсть съ рис., ч. 7 к.

Сорочинская ярмарка. Повѣсть; съ рис., ч. 6 к.

Ночь. Повѣсть; съ рис., ч. 6 к.

Страшная месть. Повѣсть; съ рис., ч. 8 к.

Тарасъ Бульба. Повѣсть; съ рис., ч. 18 к.

Иванъ Федоровичъ Шпонька, ч. 10 к.

Повѣсть о томъ, какъ поспорили Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ; съ рис., ч. 15 к.

Преправная грамота. Повѣсть; съ рис., ч. 5 к.

Ночь передъ Рождествомъ. Повѣсть; съ рис., ч. 10 к.

Живитьба. Комедія; съ рис., ч. 5 к.

Шивель. Повѣсть; съ рис., ч. 8 к.

Заклятое мѣсто. Повѣсть; съ рис., ч. 5 к.

Развѣзоръ. Комедія; съ рис., ч. 20 к.

Старосветскіе помѣщики. Повѣсть; съ рис., ч. 6 к.

Портреты. Повѣсть; съ рис., ч. 5 к.

Мертвыя души. Т. I-II. съ рис., ч. 50 к.

Т. II-IV, съ рис., ч. 50 к.

Записки сумасшедшаго; съ рис., ч. 30 к.

Римъ. Съ рис., ч. 5 к.

Игроки. Съ рис., ч. 5 к.

Размышленіе о божественной литургіи. ч. 5 к.

Невскій проспектъ. Повѣсть, ч. 5 к.

М. Н. Пр. отъ 16 февраля 1901 года, за № 5918 допущены въ учебныя библиотечки

выпущены изъ библиотечки.

Гонель. Избр. сказки. ч. 30 к.

Его же. Письма 3-я, ч. 30 к.

Его же. Письма 4-я, ч. 30 к.

Гонель. Одиссея. Письма 1-я, ч. 30 к.

Его же. Письма 2-я, ч. 30 к.

Его же. Письма 5-я, ч. 30 к.

Его же. Письма 6-я, ч. 30 к.

Горбуновъ П. Программы и учебныя планы мужск. гимн. и прогимн., съ объяснит. записками Мнв. Нар. Просв., ч. 40 к.

Его же. Программы и правила реальн. учил., съ объясн. зап. М. Н. Пр., ч. 50 к.

Его же. Программы и уставъ городск. учил., по Положенію 31 мая 1872 года, съ объяснит. записками къ преподаванію, допущеннымъ и разл. министерства, ч. 40 к.

Ключъ къ учеб. фр. яз. Демин-Нарасионъ, ч. 60 к.

Демисонъ, Н. Русскія народныя сказки для младшаго возраста; 5 вып. съ иллюстр., ч. 50 к., на вып., въ пачкѣ по 65 к., въ коленикор. перел. по 1 р.

Демисонъ, Н. Критическая литература о притвѣ. М. Е. Салтыкова-Щедрина, съ портр. и биогр. очеркомъ. Вып. I (1858—1863), вып. II (1864—1873), вып. III (1874—1881), вып. IV (1882—1889), вып. V (1890—1899), ч. 1 вып. по 1 руб.

Его же. Критическая литература о произвѣ. А. Н. Островскаго.

Вып. I (1882—1889), ч. 1 р. — коп.

II (1890—1897) — 1 — 25 к.

III (1898—1873) — 1 — 50 к.

IV (1874—1892) — 1 — 50 к.

Его же. Критическая литература о произвѣ. А. К. Толстого, съ портретами и биогр. очеркомъ, вып. I и II, по 1 руб.

Его же. Критическая литература о произвѣ. Н. Г. Чернышевскаго. Съ портретами, биогр. очеркомъ и примѣч. Вып. I. Статьи Д. Н. Писарева, М. Притополова, Ел. Селезневъ, Г. Пеханова, Е. Зедельсона, Ив. Иванова, Иванова-Разумника, А. Стабиченскаго, А. Фомина, Н. Русавина, проф. А. Скворцова и др., ч. 1 р. 25 коп.

Его же. Гр. Алексѣй Толстой; его время, жизнь и сочиненія, ч. 30 к.

Его же. Н. Г. Чернышевскій, его время, жизнь и сочиненія, съ портретами и двумя снимк.: 1) Визитная карточка и 2) Чернышевскій на смертномъ одрѣ, ч. 50 к.

Его же. Начала политической экономіи съ замѣч. по исторіи полит. экономіи Д. Ст. Милля, К. Маркса, проф. А. Н. Чупрова и А. А. Исаева, ч. 1 р. 80 к. въ пер.

Дюфо, Давидъ. Робинзонъ Крузо; съ 190 рис. въ текстѣ, ч. въ пачкѣ 1 р. 75 к., въ перелетѣ 2 р. 25 к., М. Н. Пр. отъ 18 дек. 1903 г., за № 59145, допущено въ учил., средн. школ., библиотекъ сред. учил. завед. и город. учил. п. въ безпл. нар. чит. и библиотекѣ.

Дюфрениъ В. Руководство къ изученію математ. игры для начинающихъ, ч. 50 к.

Ельцовъ Е. Записки по анатоміи чело-вѣка; ч. 10 к.

М. Н. Пр. отъ 24 сентября 1902 г. № 70940 допущено въ качествѣ учебнаго пособия, къ употребленію въ город. и 2-класс. сел. учил.

Жуковский В. А. Сочиненія, полное собраніе въ одномъ томѣ, подъ редакціей П. В. Смирновскаго, съ рис. въ текстѣ А. Чистова, съ факсимиле В. А. Жуковского, съ портретами и биогр. очеркомъ, сост. А. Фомы-Детмаръ и др., ч. 1 р. 20 к., въ пер. ч. 2 р. 25 к.

UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

3 0020 09925454 4

UNIVERSITY OF OTAGO LIBRARY